

ТЮМЕНСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

В. И. БАКШТАНОВСКИЙ, Ю. В. СОГОМОНОВ

**ВВЕДЕНИЕ
В ТЕОРИЮ УПРАВЛЕНИЯ
НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск - 1986

Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью.

- Томск: Изд-во Том. у-та, 1986. - 466 с. - 3 р. 70. коп.

500 экз. 0302050000.

Монография посвящена характеристике становящейся отрасли знания - прикладной этике как теории управления нравственно - воспитательной деятельностью. Авторы поставили задачу показать процесс создания, пути и результаты использования непосредственно-практического потенциала этической науки в управлении нравственной жизнью современного социалистического общества в соответствии с актуальными задачами идейно-воспитательной работы. Этико-философский, этико-социологический и этико-прикладной уровни анализа социально-воспитательной проблематики позволяют всесторонне рассмотреть ее в рамках марксистско-ленинского общества - знания.

Редакторы: В. В. ПЕТРОВ, В. А. ЧУРИЛОВ.

Рецензент - Ф. Н. Щ Е Р Б А К.

0302050000

177(012)86 ⁴⁻⁸⁶

Издательство Томского университета, 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современную эпоху социализм, гуманизм, с одной стороны, динамизм и новаторство - с другой, в полной мере проявили свою историей подготовленную, объективную органическую неразрывность. Это - не только итог предшествующего развития, но и процесс: наше общество продолжает восходить к новым уровням этого единства. Путь к нему лежит через интенсивное производство новых идей, новых организационных форм и управленческих решений. Все это в полной мере относится к сфере коммунистического воспитания, к процессу формирования нового человека, всестороннего гармонического развития личности.

Ключевая роль в решении этих принципиально новых задач принадлежит научной политике КПСС в сфере воспитания. Она требует, во-первых, развертывания фундаментальных исследований социальных закономерностей и тенденций развития в сфере воспитательной деятельности, а во-вторых, — доведения результатов этих исследований до прикладного уровня и методик внедрения в живую практику идейно-нравственного воспитания масс. Речь идет о научном управлении этой многоуровневой сферой жизни общества, о совершенствовании технологии такого управления. Для советских обществоведов такие требования — четко сформулированный социальный заказ.

Разработать «Введение в теорию» можно в двух вариантах. Созданием популярных изложений уже принятых теорий, во-первых. Представлением читателю начальных стадий формирования теории, когда она еще только конституируется, когда идет энергичный поиск и апробация методов (посредством ли заимствования или созданием новых), осознается специфика как теоретизирования, так и внедрения полученных исследовательских результатов, во-вторых. В таком варианте разработать «Введение» - значит зафиксировать «Начало» теории.

Избрав данный вариант, следует, прежде всего, представить общую панораму проблем и подходов к их решению, исходя из самоценности самой постановки вопросов и их систематизации (в ряде случаев дает о себе знать превосходство вопросов над решениями), рассчитывая сформировать исследовательскую программу совершенствования теории управления нравственно-воспитательной деятельностью.

Панорама проблем оказалась весьма обширной. Разработать ее во всех аспектах в одном исследовании невозможно. Пришлось поэтому остановиться на следующих основных вопросах: ситуационный анализ современного состояния нравственной жизни и нравственно-воспитательной деятельности; характеристика социально-управленческого взаимодействия этики, морали и воспитания; выявление путей и средств приложения этических знаний к системе управления нравственно-воспитательной деятельностью.

Мы опирались на результаты исследований, проведенных по комплексной программе «Нефть и газ Западной Сибири» Росминвуза, координируемых лабораторией прикладной этики ТюмИИ (в рамках этой программы сотрудничали коллективы кафедры этики МГУ, кафедры этики и эстетики ЛГУ, кафедра научного коммунизма Владимирского политехнического института, кафедра педагогики и психологии ТюмГУ, кафедры общественных наук ТюмИИ и др.). Особо значим для нас опыт совместной работы исследователей и организаторов воспитательной деятельности в трудовых коллективах Тюменского нефте-

газового комплекса, который получил положительную оценку в центральной партийной прессе и научных журналах (газеты «Правда», «Социалистическая индустрия», журналы «Вопросы философии», «Философские науки», серия брошюр «Этика» и др.). Мы глубоко признательны всем тем исследователям и практическим работникам, с которыми сотрудничали в процессе создания монографии.

Раздел 1

Вводная глава

ЭТИКА КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ

Этику уже в античные времена стали именовать "практической философией". Однако и до сего дня не стихают дискуссии о том, как следует понимать это выражение, о самой возможности и даже допустимости для этики играть такую роль, не говоря уже о конкретных формах и способах исполнения этой роли. Столкновения различных исследовательских подходов отражают как реальные противоречия исторического развития нравственности, так и соответствующие им этапы развития этического познания, а сам факт продолжения научной полемики и в наши дни свидетельствует о непреходящей актуальности темы. Более того, избранная для характеристики результатов теоретических исканий, вынесенная в название вводной главы квалификация ситуации как проблемной призвана активизировать внимание к несоответствию, с одной стороны, между предъявляемым к этической теории «социальным заказом» практики современной нравственной жизни, нравственно-воспитательной деятельности, с другой - уровнем готовности этического знания удовлетворять настоящие (в известном смысле и "вечные") потребности в «практической философии», готовности, прежде всего, развивать новые способы, средства и формы связи с практикой, «отвечать» на потребность в такого рода практичности этического знания, которая необходима для научного обеспечения управленческого воздействия на нравственную жизнь развитого социалистического общества, на воспитательную деятельность по формированию нового человека.

Как же реагировать на «вызовы» проблемной ситуации в непростых взаимоотношениях этической теории и практики? Вправе ли мы истолковывать предъявляемые практикой требования как покушение на традиционные границы притязания этики, как стимулирующее размывание предмета ее исследований до «этики без берегов», и поэтому этика обязана отреагировать науковедческим ригоризмом, выдвиганием жесткой панорамы предмета этики как науки сугубо философской, делегирующей все новые «заказы» иным дисциплинам, под каким-то специальным углом изучающим мораль и воспитание? Вправе ли мы, осознав необходимость отказа этики от своеобразного изоляционизма, избрать стратегию настолько «гибкого» реагирования, что этика окажется как бы изъятой из философского знания? Но можно, избегая соблазнов экстремизма любого вида, ответить на современную ситуацию нравственной жизни и воспитания трезвым анализом ее тенденций и, доведя принцип историзма в исследовании морали до адекватного ему метода анализа ситуации в самой этике, реалистическим расширением панорамы этических поисков, организацией - вокруг философского ядра - современной этики в систему знаний о морали и воспитании. В этом смысле теория управления нравственно-воспитательной деятельностью в ее отношении к этике может быть охарактеризована как своеобразный полигон, на котором «экспериментально» испытывается верность направлению развития этики, апробируются современные средства этического познания. Проблематика управления нравственно-воспитательной деятельностью концентрирует самопознание этической теории, кристаллизирует и выяв-

ляет в конечном счете панораму «введения в этику» как «практическую философию».

В чем же проявляется проблемность сложившейся в отношениях этики и практики ситуации, характеризующей статус этики как «практической философии», и в чем проблемность *внутринаучной* этической ситуации? Какие грани взаимосвязи этической теории и моральной практики находятся в наиболее конфликтном состоянии: а) вся ли система этики со всей моральной системой? б) «вечное» ли противоречие между абстрактностью философского теоретизирования и конкретностью запросов практики? в) возможно, мировоззренческий характер этической мудрости и «технологические» потребности управленческого подхода? г) или же традиционная методология этического познания и инновационные тенденции современного воспитательного процесса?

Вопросы можно было бы ставить и дальше, но стержнем всего этого цикла вопрошания является проблема воспитательного потенциала каждого из «ликов» этики как "практической философии", в которых она выступала в прошлом и проявляется в наши дни. Не просто соотношение теоретической и практической функций, как нередко пишут об этом, но и испытание этих функций па способность решать проблемы нравственно-воспитательной деятельности и, таким образом, «испытанно воспитанием» - здесь самое напряженное звено проблемной ситуации в развитии современной этики.

Прежде всего, обратим внимание на «очевидные» признаки этой проблемной ситуации, на внутреннюю противоречивость самих характеристик этики - «практическая философия», «воспитательный потенциал». Разве не философское знание дальше всякого иного отстояло от практики, от любых суетных забот и насущных тревог? Ведь философия, кажется, как раз и возникает в качестве «знания ради знания», предельно дистанцированного от злободневных запросов практики¹. Но, возможно, именно этика была той отраслью философского знания, которой предназначалось обслуживать житейские проблемы, и она, таким образом, выступала в роли соединительного мостика между витающей в облаках теорией и грешной землей?!

В свою очередь, «воспитательный потенциал» - тоже весьма противоречивая характеристика в отношении этического знания. Как известно, основным претендентом на «креацию» теории нравственного воспитания выступала и выступает педагогическая наука (отчасти в числе претендентов оказываются научный коммунизм и социальная психология). Не вдаваясь здесь в рассмотрение вопроса относительно обоснованности и реализованности претензии, заметим лишь, что этике эта претензия и вовсе была чужда: рассматривая себя как философскую науку, она, даже не отрекаясь от наименования «практической философии», не была чужда нескрываемой фанаберии в отношении к такого рода разновидности духовно-практической деятельности человека, как воспитание. Этика истолковывала его, во-первых, чрезвычайно узко, как сферу, где действуют жесткие возрастные ограничения, где достаточно только рационализировать методы практической педагогики и потому нужно лишь эпизодически прибегать к теоретизированию, где незрелость управленческих позиций не должна вызывать особого беспокойства ввиду ее необязательности и т. д. Во-вторых, этика высказывала и продолжает интенсивно высказывать стремление опекать педагогику, во всяком случае в той мере, в какой та занимается именно теоретизированием по поводу нравственного воспитания. Речь при этом шла, разумеется, только об одной стороне воспитательной деятельности: этика возлагала на себя «почетное бремя» по обоснованию нравственных

идеалов (в качестве фундаментальной предпосылки всего целевого сектора воспитательных программ), могла она решиться и на руководство процессом совершенствования культуры воспитательного воздействия, но не более. Именно при анализе воспитательного потенциала возникает наиболее экстремальная ситуация для теории, соглашающейся с квалификацией самой себя как «практической философии» - даже если речь шла просто о связи этики и морали, а проблема воспитания при этом выносилась за рамки исследования или же дискуссии.

Цели, каналы, формы, виды «практичности» этики, методы и средства реализации практической функции - в решении этих вопросов этическое самопознание обнаруживает брешь проблемной ситуации, заключающейся в ограниченности возможностей традиционной постановки этих вопросов, в необходимости инноваций в самом статусе этического знания, в развитии его системы. Каковы основания, убагаживающие традиционные «лики» этики как «практической философии» и сегодня? Каков тот интервал, в пределах которого эффективно как разграничение традиции этического познания и его инноваций, так и их взаимодополняемость и преемственность? Поиск ответов требует ситуационного анализа логики развития этической мысли на ее исторических этапах и в современных тенденциях.

История этики обнаруживает, с одной стороны, множество подходов и решений, а с другой - очевидную недостаточность специализированного изучения вопроса об исторических этапах функционирования этики как «практической философии». Мы поэтому вынуждены ограничиться лишь эскизным описанием выявленных в истории этики результатов.

Намечая основные грани исследовательской панорамы, выделим основные смысловые варианты выражения «этика - практическая философия». Здесь в одном ряду - при всей разности оснований - находятся представления об этике как «поведенческом венце» философской системы, как о наставнице морали, как о философствовании «практического разума» и приложении к жизни «теоретического разума», как об этике здравого смысла, об антисхоластической концепции морали, о знании конкретно-теоретического уровня и т. д. Следует, наконец, учесть, что выражение «практическая философия» может и не иметь прямого отношения к этике². Разумеется, историческая конкретизация составляющих этого ряда обнаружит прямую или косвенную зависимость того или другого представления от научной ситуации, характера философского направления, конкретных решений вопросов о специфике философского знания, о том, что такое практика, о природе морали и т.д. Естественно, что эта зависимость может серьезно переакцентировать самое квалификацию этики как «практической философии»: если, например, мораль определяется через автономную волю, то и практичность этического знания принимает соответствующий смысл, как и, например, трактовка этики как «философии практики» (П. Л. Лавров) связана с размытым представлением о границах морали, с отождествлением морали и образа жизни человека.

Однако с точки зрения целей нашего исследования важно выявить такой инвариант, который интегрировал бы этические искания прошлого и современности под углом зрения воздействия этики на свой предмет, воздействия преобразующего и, в меру исторической возможности, целенаправленно внедряющегося по каналу нравственного воспитания. В этом случае характеристика проблемная будет относиться к ситуации в этическом познании не только и не столько через оппозицию линий этической мысли, признающих или отверга-

ющих для этики роль «практической философии»³, сколько к внутреннему состоянию самой первой линии (хотя, разумеется, вовсе без сравнительной характеристики обеих линий нам не обойтись).

Выделим в исторической традиции три узловых пункта развития представлений об этике как «практической философии». Возникнув в античной науке в условиях слитности философии и этики, «практическая философия» решала задачу философского знания быть практическим нравоучением, основанием нравственных исканий, поведенческих программ, наставницей в выборе образа жизни, линии поведения и даже конкретных поступков. Закрепленное в процессе конституирования этики в относительно самостоятельную отрасль знания, «размещенную» Аристотелем⁴ между умозрительными науками (философия, математика) и творческими (искусства, ремесла, прикладные науки), значение термина «практическая философия» в неявном, свернутом виде уже содержало в себе основные варианты и этапы развития первой линии. И действительно, отнеся этику к группе «практических» наук (наряду с политикой), Аристотель, на наш взгляд, дал возможность увидеть в «практичности» этики диалектику «технэ» и «софос», особую их интеграцию - «фронезис», «этическое умение». Более того, можно предположить, что в аристотелевском различении знаний на «мудрые» и «полезные» угадано, если посмотреть с современной науковедческой позиции, не только различие между фундаментальным и прикладным знанием вообще⁵, но и подобное структурирование самой этической теории.

Неоднозначной, однако, оказалась историческая судьба такого представления о практичности этики, ибо в одних доктринах практическая функция теории трактовалась в ущерб специфике философского знания, а в других - в ущерб специфике самой практичности, соответственно доводились до антагонизма - или до столь же метафизического отождествления - «составляющие» характеристики этики как «практической философии». Не будем здесь рассматривать те концепции истории этики или современной буржуазной этической мысли, в которых значение науки, призванной помочь человеку решать его насущные моральные проблемы, связанные с основаниями нравственной жизни, общими контурами морального действия и саморазвития, с постижением нравственной необходимости, или же возникающие перед индивидом, оказавшимся в нестандартной ситуации морального выбора, принципиально отвергалось - вспомним, например, позицию А. Шопенгауэра⁶ или английского интуитивиста Ч. Брода, полагающего, что мы не больше научимся поступать нравственно, обращаясь к этическим теориям, чем можем научиться игре в гольф, занимаясь вычислением траектории полета мяча. Остановимся на том значении, которое вкладывал в характеристику этики как «практической философии» И. Кант.

И в термин «философия», выделяя философию теоретическую и практическую, и в термин «практическое» Кант вкладывает особый смысл, прямо противопоставляя «морально практическое» «технически практическому». Как в вопросе о соотношении условных и категорических императивов, так и в отношении к «практической философии» Кант отдал в своих антиутилитаристских устремлениях предпочтение крайности гиперморальности. В «Метафизике нравственности» он подчеркивает, что «под практической частью философии (рядом с ее теоретической частью) следует понимать не технически практическое, а только морально практическое учение»⁷. В "Критике способности суждения" Кант, считая возможным и необходимым деление философии на две

части (теоретическую и практическую), сразу предупреждает, что «до сих пор... сильно злоупотребляли этими выражениями, ...поскольку практическое согласно понятию природы считали тождественным с практическим согласно понятию свободы и, таким образом, под одними и теми же названиями практической и теоретической философии производили деление, с помощью которого (так как обе части могли иметь одни и те же принципы) ничего не делилось»⁸

Очевидно, и на постановку, и на решение вопроса о статусе и функциях этики как «практической философии», о модификациях ее роли в различных каналах и средствах связи с практикой в значительной мере влияет развиваемое в той или иной концепции представление о практичности человеческой деятельности. И у Канта, и у утилитаристов представление о соотношении нравственного и социально целесообразного теснейшим образом обусловлено исповедуемой ими концепцией природы морали и, соответственно, природы этического знания в его отношении к морали. Отсюда метафизичность альтернатив современной буржуазной этики, где «мораль без этики» в концепциях «иррационалистической практической философии» типа экзистенциалистской теории⁹ имеет своей противоположностью «этику без морали», концепции, в которых задача получения «конечного продукта» теоретизирования отодвигалась все дальше и дальше, «до тех пор, пока философ морали не потерял из виду общественные функции этики вообще»¹⁰.

Принципиально важным представляется осознание урока истории этики - важным для современных дискуссий о практическом потенциале этики, для полемики даже в рамках общности представлений о природе морали, - убеждающего, что любое метафизическое решение проблемы соотношения этики с практикой - будь то «чисто» практическая или столь же «чисто» теоретическая этика - приводит к тому непреложному результату, что «в обоих случаях этика перестает быть *теорией морали*»¹¹, утрачивая функцию либо теоретичности, либо практичности. В свою очередь, эти варианты и этапы развития представлений о связи этики и морали демонстрируют противоречивое отношение социальных обстоятельств «предыстории» человечества к возможностям этики стать «практической философией». Тесная зависимость потенциала и притязаний теории от потребностей практики, отражения в исследовательских целях уровня развития самой практики является специфической особенностью социального познания в целом. Она характерна и для отношений логики развития этической теории и состояния предмета ее отражения. В этом специфическом обстоятельстве можно попытаться найти объяснение того факта, что, даже считая себя «практической философией», этика на очень длительном отрезке своего исторического развития обнаруживает неразвитость или полное отсутствие стремлений к «конечному продукту» теоретических исследований, что и придавало статусу этики как «практической философии» ограниченный смысл.

В досоциалистических формациях практические цели и регуляция деятельности по их реализации не нуждались (или же нуждались в слабой степени) в руководстве со стороны теории, поскольку была ограничена сама практика, а теория - по причине собственной неразвитости - еще мало чем могла помочь практической деятельности. Вследствие этого долгое время над этическим *мышлением и довлела самооценка* как знания исключительно философского ранга, которое каким-то чудесным образом преобразовывается в практическую моральность живых людей. С научной точки зрения все домарксистские этические теории обычно, по гегелевскому выражению, «приходили слишком поздно». Они лишь регистрировали те или иные, желательные или

нежелательные, изменения в практических отношениях и сознании. Но они одновременно «приходили и слишком рано» в том смысле, что реальным их содержанием были теоретические разработки, рационализации спонтанно складывающихся представлений массового практического морального сознания, с которым они не в силах были размежеваться, поскольку оставались лишь разновидностью ненаучной теоретической идеологии.

Качественные особенности социальной практики в коммунистической формации (плановость, демократизм, научное управление обществом и др.) обуславливают принципиальное отличие практической роли научной этики марксизма-ленинизма в условиях социализма, позволяют не только преодолеть присущий обществу отчуждения антагонизм теоретического познания мира и его морального освоения, рассогласованность воспитательных программ и реальных нравственных отношений, но и развить наряду с традиционными новые формы этики как «практической философии» - сформировать собственно прикладную структуру знания, позволяющую обеспечить непосредственное воздействие этики (в комплексе с другими отраслями прикладного обществознания) на управление нравственными процессами и воспитанием.

Для чего и каким образом формируются эти новые средства, в чем их связь и в чем отличие от «старых», традиционных форм, каналов связи этики с практикой нравственной жизни и воспитания, какова *мера инновационности* практического потенциала этих средств? Удастся ли с помощью новых структур этического знания, сориентированных на усиление практического потенциала этики, удовлетворить современные «социальные заказы» и, таким образом, разрешить проблемную ситуацию в исполнении этикой роли «практической философии»?

Последовательно отвечая на эти вопросы, в отличие от концепций, противопоставляющих «чисто» теоретический и «чисто» практический аспекты отношения этики к морали, марксистская этика выделяет свой предмет в единстве функций описания, объяснения и практически-преобразующего воздействия на нравственную жизнь. Если кантовская и посткантовская традиции отношения к этике как к «практической философии» фактически противопоставляли эту функцию *собственно философской* роли этики, то этики-марксисты, развивая принцип историзма в понимании детерминации этической мысли и моральной практики, смогли разрешить вопрос о сущем и должном во взаимоотношениях этики со своим предметом. В работах методологических¹², теоретических¹³, историко-этических¹⁴ в учебных программах и учебных пособиях¹⁵ развивается и отстаивается представление о специфичности связи этики со своим предметом, специфичности, «предопределяющей» исполнение теорией морали функции «практической философии». Практичность - атрибутивное свойство марксистско-ленинской этики, формирующееся как отражение специфического характера ее взаимоотношений с моралью.

Независимо от того, какую конкретную позицию занимает исследователь в дискуссии о статусе теоретизирования в этике - разделяет ли он представление об этике как науке сугубо философской, или как о науке маргинальной, то есть корнями своими уходящей в философию (вариант: располагающей философским ядром), а ветвями - в частнонаучные структуры знания, или как уже окончательно отпочковавшейся от философии и приобретшей статус частной науки, - связь этики со своим предметом выражается в таком их специфическом взаимодействии, которое выступает как взаимодополнение, возможно - сращивание в единую систему. В этом процессе этика не просто отражает мо-

раль, но и является ее своеобразным продолжением, высшим уровнем, мировоззренческим ярусом и, в свою очередь, воплощается - например, через нормативную свою структуру - в системе норм практической морали.

Систематизируя высказанные в нашей литературе соображения по этому вопросу, отметим, что мораль регулирует и ориентирует деятельность человека не простым повелением, но повелением, содержащим обоснование, «оправдание». Без последнего нельзя обеспечить предписание и оценку истолкованием с точки зрения их «духа», а не «буквы», вне такого истолкования резко суживаются возможности личности управлять своим поведением, устанавливать лейтмотивы моральной приверженности. Иначе говоря, мораль способна выполнять и некоторые функции этики. Характеризуя данное обстоятельство, О. Г. Дробницкий подчеркивал, что «моральное сознание имеет свои собственные представления о том, что оно есть»¹⁶. Верхний, мировоззренческий ярус морального сознания с помощью рефлексии выступает в этом случае в качестве «практической этики». Исследователи обращают особое внимание на отличие повседневной, условной морали от морали сознательно-рефлексивной, понятия которой опираются уже не на авторитет, а на рациональные размышления¹⁷, подчеркивают наличие двух форм взаимодействия морального сознания и этического мышления - «философско-этическую мудрость» как результат рефлексивно-мировоззренческих исканий человека и собственно этическое знание как продукт научного исследования¹⁸. Здесь, разумеется, подразумевается не параллелизм морали и этики, а их «встречное движение», хотя, представляется, акцент более сильный делается на восхождение от морали к этике: ощутившая ограниченность своих познавательных возможностей и обратившаяся, говоря словами Канта, к философии за помощью, мораль и оказывается «неразвившейся» «практической философией» - скорее в метафорическом смысле этой характеристики-оценки.

Указанный выше акцент весьма распространен в литературе, посвященной нормативной структуре этического знания. Между тем важно не потерять ту грань, за которой этика и мораль, составляющие в целом единую систему (о характере этой системы будет сказано во втором разделе книги), все же различны. И если в одних исследовательских целях целесообразно акцентировать отсутствие «неодолимой преграды между нормативной этикой и моральной жизнью»¹⁹, а в других целях акцентировать то обстоятельство, что «этика как наука не может подменить свой предмет, т. е. мораль в ее специфических социально-личностных функциях»²⁰, то необходимо все же подчеркнуть принципиально важную для трактовки этики как «практической философии» позицию активности этики во «встречном движении» теории и практики. Имея конкретно-исторические детерминанты, взаимодействие этики и морали зависит, конечно, от возможностей и потребностей прежде всего самой практики, но для марксистской этической теории важную роль играет и готовность самой этики не просто «следовать» за нравственной жизнью (и потому рисковать «приходить слишком поздно»), а выступать опережающим отражением, следствием, переходящим в причину, и в этом смысле быть «возмутителем спокойствия»²¹. В такой роли этика опирается на результаты анализа ситуации нравственной жизни, на выявленные в его процессе ростки нового, опирается и на собственные инновационные тенденции, развивая, по мере необходимости, наиболее важные структуры и этажи своей системы.

В этом, как нам представляется, предел для аналогий между исторической традицией этики в роли «практической философии» и ее современными

«ликами»: здесь принципиальное отличие задач этики марксизма от предшествующих этических учений. В этом - основание для такого представления о системе взаимодействия научной этики и социалистической морали в рамках целостного ансамбля, когда, благодаря ситуационному анализу тенденций в практике и в собственно этическом знании необходимо не только выявлять объекты для реализации практической функции этики и не просто реагировать на течение нравственной жизни в формах нормативного знания, но и целенаправленно проектировать нравственную и воспитательную деятельность, развивая и создавая в этической теории потенциал, способный удовлетворить потребности стратегии и тактики управленческих программ, научной политики в сфере нравственно-воспитательной деятельности.

Здесь мы почти вплотную подошли к характеристике современной ситуации в этическом знании, к тем ее элементам, которые дают основание говорить о проблемности этой ситуации. Каков широко распространенный и в этом смысле традиционный ход рассуждений современных исследователей о связи этики и морали с точки зрения практической теории? Моральное сознание обнаруживает тягу к этике, а этика, в свою очередь, - к моральному сознанию. Именно в точках взаимного пересечения их влияние друг на друга оказывается наиболее полным и эффективным, ибо моральное сознание отражается и выражается в этической теории в той мере, в какой сама эта теория ощущает потребность в практическом воплощении; и, с другой стороны, способность этики воздействовать на моральное сознание зависит от того, насколько сама мораль стремится к теоретизированию. Выделяются в этом случае три точки такого пересечения: этика помогает моральному сознанию в выработке наиболее общих понятий (пример - возникновение самого понятия морали); ориентирует его при выборе ценностей, их субординации и координации; помогает обосновать нравственное требование²².

Наиболее очевидная в этой ситуации форма практичности этической теории обуславливается большой мерой совпадения ее нормативного содержания со своим предметом, поэтому и наиболее распространенное представление о потенциале этики как «практической философии» традиционно связывается с нормативной структурой этического знания. Общепринятым в литературе является подход, согласно которому научная этика марксизма: а) описывает качественные границы нравственности, б) теоретически воспроизводит и объясняет нравственность, в) отливается в нормативно-ценностные рекомендации. Этика в этом случае рассматривается в целом как нормативная теория: она и наука о морали, и, отчасти, достояние самой морали; она стремится дать критический, партийно-пристрастный анализ нравов, обосновывает нравственный идеал, предпочтение тех или иных норм и оценок, она стремится говорить на межличностном и внутриличностном «языке» морального сознания, причем не в ущерб теоретичности ради задач нормативности, а благодаря преодолению крайностей нормативизма и сциентизма²³.

Именно поэтому в нашей литературе самым распространенным ответом на вопрос о том, как этика воздействовала в прошлом и продолжает ныне воздействовать на моральную практику, является указание на нормативность характера этического знания, на нормативный элемент структуры этики, который по линии этического просвещения и нравственного воспитания «выходит» на индивидуальное и массовое моральное сознание. Представляется, однако, что этот ответ содержит аргументы необходимые, но не достаточные, ибо, во-первых, важно еще выяснить, единственная ли эта форма практичности этики

и, во-вторых, насколько практичным является тот путь, по которому нормативная этика «входит» в практику морали.

«Задача нормативной этики, - подчеркивает В. П. Кобляков, - не изучение морали как социального явления, а организация морального сознания людей в "нормативную систему" на основе этического знания о морали...»²⁴. Можно привести целый ряд аналогичных характеристик, инвариантом которых является указание на воспитательную деятельность как основной канал внедрения нормативной этики. При этом теория нравственного воспитания исключается из предмета этики. Опираясь на анализ современной ситуации как практики нравственной жизни и нравственно-воспитательной деятельности, так и, особенно, этического знания, мы полагаем, что традиционный статус этики как науки глубоко философской, исключающей из сферы ее исследовательских интересов воспитательную деятельность, существенно ограничивает - даже на фоне усиливающейся тенденции развивать нефилософские структуры этического знания, тенденции, которой пока не удается интегрироваться в систему этического знания «на равных» - эффективность внедрения нормативной этики, ослабляет ее практический (в том числе и собственно воспитательный) потенциал.

Анализ современной этической литературы ориентируем на две модели, из которых следуют объясняющие версии вопроса о практическом потенциале, этики в процессе «вхождения» ее в практику воспитания. Рассматриваемые модели объединяет признание значимости того обстоятельства, что теория нравственного воспитания сегодня не может не опираться на весь комплекс социальных наук, на все человековедение. Их разъединяет понимание места и роли этики в этом комплексе, точнее говоря, места теории нравственного воспитания в предмете этики. В свою очередь, каждая из этих моделей неоднородна, и диапазон расхождений в первой версии настолько широк, что позволяет некоторым из ее представителей вплотную подойти к взглядам, характерным для ее оппонентов.

Характеризуя позицию, согласно которой этика как философская наука может и должна выполнять в отношении к теории нравственного воспитания лишь методологическую - и в этом смысле междисциплинарную - роль, отметим прежде всего, что наиболее распространенные и принятые в современной этической литературе взгляды на структуру этики не содержат собственно теории нравственного воспитания (и, разумеется, теории управления воспитательной деятельностью). Это относится и к характеристике системы этики через единство общетеоретических, социологических, нормативных и специальных аспектов исследования этикой своего предмета, и к другому варианту структуры, включающему три элемента: этологию, общетеоретическую и нормативную этику. В обоих случаях, таким образом, нормативная этика не имеет *в рамках собственно этической теории* ни постановки, ни решения вопроса о ее выходе в практику по каналу воспитательной деятельности. Практический потенциал этики - в ее нормативной структуре, а воспитательный потенциал - во внеэтическом знании нефилософского ранга.

Что касается объяснения и обоснования этого обстоятельства, то ход рассуждений представителей первой версии примерно следующий. Задача научной этики - преодолеть антагонизм теоретического объяснения и оценочного отношения к действительности, мировоззрения и морального освоения мира, идеалов и практики, сущего и должного, исключить всевозможные идеалистические подходы в понимании процессов формирования нормативно-ценностных образцов. Тем самым этика и выполнит свою роль в отношении к

теории нравственного воспитания, задав ей мировоззренческие ориентиры и методологический базис. И здесь пределы той роли, на которую может претендовать этика как наука философского ранга. Все, что вне этих пределов, следует делегировать частнонаучным отраслям знания о морали и воспитании, как раз и являющимся каналом приложения этики как методологии.

Но что же реально оказывается *вне* этих пределов? Именно в анализе того, что же исключается из сферы этического познания, можно «испытать» первую версию, ибо вне пределов оказываются и целевой сектор воспитательных программ (философская этика не ставит себе задачи декомпозиции идеалов в цели, в «дерево целей» воспитания) и, конечно же, инструментальный сектор, и этика воспитательной деятельности, и экспертная оценка ситуации нравственного воспитания, и, безусловно, управленческое воздействие на воспитательную деятельность. Не случайно слишком высокая - и для этики, и для теории нравственного воспитания, и, особенно, для практики морали и воспитания - цена такого изоляционизма от проблем воспитания приводит целый ряд исследователей, в целом приверженных первой версии, к компромиссным подходам, выражающимся в так называемой «философии воспитания».

Если неразмыаемый фундамент первой версии в ее наиболее жестком варианте категорически рассматривает как «неоправданное нововведение» любую проблематику воспитательного плана, то более гибкие варианты относят к сфере этики «философские основы» воспитательной деятельности. Однако как только встает вопрос о конкретизации проблематики, составляющей эти «основы», так граница между этикой и теорией нравственного воспитания, хотя и немного продвинутая и смещенная, проводится по традиционной схеме: этике - цели, ее частнонаучным партнерам - средства, «технология». В итоге оказывается, что, пытаясь объединить конструктивные идеи в сфере «философии воспитания», включая в круг ее забот такие вопросы, как сущность нравственного воспитания, его закономерности, цели, методы и средства, система воспитательной деятельности с точки зрения ее субъекта и объекта и т. п., исследователи²⁵ оказываются перед неразрешимыми - в случае их строгой приверженности к первой версии - проблемами: целесообразно ли при таком предмете «философии воспитания» разделять роли этики и теории нравственного воспитания, не естественнее, не плодотворнее ли "встречное движение" этих ролей в рамках единой системы, интегрирующей в себя знания разного уровня теоретизирования?

Мы ограничиваемся здесь лишь риторическим вопросом, но стремимся зафиксировать внимание на том, что, во-первых, традиционный статус этики как философской науки в рамках первой модели размывается *изнутри*, лишь по инерции сохраняется рядом ее приверженцев, приводя к противоречивости исследовательских позиций и решений; во-вторых, интеграция и предмет этики забот как о целях воспитательной деятельности, что мы только что зафиксировали, так и о реализации этих целей, от чего категорически отмежевывается первая версия, позволит обеспечить действительное достоинство целей, которые, как известно, без средств пусты, и не допустить искажения целей неадекватными - этически не обеспеченными - средствами. Такой «бригадный подряд» под «конечную продукцию» - способ определить предел, за которым размежевание этики и педагогической теории, вполне необходимое ввиду различия их предметов, теряет свою целесообразность, ибо вопросы нравственного воспитания, представляющие конечную - практическую - цель этики²⁶, не могут быть исключены из системы этики без ущерба для ее практического потенциа-

ла и без ущерба практике нравственного воспитания с точки зрения ее теоретической оснащенности. Разве теория морали не есть в *то же время* и теория воспитания? Во-первых, вследствие того, что одна из функций морали - воспитательная, во-вторых, в связи с тем, что в моральной системе общества они являются неразрывными структурными компонентами, обеспечивающими функционирование целого. Это опять только риторический вопрос, но вопрос не только для фиксации проблемной ситуации в этике, но и для поиска конструктивных оснований для ее разрешения.

Представляется, что критерий необходимости и достаточности в отборе проблематики нами выдержан - даже если не достигнут критерий полноты. Перейдем к противоположной версии, сразу подчеркнув, что она - вне традиций философской этики. Она тоже исходит из того, что проблемами нравственного воспитания прежде занималась, главным образом, педагогика. Но педагогическая наука придавала им преимущественно «школьную» интерпретацию, ограниченную масштабность и, несмотря на лучшую - в сравнении с этикой - обеспеченность исследовательскими кадрами, учреждениями и опытом, не смогла достаточно эффективно воспользоваться достижениями смежных наук. Педагогика в прошлом опиралась, главным образом на эмпирически найденные проверенные практикой знания и подходы. По всей вероятности, тогда этого было достаточно, поскольку воспроизводство условий существования и социальной структуры было одной из характерных черт общественной жизни до социалистических формаций. Сейчас же она уже не способна достаточно эффективно ориентироваться в извилистых «лабиринтах» нравственно - воспитательного процесса. Стало вполне очевидным, что для разработки основ управления (руководства этим процессом) необходимо создание специальной теории (не наукообразного описания тех или иных сторон, моментов, эпизодов воспитательной практики, а именно самостоятельной теории).

Что же это за теория? Каков ее язык и методы? На что можно рассчитывать, создавая ее, если не упускать из виду, что воспитание было и остается еще и искусством? Поставив эти вопросы, сторонники *второй версии* полагают, что этика перестала (или перестанет) быть философской наукой, а потому не только должна задавать нравственному воспитанию ценностно-нормативный образец нравственной личности, не только заниматься исследованием структуры и функций морали, но и обязана начать разработку *синтетической прикладной* теории нравственного воспитания, чтобы адресовать совокупному общественному субъекту воспитания соответствующую научную информацию, модели и рекомендации педагогического воздействия. Такая теория может и должна быть создана на основе добровольной ассимиляции таких равноправных партнеров, как этика и педагогика, и усилена подключением педагогической социологии, «социологии воспитания», психологической теории личности, педагогической генетики и т. д. Она изучает не только общие принципы нравственного воспитания и управления им, но и обосновывает программу воспитания, его рациональную организацию, исследует формы и методы воздействия на личность и группу индивидов, создает нормативно - ценностную шкалу профессиональной и непрофессиональной воспитательной деятельности.

Собственно говоря, отмечают сторонники второй версии, уже сейчас энергично формируется целая группа прикладных направлений этических исследований: выделяются этика труда и управления, семьи и быта, служебная и профессиональная этика. Но так как в каждой из них присутствует и педагоги-

ческий аспект, необходимым оказывается «сквозной» прикладной комплекс, которому вменяется изучение нравственно-воспитательной деятельности и разработка теории этой деятельности, открывающая возможности научного управления ею.

Такое понимание предмета теории нравственного воспитания не означает, что признается достаточным простое перенесение общетеоретического знания из этики на область воспитательных проблем. Можно говорить об использовании собственно этико-философских знаний только для выработки мировоззренческой позиции, поисковых принципов, и потому ставится вопрос о сложном, пока еще во многом непознанном процессе конкретизации научной информации, ее «доразвитии», позволяющем соединить знания об объективных закономерностях нравственных процессов, с моделями по преобразованию воспитательной деятельности. Далее, предупреждают сторонники второй версии, этика не требует принудительной ассимиляции существующих педагогических теорий (при более скромной лексике - элементов этих теорий) нравственного воспитания. Можно говорить только о сложении эвристических возможностей равноправных партнеров, которые дополняют друг друга и вместе с тем компенсируют некоторые из своих исторически сложившихся «недостатков».

Наиболее видный представитель данной концепции, известный болгарский ученый и партийный деятель В. Момов²⁷ предлагает называть теорию нравственного воспитания, как сравнительно обособленную ветвь научной этики, педагогико-этическим познанием, или "*педагогической этикой*". Несмотря на "занятость" данного термина - им у нас часто называют профессиональную этику педагога, - он обладает весомыми преимуществами точности и выразительности. Кратко излагая точку зрения автора, следует подчеркнуть, что педагогическая этика будет располагать *общей частью*, к которой относится изучение возможностей, принципов, механизмов целенаправленного изменения морали (мы полагаем, что более правильным будет именовать эту часть как "управление нравственными процессами"), и *специальной частью*, дающей теорию регуляции нравственно - воспитательной деятельности (обоснование научной программы нравственного воспитания, рациональной организации и информационной структуры воспитательного процесса, анализ его ситуаций, форм и методов воздействия на личность и группу, создание нормативно-ценностной шкалы педагогической деятельности, эталонов и мотивов ее). Таким образом, если педагогическая этика, как теория нравственного воспитания, должна выступать *по отношению к этике и педагогике* в целом в роли прикладного синтетического знания, то по отношению к живой, непрестанно пульсирующей и меняющейся практике нравственного воспитания она может фигурировать в качестве теоретической дисциплины, исследующей факторы, структуры, режимы этого воспитания, разрабатывающей меры по его оптимизации.

В теоретической позиции В. Момова содержится значительное число подходов и решений, которые близки концепции этико-прикладного знания, развиваемой авторами данной книги. Эти подходы еще будут неоднократно развернуты и рассмотрены. Здесь же нам важно зафиксировать наличие в этике серьезной тенденции, развивающей и укрепляющей ее собственно воспитательный потенциал. Прежде всего, сила этой тенденции заключается, на наш взгляд, в том, что ее сторонники показывают неправомочность для этики ограничиваться выполнением мировоззренческой и методологической функций в отношении к нравственному воспитанию или же простой трансплантацией об-

щетеоретического знания о морали на область воспитательных проблем; впрочем, этике нельзя застыть и на фазе описания тех или иных сторон воспитательной практики, на уровне собирательства поучительных эпизодов из такой практики. Именно поэтому необходимо создание специальной теории управления нравственно-воспитательной деятельностью.

В то же время, нерешенным вопросом для второй версии является, во-первых, способ связи этики и педагогики, позиция «равноправных партнеров», статус предлагаемой теории в отношении к этике и педагогике, с одной стороны, к практике воспитания - с другой, ибо позиция сторонников второй версии в этом вопросе тесно связана с трактовкой этики как отпочковавшейся от философских наук.

Во-вторых, уязвимым местом в этой версии в целом является ответ на вопрос о критериях синтеза разнопорядковой научной информации, об «авторстве» этой теории, комплексирующей целый ряд дисциплин, о базе такого комплекса. Представляется, что само название предлагаемой теории - *педагогическая этика* - уравнивает обе дисциплины, в то время как связь этики, морали и воспитания как элементов одной системы должна быть отражена в *этической* теории, а все другие комплексы знаний должны быть интегрированы в этику и subordinированы с ней. Дело в том и заключается, чтобы найти верные ориентиры в стремлении создать синтетическую теорию нравственного воспитания и, придав ей прикладной статус, «удержать» ее в лоне этики. Это возможно лишь при подходе к этическому знанию как системе разных уровней, в которой системообразующим фактором является философское ядро этики, а критерием выделения уровней связи этики и практики - этапы, каналы и способы взаимодействия этики и морали, их «встречного движения».

Заканчивая обзор выдвинутых в современной литературе версий о воспитательном потенциале этики как конечной цели ее связи с практикой, важнейшей форме и канале практичности этического знания, необходимо кроме рассмотренных двух версий учесть и факт распространения промежуточных позиций, которые прямо не вписываются ни в одну из них, но либо раскрывают какой-нибудь аспект каждой из них, либо позволяют увидеть возможные моменты для конвергенции.

Перспективна в этом плане концепция моралеведения, выдвинутая В. Т. Ефимовым. Размышляя о путях, обеспечивающих эффективное взаимодействие теоретических исследований в области морали с практикой коммунистического воспитания, автор пришел к убеждению о необходимости оформления моралеведения - самостоятельного вида научного знания, в котором должны быть сосредоточены все комплексы нефилософских знаний о морали, «т. е. знаний конкретно-теоретического характера».

Следует ли из оценки традиций этики и текущего положения дел в этой науке, что надлежит безоговорочно принять предложение о создании моралеведения? Если значительная и все возрастающая часть исследований, которые по сей день именуются этическими, станут теперь называться моралеведческими, то что может дать такое переименование? Тем более, что сам обозначающий их термин не лишен некоторой искусственности. Но совсем иное отношение вызывает острая постановка В. Т. Ефимовым реальных проблем развития этического знания, его критика различных проявлений профессиональной узости, стремление шире и плотнее увязать этические исследования с запросами практики коммунистического строительства, в том числе практики воспитания.

Привлекают внимание акценты автора на необходимость развития исследований, имеющих научно-практическую значимость, в том числе на необходимость создания теории нравственного воспитания как вида духовно-практической деятельности, на разработку ее управленческих аспектов, аргументация и подкрепление этих предположений опытом разработки системы управления развитием деловых качеств личности труженика²⁸ и т. п.

Уязвим, однако, подход автора к моралеведению в целом и теории воспитания как его разделу с точки зрения науки *внеэтической*. На этом пути исследования ожидают, на наш взгляд, те потери, которые вытекают из любого внесистемного представления об этическом знании.

Не ставя здесь задачи анализа иных концепций, в том числе и тех, что развиваются в науках, традиционно занимающихся нравственно-воспитательной проблематикой - педагогике, психологии, социологии и т. д. (Л. А. Рувинский, А. Г. Харчев, В. И. Загвязинский и другие), и не рассматривая работ, в которых формируется собственно этико-прикладное знание (Л. М. Архангельский, В. Т. Ганжин, М. Г. Ганопольский, В. Н. Сагатовский, Ю. М. Федоров и другие), подчеркнем, что свои выводы из предпринятой выше характеристики двух версии мы хотели бы уберечь от излишней категоричности - как в критическом отношении к первой, так и в солидарности со второй. Задача наша прежде всего в том, чтобы в результате анализа проблемной ситуации в этическом знании увидеть за состоянием дел в «исследовательской лаборатории» творческий характер развития этики, обнаружить и выявить ситуацию этических исканий, *поисковое состояние* нашей науки, стремящейся в процессе самопознания внимательно отнестись ко всем своим «точкам роста», занять позицию «выращивания» такого рода «точек роста» ради адекватной реакции на развитие этики «интенсивно вглубь и экстенсивно вширь»²⁹.

В этом плане плодотворна позиция многосторонности и многоуровневости современной этики, позволяющая ориентироваться на взаимодополнение выдвигаемых концепций практичности этического знания. По справедливому суждению А. И. Титаренко, расхождения между позициями «традиционного» и «инновационного» истолкования этики как «практической философии» - «несмотря на их кажущуюся непримиримость, в немалой мере *внешние*. Ведь теоретическая этика может давать такие результаты, которые непосредственно, в плане нормативном, ближе и более значимы для нравственной жизни людей, чем эмпирические разработки, а так называемая эмпирическая этика в силу ряда специфических зависимостей ее от реального, конкретного материала может породить мифы, иллюзии, облеченные в псевдонаучную фразеологию, но в действительности лишь повторяющие расхожие предрассудки обыденного сознания. С другой стороны, и это особенно важно в наши дни, конкретно-прикладные стороны этики - если они подкрепляются эффективной методологией подхода к реалиям морали и одновременно набором отработанных приемов преобразования нравственного сознания и поведения - могут иметь такие особые связи с практикой, которыми, в силу опять-таки своих специфических методов, теоретическая этика не обладает. Иначе говоря, процесс развития как науки о морали, так и самой морали проходит различные этапы, «отлетая» в сферу абстракции и вновь (одновременно!) возвращаясь (причем разными путями, в зависимости от исторической ситуации) к реалиям нравственной жизни. Высвечивая разные моменты этого процесса, авторы в действительности совместно работают в одном направлении: создания единой, многосторонней, многоуровневой этики как науки»³⁰.

И, действительно, важно осознать наличие глубокого пласта «точек роста» этической теории, их распространение по всему горизонту исследования связей этики и практики, их способность не только размежеваться, но и кооперироваться. И само по себе обнаружившееся в нашем анализе несоответствие ряда принятых в этике подходов предъявляемым им условиям - это не соответствие, полное или частичное, нам представляется несомненным - не ставит инновационные тенденции в представлениях об этике как «практической философии» в положение «философии безнадёжной решимости», не даёт оснований драматизировать проблемность ситуации в этике.

В то же время известная категоричность в выводах из ситуационного анализа состояния современной этической мысли все же нужна - в доказательстве *проблемности* ситуации. «Иск» можно предъявить и самому уровню развития «философской этики», который до самых последних лет не давал реального основания называть ее наукой фундаментальной и, таким образом, содержащей достаточно развитую теорию, которую можно «прикладывать»; и «ведомственному подходу» этой версии, который приводит к тому, что, не допуская интегрирования в этику современных структур, она саму функцию «патронажа» над теорией воспитания не могла выполнять эффективно; и реальным методологическим «заделом» философской этики.

Таким образом, имеются достаточные основания вернуться к тому моменту обсуждения вопроса о потенциале современного этического знания с точки зрения его роли как «практической философии», когда была зафиксирована ограниченность возможностей нормативной этики в удовлетворении «запросов» современной ситуации нравственной жизни и воспитательной деятельности, необходимость, но не достаточность ее «воспитательного потенциала». Точнее, «достаточное» на целом ряде этапов исторического развития этической теории, моральной и воспитательной практики, *нормативное внедрение* этики сегодня не обеспечивает потребностей практики, породившей этап *управления* воспитанием и потребовавшей тем самым *развития* преобразующего потенциала этики за счет *новых форм и каналов* практичности. Это вызвало к жизни формирование собственно прикладных структур знания, обеспечивающих всю систему этики эффективным каналом интеграции с практикой - каналом научного управления. Выделение прикладных структур или прикладной этики как нововведения, и традиционных связей этики с практикой позволяет создать условия для разрешения проблемной ситуации.

Рабочая гипотеза выдвигаемой и отстаиваемой в книге концепции прикладной этики как теории управления нравственно-воспитательной деятельностью в тезисном варианте может быть представлена следующим образом.

1. Прикладная этика является знанием о системе социально-управленческого взаимодействия этической теории, моральной практики и воспитательной деятельности; взаимодействие этих элементов осуществляется по каналу управления как системообразующему фактору, позволяющему задавать и достигать определенные цели по совершенствованию нравственной жизни общества.

2. Специфичность этико-прикладного знания обуславливается его предназначением: преобразовать систему этического знания для ее непосредственного управленческого приложения. Это знание технологического уровня теоретизирования и знание о технологии как о путях и механизмах интеграции науки и практики управления нравственно-воспитательными процессами. «Конечная продукция» прикладных исследований - в отличие от других видов

практической функции этики - выражается в особой форме знания: программах, проектах, эталонах, экспертных оценках, консультативных заключениях, организационно-педагогических методиках и прочих способах и формах трансляции теоретических результатов в управленческие решения и акции.

3. Предметное поле прикладной этики в системе этического знания очерчивается границами цикла «заказ - разработка - внедрение» в процессе «встречного движения» и интеграции этической теории и управленческой практики в сфере нравственной жизни и воспитания под углом зрения научного обеспечения соответствующих управленческих решений. Поэтому задачи не сводятся к созданию «банка» программ и проектов - диапазон задач обусловлен системой функций научного знания на всех этапах движения от «социального заказа» до экспериментального внедрения результатов исследований и разработок.

4. Участниками «встречного движения» являются исследователи и организаторы нравственно-воспитательной деятельности. Особая роль последних объясняется тем, что они, являясь субъектом управленческих решений, выступают как представители научной политики КПСС в сфере воспитания. Получая полномочия от субъекта нравственного воспитания в широком смысле этого слова, являясь выразителем интересом такого субъекта благодаря соответствующей компетенции, корпус организаторов воспитательной работы является и непосредственным заказчиком, и соисполнителем исследований, и адресатом, обеспечивающим внедрение научной продукции.

5. Важнейшая цель и пафос «встречного движения» - развитие всех форм морального творчества. Прикладная этика опирается здесь в основном на созданный в процессе ее становления метод этических деловых игр. Они выступают как средство экспертной оценки и анализа ситуации нравственной жизни и воспитательной деятельности - прежде всего с точки зрения инновационных элементов в моральном выборе личности - и как проявление инновационных реакций этики на актуальный «социальный заказ». Этические деловые игры - эффективный метод проектирования и внедрения новых форм этического знания, средство управления воспитательной деятельностью и организации морального творчества. Важную роль метод деловых игр выполняет в процессе «воспитания воспитателей» и в подготовке собственно исследовательских кадров в сфере этико-прикладного знания.

Не поддаваясь весьма естественному желанию конкретизировать каждый из этих тезисов, прояснить скрытый за лаконизмом более широкий смысл, «развернуть», «подчеркнуть» и т. п., - этой цели служит вся книга - наметим здесь только те вопросы, которые непосредственно связаны с темой главы, прежде всего - с самой квалификацией этико-прикладного знания как вида «практической философии». Один из них сближает прикладную этику с другими структурами этического знания как «практической философии», другой специализирует этико-прикладное знание.

Характеристика последнего как особого вида и формы исполнения этикой роли практической философии не только не умаляет традиционных способов связи этики с практикой, но и усиливает потенциал этих способов, укрепляет мировоззренческое и методологическое воздействие этики на теорию и практику нравственного воспитания.

Это объясняется, во-первых, тем, что управленческая потребность морали и воспитания, их «запрос» на новые формы этики как «практической философии» формируются на фоне качественного возрастания в современной

ситуации мировоззренческих исканий. Уже поэтому не может «обесцениться» роль нормативной этики, а прикладная этика всемерно стремится согласовать управленческую позицию с мировоззренческой. Подобно тому, как праксиологическое обеспечение морального выбора укрепляет его нравственную ценность, так и управленческое обеспечение создает условия для усиления мировоззренческих устоев морали и воспитания. Аналогично и нравственные искания личности не только не исключают управленческой позиции этического исследования, но обретают социально-нравственные ориентиры и опору в процессе научного управления нравственным воспитанием, избавляя при этом данный процесс от опасности манипуляторства. Научная организация «встречного движения» способствует устранению представлений о том, что либо этика «снижается» до уровня обыденного морального сознания, выполняя роль «практической философии», либо мораль сама «дорастает» до уровня этической теории. Не лишая каждую из «сторон» этого движения своей специфики, не снося их границ, этико-прикладное знание обнаруживает потенциал согласования нравственной самостоятельности субъекта, к которому обращена наука, субъекта морального выбора, и практической функции этики, согласования столь необходимого не только для «новых», но и для «старых» форм связи этики с практикой.

«Этос приложения» - и нормативной, и собственно прикладной этики - должен учитывать опасность подмены этикой своего предмета, ориентироваться на развитие в морали ее мировоззренческой функции, на возвышение самого морального сознания в процессе приложения этики до этико-социального взгляда на общество.

Как показывает специальное исследование, «программа теоретического сциентизма и ожидания сциентизма стихийного, с одной стороны, резко противоречат друг другу, с другой - находятся в удивительном созвучии. Стихийный сциентистский запрос индивида состоит в том, чтобы наука приняла его под опеку таким же, каким принимала его под опеку религия. Его позиция - это позиция неуверенного в себе существа, погруженного в глубоко субъективные тревоги и заботы. Программный сциентистский запрос науки, напротив, состоит в том, чтобы индивид принял ее в таком же значении, в каком монах принимал религию. Она хочет отвечать лишь на вопросы своего собственного послушника. Но стихийный и теоретический сциентизм сходятся в главном. Оба признают, что наука должна быть пастырем, а люди паствой; оба полагают, что индивидуальная проблема только тогда проблема, когда есть надежда удовлетворить ее с помощью готового знания; оба желают, чтобы решения и выбор человека непременно опирались на надежные познавательные гарантии»³¹.

Применительно к проблеме практичности этического знания преодоление подобного ложного единства науки и практики требует, во-первых, чтобы «практическая философия» стала достоянием всех элементов и уровней морального сознания - от мировоззренческого до самого повседневного. Во-вторых, развития критической функции этико-прикладного знания: как это ни кажется на первый взгляд противоречием с намеренно-прикладной ориентацией этой структуры этики, она может быть конструктивистской и в запретительно-критическом смысле, выступая и против самоуверенности обыденного сознания, против скептицизма практики воспитания в отношении к возможностям науки, и против скептицизма этики в отношении к возможностям ее прикладной структуры, и против самоуверенности самой этики в ее отношении к практике.

В-третьих, «техусловия» к практичности этики, «этос» ее приложения не

должны в своем противостоянии сциентизму обернуться абсолютным запретом на приложение этики к практике. Не успокаивать себя опасностью и сложностью, «не умыть руки», заняв позицию нейтралитета, но занять активную позицию, позицию исканий, в которой «мнимому всезнанию» противопоставлена верная постановка проблемы.

И, наконец, пытаясь с позиции этики как системы знания организовать виды, формы и исторические этапы исполнения этикой роли «практической философии», нельзя забывать, что здесь важно избежать как элементарного балансирования, так и механических сочетаний. Характеристика этики как системы — не заклинание и не универсальная отмычка, тем более, что в литературе предложены разные системообразующие факторы. Сама внутриэтническая иерархия уровней и структур знания должна быть сориентирована на иерархию связи этики и практики, в которой практика есть и «заказчик», и «внедритель». Не стихийная, а организованная связь этики с практикой обеспечивается в том случае, если весь комплекс этических знаний отражает процесс такого движения и адекватно обеспечивает его. Предпринятая в этой главе характеристика истоков, смыслов, модификаций понятия «этика - практическая философия» показывает, что этот статус этики не сводится ни только к традиционному, ни только к нововведениям; при этом этико-прикладное знание - наиболее адекватная форма этики как «практической философии» в отношении научного управления нравственно - воспитательной деятельностью, наиболее значимая с точки зрения воспитательного потенциала этического знания.

Итак, воспитательный потенциал этической теории представляет собой искомую величину, которая зависит, по крайней мере, от двух важнейших условий. Во-первых, от того, насколько научна и современна сама этическая теория, насколько методологически и теоретически совершенное ею обоснование морали и «теоретическое руководство» комплексом «метавоспитательных» научных дисциплин, т. е. тех дисциплин, которые в той или иной степени включают воспитание человека в свои предмет, насколько это обоснование верно «схватывает» ведущие тенденции и закономерности современной нравственной жизни и их историческую перспективу. Во-вторых, величина воспитательного потенциала зависит от существующих механизмов воплощения научного знания в воспитательную практику, от тех механизмов, которые непосредственно определяют, насколько моральная система в целом и система нравственного воспитания стали «овеществленной силой» (К. Маркс) научного знания, т. е., данная величина зависит от меры научности и современности реальной практики (стиля) управления воспитательной работой в обществе. Для того, чтобы выяснить эту меру как в общетеоретическом, так и в конкретно-социальном (применительно к условиям развитого социализма) планах, необходимо исследовать обе стороны данного процесса, т. е. ответить на вопросы: что может и чего не может дать воспитанию этика как социальная теория, и исследовать, как добивалась успеха сама социальная практика при использовании воспитательного потенциала этической теории.

Глава первая
**ДИАЛЕКТИКА НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

§ 1. Методологические проблемы исследования

Трудно осветить в одном параграфе хотя бы основные методологические проблемы исследования диалектики нравственной жизни нашего общества. Общая (и огорчительная) неподготовленность этической науки к такого рода обсуждению³² позволяет лишь охарактеризовать некоторые понятия, используемые для анализа нравственных процессов, протекающих в социалистическом обществе. И опять-таки не для полного раскрытия их значений, а лишь для обеспечения минимума эксплицитности: операции с "размытыми" понятиями продуктивны только до определенных пределов, за которыми интуитивная ясность и самоочевидность утрачивают свою прелесть. Естественно, начать надлежит с самого понятия «нравственная жизнь»³³.

Нравственная жизнь не есть нечто происходящее наряду с обычным течением жизни человека, а также малой группы, коллектива, общности и общества³⁴. Она - сущностное выражение этого течения, показатель того, насколько гуманистичен жизненный процесс, насколько он, как принято говорить, содействует становлению человеческого в человеке.

Подобно любой другой форме жизнедеятельности людей, нравственная жизнь обладает рядом особенностей, что позволяет рассматривать ее как относительно самостоятельный феномен. Развивая этот подход, В. Т. Ганжин показывает, что по-своему уникальным явлением нравственную жизнь делает моральная истина как концентрированное выражение всех нормативно-ценностных ориентаций³⁵. Обретая такую истину, постигая общие контуры нравственного действия и саморазвития, усматривая (в какой-то степени угадывая, подходя на ощупь, предчувствуя) нравственную необходимость как непреложный закон свободного выбора жизненных замыслов, всей линии поведения, человек осознает реализуемость добра, высокий смысл своей жизни, собственное величие, ощущает подлинное счастье и гордость за свое достоинство. Нередко это бывает связано с радикальной сменой всего образа жизни людей, поворотом всей оси их существования, с крайним напряжением духовных сил и особенно остро переживается в наиболее ответственные, крутые переломные моменты («звездные часы») жизни человека, а также и коллектива, общества. Истина нравственной жизни, как и всякая другая, означает конкретно-исторический процесс, в котором происходит развитие всей совокупности совершенно конкретных, а не абстрактных моральных ориентиров. Она не есть, подобно катехизису, «закрытая» система ценностных признаний и нормативных выводов, как, впрочем, она не суть тщательно охраняемый памятник откровений прошлого. Истина всегда в движении, развивается в процессе осмысления и оценки новых социальных явлений и ситуаций. Истина, в которой нет взаимодействия абсолютного и относительного, абстрактного и конкретного, может существовать только в распаленном воображении закостенелого морального догматика. Истина - процесс, а не конечная точка познания, уже отрезанная от нового индивидуального или коллективного нравственного опыта. Это не какая-то воспарившая над человеком идея всесовершенного бытия. Не с заоблачных высот непререкаемо вещает мораль о том, что есть истина, добро и каков нравственный образ жизни людей. Не ослепляет эта истина своим величием «простого человека», не просветляет его на манер религиозного за-

коноучения, не навязывает откуда-то извне «должного поведения» и не стремится "осчастливить" наперекор его собственным желаниям и чаяниям. Эта истина не только учит жизни, но и учится у жизни. Она означает внутренний смысл человеческого существования, пульсирующую связь с другими людьми, добро во всей его конкретности: не человек для морали, а мораль для человека.

Близкую к данной концепции нравственной жизни развивает другой автор - К. Г. Рожко. Если понятие «мораль» соотносится с категорией «общество как система», то понятие «нравственная жизнь» привязывается к понятиям «социальный субъект» и «моральный субъект». Нравственная жизнь - способ существования субъектов морали, целостность этого существования, его обобщенная характеристика. Это - все, что происходит в бытии субъекта; как «снятие» любых частных, данная жизнь не исчерпывается ни системой деятельности, ни общением субъекта морали, ни его отношениями, ни бытием индивида и ни его сознанием. По необходимости нравственная жизнь протекает на различных уровнях. Социальный субъект может быть описан как система социально-нравственных качеств, возникающих и развивающихся в «производстве» доброго и должного в борьбе со злом и недолжным. Этот субъект образуется на основе двух групп взаимодействий; субъективно-объективных (деятельность) и субъектно-субъектных. "Во вторую группу взаимозависимостей вовлекаются из первой: в общественные отношения - субъект, средства и результаты деятельности; в общение - субъект деятельности и отношений с его социальностью, культурой; в поведение - нормы человеческих действий, соединяющихся с нормами социальных контактов" ³⁶.

После самой общей характеристики понятия нравственной жизни заметим, что нельзя раскрыть данное понятие, не проследив реальное содержание различных субъектов этой жизни, а забегая вперед, отметим, что именно это позволит затем проанализировать проблемы объекта и субъекта управления нравственным воспитанием организации процессов целенаправленного преобразования морального бытия людей. В. Т. Ганжиным выделяется семь субъектов этой жизни.

1. Нравственная жизнь индивида. Она есть процесс формирования и последующего самоутверждения его как личности. Сначала данный процесс направляется извне сравнительно автономными институтами социализации (со стороны родителей, школы, сверстников, организованных в контролируемые взрослыми группы и стихийные группы, трудового коллектива, средств массовой информации), а затем он все более становится и самоуправляемым. Складываясь на основе первоначального усвоения индивидом существующих в семье и ближайшем окружении (микросреда) ценностей и способов нормативной регуляции, он в дальнейшем становится творчески активным, направляется на реализацию нравственных ценностей и развитие нормативной регуляции. Индивид приобщается к нравственной жизни с помощью других, однако пронести верность избранным ценностям и выработанным убеждениям он должен только сам.

Специфика нравственной жизни индивида связана с тем, что в ней протекают тонкие, интимно-глубокие процессы преобразования регуляции в саморегуляцию, управления в самоуправление в ходе «подключения» его к познанию, общению, труду, профессиональным, семейным обязанностям, в ходе выработки в нем высших социальных, в том числе и особых нравственных потребностей. На этой основе в нем формируется моральное мировоззрение и отшлифовывается особая "логика чувств". Постепенно он все реже прибегает к

подражанию готовым образцам поведения и оценивания, все чаще опробывает в социальном опыте новые для него идеи и представления. Он образует "внутренние условия" для осуществления своих жизненных замыслов в соответствии с интериоризованными нравственными ценностями, представленными программно и на уровне высшего совершенства в нравственном идеале. Он вырабатывает относительно независимую от диктата окружающих условий линию поведения. Его образ мышления и действия становится более гибким, продуманными оказываются реакции на изменчивые и многообразные социальные обстоятельства. Он обретает способность справляться и с противоречивыми требованиями, предъявляемыми различными сферами общественной жизни, и с множеством исполняемых ролей, сохраняя свое «я» при движении по избранному им в жизни пути.

Включение индивида в нравственную жизнь означает не только обретение способности вырабатывать свою жизненную платформу, свой идеал, но и умение реализовывать ценности вместе с другими людьми. Индивид выступает своеобразным фокусом в системе нормативно-ценностной регуляции, пронизывающей нравственную жизнь различных социальных и моральных субъектов. В этом фокусе, с одной стороны, сходятся все нити детерминации поведения человека (причем, развивающейся детерминации), с другой - индивид оказывается в нем уникальным источником нравственной активности и ответственности, средством совершенствования морального бытия людей на любых "этажах" и во всех "отсеках" социальной организации в самом широком смысле этого слова. Высокий социальный потенциал нравственной жизни состоит в том, что, сформировав индивида как личность, общество может быть уверенным в его дееспособности, компетентности и за пределами известных воспитанию ситуаций, за границами даже достигнутого и усвоенного нравственного опыта («парадокс нравственной свободы»),

2. Нравственная жизнь семьи. Будучи малой группой, семья оказывается практически первым социальным институтом, который обеспечивает воспроизводство нравственных отношений в обществе на самом первичном уровне и выступает в качестве «единого нравственного лица» (Гегель). Здесь кровно-родственные отношения преобразуются в общечеловеческие и социально-классовые во всем их многообразии.

Основой нравственной жизни социалистической семьи является любовь как высшая человеческая потребность. Направленная на «другое Я» как существо другого пола, она служит источником новой жизни, поскольку с появлением ребенка в семье начинается ее настоящая моральная биография. Когда семья становится многокогортной, любовь не только растет вширь и вглубь, охватывая все большее число связанных узами родства людей, но и обогащается как социально-культурный феномен, вбирая в себя нравственный опыт многих индивидов разных поколений и чуть ли не разных эпох. В этом смысле нравственная жизнь семьи по сравнению с таким же бытием индивида является более «открытым» процессом, неограниченным рамками физического существования одного лица. Однако нельзя говорить о фамилистическом моральном сознании, регулирующем семейное поведение, и моральном самосознании семьи, управляющем всем процессом ее нравственной жизни: регуляция и управление осуществляются теми же способами и средствами, которыми располагает индивид как член семьи, обладающий особым авторитетом.

Специфика нравственной жизни семьи заключается в том, что она реализует самые значительные - нравственные - запросы своих членов в духов-

ном становлении, гуманизации всех межличностных отношений. Не случайно публицисты для характеристики отношений между людьми в коллективе, между народами и т. д. так часто пользуются выражением "семья" ("как большая семья", "как единая семья" и т. д.). Справедливо сказано: «Основы характера, исходные жизненные установки - все это закладывается в семье»³⁷

Нравственная жизнь семьи - весьма сложный многогранный процесс, включающий формирование у каждого члена семьи способности, готовности и желания исполнять роли супруга, родителя, гражданина. Данный процесс направляется и регулируется извне, со стороны общества и микросреды, а также изнутри, с помощью морального авторитета и средств семейного воспитания ("совоспитания"). Помимо этого, подчеркивает В. Т. Ганжин, нравственную жизнь семьи характеризует особый морально-психологический микроклимат, отношения глубокой доверительности и уважения, которые позволяют - подобно лоцманской службе - преодолевать многие «подводные камни» отнюдь не идиллического семейного бытия (закостенение, авторитарность, фамильярность и т. п.). Этот климат представляет собой нечто уникальное в созидании общего очага, успех которого зависит от высокой требовательности членов семьи к себе в быту, от их умения гасить ссоры, правильно ориентироваться в конфликтных ситуациях. Консенсус в этой малой группе определяет основное направление течения нравственной жизни семьи, приводит к солидарности ее членов при решении самых различных вопросов - от хозяйственных до воспитательных.

3. Нравственная жизнь трудового коллектива. Она определяется тем, что моральное бытие человека оказывается неразрывно связанным с производственно-преобразовательной деятельностью. Морально - психологический климат коллектива является таким средством регуляции коллективной жизни, которое позволяет подчинить все многообразие коллективного бытия людей с их различными характерами, биографиями, способностями, привычками и ожиданиями единому трудовому ритму, успешному решению производственных (учебных, управленческо-организационных и иных) задач, вместе с тем налаживанию гуманных отношений между членами коллектива, их воспитанию. Важнейшими факторами, способствующими здоровому морально - психологическому климату коллектива, являются умелое руководство партийной организации, административных органов, вовлечение всех членов коллектива в управление, деятельность других общественных организаций.

Нравственная жизнь социалистического трудового коллектива представляет собой сложное, многокрасочное и динамическое явление. Это - один из самых интенсивных процессов в социалистической нравственности. Она включает в себя идеологические и психологические моменты, является проводником коллективизма как выражения трудовой солидарности, принципов социалистического демократизма, общественного самоуправления, установок уважительного, заботливого отношения к каждому работнику. Чтобы эти элементы сложились и выстроились в гармоничную систему, используются многообразные средства воздействия (собственно хозяйственная и организационная деятельность, почин социалистического соревнования, индивидуальное и групповое наставничество, использование материальных и моральных стимулов к трудовой деятельности, забота о нравственной чистоте отношений между членами коллектива, стиль управления и др.). Их природа позволяет провести структурно-функциональный анализ различных граней нравственной жизни трудового коллектива, а также представить уровни развития коллектива и кол-

лективности³⁸.

4. Нравственная жизнь различных общностей людей. Здесь классификация субъекта становится иной: речь идет о территориальном срезе, и тогда объектом рассмотрения оказываются городские и сельские нравы. Такая постановка вопроса требует, прежде всего, разобраться с самим выражением «нравы», взятым в качестве средства организации нравственной жизни городского и сельского населения. Специфика нравов заключается в том, что в них отражаются все (экономико-исторические, межнациональные, географические, климатические, бытовые и другие) особенности протекания жизни больших масс людей, объединенных характером производства, типом расселения, степенью приспособленности к меняющейся социальной экологии. Не случайно структура нравов весьма сложна и запутана. В нравах в своеобразной форме зафиксирована психология различных категорий людей, а также отражается влияние материальных условий быта (качество и комфортабельность жилой среды, сбалансированность зон труда жилья и рекреации, характер транспортных связей между ними и многое другое). Современные нравы весьма динамичны вследствие бурных темпов урбанизации, высокой подвижности населения, интенсивности социальных перемещений и коммуникационных связей³⁹.

С другой стороны, не существует какой-то особой «городской морали» или «морали сельчан». Марксистско-ленинская этика отвергает допущение, согласно которому будто бы существуют не только социально-классовые основания для выделения самостоятельных нормативно-ценностных систем, но и какие-то социально - пространственные базисные предпосылки. Не следует поддаваться завораживающей привлекательности тех или иных образных выражений и тем более придавать им буквальное истолкование. Не покидая пределов научной теории морали, можно говорить лишь об особенностях проявления той или иной «большой» (буржуазией или социалистической) моральной системы в определенных социально-пространственных границах, о специфике протекания нравственных процессов в городе или в деревне, о своеобразии организации нравственного воспитания подрастающего поколения в условиях города или деревни. Данные особенности могут быть большими или меньшими по глубине, по размаху модификаций, прочерчиваться по всему диапазону качественных и тем более количественных характеристик или же только по некоторым их частям, но все это только, так сказать, события «внутри» динамики социально-классовых нормативно-ценностных систем.

Вопрос, впрочем, не столько в степени своеобразности городских нравов, интенсивности, масштабах, сложности протекания нравственных процессов в городе и деревне, сколько в их сущностной оценке. Научная этика не только не признает существования каких-то мистических отдельных городских и сельских «моралей», но и выступает против ценностной конфронтации самого нравственного своеобразия города и деревни. Достаточно хорошо известно, что классики марксизма-ленинизма были решительно настроены против любых способов идеализации «сельских» нравов, против умиления патриархально-общинными добродетелями и воспевания пастушеских идиллии «простоты и чистоты отношении». Они справедливо подчеркивали то обстоятельство, что аркадическая простота и чистота нравов сплошь и рядом отлично уживались с ограниченностью, грубыми обычаями, застойными стереотипами поведения, с безразличием к судьбе «целого», что они подчас служили «ломовой» силой в интересах консервативных и реакционных кругов. Преобразующая мир активность и действенность моральных принципов рабочего класса, передовых де-

мократических слоев общества базировались на неприятии созерцательной пассивности, гражданской неразвитости, покладистой покорности перед суровыми обстоятельствами жизни и прочих «достоинств» патриархально-общинного существования. Не вызывает, в свою очередь, уважения некое разудалое городское (точнее, уличное, площадное) высокомерие со стороны усердных «борцов с деревенщиной» в отношении ко всему позитивному, действительно достойному и чистому, что содержат в себе традиции, непреложные этикетные установления, ценности солидаризма, общий дух которых был так проникновенно раскрыт в советской «деревенской прозе» двух последних десятилетий (Ф. Абрамов, Ч. Айтматов, В. Белов, В. Быков, Н. Думбадзе, Е. Носов, Г. Матевосян, И. Меликзаде, В. Распутин, В. Шукшин и др.)⁴⁰.

5. Нравственная жизнь наций и народностей. В известном смысле данный субъект оказывается разновидностью предыдущего - общности людей. Упор, однако, делается здесь уже на общность не социально - пространственного типа, а сформировавшуюся по системе исторических показателей (общность не только территориальная, но и экономической жизни, лингвистическая, культурно-психологическая). Нравственная жизнь наций и народностей интегрируется первоначально на базе таких древнейших способов регуляции и ориентации, как обычаи, традиции, обряды, а их моральный дух запечатлевается в эпосе, фольклоре, преданиях. Выражается он в чувстве национальной гордости, в национальном характере, которые отражают закономерности социально-исторического общежития, сосуществования национальных, многонациональных и интернациональных очагов человеческой культуры. Понятно, что чем больше развита нация и народность в целом, чем содержательнее и интенсивнее протекает ее нравственная жизнь, тем сильнее проявляется в последней социально - классовый, идеологический элемент.

Особо выделяется процесс, связанный с возникновением и упрочением советского народа как новой исторической общности людей. С ним связан процесс усиления интернационального содержания морали⁴¹. Но нравственная жизнь наций и народностей в рамках этой общности не протекает, так сказать, «беспроблемно». Опыт показывает, что экономический, социальный и культурный прогресс всех наций и народностей неизбежно сопровождается ростом их национального самосознания. Важно, чтобы эта естественная, закономерно растущая гордость успехами не превращалась в кичливость, не порождала тенденции к национальному изоляционизму, неуважительного отношения к другим нациям и народностям, стремления сохранить все традиции, независимо от их нравственного смысла, соотнесенности с коммунистическими идеалами⁴².

6. Нравственная жизнь классов и социальных групп. Ее субъект вычленяется исключительно по социально-экономическим критериям, хотя и не сбрасываются со счета так называемые вторичные классовообразующие признаки. Моральное бытие любого социального класса складывается в зависимости от того, какое место он занимает в системе общественного производства, от его роли в общественной организации труда, способов и размеров той доли общественного богатства, которой он располагает. Это отражается в моральной идеологии и психологии класса, отстаивается и развивается в ходе классовой борьбы, формы и стадии которой определяют развертывание нормативно-ценностной регуляции поведения, определяют основные параметры нравственной жизни класса. Убедительнее всего ее можно представить на примере рабочего класса.

Возникнув стихийно из насущных потребностей той борьбы, которую пролетариат вынужден вести против своего классового противника, его мораль складывается затем под нарастающим воздействием широкого проникновения идейных начал в сферу нравственной мышления рабочего класса. Это - первая в истории нравов мораль, нормотворчество в которой происходит не только стихийным путем⁴³. Нравственная жизнь этого класса, отдельных его отрядов нельзя представлять в идеализированном виде. Этика марксизма-ленинизма выступает против иконографического описания нравов рабочих, против проповеди пролетарского мессианства «избранничества», как и вообще против некоего беспорочного «элитизма низов». Отклоняя назойливые попытки буржуазных идеологов протащить идею о «высокой податливости» рабочих всякого рода социальной дезорганизации, она вместе с тем учитывает самые различные факторы деморализующего воздействия на сознание и поведение рабочих в условиях капитализма. Она принимает во внимание «приливы» и «отливы» в противоречивом, многоступенчатом процессе развития морали рабочего класса, когда оказываются возможными не только замедление в нравственном развитии класса, но и обратимость некоторых позитивных тенденций в ситуациях отката революционной "волны", спада или поражения движения в той или иной стране, целом регионе. Однако, не абстрагируясь от всех этих соображений, научная этика исходит из того, что нравственная жизнь рабочего класса определяется непреходящими обстоятельствами и не дополнительными факторными характеристиками, а его объективным социальным положением в капиталистическом обществе.

Вместе с тем научная этика отклоняет и фаталистический подход к описанию и истолкованию нравственной жизни рабочего класса с его диктатом объективизма. Эта жизнь всегда имеет вполне реальную возможность идти по вектору «наименьшего сопротивления», и тогда она застывает на фазах выработки тред-юнионистского образца организации пролетариата, его сознания и действий. Такому образцу неумолимо соответствует и «мораль» соглашательства, вписанности «в систему», признания «ценностей» личностного и группового индивидуализма, потребительской «морали». Исторической заслугой рабочего класса той или иной страны является «прорыв» за пределы оппортунистической фазы, выход на такие жизненные позиции, с которых можно преодолеть моральные установки, впоенные на идеализации цеховой узости, замкнутости, отрыве и противопоставлении частных и общих интересов класса, с которых можно погашать деморализующие последствия внутриклассовой конкуренции. Именно такой «прорыв» наполняет нравственную жизнь класса новыми и более возвышенными ценностями, укрепляет дух смелой инициативы, установки коллективизма и гуманизма.

После революции выношенная и выстраданная нравственная истина рабочего класса постепенно становится и истиной морали всего общества. «Повышается роль **рабочего класса** в жизни общества. Растет его численность. Ныне в стране около 80 миллионов рабочих - две трети занятого населения. Значит, рабочий стал у нас не просто самым многочисленным классом, но и большинством трудового народа... Его революционная идеология и мораль, коллективистская психология, его интересы и идеалы становятся ныне достоянием всех слоев советского общества»⁴⁴.

Не затрагивая сейчас вопросов о темпах, основательности, масштабах и неравномерности процесса усвоения морали рабочего класса другими социальными группами нашего общества, заметим, что органическое единство

Коммунистической партии и рабочего класса, всего советского народа выступает надежной гарантией прочности и дальнейшего обогащения социалистической нравственной жизни на всех уровнях ее организации, в применении ко всем ее субъектам.

7. Нравственная жизнь общества. С обществом ничто не может сравниться по силе, возможностям, многосторонности влияния на человека. Логика исторического развития общества, впрочем, такова, что на всем протяжении существования антагонистических формаций его сила использовалась одними классами против других. Нравственная жизнь в таких условиях оказывалась обескровленной, отчужденной. Она «рассекается на два уровня, которым придается полярный ценностный смысл: внизу располагается реальное бытие межчеловеческих отношений, интерпретируемое как средоточие порока, над ним парят абстрактные нормы и ценностные установки, отождествляемые с моральным добром. Реально практикуемая в обществе мораль подлежит отрицанию, а абстрактное добро должно стать критерием и подлинным содержанием деятельности моральных индивидов. Удвоение нравственной жизни принимает форму антитезы должного и сущего»⁴⁵. В этих условиях личность не ощущает себя творцом морали - последняя вырывается из контекста исторического действия и понимания. При капитализме личность утрачивает связь между развитием социума и саморазвитием. Заданные ей функции (работать, воевать, подчиняться и т. п.) воспринимаются как внешние приказания, не считающиеся с ее склонностями и потребностями, со всем тем, что составляет индивидуальную неповторимость исполнителя. Развитие социума представляется как процесс, совершающийся лишь за счет изнурения ее собственных сил. Поэтому моральные предписания, выраженные в долге, за исключением, быть может, долга в отношении самых близких людей, кажутся тем способом, которым и обеспечивается выкачивание ее сил. В представлении рядового агента общественной жизни неизбежная зависимость от социума, социальных общностей, других людей обычно выглядит в иллюзорном свете как деспотия социальной жизни над асоциальной, частной жизнью, как жертва, приносимая «своими» интересами ради процветания социума. Навязываемые моральные ценности, отделенные от саморазвития личности, выступают и тоге канонизированного и безжалостного требования. Путем социального внушения они проникают в сознание личности, подчиняют себе ее волю, направляют мышление, диктуют эмоциональные проявления. Личность же стремится вырваться из цепких объятий морального долженствования, ищет способы, если не сломить его, то хотя бы смягчить, ослабить путем привязывания к «смягчающим» обстоятельствам. Даже если требования формализованы и очевидны, «про себя» отыскивается заветная лазейка уклонения.

Нравственная жизнь социалистического общества строится на принципиально иных основаниях⁴⁶. Здесь впервые в истории интересы общества в главном, в ведущих тенденциях совпадают с интересами всех его членов. Поэтому-то меняется сам тип нравственного прогресса, не говоря уже о его темпах. Результатом и своеобразным ценностным ядром нравственной жизни социалистического общества выступает морально-политическая атмосфера, которая складывается в процессе планомерного использования законов общественного развития ради блага человека, в процессе взаимодействия объективных и субъективных моментов развития общества, как итог многообразной деятельности людей и социальных институтов. На формирование благоприятной морально-политической атмосферы в обществе влияет множество факторов:

революционные, боевые и трудовые достижения советского народа, задающие тонус нравственной жизни, надежное функционирование всех механизмов социального управления, эффективность справедливой и честной внешней политики и многое другое. И, наоборот, различные деструктивные моменты ухудшают эту атмосферу. Поэтому данная атмосфера, после того, как она уже сложилась, не выступает неким постоянно действующим и самодостаточным фактором развития общества. Крайне важно, чтобы процесс укрепления нравственного здоровья социалистического общества был бы непрерывным, чтобы он вел к совершенствованию средств социальной регуляции, к достижению состояний социальной уверенности, а не усталости, апатии и разочарования.

Как это не покажется парадоксальным на первый взгляд, но для изучения диалектики нравственной жизни общества действительно большее значение имеет анализ базового понятия **«нормативно-ценностная или моральная система»**, чем только что рассмотренное понятие «нравственная жизнь». Когда-то Блез Паскаль уверял, что вопрос о нравах - суть вопрос географической широты. Не вдаваясь в обсуждение этой сентенции, заметим, что следует, прежде всего, учитывать более существенный показатель - «историческую долготу». В самом деле, люди различных исторических эпох, а внутри этих эпох - люди различных классов, жили и разной нравственной жизнью. На значительной дистанции ее несходство подчас кажется удивительным и совершенно непостижимым. Так или иначе, но приходится фиксировать значительные расхождения в идеалах, представлениях о ценностях, о смысле жизни («ценность ценностей»), в нормах и запретах, оценках и санкциях, способах иерархизации ценностей и норм, сочленения их с этикетками, обычаями, неморальными регуляторами поведения, в типах нравственных конфликтов и механизмах их разрешения. Разобраться в пестром и запутанном ценностном мире, в этом «моральном хозяйстве» можно, лишь последовательно применяя историко-системный метод исследования. Заслуга в разработке этого метода в применении к этике, в обстоятельной его научной проверке принадлежит А. И. Титаренко, который на огромном материале выявил структурность и сопоставил две разнокачественные нормативно-ценностные системы: феодальную и буржуазную мораль⁴⁷.

Методологические выводы из такого изучения наиболее рельефно представлены в его отдельной статье⁴⁸. Во-первых, никакое явление нравственности нельзя рассматривать в качестве самодовлеющего, в изоляции от единого целого; во избежание прегрешений субъективизма и эклектики каждый элемент морали надлежит брать только в связи со становлением и функционированием моральной системы. Во-вторых, при рассмотрении систем обнаруживаются различные их срезы или грани. Так, например, нравственность может быть взятой в качестве многоуровневой системы «общество - класс - группа - личность» или быть разобранной в разрезе нравственно-психологической определенности (поведение - потребности - ориентации - мотивы - намерения - поступки - результаты - оценки - скорректированное поведение). В-третьих, структура моральной системы обнаруживается через диалектику ее содержания и формы. Причем, стремление к созданию формальной абстрактно-всеобщей структуры нравственности («мораль вообще») выглядит как научно некорректно поставленная задача. Содержание различных моральных систем вызывает трансформации и их формы (форма как застывшее содержание). Впрочем, если нельзя разработать шаблон, схему, то метод всеобщего содержательного теоретического воспроизведения многообразных моральных систем с помощью

всеобще-конкретных понятий в высшей степени необходим. Такой метод, в четвертых, есть разработанный К. Марксом путь восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения логического с историческим. Категории этого метода вырастают из обыденного словоупотребления, отражения изучаемой системы в наличном языковом материале и из общенаучной и философской терминологии. Так, совесть не только всеобщее, простое, но и конкретное понятие, смысл которого раскрывается лишь при содержательном рассмотрении. Даже заимствованные из общенаучного словаря термины (регуляция, императивность, санкция, норма, диспозиции и т. п.) тоже занимают разное место при описании различных систем, обретают методологический статус только через историческое их видение. В-пятых, моральные системы, будучи порождением и отражением социального бытия людей, носят вторичным по отношению к экономическому базису характер. Было бы, однако, ошибочно сводить на этом основании мораль только к сознанию. Как часть «духовно-практического освоения» мира (К. Маркс) - в отличие от предметно-практических способов его освоения - мораль выступает аспектом практической деятельности человека, в поведении которого объективируются моральные ориентации, нормы, оценки. Моральные системы представляют собой единство объективного и субъективного, реализуя субъект - объект - субъективные нравственные отношения. Последние — «онтология» моральных систем. В-шестых, объективированная сторона или плоскость нравственной жизни и субъективная ее сторона в действительности неразделимы, пронизывают друг друга в упорядоченной системе нравственных устоев, морального порядка. Обе стороны изоморфны, подобны (но не гомоморфны).

А.И. Титаренко дает следующую элементную характеристику нравственных отношений как стороны моральной системы:

- объективированный в культуре и поведении каркас или «сетка» моральных ценностей, обеспечивающие бесперебойность воспроизводства образа жизни; она составляет «матрицу» всей духовной культуры эпохи, организацию моральных ориентиров поведения, следуя которой, человек поступает (без перегрузок на сознание, излишнего напряжения, раздумий) положенным, «принятым образом»;

- исходная нравственная позиция, которую занимают класс, группа, коллектив, личность в моральном выборе, во взаимоотношениях с другими субъектами нравственной жизни;

- типичные ситуации морального выбора и типичные нравственные коллизии;

- массовидные, закреплённые в нравах (и даже своеобразно материализованные в этнографических реалиях) эталоны и стереотипы поведения, «стили» жизни⁴⁹, некоторые обычаи, этикетные процедуры повседневного общения;

- способ накопления и пути передачи нравственного опыта, информации, в том числе от поколения к поколению, в процессе воспитания;

- последовательность, иерархия в расстановке и соподчинении моральных требований, т. е. «код», влияющий на функционирование общественного мнения и развитие господствующего мировоззрения;

- способ охраны ценностей, общественные санкции одобрения или осуждения, вознаграждения или наказания.

У второй стороны моральной системы - нравственного сознания - следующие основные параметры и «понятийный инструментарий»:

- элементы нравственного сознания (нормы и запреты, принципы, связы-

вающие их воедино);

- основные ценностные ориентации, позволяющие улавливать как бы с помощью "сонара" важнейшие ценности;

- основной смысл и социальная направленность выносимых сознанием оценок и самооценок, тот привычный «трафарет», по которому строятся умозаключения при определении места поступка или события на исторически-конкретной шкале принятых в обществе ценностей;

- совокупность мотивов и побуждений, отражающих высшие социальные потребности личности;

- мировоззренческий пласт морального сознания, отражающийся на соподчинении норм и предпочтении исходных принципов выбора «линии поведения», на общей ориентации, привычных оценках и самооценках, на побудительной и оправдательной мотивации (он выражается в представлениях о смысле жизни и ее целях, о счастье, справедливости, достоинстве, в нравственных идеалах, пронизывающих все понимание "должного" в отличие от "сущего");

- контрольно-психологические механизмы нравственного сознания - долг и совесть, в которых самостоятельно выражается императивность моральной регуляции.

Предложенная А. И. Титаренко методология изучения моральных систем направлена против опасностей спекуляций и отрыва от реальных нравов, вне-исторического постулирования. Она представляет возможность продвижения исследования от общего к особенному в нравственной жизни. Опыт изучения феодальной и буржуазной моральных систем показал, что каждая система формирует целое "гнездо" собственных взаимодействующих и многообразных закономерностей протекания нравственной жизни. Один из наиболее существенных результатов исследований целостных моральных систем заключается в признании такой картины нравственного развития человечества, которую нельзя изображать как однообразное, «скучное» восхождение от одной стадии к другой. Каждая ступень обладает высоким уровнем специфичности не только по отношению к предшествующей ступени, но и по отношению ко всему процессу развития в целом (содержательная форма, темпы изменения, «сценарий» переходов и т.п.). Именно поэтому недостаточно зафиксировать качественное своеобразие моральных систем вообще, поскольку каждая система оказывается вместе с тем и определенным этапом, «перегоном» в общем филогенезе нравственности, продуктом длительного ее саморазвития.

Исследование неминуемо ведет дальше: не ограничиваясь анализом конкретизаций форм и выявлением специфической группы закономерностей функционирования моральных систем, оно обращается к установлению значения различных локально-исторических (региональных, зональных, национальных и т. п.) факторов и событий (война, антифашистское движение, последствия промышленного переворота или НТР). На этом уровне бросается в глаза повышение роли «массы случайностей» во всех проявлениях нравственной жизни и расширение «поля» ее возможностей. Перед исследователем встает проблема вариантности развития моральных систем в целом и вариантности развития тех или иных ее подсистем - относительно самостоятельных феноменов, совокупность которых раскрывает все многообразие морали, богатство ее «воплощения» на различных уровнях (они изучаются различными отраслями этического знания, скажем, трудовой и профессиональной этикой, этикой семейно-бытовых отношений, этикой воспитательной деятельности). Это откры-

вадет путь к изучению нравственной жизни с точки зрения, во-первых, фаз движения всей моральной системы или отдельных ее подсистем, во-вторых, состояний нравственности и ее ситуаций: конкретно-исторических, социальных, проблемно - жизненных⁵⁰.

По необходимости беглый обзор некоторых методологических проблем изучения нравственной жизни современного социалистического общества был осуществлен не для того, чтобы в последующих параграфах тотчас же представить читателю панорамную картину нравственных процессов, протекающих в нашем обществе, дать этико-аксиологический анализ реального состояния нравов в стране, сколько для того, чтобы определить, "куда нам плыть?". Для воссоздания такой картины мы не располагаем достаточным фактическим материалом, хотя, как уже отмечалось в начале параграфа, ряд важных шагов в этом направлении уже предпринят. Вместе с тем к этике в полной мере относится упрек, высказанный партией в адрес общественных наук: «... мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности... Наука, к сожалению, еще не подсказала практике нужные, отвечающие принципам и условиям развитого социализма решения ряда важных проблем»⁵¹.

Но тут же возникает еще один непростой вопрос: какая научная дисциплина, отрасль знания, научное направление, кооперация наук должны накопить и обобщить соответствующий материал? Четкого ответа на этот отнюдь не праздный вопрос мы не имеем под рукой. Пока по нему «прицельно» высказываются лишь некоторые, то излишне дерзкие, то чересчур осторожные суждения. Представляет интерес отраженное в советско-болгарской монографии «Предмет и система этики» обсуждение вопросов о создании частно-этических научных дисциплин и методов использования в этике частно-научного знания⁵². Большой резонанс в стране и даже за рубежом имела острая дискуссия по статье В. Т. Ефимова "Этика и моралеведение"⁵³. Заслуживает внимания работа Р. В. Петропавловского по проблеме этико-эмпирического знания⁵⁴.

Не первый год идет обсуждение вопроса и о так называемой «социологии морали». Следует отметить работы А. Г. Харчева, Л. М. Архангельского, В. М. Соколова, С. М. Кордона, З. И. Файнбурга, Л. В. Коноваловой, М. Оссовской, К. Нешева и другие⁵⁵. В них данная отрасль знания квалифицируется преимущественно как промежуточная между социологией и этикой. Она стремится произвести описание реальных нравов и выявить ведущие тенденции в изменениях, но при этом пользуется методами конкретно-социологического анализа. Наконец, надо упомянуть о попытке создать особую отрасль общественнонаучного знания «социологию воспитания» (термин предложен Э. Дюркгеймом). По авторитетному мнению А.Г. Харчева, сейчас идет процесс складывания самостоятельного раздела марксистско-ленинской социологии, изучающей формирование и развитие личности в единстве объективных и субъективных факторов, во взаимодействии с другими социальными процессами, и использующей социологические методы при получении, анализе и обобщении эмпирических данных. В настоящее время разговор об этом разделе носит предположительный характер, но некоторые публикации позволяют надеяться на рост такого знания в обозримом будущем⁵⁶. Перспективны и регионалистские исследования специфики воспитания и поведения⁵⁷. В известном смысле последующие параграфы и главы первой части настоящей работы написаны «в ключе» именно социологии воспитания, с учетом понимания вредности как «вульгарного социализма, так и аксиологического абсолютизма»⁵⁸.

§ 2. Исторические итоги нравственного развития социализма: становление новой нормативно-ценностной системы

Социализм - *качественно новая организация общественной жизни*. Ее основа - общественная собственность, использование богатства общества в интересах развития человека, который выступает равноправным участником различных форм подлинной коллективности. Последние характеризуются взаимопроникновением личных, коллективных и общественных интересов, их *единством в коренном, наиболее существенном, их однопорядковостью по содержанию*. В самом деле, личный интерес при социализме, оставаясь средством саморазвития человека, перестает быть своекорыстием, что было характерно для буржуазного мира. В свой черед и общественный интерес становится действительно общим для всех интересом, а не фикцией «универсального высшего блага», каковым он был в прошлом. Из безликого, усередненного инструмента социального прогресса личность становится высшей целью общественных усилий. Достоинство ее и благополучие определяются теперь трудом и дарованием, а не происхождением, классовой принадлежностью или случаем. Общество заинтересовано в развитии личности, и поэтому на разносторонней основе восстанавливается связь между развитием общества и саморазвитием личности, общественное благо превращается в необходимую (хотя и не исчерпывающую) предпосылку блага личности.

Однако абсолютное тождество личных, групповых, коллективных и общественных интересов невозможно: социализм утверждает их единство только в процессе сложной и динамичной взаимосвязи и взаимопроникновения, обеспечивает их совпадение лишь в конечном счете, в тенденции. Тем самым не исключается возможность расхождений, неантагонистических противоречий и иногда (только в применении к отдельным личностям) антагонистического отношения. Единство интересов по всем линиям социальных связей («общество - коллектив - личность», «коллектив - коллектив», «личность - личность», «личность - группа», «личность - социальные общности» и т. п.) обусловлено и определенными идейно-психологическими побуждениями людей: автоматически, самотеком не может быть достигнута реализация общественного интереса и в той же мере реализация интересов общностей, групп, коллективов и самой личности.

Необходимость согласования, соподчинения интересов разных уровней обуславливает *потребность* и в *моральной регуляции и ориентации* деятельности отдельных лиц, групп, организаций. Социализм, вопреки всевозможным измышлениям (о некоторых из них мы скажем в заключительном параграфе данной главы), не «аннулирует» мораль на *анархический лад*, не выбрасывает ее за борт «за ненадобностью» на *технократический манер*. Отрицая мораль, навязываемую буржуазией, социализм формирует свою собственную мораль, противостоящую частнособственнической морали по «всему фронту». Социализм создает *принципиально новый в истории нравов тип морально сознания и нравственных отношений*, целостную и устойчивую моральную систему со своими идеалами и принципами, мировоззренческими представлениями, нормами и оценками, ориентациями и мотивацией. *Изменилось место морали в жизни общества*, она как бы "пришла к себе самой", поднялась на *высшую ступень своего филогенеза*.

В социалистической нормативно-ценностной системе *исходная нравственная позиция* побуждает к общественно - полезной деятельности, к активно-

му и сознательному содействию общественному благу. Она создает *лейтмотивы поведения*, формирует ведущую (на деле каждый человек принимает множество ценностей и ориентаций на них, но всегда можно выделить доминирующую и частые ориентации) моральную ориентацию на всестороннее личностное развитие через осуществление коллективного интереса, дает *критерий* для оценки и самооценки. Коллективистская и гуманистическая направленность мышления и действий оказывается для личности самодостовой движущей силой и мотивом, повышает степень ее свободы и инициативности, обеспечивает общественным признанием, престижем, моральной удовлетворенностью.

Утверждение новой моральной системы представляет собой коренной *переворот в нравственном развитии* человечества, подлинную *революцию в нравах*. Понятно, что речь не идет об одноразовом действии. Переход от старой морали классово-антагонистического общества к социалистической - *глубокий, длительный и многоплановый процесс*. Новая мораль не может быть декретирована «сверху», внедрена административным нажимом по заранее придуманным «моделям» культуры или появиться, по ироническому ленинскому выражению, как «выскочившая неизвестно откуда»⁵⁹. Социалистическая моральная система - продукт определенных социально - экономических условий существования людей, их воспитания (и перевоспитания), творчества и жизненного опыта. Каковы же ее источники?

Во-первых, в основе новой системы лежит революционная мораль рабочего класса. Она выверяется огромным социальным опытом, выковывается в горниле освободительной борьбы, в которой "рабочий класс поднимается вместе с тем и морально"⁶⁰. Переходя от абстрактных моральных представлений и требований к специфически классовым, рабочие становятся носителями социально-нравственных качеств определенного типа, проявляют, как отмечал Ф. Энгельс, "свои самые привлекательные, самые благородные, самые человеческие черты"⁶¹. Складываются новые связи между людьми, которым присущи взаимное уважение человеческого достоинства, бескорыстие, дух товарищества, сочувствие. Формируется особый тип подвижнического и героического поведения, лишённого черт самолюбования и внешней броскости.

Во-вторых, новая моральная система опирается на нравственные ценности, которые были созданы народными массами в предшествующие исторические эпохи. Прежде всего, она впитывает в себя и развивает возникшие еще вместе с первыми социальными установлениями элементарные правила человеческого общежития, основные общечеловеческие моральные нормы, лежащие в самом фундаменте народной нравственной жизни⁶². Разумеется, частицы этой "раз навсегда установленной морали"⁶³ существуют и совершенствуются не где-то "над" историей и реальными нравственными процессами, а лишь вплетенными в ткань классовых моральных систем. Обычно среди всей массы этих «частиц» выделяют: а) группу гуманистических норм общечеловеческой *солидарности*, оберегающих безопасность и достоинство человека, регулирующих отношение к детям, старикам, слабым, больным, пострадавшим от стихийных бедствий; б) группу *дисциплинарных* предписаний, регулирующих действия в местах общего пользования, отношение к естественным ресурсам, реликвиям и художественным ценностям; правил, нацеленных против различного вида антиобщественного поведения; норм, оберегающих здоровье и безопасность людей (от противопожарных до санитарно-гигиенических); в) группу норм *общения*, нарушение которых вообще исключает возможность устойчи-

вых связей в труде, досуге, быту.

В-третьих, на основе простых норм, выработанных на протяжении длительной истории борьбы народных масс с социальным гнетом и нравственными пороками, складывались общедемократические моральные представления и ценности. В современную эпоху они выражают нарастающие умонастроения негодования, ненависти широкой массы трудящихся, многочисленных промежуточных слоев капиталистических стран к отжившей буржуазной системе, к царящей в ней несправедливости, жестокости, фальши; отражают заинтересованность в уничтожении главных социальных источников морального зла.

Заметим, общедемократические моральные идеи и настроения в силу двойственности объективного социального положения, присущего промежуточным социальным слоям населения, имеют и слабые стороны (боязнь трудностей борьбы, склонность к «утешительным иллюзиям», стремление ставить интересы своих групп над интересами общественного развития, уклон в морализаторство, черты индивидуализма и т. п.). Подлинная революционность морали этих групп и слоев возможна лишь в той мере, в какой активное участие в антимонополистических, общедемократических, антивоенных движениях подводит их от отрицания отдельных крайних проявлений пороков современного капитализма к отрицанию буржуазного индивидуализма (в его массовидных, прозаических формах и в формах, прикрытых «корпоративизмом» или же «опозиционностью» по отношению к буржуазной морали) в целом, в той мере, в какой они становятся на точку зрения рабочего класса, подчиняют свои сиюминутные, ближайшие интересы своим же коренным интересам социального преобразования мира. В этом процессе умонастроения, неразрывно связанные с моральными ценностями труда и взаимопомощи, патриотизма и защиты мира, обретают свойства мировоззренческой четкости и социально-политической конкретности. То же самое нужно сказать и о простых нормах. Не все такие нормы, а тем более обычаи, созданные массами в прошлом, включаются в социалистическую моральную систему, которая подвергает своеобразной селекции все общественно необходимое в моральном наследии. Так, например, новая мораль выступает против идеализации элементов патриархальщины, примитивного общественного уклада жизни, грубых нравов, застойных обычаев, социальной приниженности и инертности, от которых не была свободна традиционная нравственность сельских общин.

Итак, социалистическая моральная система оказывается *не просто продуктом суммирования* ее собственных истоков, а *результатом их критического переосмысления*, творческого развития, обогащения новыми предписаниями, нормами и оценками. Благодаря этому она *качественно отличается* от тех моральных воззрений, которыми руководствовались в своей борьбе и повседневной жизни угнетенные классы. Из нравственного вдохновителя и регулятора борьбы передовой части рабочего класса и его союзников революционная мораль постепенно *утверждается в качестве господствующей морали* всего социалистического общества, *адресуется ко всем* социальным группам и слоям, становится внутренним содержанием их нравственного сознания, *продуктом* их духовного развития и общественной практики. Разумеется, система эта *не утрачивает своего классового смысла*, ибо возникает не путем «самоликвидации» морали пролетариата и утверждения некой «вечной универсальной морали»; она остается *классовой как по происхождению, так и по функциям и конечным целям*, по своей устремленности в будущее - к

коммунистическим идеалам. «Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль, - писал Ф. Энгельс, - станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике»⁶⁴.

Очевидно, что социалистическая моральная система складывалась поэтапно в течение длительной полосы исторического развития. На ход этого процесса, его продолжительность и основательность оказывают влияние различные обстоятельства: характер сложившихся до революции нравов, уровень развития морального самосознания народа, укорененность в нравах прогрессивных ценностей и традиций (или, напротив, частнособственнической, потребительской психологии, националистического духа и т. д.), уровень зрелости революционной морали и другие. Иначе говоря, влияет, по выражению В. И. Ленина, степень накопленности идейно-нравственных предпосылок социализма⁶⁵.

Об исключительной сложности процесса становления новой моральной системы и вытеснения ею старой свидетельствует наличие в нем двух *девиантных* по отношению к магистральному пути тенденций. Одна из них связана с революционным романтизмом и утопизмом, с желанием ускоренным образом и - в экстренных случаях - принудительно «внедрить» коллективистскую мораль во все слои населения путем форсирования их «пролетаризации», методом «взрыва» старого быта и т. п. Эта тенденция чаще всего обременена *аскетическими* установками, *утратой чувства меры* в борьбе с индивидуализмом, предрасположением к «зряшному» отрицанию, *сектантскими представлениями* о морали нового общества, очень далекими от действительности. Другая тенденция порождается *анархистским своеволием*, распущенностью, нигилистическим отрицанием общественной дисциплины и трудовой морали, норм культуры и порядочности, разумных этикетных правил, шумное, крикливое ниспровержение которых выдается за «слом буржуазности». Нередко эта традиция приводит к актам вандализма, мести, сведению личных счетов, а в конечном итоге - к политическому и нравственному перерождению. Она означает подмену революционной морали «люмпенской», *мелкобуржуазной революционностью*. Как правило, на революционной волне к освободительным движениям прилипают деклассированные, морально и психологически неустойчивые элементы, различные карьеристы и авантюристы. Выступая против пролетарской организованности, дисциплины, они неизбежно привносят в движение дух прожектерства, индивидуализма, ложные представления о соотношении морали и революционности. Если *первая* из названных тенденций претендует «в одночасье» утвердить коллективистские ориентации и ценности в поведении широких масс, то *вторая* столь же скоропалительно собирается вообще раз и навсегда отменить мораль ввиду того, что она якобы сдерживает революционные устремления, вводит ограничения на их проявления. Хотя то или иное влияние этих тенденций оказывается для переходного периода неизбежным, тем не менее их величина, размеры причиненного ущерба, а также сроки преодоления вызванных ими издержек в морали весьма различны в зависимости от конкретных особенностей данного периода в той или иной стране, уровня понимания опасности этих девиаций, степени решительности и мастерства, с которыми дается отпор данным устремлениям.

Но не воздействие перегибов и уклонов определяло основную линию формирования социалистической моральной системы. Только врагам социа-

лизма и филистерам этот процесс представляется сплошь сотканным из эксцессов, попрания «штыком и декретом» нравственных начал, разрушительным и ущербным бунтарством, разгулом аморализма или же, напротив, жалким капитулянтством революции перед неискорененным злом «природного эгоизма» человека. С построением основ социализма была разрешена *великая социальная и моральная проблема - уничтожено угнетение человека человеком*. Происшедшие социальные изменения определили характер и направленность преобразований в области реальных нравов общества. Постепенно социалистическая мораль охватила все слои и группы трудящихся. В известной мере она была воспринята даже бывшими нетрудовыми элементами населения. Огромная масса людей, преимущественно с мелкобуржуазными, мещанскими, крестьянско-патриархальными представлениями о добре и зле, справедливости и человеческом достоинстве, долге и совести, сделала в период социалистического строительства окончательный выбор в пользу ценностей новой нравственности. Во всех сферах жизнедеятельности были заложены основы *социалистического образа жизни*.

В социалистическом производстве получило воплощение единство личной и групповой (коллективной) материальной заинтересованности в общественном вознаграждении за труд с моральными побуждениями к нему⁶⁶. Благодаря такому единству механизм регуляции поведения обретает *две стороны*: своей деятельностью человек *сознательно способствует общественному благу*, и потому она отвечает требованиям критерия социалистической нравственности; одновременно он *руководствуется ориентацией на удовлетворение своих личных жизненных потребностей*, которая также отвечает требованиям этого критерия⁶⁷.

Но морален ли сам принцип личной материальной заинтересованности? Улучшает он нравы или же портит их? В отличие от его действия при капитализме, указанный принцип в социалистическом обществе, безусловно, выполняет позитивную роль в развитии нравов. Он формируется на основе утверждения *социалистического равенства* (всякий член общества должен получать столько благ, сколько дает обществу, за вычетом доли, которая идет на дальнейшее расширение производства, создание резервных фондов, а также общественных фондов потребления), отрицающего как само классовое неравенство, так и мораль, которая оправдывает подобное неравенство. Этот принцип позволяет избежать застоя и разрушения производства, привлечь массы к строительству социализма и коммунизма, надежно и гибко оценивать общественно полезную деятельность, стимулировать труд, защищать интересы общества и личности от возможного ущерба со стороны недобросовестных лиц.

Очевидно, что, по сравнению с коммунизмом, социализм утверждает менее зрелые формы равенства и справедливости. Равная мера вознаграждения, применяемая к неравным по психофизическим силам, но профессиональной, культурной подготовке, по прирожденным способностям людям, есть равенство ограниченное. Остается известное неравенство в возможности реализации жизненных устремлении, в уровне их материальной обеспеченности, И это не может не найти отражения в соответствующих моральных нормах и оценках. Если замалчивание или искажение положительной роли принципа личной материальной заинтересованности (как и товарно-денежных отношений) в социалистическом обществе присуще *сентиментально-романтическим* его критикам, то замалчивание или непонимание исторической ограниченности этого

принципа означает *консервативное* отношение к миру социализма. Именно ограниченность этого принципа препятствует ликвидации всех каналов воспроизводства ценностных ориентаций на индивидуалистически понятый успех, оставляет возможности для эгоистической сосредоточенности на собственном преуспевании («как бы не передать обществу, людям лишнего, не переработать, не отдать другим излишка сочувствия», т. е. происходит абсолютизация принципа «эквивалентности взаимного воздаяния»), подмена свободного нравственного чувства «моральной арифметикой» даже в тех сферах, где она неприменима вовсе), для утилитарного отношения к жизни, к другим людям. В силу этих обстоятельств в социалистической моральной системе содержится четко выраженный призыв не только к исполнению обязанностей, но и к созиданию более совершенного типа нравственных отношений, к реализации не только зафиксированного в моральной норме должного, но и идеала, "*морально вышего*" (которое пока может быть лишь желательным, а не всеобщепязательным). В ней исключительно высоко оценивается такое отношение к общественно необходимой деятельности, которое свободно от ожиданий вознаграждений и компенсаций, соображений скрупулезной расчетливости. В таком отношении она усматривает ростки будущего, зримые черты коммунизма и дальнейшей гуманизации социальных связей, живую тенденцию к преодолению своей собственной исторической ограниченности. Поэтому можно сказать, что социалистическая моральная система отражает не только уже утвердившиеся, наиболее массовые связи людей, но и связи, пока лишь утверждающиеся, но которым принадлежит будущее, связи, которые выражают закономерности нравственного процесса, морального совершенствования людей.

Вступив в пору зрелости, дальнейшее свое развитие социалистическое общество осуществляет уже на *собственной основе*. Его нормативно-ценностная система постепенно обретает *черты законченности* и полнее раскрывает свою *коллективистско - гуманистическую природу*. На этапе современного социализма еще больше расширяется социальная база морали рабочего класса, достигается высокий уровень органичности совпадения в ней классового и общечеловеческого начал, происходит ее превращение в *мораль всего народа*.

Складывание общенародной морали обуславливалось множеством разнопорядковых причин и факторов. Упрочению коллективистски-гуманистического типа социальных связей между людьми, созданию необходимых условий и более широких возможностей для нравственного совершенствования, в первую очередь, содействовали: *развитие социалистической экономики*, углубление реального обобществления производства и труда, развертывание НТР. Повышение интеллектуального содержания труда, сокращение чистых исполнительских функций в труде в результате механизации и автоматизации производственных процессов позволили в возрастающих масштабах преодолеть отношение к труду как вынужденной деятельности, однообразной, скучной и нетворческой - энергичнее и полнее, чем это можно было сделать на предыдущих этапах развития, устранять те обстоятельства, которые мешали вытеснению старых, веками закрепленных нравственных установок по отношению к общественному труду, препятствовали утверждению мотивации и норм социалистической трудовой морали. Одновременно более активным становилось участие трудящихся в управлении производством, что укрепило сознание моральной ответственности перед обществом и коллективом, сделало более возвышенными побуждения к производственно - управленческой деятельности, позволи-

ло осознать себя не только совладельцами средств производства, но и их «соуправленцами», «представителями страны» (В. П. Ленин). В этом секторе социальной жизни достигается высокая степень гармонизации развития общества и саморазвития индивидов, более гибким и прочным становится единство общественных, коллективно-групповых и личных интересов.

Огромной воздействующей силой на нравственные отношения обладают также те глубокие *перемены в социально-классовой структуре* общества, которые ведут к утверждению социальной однородности (на основе неуклонного сближения государственной и колхозно-кооперативной собственности, города и деревни, умственного и физического труда, выравнивания образовательных цензов, бытовых стандартов, уровня материальной обеспеченности и т. д.). При всей незавершенности процесса становления социальной однородности он уже сейчас оказывает исключительно сильное воздействие на распространение и усвоение всеми социальными группами и слоями общества принципов и норм социалистической нравственности.

В упрочении общенародной морали огромную роль сыграли *идейно-политическое единство* всех трудящихся, становление общенародного государства, совершенствование социалистической демократии. На предшествующих этапах социалистического строительства многочисленными были поколения, сформировавшиеся в разлагающей атмосфере собственничества и угнетения, когда влиятельными были буржуазно-мещанские и патриархальные порядки, традиции и обычаи. Но даже на начальном этапе развивающегося на своей собственной основе социализма оказались уничтоженными главные источники массового аморализма, происходит дальнейшее «очеловечивание» самих обстоятельств жизни людей, преодолевается их социальная разобщенность, сдвигаются на периферию духовной жизни различные иллюзорные, фетишистские представления, суживаются возможности для раскола морального сознания личности. Общество еще продолжает испытывать потребность в «особых аппаратах принуждения»⁶⁸, неморальных механизмах регуляции поведения в целях согласования и подчинения его общественным интересам. Но если раньше решение ведущих социальных задач достигалось преимущественно политическими средствами, правовыми и административными методами, то в наше время их решение оказалось в значительно большей степени зависящим и от состояния общественной нравственности. Далее, если на предыдущих этапах социалистического развития основной массив нравственных конфликтов являл собой столкновение ценностей различных социально-классовых типов морали, индивидуализма и коллективизма, то на стадии зрелости нравственные конфликты между старым и новым, прогрессивным и консервативным утрачивают большей частью классовый характер, поскольку в их разумном, справедливом и эффективном разрешении оказываются объективно заинтересованными все общественные слои и группы.

В Программе партии отмечается, что коммунистическая мораль, за утверждение которой выступает КПСС, это - *мораль коллективистская*, несовместимая в своем основополагающем принципе с эгоизмом, себялюбием и своекорыстием, она гармонично сочетает общенародные, коллективные и личные интересы; это - *мораль гуманистическая*, возвышающая человека труда, проникнутая глубоким уважением к нему, нетерпимая к посягательствам на его достоинство, она утверждает подлинно человеческие отношения между людьми - отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, доброжелательность, честность, простоту и скромность в личной и общественной жизни;

это - мораль активная, деятельная, она побуждает человека к новым трудовым и творческим свершениям, к заинтересованному участию в жизни коллектива и всей страны, к активному неприятию всего, что противоречит социалистическому образу жизни, к настойчивой борьбе за коммунистические идеалы.

§ 3. Новые тенденции в нравственной жизни общества.

Специфика противоборства добра и зла

Характеризуя процесс все более полного раскрытия творческого потенциала нашей морали в условиях постепенного продвижения к коммунизму, следует подчеркнуть, что означает это, с одной стороны, *большую четкость*, «незамутненность» *нравственных отношений между людьми*. Такая «прозрачностью отношений объясняется тем, что в социалистической морали, как уже отмечалось, нет двойственных критериев моральности (фундаментального и обслуживающего, официального и неофициального, для «верхов» и для «низов»), нет антагонизма обязанностей человека и гражданина (все это не исключает существования общественной и частной жизни). Объективное содержание моральных предписаний все чаще согласуется с субъективным отношением к ним личности, внешнее социальное значение поступков все больше совпадает с их внутренним, «исповедальным» смыслом. Возрастание творческого потенциала морали в жизни общества, с другой стороны, обязывает преодолеть искушение видеть только упрощение, симплификацию⁶⁹ нравственных отношений. В действительности, наряду с упрощением существует и тенденция, связанная с *обогащением* и растущим многообразием (дивертификация) всех сторон нравственной жизни, *усложнением* ее регуляции, *ускорением* процессов формирования нового человека, *убыстрением* смены социальных и психологических характеристик объекта воспитания. Диалектика здесь такова: в той мере, в какой растет всеобщее значение нравственной культуры общества, упрощаются и задачи нравственного воспитания, моральной регуляции, но одновременно же расширяются возможности для безграничного развития особенно и уникального в нравственной жизни общества, "... в миллионы раз увеличивая «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков»⁷⁰.

Главные аспекты и черты обеих тенденций в нравственной жизни общества можно представить в виде следующих 10 пунктов (данный эскиз не претендует, естественно, на то, чтобы дать сколько-нибудь исчерпывающую картину этих тенденций).

1. Происходит *расширение диапазона* воздействия моральной регуляции, распространение ее на все новые участки социальной реальности, прежде лишь отчасти подпадавшие под «юрисдикцию» морали (отношение к труду, политике, природе, процессу познания и др.).

2. Идет *выравнивание* очень сложного и тонкого *баланса* прав и обязанностей, нравственной свободы и ответственности личности, связанного со снижением доли социального принуждения в обеспечении общественно необходимых форм поведения, с развитием социалистического демократизма - представительного и непосредственного, производственного и внепроизводственного.

3. По мере снижения роли социального принуждения повышается не только удельный вес моральной формы нормативной регуляции поведения людей в целом, но и происходит *перемещение центра тяжести* в самой *морали* от части норм, которые имеют ограничительное, сдерживающее, запретительное значение (данную часть норм А.С. Макаренко связывал с «дисципли-

ной торможения»), к той части, которая обладает побудительным, стимулирующим смыслом.

4. Соответственно с повышением роли норм-призывов происходит повышение необходимости *всестороннего учета мотивации* поступков и всей линии поведения в оценочной практике, усиливающейся и вследствие того, что ныне существенно возросла *сложность ситуаций морального выбора*, способов оптимизации целесредственной системы, методов соединения ценностных и операционально-целесообразных сторон поведения.

Это связано и со сменой *"традиционного"* типа *социально-нравственной регуляции* поведения на *"современный"* тип. *Первый* характеризуется жесткой запрограммированностью, основан на ритуализированном обычае, на экзогенных элементах детерминации и внешних механизмах самоконтроля. Главная побудительная сила поведения исходила не из индивидуальных потребностей (которые были бы преобразованными общественными потребностями), а из непреобразованных общественных потребностей. В этом случае поведенческий акт был целью, продиктованной общностью, казавшейся стоящей вне человека и над ним. Нормы еще не отделились от самой деятельности, что в общем и целом соответствует синкретическим формам социальной практики (нерасчлененность форм освоения мира на теоретико-познавательный, эмоционально-художественный и оценочно-императивный) и универсализму потребностей. *Второй тип* регуляции поведения соответствует специализированной социальной практике, усложнившейся человеческой деятельности и усложнившейся структуре поступков, связи каждого акта деятельности с линией поведения. Этот тип основан на эндогамных элементах детерминации, когда поступок становится средством достижения цели, которую человек сам себе ставит, осознавая уже отдифференцировавшиеся общественные потребности как свои собственные. «...Мотивационный заряд социального поведения человека перемещается извне вовнутрь, в него самого, мотивационная сфера личности как бы снабжается автономным источником питания, место громоздких приводных ремней занимают миниатюрные датчики, «вживленные» в каждого человека. Очевидны огромные преимущества такой детерминации поведения - она необъятно расширяет круг ситуаций, в которых вообще может существовать и действовать социальный человек»⁷¹. Теперь начинает преобладать интровертная личность с рационализированным выбором, самостоятельным поиском долженствования и самовозложением долга. Уже в неизмеримо большем объеме осознается связь между конкретной деятельностью и ее результатом, а нормативные требования фиксируются отдельно от самого акта деятельности. Наметившееся несоответствие между целями деятельности и средствами их достижения потребовало от выбирающего, оценивающего и действующего человека не просто увеличения информативной нагрузки, связанной с запоминанием множества предписаний и символического его оформления. Оно поставило его перед проблемой ответственного согласования моральных и неморальных норм, согласования норм, сосуществующих и иерархически сочетающихся только в рамках больших нормативно-оценочных систем.

5. При постоянном и усиливающемся упрощении некоторой части сравнительно сложных норм, переходе их в разряд простых и даже элементарных (в скобках заметим, что никакое усложнение процессов нравственной жизни не может означать протезизма, отмену непреложности иди «упрямства» простых правил нравственности) происходит превращение значительно большей части

моральных норм в ранг сложных - как по способам их усвоения индивидом, так и по характеру их творческой реализации, а переход к современным способам регуляции поведения потребовал от субъекта нравственной жизни именно подлинного и напряженного морального творчества. Одновременно усложняется большая часть административных и бытовых норм ввиду того, что их соблюдение приобрело ныне все возрастающее нравственное значение.

6. Не должно быть упущено еще одно очень серьезное обстоятельство - нарастание *полифоничности функций* морального сознания. Часть из этих функций по ряду причин прежде пребывала в «эмбриональном состоянии», а теперь получила новые импульсы к развитию и, следовательно, потребовала новых способов подключения к уже развитым функциям морального сознания. Особенно быстро получают развитие мировоззренческие функции морального сознания. Как отмечал академик П. Н. Федосеев, мораль не сводится лишь к регуляции поведения в повседневной жизни, ибо представляет собой и определенный способ видения мира (восприятия его как «справедливого» или «несправедливого» и т. п.). Тем самым моральное сознание на своих, так сказать, «высших этажах» поднимается до изображения общей картины человеческого бытия, выступает в качестве части мировоззрения⁷². Мировоззренческие представления прямо не указывают на модели надлежащего поведения, но косвенно, неявным образом участвуют в моральной регуляции и ориентации поведения, предписывая не «что делать», а «каким быть» субъекту деятельности. Эти представления, во-первых, заняты обоснованием и оправданием всей совокупности наличных моральных ценностей, предписаний и оценок, так как их применение нуждается в определении приоритетов и нахождении способов взаимосцепления: раньше всего тогда, когда необходимо снабдить моральный выбор неординарной мотивацией в сложных жизненных конфликтах. Без соответствующего мировоззренческого обоснования моральные ценности, нормы не могут содействовать достижению последовательности поведения и известной цельности морального сознания человека. Вне такого истолкования резко суживаются возможности управлять своим поведением, устанавливать лейтмотивы моральной приверженности, организуя и дисциплинируя нравственную деятельность, весь процесс самосовершенствования. Дирижерская функция связана со второй функцией - прогностической, сигнализируя, оповещая о том, что какая-то часть норм и оценок утрачивает свою былую социальную целесообразность.

7. Все более высокие требования к поведению личности предъявляет развертывающаяся НТР - собственно нравственного порядка, а также и такие, соблюдение которых становится просто невыполнимым без соответствующего *нравственного обеспечения*.

8. Картину нравственных отношений усложняет не только развитие трудовой морали, но и нарастающая общественная потребность в специальной *нравственной подготовке* ко многим - все умножающимся - видам *профессиональной деятельности*, обусловленной «омассовлением» ряда профессий, углублением внутрипрофессионального разделения труда, изменением функций специалистов и характера межличностных отношений, возникающих при исполнении этих функций.

9. НТР круто изменяет не только производственные технологии, но и социопрофессиональные структуры, управленческие отношения, стандарты потребительской деятельности. Меняются формы общения и досуга, повсюду порождая *новые* - отнюдь не простые - *нравственные проблемы*, нормы и прави-

ла поведения, способы его оценки.

10. Наконец, необходимо отметить, что утверждающийся все шире и глубже социалистический образ жизни усиливает ориентацию личности на творческое усвоение и применение моральных предписаний, на более строгие самооценки, более высокий уровень ожиданий, на потребность в самоуважении, в возвышенном нравственном идеале. В свою очередь, этот образ жизни сам требует от личности все большей слитности с интересами и перспективами коллектива, все большей гражданской зрелости, идейности, сознания сопричастности к миру, более полной самореализации, душевной тонкости. Иначе говоря, можно констатировать дальнейшее обогащение и усложнение протекания всех *идейно-нравственных и нравственно-психологических* процессов.

Продумывая природу происшедших изменений в нравственной жизни, недостаточно только описать основные итоги духовного развития социалистического общества и эскизно начертить проявления главных тенденций этого развития. Надо особое внимание уделить нормативной стороне дела, тому, что утверждение, совершенствование, поэтапное развитие социалистической моральной системы сопровождается (и не может не сопровождаться!) последовательной и настойчивой *борьбой против морального зла, аморализма, антиобщественного поведения, отклоняющихся ориентаций и установок*. Все эти широко употребляемые в академической и научно-популярной литературе понятия, обозначающие отрицательные явления в сфере нравственности, очевидно, неодинаковы по содержанию, объему и функциям. Нравственную жизнь нашего социалистического общества менее всего можно уподобить некоей безмятежной лубочной картинке, где безраздельно царствует одна только добродетель, нет драматических ситуаций, требующих от человека напряжения воли, мужества, подчас и самопожертвования в борьбе со злом, где нет столкновения различных нравственных позиций и ценностных ориентаций. В действительности эта жизнь оказывается интенсивной, разносторонней, насыщенной богатым ценностным содержанием, активным противоборством с проявлением морального зла.

На стадии социализма общество еще не может быть полностью свободным от нравственных привычек, следов, «родимых пятен» капитализма⁷³. Основные пережитки прошлого - многоликие проявления индивидуализма и эгоизма, частнособственнические и националистические устремления, всевозможные пороки (бесчестность, корыстолюбие, иждивенчество, черствость, чванство, цинизм) и, наконец, преступность как крайнее выражение аморализма. Социализм выдвигает поистине дерзновенную программу выкорчевывания зла и пороков, грандиозную задачу нравственного возвышения человека. «Мы многого добились в осуществлении цели, которой никто кроме коммунистов никогда и не ставил, - формировании идейно убежденной, гармонически развитой, духовно богатой личности, строящей жизнь по законам социальной справедливости и разума, добра и красоты. Но оснований для самоуспокоенности нет. Ибо по мере нашего продвижения вперед постоянно возрастают не только возможности для всестороннего развития личности, но и требования к ней со стороны общества»⁷⁴. Как учил В. И Ленин, «рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно»⁷⁵. Более того, «...тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было луч-

шим человеческим качеством вообще"⁷⁶. Разносторонний опыт нравственного воспитания трудящихся, накопленный в нашей стране, красноречиво свидетельствует о высоком "запасе прочности" пороков, укорененности индивидуализма, соответствующих типов мотивации поведения, привычек и моральных качеств людей, об устойчивости отлаженных столетиями механизмов *социальной инерции*.

Для раскрытия этого обстоятельства необходимо обратить внимание на следующие моменты. *Во-первых*, недиалектично представлять себе решение задачи "кто - кого?" в сфере нравов "спрямленно", линейно выстраивать весь процесс вытеснения старых индивидуалистических установок, стереотипов, побуждений - ведь в действительности он шел и идет отнюдь не постепенно и прямолинейно, а неровно, иногда рывками, в чем-то обгоняя ход социальных преобразований, а в чем-то отставая от него (нравственная жизнь может давать различные ответные реакции на те или иные изменения в социальной среде, что во многом зависит от зрелости человеческого фактора, от умения и способности осознать вовремя новые потребности и задачи и решить их; но неоднозначность реакций связана и с усложнением самой нравственной жизни общества, с тем, что одни факторы, оказывавшие ранее непосредственное воздействие на поведение людей, отступают "в тень" и действуют опосредованно, а косвенные факторы начинают звучать "во весь голос"). В этом процессе имели место некоторая несогласованность между темпами отрицания веками насаждавшихся норм дисциплины «палки и голода» и рождением новых форм сознательной дисциплины, неполное совпадение темпов формирования новых нравственных ценностей в производственной и социально-политической деятельности, с одной стороны, и в сравнительно консервативной сфере семейно-бытовых отношений - с другой.

Во-вторых, в ряде регионов или отраслей возможно временами усиление негативных явлений в сфере морали, к чему приводят просчеты в партийно-организационной и идеологической работе, нарушения ленинских норм партийного и государственного руководства. Поэтому исключительно важным для теории и практики нравственного воспитания является опыт оздоровления нравов, улучшения морально-психологического климата путем мобилизации коммунистов, всех трудящихся на борьбу с нарушениями норм и требований коммунистической морали.

В-третьих, надо учесть, что в составе пережитков есть также группа норм и правил добуржуазной морали, в том числе осколки патриархально-общинных нравов. Все пережитки составляют слой антиподов социалистической нравственности, ее коллективистски-гуманистических ориентаций, хотя в целях лучшего приспособления, так сказать, к «среде обитания» они, как правило, меняют старое обличье, так или иначе подделываются при оправдательной мотивации под господствующие при социализме ценностные предпочтения, нормы и оценки.

Перейдем теперь к *другой разновидности морального зла*. В пьянстве, хулиганстве, подхалимаже и угодничестве, тунеядстве, спекуляциях и хищениях социалистической собственности, взяточничестве, стяжательстве и других уродливых явлениях, вызывающих беспокойство и справедливое возмущение трудящихся, неправильно видеть только лишь "пережитки прошлого" в сознании и поведении людей. «Причины многих из этих «болячек» следует искать и в сегодняшней практике, в просчетах тех или иных работников, в реальных проблемах и трудностях нашего развития, в недостатках воспитатель-

ной деятельности»⁷⁷.

Чтобы резче подчеркнуть специфические свойства второго вида морального зла с точки зрения происхождения и характера порождаемых им конфликтов, их иногда называют «нажитками» (в том числе предшествующих фаз развития морали социализма и то, что некогда было социалистической новью, затем становится неорганичным, отмеченным печатью вчерашнего дня) в отличие от унаследованных от прошлого «пережитков». Несмотря на то, что в живой практике нравственных отношений обнаруживаются значительные трудности в прочерчивании четкой границы между этими двумя разновидностями морального зла - ввиду их объективного взаимосцепления, способности через ряд промежуточных форм переходить друг в друга, - тем не менее, *теоретическое их выделение* оказывается *исключительно важным* для преодоления «черно-белой схемы» восприятия нравственной жизни, для понимания современных ее *состояний и ситуации воспитания* в социалистическом обществе, оценки перспектив их развития. Здесь целесообразно сказать, что противоборство с данным видом морального зла вследствие того, что оно «свое, родное», несомненно, не становится упрощенным, сглаженным, предрасположенным к примиренчеству и оттого делом ясным и легким для вовлеченных в него людей: зло всегда остается злом, требуя борьбы с ним. Более того, этот вид зла, с точки зрения задач научного управления обществом, приобретает первостепенную значимость. Но уже одно то обстоятельство, что развертывание противоборства с этим злом все же совершается в рамках признания участниками принципов и ценностей социалистической морали, в условиях, когда в конечном счете выявляется единство коренных интересов этих участников, свидетельствует о коллективистски-гуманистической основе данного противоборства, о качественно новом этапе нравственного прогресса человечества⁷⁸. Этим определяются и специфические способы решения моральных проблем, их взаимовыгодные последствия для нравственной жизни общества и вовлеченных в нее людей.

Постановка данной проблемы обязывает обратиться к *истокам неантагонистического вида морального зла*. Исходить в его объяснении и выявлении истоков следует, видимо, из того, что у этого явления существуют разнообразные «благоприятные» условия и причины. Оставаясь в рамках непосредственного причинного объяснения, достаточно указать на то, что это зло протекает из а) различной полноты и глубины усвоения личностью принципов, норм и ценностей социалистической морали; б) различных степеней воплощения их в жизненной позиции, в отношениях между людьми; в) несовпадения обыденной порядочности и высоконравственного поведения, сориентированного на коммунистический идеал⁷⁹, наконец, г) неодинакового уровня нравственной культуры людей.

Каждый из названных истоков заслуживает отдельного рассмотрения и углубленного изучения, в котором на передний край выйдут проблемы неизбежной многоступенчатости усвоения принципов и ценностей социалистической морали, такой же неизбежности осложнений, противоречий, неравномерности данного процесса у разных - по конкретным жизненным обстоятельствам и даже биопсихологическим параметрам - индивидов. Возникают проблемы этапности, постепенного восхождения людей к более зрелым рубежам нравственной ответственности и свободы, проблемы недостатков в социализации молодых поколений, нравственно-воспитательной деятельности в различных коллективах и социальных микросредах. На этом уровне рассмот-

рения данных проблем можно лишь зафиксировать огромное разнообразие причин и проявлений морального зла.

Переходя *от непосредственных причин к общесоциологическому объяснению* второй разновидности зла, следует указать на известную *противоречивость ряда бурно протекающих в целом положительных социальных процессов, разнокачественность их влияния* на общественные нравы, поскольку они нередко способны в одном - ведущем - отношении содействовать *укреплению нравов*, а в другом - боковом, вторичном - оказывать негативное, дестабилизирующее или *эрозийное влияние* на состояние нравственных отношений и воспитательной практики. Вследствие названной разнокачественности последствий возникает явление *асимметрии факторов воздействия* на сознание и поведение людей, когда, вместе с ростом и укреплением коллективистских, гуманистических начал, социалистического образа жизни (а именно в этом направлении и оказывает вся наша действительность наиболее существенное воздействие!), на тех или иных участках социального взаимодействия обнаруживается рост эгоистических начал в групповой или индивидуальной форме.

§ 4. Социально-преобразующая и конструктивно-критическая роль социалистической морали

Противоречие добра и зла, воплощенное в разнообразных по форме и содержанию нравственных конфликтах⁸⁰, в столкновениях коллективизма и индивидуализма, несогласованности жизненных позиций, позволяет глубже понять диалектику нравственной жизни современного социалистического общества, осознать созидательное историческое предназначение морали этого общества ее конструктивно-критическую направленность.

Буржуазные и ревизионистские интерпретаторы социалистической морали исходят либо из идеи "порочности" социалистической революции, либо из идеи ее неизбежной деформации в духе государственного капитализма, бюрократического капитализма, нового индустриального общества и т. п. Поскольку революция неизбежно якобы завершается «повторным отчуждением», «элитарным стратифицированием» и т. п., то новое общество стремится «заарканить» революционные порывы масс, сделать их моральное сознание «сателлитным», «покорным», прибегая к идеопсихологическим воздействиям на него. За догму принято считать, будто в послереволюционные «спокойные» периоды истории социалистического общества его мораль перестает быть специфическим механизмом ориентации и регуляции поведения людей, направлявшим их прежде на социально-политические революционные преобразования. Критическая, революционная нацеленность социалистической морали не признается атрибутивной характеристикой и с натяжкой допускается частично справедливой лишь для привходящих и давно прошедших - героических - фрагментов ее истории.

Буржуазная пропаганда всеми силами стремится наладить широкий «экспорт» указанных идей и клеветнических оценок в мир социализма. При этом преследуется цель навязать моральному сознанию народов социалистических стран либо установки и нормативы «потребительской морали», либо установки и ценности «нигилистической морали» (ориентация на социальную апатию; уклонение от нравственных обязанностей, выпадение из «системы»; ориентация на открытое сопротивление этим ценностям, расшатывание социалистического образа жизни).

Буржуазные обвинения, в которых теоретическая узость может соперничать лишь с политической слепотой и злонамеренностью, исходят из представления, что в морали имеются разрушающая и укрепляющая функции по отношению к существующей социальной организации. Однако абстрактное выделение этих двух функций и тем более преувеличение значения одной из них методологически несостоятельно. Мораль не служит укреплению устоев или разрушению порядка вообще, а оборачивается той или иной своей стороной в зависимости от конкретно-исторической ситуации, от социальных условий, в которых действует механизм моральной ориентации и регуляции. Указанные интерпретации не учитывают или же намеренно извращают соотношенность революционно-критической направленности социалистической морали с ее классовой природой, сущностными ориентациями, принятым в ней критерием высших ценностей. Далее, за скобки выносятся процесс исторического развертывания ведущих ценностей и функций всей моральной системы социализма, преодоление некоторых моментов ее собственной - исторически обусловленной - ограниченности, известная переориентация содержания моральной регуляции и изменения в соотношении ее функций.

В социалистическом обществе, которое преодолело антагонистическую форму исторического прогресса, социальная организация открывает практически безграничные просторы для нравственного совершенствования и творчества людей. Конечно, поскольку здесь имеют место *неантагонистические противоречия различных видов и уровней*, перед социализмом также стоит *проблема критического отношения* к наличной социальной практике. Свою критическую миссию выполняет и мораль, которая призвана так сориентировать поведение людей, чтобы *оно содействовало разрешению противоречий общественного развития, укреплению жизнеспособности социальной организации*, ее готовности к самообновлению. В этом процессе - если отвлечься сейчас от магии подробностей - мораль выполняет двоякую роль.

Она позволяет, *во-первых*, обнаружить возникающие противоречия, сигнализируя об их остроте, масштабах, о возможностях преодоления диспропорций, различных форм зла. Те или иные звенья, узлы, элементы, формы социальной организации (и связанные с ними определенные типы поведения, защитительные суждения-клише, оценки, стереотипы восприятия) в силу устаревания, несоответствия новым общественным потребностям, в результате субъективистских промахов могут препятствовать сбалансированности и нормальному функционированию производства, систем распределения и потребления, деятельности различных социальных институтов. В таких ситуациях, как правило, возникают осложнения на пути развертывания социальной активности трудящихся, укрепления трудовой и общественной дисциплины, сильнее дают о себе знать «социальные болячки», более напряженными становятся нравственные коллизии (между различными моральными ориентациями, между основными и вспомогательными ориентациями, общественно одобренной иерархией моральных ценностей и индивидуальными, групповыми представлениями о ней, завышенными личностными ожиданиями и реальными возможностями их удовлетворения, общественным мнением и совестью, социально апробированными целями и антисоциальными средствами их достижения и т. п.).

Разумеется, данные процессы фиксируются и в системах научного управления обществом. Однако их диагностическое выявление, «открытие», осуществляемое моральным сознанием в оценках передового общественного мнения, иногда опережает строгий научный анализ. Такие оценки, конечно, не

обладают точностью, глубиной и основательностью научно-политических оценок. Тем не менее, в принципе совпадая с ними, они могут быть более острой, пульсирующей и опережающей контрольной реакцией на потребности в социальных изменениях. Они симптоматически выражают обстоятельства, подчас ускользающие - ввиду неполного развертывания содержащихся в них противоречий - из сферы научного анализа и притом всегда отражают регулятивно-ориентационную сторону любой социальной задачи.

Нравственное сознание не может мириться с хотя и устоявшейся, но успевшей устареть практикой независимо от того, относится ли она к производству, торговле, потребительской деятельности, управлению, организации общественного порядка или к каким-то граням межличностных отношений. Это сознание расценивает подобную практику как зло, возмущается ею, негодует по поводу приверженности к ней тех или иных лиц, призывает к исправлению, оздоровлению, утверждению новых форм, оценивает ее не только с позиции нормы, но и идеала, с точки зрения высших интересов общественного развития, в плане гармонизации экономической, социально-политической целесообразности с целесообразностью моральной. И в этом смысле порождающие творческое беспокойство оценки передового общественного мнения и совести людей являются неперенным и ничем не заменимым дополнением хозяйственного расчета, управленческого решения, научной экспертизы, теоретического прогноза.

Социалистическая мораль, *во-вторых*, не только обнаруживает противоречия общественного развития и дает им нравственную квалификацию. Она вовлекает в их практическое разрешение трудящихся, пробуждая социальную волю и энергию, инициативу и почину массового, коллективного и индивидуального действия. При этом упор делается на развитие способности к преобразованиям с *максимальной* основательностью и *минимальными* социальными издержками. Практическое разрешение противоречий опять-таки лежит в русле совершенствования научного управления обществом, обновления механизмов деятельности различных социальных институтов, улучшения всего комплекса идейно-воспитательной работы, а не в русле моральных увещеваний.

Социалистическая мораль бескомпромиссно отрицает не только различные формы зла и отклоняющиеся ориентации в поведении, но и любые виды примиренчества с недостатками, безответственное соглашательство и пассивность, убаюкивающую веру в «философию» самотека («все само собой утрясется», «главное - не терять равнодушия!» и т. п.). Решительно отклоняя нравственные воззрения, защищающие отжившие стереотипы поведения и оценивания, чуждые традиции, она способствует коллективистско-гуманистическим началам во всех сферах социального бытия людей. Будучи органической частью того, что называют «общественным темпераментом», передовая мораль стимулирует активную жизненную позицию людей, формами проявления которой являются единство слова и дела, положительный личный пример, почин, а подчас - подвиг. Она развивает энтузиазм, творчество *не только масс*, но и *отдельных лиц*, так как *и уникальные поступки*, полные гражданской самоотверженности и человеколюбия, *дают толчок к изменениям* и в массовом поведении (естественно, не сразу, а лишь в длительном и сложном процессе кристаллизации). Социалистическая мораль, таким образом, формирует сознательных и решительных борцов за коммунизм. В этом и заключается ее социально-преобразующая и конструктивно-критическая роль на этапе современного развития социализма.

Глава вторая

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

§ 1. Нравственные последствия урбанизации

Социалистическое общество размещается не по ту сторону истории человечества, а является закономерной стадией ее саморазвертывания, не запредельной, а живой частью истории, и потому подвержено «постоянным изменениям и преобразованиям»⁸¹. Более полувека назад, у истоков нового общества, В.И. Ленин писал «...бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»⁸².

На начальном этапе зрелости социалистическое общество вплотную выходит к своему собственному высшему целевому предназначению. Перед ним встает *стратегическая задача* программирования планомерного и *всестороннего совершенствования*. Но одновременно с перспективными целями, с масштабностью и основательностью социальных изменений во всех без исключения сферах человеческого бытия возникают и новые, сложные, подчас непредвиденные в полном объеме (по гносеологическим и социально-психологическим причинам) или не получившие адекватных решений проблемы морального развития. Это своеобразные проблемы роста, обусловленные прежде всего нарастающей необходимостью усиления борьбы с различными видами морального зла, антиподами коммунистической нравственности, с отклоняющимся от ее норм поведением. Как отмечалось выше, они связаны с известной противоречивостью ряда позитивных в целом (по замыслу, направленности, содержанию) социальных процессов, с многозначностью близких и отдаленных последствий этих процессов с точки зрения их влияния на нравственное сознание и нравственные отношения (то, что с некоторой долей условности было предложено именовать «асимметрией факторов»). Известно, что и в условиях крепнущего социально-политического единства советского общества в нем, как и в любом социальном организме, идет борьба нового со старым, действуют как созидательные, так и негативные тенденции. Указанная противоречивость, действие «асимметрии факторов», наложение друг на друга нескольких линии такого рассогласованного влияния на общественную нравственность наиболее рельефно обнаруживаются в ходе урбанизации, и потому именно с нее начнем рассмотрение нравственных проблем совершенствования социалистического общества.

Слово «урбанизация» обычно понимается упрощенно. В научной интерпретации «урбанизация» - не только механический рост городов. Та или иная территория может проходить по статье урбанизированной, с точки зрения преобладания в ней городского населения, но в то же время быть «сельской» по показателям преобладания определенного рода профессий, способам потребления культурных благ, насыщенности всякими техническими средствами. Урбанизация включает процессы концентрации в них населения, повышение роли городов в жизни общества и изменение их функций, уплотнение и диверсифи-

кацию связей между городами, создание групповой системы поселений и многое другое. Это - качественное, комплексное изменение всей социально-пространственной организации общества, перестройка среды обитания человека. Когда мы говорим об ускорении создания искусственной среды проживания человека, чуть ли не о возникновении новой Вселенной, со своими темпами жизни, источниками света, температурным балансом, восприятием времени, гаммами ощущений, то, прежде всего, имеем в виду городскую экологию.

Урбанизация - мировой процесс. С начала XIX века население городов с числом жителей более пяти тысяч росло в десять раз быстрее, чем все население земного шара. Если к началу XX века лишь одну Англию можно было без натяжек именовать страной урбанизированной, то уже к середине столетия практически во всех индустриально развитых странах преобладающая часть населения стала проживать в городах. Темпы и масштабы урбанизации столь велики, что все больше исследователей зачисляют ее по графе глобалистики, относят к числу проблем, однородных - по их значимости для человека - с проблемами экологическими, демографическими, сырьевыми, энергетическими.

Бурно протекает урбанизация и в нашей стране. За последние 40 лет общее число городов выросло вдвое (их свыше двух тысяч, и ежегодно возникают десятки новых). Если в 1940 году городское население составляло 33%, то по переписи 1979 года в городах проживает 62% всего населения страны. Вплоть до середины 70-х годов чистая миграция сельчан в города непрерывно возрастала и только затем несколько сократилась. По прогнозам к концу настоящего десятилетия в городах нашей страны будет проживать 70% всего ее населения.

Урбанизация означает не просто перемены в социо-пространственных связях, но и утверждение городского образа жизни, широкое распространение этого образа жизни с присущей ему нормативно-ценностной регуляцией поведения. Причем, большие города служат источником имитационного поведения: происходит диффузия городского стиля жизни и соответствующего поведения в средние и малые города, в сельские поселения, именуемая «косвенной урбанизацией». Поскольку в известном смысле город как бы «переливается» через свои обычные пространственные границы, позитивные и негативные последствия урбанизации проявляются и там, где объективно для этого нет достаточно выраженных предпосылок, более того, - и там, где наблюдается рурализация. Городской образ жизни весьма существенно влияет на нравственные отношения людей. Как и в каком направлении?

Не вызывает сомнений, что «городская культура»⁸³ очень много дает для развития личности, форсируя становление ее самостоятельности, инициативности, обеспечивая высокую насыщенность различной информацией, предоставляя более широкие возможности для выбора трудовой деятельности, форм обучения, проведения досуга, делая более интенсивным и обширным диапазон ее общения. Сосредоточение высших, наиболее творческих форм деятельности в определенных центрах общества неизбежно стимулирует в каждой его точке потребность к приобщению к этим высшим результатам. Урбанизация создает своеобразное поляризованное культурное поле. Каждая личность в этом поле неизбежно получает стимул к перемещению к высшему потенциалу, к саморазвитию, а, следовательно, и к развитию этого потенциала⁸⁴. К сказанному необходимо добавить, что в городе сильнее всего ощущаются изменения в самой структуре коммуникативных систем, когда ступенчатый способ передачи информации вытесняется «референтным», т. е. обращением всех реципиен-

тов к равноудаленному источнику информации, что в условиях социализма усиливает универсальность городской культуры⁸⁵. Именно в городе наиболее интенсивно протекает укрепление как коллективистских начал в нашем обществе, так и интернационалистических. Не будет значительного риска в утверждении, по которому развитие урбанизированной среды можно рассматривать в качестве одной - сравнительно независимой - переменной, выступающей в роли фактора формирования общенародной морали социализма (наряду, скажем, с углублением реального обобществления производства и труда, развертыванием НТР, трансформациями в социально-классовой структуре, утверждением социальной однородности и т. п.).

Решительно нельзя согласиться с суждениями, согласно которым в урбанизированной среде якобы неизбежна инфляция человечности, проявления неуважения, агрессивности, грубости, раздражительности, безразличия и других подобных явлений, иронически поименованных одним философом как «некорыстолюбивая недоброжелательность». Но при этом, по справедливому замечанию болгарского социолога Минчо Драганова, из сравнительного рассмотрения выпадает то обстоятельство, что некоторые особенности гуманизма старых времен просто неуместны в городском существовании, в том числе связанный с ним комплекс недооценки своей личности, сознание ее ничтожности, выкристаллизованное религией и сакрализованное ею. «Урбанизированная человечность многоярусна, сложна, многовариантна, она содержит в себе как человечность в непосредственной повседневности, в личных знакомствах и контактах, так и человеколюбие широкого масштаба, и в этом смысле она перерастает в демократизм. Урбанизированный гуманизм содержит в себе патриархально-традиционное сочувствие, отзывчивость, умение сопереживать, доброту и любовь к ближнему, и в то же время он проявляется как исторически масштабный, обобщенный гуманизм, как высший долг. Он сочетает уважение к другому с уважением к себе, и это характерный признак его полноты»⁸⁶.

Хотя городской образ жизни возвышает личность над однообразием жизненных условий и существенно расширяет ее культурный кругозор, одновременно он несет и немалые угрозы ее нравственной цельности, естественности течения жизненного процесса. В этой точке мы и обнаруживаем действие «асимметрических факторов». В самом деле, в городе происходит ослабление столетиями отшлифованных традиционных форм социального контроля над поведением людей при отставании «производства» новых, соответствующих условиям городского существования, его форм. Причем, не столько в крупных трудовых коллективах, где действуют сильные общественные организации, сколько на мелких предприятиях, где эти организации оказываются значительно менее влиятельными, и вообще не столько в сфере производства, сколько в сфере обслуживания, организации досуга, в неформальном общении, в жизнедеятельности по месту жительства. Происходит то, что в социологии называют дисперсией или распылением социального контроля. Если в деревне поведенческие ориентации формируются в условиях подробной и единообразной регламентации, незамкнутости, "витринности" личной жизни, оперативности реакции на случаи отклонения от всем известных и понятных норм (как поется в известной по кинофильму песне Н. Доризо, "от людей на деревне не спрятаться"), что, несомненно, облегчает нравственно-воспитательное воздействие, делает его более эффективным, то в многоэтажных городских жилых зданиях, по некоторым подсчетам, знают друг друга всего только 20% жильцов (кроме, понятно, кооперативных домов). Еще меньше - в жи-

лом массиве, микрорайоне. Нередко жильцы уклоняются от социо-контрольного воздействия, но не по «злой воле», а ввиду острого дефицита времени, жесткой «расписанности» распорядка дня, присущих городскому существованию⁸⁷. В городе резко повышается значение самоконтроля и нравственной культуры человека. При их недостаточной зрелости дисперсия социального контроля, перепады в его организации приоткрывают щели для многообразных проявлений антиобщественного поведения, всякого рода распушенности. Эти чрезвычайно актуализируют проблематику адаптации мигрантов к городскому образу жизни, новым нравам, к неведомой им прежде ситуации рассеянности контроля. «Адаптация к урбанизированному образу жизни со всеми его сложными элементами (к тому же в значительной степени плохо изученными как раз именно в той части, которая касается уровня "впитываемости" нравственных ценностей, мотивов и стереотипов поведения) - процесс не прямолинейный и не однозначный. В нем наблюдается определенное «опережение графика», когда, скажем, происходит быстрое, но поверхностное, подчас даже формальное или же одностороннее освоение мигрантами новых нравственных ориентаций и норм. Подобная диспропорция имеет место в тех случаях, когда город расшатывает не только архаичные обычаи и традиции, но и частично обычаи и традиции «здоровые», те, которые обладают животворным гуманистическим смыслом и которые исключительно важны для осуществления социального контроля и воспитания в городских условиях.

Современный мигрант - фигура достаточно противоречивая. Прибывает он в город с уже определенным нравственным «капиталом», обретенным в процессе «первичной» социализации. Им уже пройден первый этап освоения нравственных норм микросреды, непосредственной социально-территориальной общности (деревня, поселок, небольшой город). Попав в город, он оказывается в новых социальных условиях, где дает о себе знать необходимость во «вторичной» или повторной социализации. Возникают определенные сложности в нравственно-культурном, иногда даже просто в «этикетном» оформлении поведения адаптанта. У него чаще обнаруживается диссонанс между целями и средствами деятельности, побудительными и оправдательными мотивами поведения, легче выявляются своеобразные разломы поведения в труде, быту, отдыхе, когда человек становится как бы многоликим в моральном смысле, руководствуясь разнокачественными критериями поведения и нравственных оценок»⁸⁸. По некоторым социологическим данным, для полной адаптации мигрантов из села нужно и среднем около 10 лет. В настоящее время в составе населения малых городов насчитывается примерно 16%, в средних - тоже 16%, в крупных - около 20 и больших - около 8 или 10% лиц, которые еще не полностью адаптировались к городским условиям⁸⁹, а значит, для них характерна незавершенность адаптации, подчас застревание на каких-то первоначальных ее этапах, сохранение в неприкосновенности части старых нравов. Маргиналы, по сравнению В. Шукшина, «ни городские до конца, ни деревенские уже»⁹⁰.

Уже отмечалось, что специфической чертой городской общности является нарастание в ней гетерогенности: множится число социопрофессиональных, потребительских, досуговых и иных групп. В каждой формируется все увеличивающееся число «кодексов» - наборов поведенческих норм и оценок, правил желательного, допустимого и запретного, которые не распространяются на другие общности и области общения. Поэтому столь разительно меняется поведение одних и тех же лиц в трудовом коллективе, в кружке профессионалов, в

дружеских или соседских компаниях, в публичных и частных местах, в уличной толпе, на стадионе, в универмаге, в местах рекреации (парк, дискотека, кино-театр и т. п.). Вместе с тем исследования улавливают и противоположную тенденцию к интеграции поведения, стертости групповых норм в результате различных межгрупповых связей, диффузий, социальных перемещений.

Умножая виды активной деятельности, интенсифицируя ее, городская жизнь, хотя и увеличивает количество общений горожанина (некоторые утверждают, что в крупном городе число суточных встреч достигает чуть ли не 5 тысяч), но в них резко возрастает доля анонимных, случайных и кратковременных контактов, а сами эти контакты проигрывают в качестве, глубине, проникновенности. Горожанин как бы включает механизмы психологической защиты от принудительного общения, от интенсификации общения, «тормозит» эмоциональные реакции. Но очень часто он выходит за границы оправданности торможения. Это приводит к известной поверхности нравственных контактов между людьми, порождает ощущения сосредоточенности на собственных эгоцентрических, нередко "неокультуренных" побуждениях, чувство безразличия к «толпам чужих людей», чувство одиночества⁹¹ как результата оборванных живых нравственно-психологических связей с окружающими (или выхолащенных связей, рождающих лишь псевдообщение). Происходит ослабление института дружбы и замещение его отношениями корыстного или «шапочного» знакомства. "Разумеется, из этого совсем не следует, что нормы этики городского общения начисто исключают возможность эмоционального и личностного контакта. Значимость даже чисто случайной встречи в городе ранее незнакомых людей отнюдь не равна во всех случаях нулю. Известно также, что новое знакомство, даже при случайных обстоятельствах, несколько не умаляет той взаимной симпатии и расположения, которые могут возникнуть у людей. Однако верно и то, что в условиях массового общения человек скорее не расположен, чем предрасположен к личностному и эмоциональному восприятию каждого встречного"⁹².

Многозначным оказалось влияние урбанизации на состояние семейно-брачных отношений. Существует тесная взаимосвязь между числом разводов и степенью урбанизованности населенного пункта. Наибольшее число разводов, как правило, выпадает на 26 городов-миллионеров и столиц союзных республик (примерно 20% из общего числа разводов на 1979 год). Особо надо отметить негативную роль в воспитании подрастающего поколения, которую играет (оправданное с социально-гигиенической точки зрения) отделение зоны труда от зоны проживания, а также известное ослабление трудовых начал в семенном воспитании. Родители слишком часто, чтобы это прошло без последствий, предстают перед глазами своих детей в роли потребителей, «досужив людей». Ослабление трудового воспитания в городской семье усиливает изъяны в нравственном развитии, особенно тогда, когда в семье единственный ребенок.

Отрицательное влияние на эмоционально-нравственную жизнь оказывает и характер городских застроек - замена так называемой «коридорной матрицы» свободной застройкой, при которой слабеют традиционные дворовые и домовые сообщества, соседские связи, обеспечивающие личность поддержкой, воспитательным надзором и воздействием. С ослаблением роли этих локальных сообществ и в результате роста внутригородских миграций перестало с прежней эффективностью действовать укрепляющее социальный контроль ощущение «своего дома», что в определенной степени подрывает силу "духов-

но-нравственных корней".

Аналогичное влияние оказывает и "прямоугольная", по выражению Ю. Бондарева, городская архитектура. Широко распространена в городах за последние примерно 25 лет техницистская эстетика с ее угнетающим геометрическим примитивизмом, псевдоразнообразием, эмоциональной бедностью отнюдь не способствует формированию высоких нравственных чувств, ощущение единства с природой и историей⁹³.

Трудно охватить все сколько-нибудь существенные стороны нравственных последствий стремительной урбанизации. Важна, впрочем, не столько полнота картины, сколько поиски "выхода" к программе действий, к *управленческим подходам и решениям*. Бесспорно, правы те исследователи, которые, *во-первых*, стремятся обязательно детализировать аналитическое описание современной ситуации нравственной жизни и воспитания в соответствии с разнообразием самого процесса урбанизации (его уровень по регионам и республикам, развитость организационных начал, интенсивность миграционных потоков, преобладание тех или иных типов городов, характер взаимодействия с аграрным хинтерландом и т. п.); *во-вторых*, принимают во внимание невозможность выделения воздействующих линий урбанизации на нравы в «чистом» виде, так как такое детерминирующее воздействие совершается в одном «пакете» с воздействиями, идущими от множества других социальных факторов, а потому по необходимости ограничиваются лишь ориентировочными оценками, качественной экспертизой ситуации; *в-третьих*, учитывают силу обратного воздействия состояния общественной нравственности на направленность урбанизационного процесса, его темпы и результаты.

Возможно ли погасить эрозийные в нравственном плане моменты современной урбанизации, городского образа жизни, укротить, купировать асимметрию факторов в развитии городской экологии? Отвечая положительно на этот вопрос (и не впадая при этом в прегрешения социально-градостроительного утопизма⁹⁴, примененного к нашим условиям), следует *исходить из преимуществ социалистической плановой экономики*, наличия в городском существовании концентрированных и чрезвычайно многообразных возможностей для *оптимизации городской среды* в соответствии с социально-гуманистическими идеалами нашего общества. Задача городского планирования, прогнозирования и управления как раз и заключается в том, чтобы привести в действие эти возможности, используя их в качестве «противофакторов», максимально развивая позитивные моменты «урбанизационного эффекта» и одновременно погашая его негативные моменты. Каждое решение должно *учитывать* нравственные последствия хозяйственной, организационно-технической, культурно-рекреационной деятельности. И не только *учитывать, прибегая к превентивным мерам*, но также сознательно и *плановмерно решать* все городские проблемы - от вопросов жилья до озеленения - *в соответствии с ценностями и принципами социалистической морали*, с запросами воспитательной деятельности. Разрешение данных проблем может быть оправданным и необходимым лишь в том случае, если оно содействует идейно-нравственному развитию городского населения, гуманизирует все стороны, аспекты, грани межличностных отношений в городе.

Оптимизация многомерной городской среды предполагает разрешение *основных противоречий* урбанизационного процесса. Экономическая целесообразность, как известно, подталкивает к дальнейшей централизации и укреплению городов, между тем как социальная целесообразность диктует существ-

венно иной вектор развития - создание динамичной, многообразной городской среды, избавленной от мегаполизации со всеми ее неудобствами и сложностями. Конфликт этих двух видов целесообразности не столь прост, каким он может показаться на первый взгляд. Его не разрешить приказным порядком, одним лишь сдвигом в приоритетах. Ведомствам чаще всего выгодно возводить новые промышленные предприятия вблизи от старых, в больших и крупных городах, где легко получить квалифицированную рабочую силу, нужных специалистов, где сравнительно просто включиться в систему кооперационных связей между предприятиями, где открыт доступ к научным учреждениям. Чем крупнее поселение, тем, как правило, быстрее окупаются инвестиционные расходы, тем выше прибыль на рубль вложений, тем проще выполнить плановые задания. То обстоятельство, что именно в крупных городах труднее всего поддерживать экологически благоприятные условия для жизни человека, дороже обходится удовлетворение его потребностей, не принимается во внимание, поскольку в значительной степени выходит за пределы ведомственного интереса и кругозора. Возникает запутанный клубок коллизий самого различного уровня. В результате в урбанизационный процесс вторгаются негативные стихийные факторы развития. Не секрет, что рост населения крупных и больших городов почти всегда превышает наметки планирующих организаций, расчета градостроителей и лишь отчасти объясним недостаточным умением прогнозировать. В итоге подобное вторжение означает раскомплексованность развития городов, возникновение диспропорций между развитием производственного и непроизводственного секторов, ведет к хроническому отставанию жилищного строительства от промышленного, к перебоям в работе городского транспорта, служб быта, учреждений торговли, культуры, образования и здравоохранения. Не может быть двух мнений относительно того, что эти противоречия и стихийные процессы оказывают негативное влияние на состояние нравов горожан. Чисто риторическим выглядит вопрос о том, улучшают ли морально-психологический климат в городе длинные очереди на жилье и места в детских садах, транспортная усталость («трамвайное бешенство», как некогда писал К. Паустовский) или нехватка посадочных мест в предприятиях общественного питания. Дисбаланс в развитии различных секторов городской жизни, отставание многих элементов социально-бытовой инфраструктуры объясняется недостаточностью жесткого контроля за точным и своевременным использованием средств на социальное развитие.

Не следует считать, будто города при существующих системах управления неотвратимо обречены на диспропорции в развитии и, следовательно, на воспроизведение дестабилизирующих нравы факторов. Современная практика управления городским хозяйством показывает немало примеров *рациональной организации городской жизни*, подтягивания «тыловых служб», соответствующим развитию промышленности развертыванием сфер жилищного строительства и бытового обслуживания.

Можно высказать предположение о существовании особого феномена «городского эгоизма» как одной из форм местничества, которая способствует нарастанию названных диспропорций и препятствует эффективности борьбы с ними. Этот феномен отличается от *городского патриотизма*, насыщенного значительным нравственным содержанием и лежащего в основе движения за коммунистическое соревнование городов, движения за создание городов образцового порядка. «Городской эгоизм», обнаруживая кровное родство со всеми другими видами «группистской морали», под весьма благочестивыми пред-

логами одобряет смещения в приоритетах и субординации интересов в социалистическом обществе. Так, в ситуации, когда ведомство стремится разместить новое предприятие в городе, власти города, чьи возможности по формированию капиталовложений весьма ограничены, идут навстречу этому стремлению, не принимая во внимание напряженности в обеспечении трудовыми ресурсами, в перегрузке коммуникации, в сфере услуг, затруднения с жильем и транспортом. Логика узкоместнического мышления на запутанных тропах различных ведомственных согласований и увязок порождает видимость моральной оправданности, а на деле лишь приводит к накоплению множества нерешенных проблем и нравственно-воспитательным издержкам.

Огромную роль в преодолении диспропорций играет обеспечение *комплексности подходов к городскому планированию*⁹⁵. Начинается она со стадии глубокой предплановой проработки. В свою очередь, это требует основательного анализа различных сторон городской экологии современного социалистического города с точки зрения ее формирующего воздействия на нравы. Опять-таки это выводит на проблемы изучения городской «моральной статистики». Опыт свидетельствует о том, что каждому городу необходимо располагать целостным и динамичным социально-экологическим паспортом, фиксирующим происходящее. В крупных городах подобные паспорта желательно иметь и для каждого района, как это уже сделано в Перовском районе столицы. Можно предположить, что полезным окажется и атлас социальных карт города. Раздел «Коммунистическое воспитание трудящихся», который является частью комплексного плана социально-экономического развития города⁹⁶, обычно страдает расплывчатостью показателей и не всегда располагает необходимой привязкой по территориальной индексации. Достоинством атласа явилась бы наглядность изучаемых процессов, пространственная конкретизация, которая позволила бы расписать «болевые точки» по карте города, опираясь при этом как на официальную, так и на неофициальную, как на статистическую, так и на социологическую информацию⁹⁷.

Городское планирование обязано не просто учитывать социально-воспитательные цели, но и включать, лучше сказать - вплетать их в комплексные планы развития города, помещать в числе целевых показателей, как это делается в одобренном ЦК партии управленческом эксперименте в г. Поти и заводском районе г. Тбилиси. *Синхронизация* экономических, организационных, культурных и воспитательных программ, достижение их однонаправленности и взаимодополняемости должны обеспечиваться в специализированных программах и подпрограммах управления (выдвигаются даже предложения защищать эти программы на городских активах, подобно тому, как в трудовых коллективах защищают «рабочие диссертации» или встречные обязательства). Очевидно, что центр тяжести такого программирования и всей управленческой деятельности находится *непосредственно в городских трудовых коллективах*. Здесь накапливается *передовой опыт воспитания*. Так, ЗИЛ создал систему управления адаптацией и профессиональным ростом молодых рабочих. Подобные системы разработали и внедрили на некоторых заводах Ленинграда. Ряд предприятий подготовили программы профилактики правонарушений. Трудовые коллективы в соответствии с решениями партии и правительства о борьбе с алкоголизмом активизировали реализацию городских программ противостояния пьянству.

Особенно велика роль предприятий в *воспитательной работе по месту жительства*. Сегодня почти 130 миллионов жителей нашей страны, то есть

практически каждый второй человек, не имеют устойчивой связи с трудовыми коллективами. Это пенсионеры, которых около 50 миллионов, домохозяйки, временно не работающие по семейным и другим обстоятельствам, дети, подростки. Их социальная связь с обществом реализуется главным образом через активность по месту жительства. Значимость последней повышается и в связи с другими моментами (тенденция к «постарению» населения, особенно крупных городов, к увеличению фонда свободного времени трудящихся, возрастание числа горожан в первом и втором поколении). Кроме того, совершенно очевидной стала сейчас потребность в создании единых центров воспитательной работы по месту жительства, которые координировали и направляли бы деятельность как многочисленных организаций, так и отдельных лиц.

Управленческая программа включает интенсификацию деятельности домов культуры, клубов всех видов, зрелищных предприятий, библиотек, музеев, стадионов и других спортивных сооружений и мест массового отдыха. Важную роль могут сыграть шефство (крупных предприятий над мелкими, промышленных предприятий над предприятиями торговли, общественного питания, сферы услуг), идеологические комиссии при парткомах, постоянные комиссии местных Советов, занимающиеся вопросами воспитания, органы трудоустройства и опеки, специальные органы, занятые укреплением связи семьи, школы и производства, ДНД, товарищеские суды, опорные пункты по охране общественного порядка, органы общественного самоуправления в микрорайонах и при ЖЭУ, подростковые клубы и типовые агитплощадки. Основные усилия при этом должны быть направлены на преодоление параллелизма, разнообразия, плановых просчетов и особенно формализма.

Недостаточная развитость работы учреждений культуры, однообразие и бедность, заскорузлость предлагаемых ею форм деятельности, слабое знание запросов потенциальных посетителей сдерживают повышение уровня межличностного общения в сравнении, скажем, с общением на улице и расширяют возможности для усвоения негативных стереотипов досуга.

Определенные «перекосы» в нравственном развитии подростков дает сужение зоны общения с природой, отрыв горожанина от природы, особенно в юном возрасте. «Технизация среды обитания» ставит перед управлением городской жизнью много серьезных экологических проблем, разрешение которых имеет существенный нравственный аспект. Урбанистическая политика, городское планирование должны быть направлены на установление оптимального соотношения природного и техногенного факторов, на развитие научного анализа различных элементов экологии города с точки зрения их воздействия на нравственное сознание людей. Приобрела актуальность задача *убережения* в урбанизированной среде жизнеспособных «островов» или анклавов полусельского образа жизни с использованием «деревенского эффекта» (непосредственный характер общения, динамичные открытые формы социального контроля, часть традиций и обычаев, сохраняющих непреходящее нравственное значение). Культурные традиции и обычаи сельского образа жизни и «подгородчины» нельзя считать полностью исчерпанными. Вопрос стоит не об искусственной консервации архаики, а о сложной диалектике рождения нового в процессе трансформации старого. В нравственном воспитании необходимо слияние, если угодно, воссоединение ряда гуманистических норм поведения сельского образа жизни с лучшими сторонами нравственных норм поведения городского образа жизни⁹⁸.

Определяющим условием преодоления влияния асимметрических фак-

торов урбанизированной среды на состояние общественной нравственности является создание системы научного управления факторами воспитательного воздействия, опора на уже существующие элементы, узлы такой системы, координация их деятельности, правильная ориентация соответствующих учреждений и организаций как производственного, так и непосредственно воспитательного профиля. Используя все преимущества плановой экономики, достижений социалистического образа жизни, данная система окажется способной устранить негативные последствия в развертывании такого позитивного в своей сущности процесса, как социалистическая урбанизация.

§ 2. Актуальные нравственные проблемы в сфере материального производства

Труд - ведущая форма самовыражения людей, основной узел их социальных связей. *От состояния трудовой морали общества в решающей степени зависит общий тонус его нравственной жизни.* Именно в производственной сфере жизнедеятельности людей в первую очередь и решается историческая задача органического соединения достижения НТР с преимуществами социализма.

Под воздействием научно-технического прогресса - причем еще в условиях, когда далеко не все возможности приведены в действие - коренным образом *меняются условия, характер и содержание труда, функциональные роли человека в производстве.* Это положительно действует на нравственные отношения, становится стимулом их совершенствования. Нравственно-психологические качества работников всех категорий сейчас все чаще оказываются не менее важными, чем их производственный опыт, профессиональные навыки, умения и знания⁹⁹. Возрастающее число производственных функций, сложность технологических процессов и высокие темпы их протекания требуют от работников не только таких качеств, как добросовестность, развитое «чувство локтя», способность к самоконтролю, но и умение оперативно реагировать на неожиданные ситуации (проблема «моральной надежности»)¹⁰⁰, постоянно трансформировать свою деятельность путем расширения кругозора, повышения общей и профессиональной (в двух ее ветвях - производственной и нравственной) культуры, компетентности, а также готовности не только аккумулировать новый производственный опыт, но и бескорыстно передавать его другим. И то, и другое все более приобретает характер *моральных обязанностей* личности. «В органическом единстве с усложнением труда меняется характер подготовки, а с ним и весь культурный облик, вся система потребностей и ценностей большинства рабочих, включенных в научно-индустриальное производство»..., которое «так же, как и производство индустриальное, создает повседневную жизненную обстановку, благоприятствующую - при прочих равных условиях - выработке дисциплинированности и коллективизма... Иными словами, научно-индустриальное производство требует от рабочего сочетания дисциплинированности с самоорганизацией и тем самым учит его такому сочетанию»¹⁰¹.

Возрастающее *разделение труда* в масштабах всего общества, *углубляющаяся специализация и усложняющееся кооперирование* внутри отдельных отраслей, производственных объединений и предприятия, развитие демократических начал на производстве обостряют потребность в *повышении уровня индивидуальной и коллективной моральной ответственности* за добросовестное и своевременное исполнение обязательств перед товарищами, дру-

гими коллективами. В свою очередь, это делает необходимым укрепление *сознательной* трудовой, плановой, финансовой, договорной, технологической дисциплины.

Между тем в производственной сфере нередко возникает противоречие между новыми запросами, требованиями и устоявшейся практикой взаимоотношений в трудовой деятельности, которое служит одним из основных источников нравственных конфликтов в этой сфере. Нередко данное противоречие связано либо с *прямыми* нарушениями норм социалистической трудовой, служебной и профессиональной морали (хищения, взяточничество, приписки, бесхозяйственность, прогулы, пьянство и т. п.), либо с *косвенными* (выпуск заведомо недоброкачественной или же не соответствующей установленным стандартам продукции, псевдоповышение рентабельности за счет ослабления роста эффективности производства, срыв хозяйственных договоров, рвачество, казенное отношение к делу и т. п.). Однако нравственные конфликты и противоречия трудно квалифицировать однозначно: в них, как правило, в запутанных формах сочетаются трудности ускорения и совершенствования технического прогресса, недостатки планирования, ошибки в управлении производством, несогласованность во взаимоотношениях его участников и многое другое.

Чрезвычайную остроту приобрели в последнее время моральные аспекты проблемы соотношения административно-хозяйственных установлений с потребностями экономического развития отдельных предприятий, производственных объединений и целых отраслей. В каждой отрасли хозяйства действует множество регламентирующих документов, различных предписаний, циркуляров и инструкций. Многие из этого так называемого «малого законодательства» противоречиво, устарело, содержит неоправданные ограничения, стесняет инициативу, не отвечает запросам быстро меняющейся экономической конъюнктуры. Вместе с тем нарушение регламентов (тем более не казусное, а систематическое) чревато серьезными отрицательными последствиями нравственного порядка (во многом аналогичным при защите правых, добропорядочных целой с такими небезупречными и даже социально осуждаемыми средствами, как оскорбления, доносы, шантаж, провокации, запугивания и т. п., обосновываемым тем, что мол не существует других путей успешного отстаивания справедливых целей), может под видом расширения простора для инициативы породить установку на беспринципную изворотливость и делячество, на «легкую жизнь», ведет к снижению в общественном мнении авторитета всякого социального, в том числе и морального, регулирования. Перед нравственным сознанием работников в подобных ситуациях встает задача морального выбора, обеспечения общественного блага, которое в ряде случаев не только достигается путем преодоления силы инерции устаревших регламентаций на практике, но и побуждает бороться за совершенствование самих типовых положений и инструкций, безусловно осуждая нигилистическое отношение к «малому законодательству».

Следует учитывать, что *преувеличение роли морального фактора* может обернуться и ростом *морального субъективизма*, когда ложно понятые коллективные интересы побуждают укоренять практику нарушения норм и правил якобы ради «пользы дела», но в действительности то, что представляется - на основе поверхностных выкладок и доверия интуиции - целесообразным и моральным, оказывается социально и экономически нецелесообразным, расточительством на другом, более высоком уровне, морально неоправданным в

широком, всеобщественном смысле. Подобный субъективизм, с одной стороны, порождает равнодушие к людям, поощряет демагогию и практику обесценивания запретительных правил, отрыв слова от дела, самоуправство. С другой - он же обременен всепрощенчеством, когда допускается снисходительность и терпимость к нарушителям государственной дисциплины.

Анализ истоков данных конфликтов и противоречий прежде всего обнаруживает существование довольно распространенной позиции недооценки роли «человеческого фактора», а следовательно, известного пренебрежения к воспитательной работе в коллективе. Встречается еще тип руководителя, который не стремится заниматься созданием благоприятного морально-психологического климата в коллективе («я отвечаю за план, а не за воспитательную работу; за нее отвечает партком, а я исправно хожу на все мероприятия»), не говоря уже об отсутствии у него вкуса к кропотливой, не дающей скорой «отдачи» воспитательной деятельности. Он склонен оправдаться «нехваткой времени» (будто существует такое специальное отведенное на воспитание время, лежащее по ту сторону времени, отданного решению хозяйственных и культурно-бытовых вопросов). Он охотно ссылается на неумение вести воспитательную работу (как если бы люди рождались на свет уже подготовленные к ней) и на этом основании с легким сердцем перепоручает такую работу другим лицам, парткому, пропагандисту. Случается и так, что проникается он верой во всемогущество "длинного рубля", способного якобы перекрыть воспитательные издержки, моральную неудовлетворенность работников.

Даже благожелательный *нейтралитет* к проблемам воспитания, не говоря уже об уклонении от персональной ответственности за его ход и исход, приносит в действительности ощутимый вред делу воспитания, потворствуя бюрократическим методам руководства воспитательной работой, практике выдвижения всяких надуманных "починов", снижая у работников чувство хозяина, провоцируя на «карандашное выполнение» плана, "бумажный ажур", сведению воспитания к сумме оказанных мероприятий. В конечном счете, складывается такой стиль хозяйствования, который приводит одновременно к моральным и хозяйственным издержкам.

Опыт развития советского народного хозяйства свидетельствует о том, что при недооценке роли "человеческого фактора" невозможны ни борьба за эффективность и качество, ни внедрение новой техники, ни поиск резервов экономии материальных и трудовых ресурсов. Нравственная ответственность, надежность - необходимый (и постоянно возрастающий по значению) компонент производственной деятельности на всех уровнях: от производственной бригады до высших звеньев управления экономикой. Как заведомо не может быть эффекта от ставки на некую «морализирующую экономику», так и мало-результативной оказывается предприимчивость, пренебрегающая "человеческим фактором", размывающая границы добра и зла, отворачивающаяся от новых, выдвинутых самой жизнью нравственных запросов.

Опора на «человеческий фактор» и предполагает не просто повторение призывов к совести и нравственному чувству, как спасительных заклинаний. Нельзя истолковывать этот фактор в качестве средства компенсации промахов, просчетов в хозяйственной деятельности. К тому же запасы нравственного энтузиазма масс вовсе не безграничны, бездумная их «эксплуатация» постепенно может ввергнуть коллектив в состояние социальной усталости и апатии. Требуется, как уже отмечалось, осуществление целого комплекса тесно увязанных между собой организационных, управленческих и воспитательных ме-

роприятий. Их назначение - укрепить нравственные позиции людей, целенаправленно формировать общественное (групповое) мнение, обеспечить желательные сдвиги в нравственном сознании как отдельных работников, так и всего коллектива. Наряду с усилением контроля и учета, использованием государственно-правовых средств воздействия необходимым оказывается создание обстановки нетерпимости вокруг нарушителей норм социалистической морали, а в случаях нарушения правопорядка - обстановки неотвратимости наказания, его моральной поддержки общественным мнением.

При выявлении причин нравственных конфликтов в сфере производства нельзя не учитывать еще одно важное обстоятельство. При бесспорных успехах промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, при гигантском росте масштабов народного хозяйства и невиданном усложнении, разветвленности экономических связей обнаруживается, тем не менее, что *механизм хозяйственной регуляции все еще больше ориентирует на абсолютизацию промежуточных результатов, чем на конечные результаты* производства, на наиболее эффективные средства их достижения, отдает предпочтение экстенсивным, а не интенсивным факторам экономического роста, то есть недостаточно содействует *фактическому соединению НТР с преимуществами социализма*. Он не вполне приспособлен к разрешению *противоречий между углубляющейся специализацией управления народным хозяйством и потребностью в его интеграции*, к преодолению приверженности формально-количественным показателям и оценкам.

Слишком часто - это едва ли возможно объяснить нерадивостью хозяйственников, их переоценкой или же недооценкой роли «человеческого фактора», неумением воспользоваться этим фактором - складываются *парадоксальные хозяйственные ситуации*, при которых коллектив, отстаивающий свою жизнеспособность, руководство этого коллектива вынуждено утаивать резервы производства как «коммерческую тайну», транжирить общественное достояние, «делать план» за счет выпуска устаревшей или дорогостоящей продукции. Планирование «от достигнутого» и оценка деятельности по валу ставят барьеры росту производительности труда, снижению себестоимости, не стимулируют принятие напряженных планов, повышенных обязательств, постоянное обновление технологии.

Подобные ситуации обременены негативными моральными последствиями, так как поощряют *индивидуальный или групповой эгоизм*. Они побуждают делать ставку на хитроумие толкачей и «пробивную силу» знакомств (нередко это подкрепляется подношениями, проявлениями круговой поруки, личной преданности, фаворитизма и т. п.). Заниженные планы, удобоисполнимые задания, неоправданно льготные условия снабжения, сбыта и финансирования, работа «на склад», «вымывание» дешевого ассортимента - вот чем пытаются в этих случаях компенсировать низкие показатели работы предприятия или даже отрасли.

Тяжелому испытанию подвергаются профессиональная честь и порядочность людей, когда обнаруживается, что добросовестные и квалифицированные работники, группы таких работников, целые коллективы попадают в худшее (и материально, и морально) положение, чем те, кто укореняет методы полумер, «латания дыр», использует слабости в системе показателей, действует («в порядке исключения», разумеется) в обход законности, подчас даже *вопреки здравому экономическому смыслу*. И все это нередко ради премий, карьеры, личного тщеславия, производственного фанфаронства. Такие ситуации по-

рождают демагогию группизма («ведь не для себя, а ради коллектива!», «вкляпывай на бригаду, отдел, цех, получишь деньги и почет, а выгодно ли это отрасли, стране или профессиональной группе - не твоего ума дело, не задавай вообще метафизические вопросы!», "настоящий хозяйственник всегда запрашивает с запасом, который карман не тянет, и обещает меньше того, что может!" и прочие клишированные проявления "мудрости" группизма, производящей маскирующие заемы у всех видов паремии). Ситуации этого рода подталкивают и к нарушениям нравственных норм трудового соперничества (подтасовка показателей, махинации при определении результатов, амбициозность, урывание премии и т. п.), приводят к разнонаправленности деятельности хозяйственной и воспитательной, к несогласованности их друг с другом.

Разумеется, такие явления не связаны с природой социалистического производства как такового, а лишь свидетельствуют, что к настоящему времени производство переросло существующий уровень планирования и механизм хозяйственной регуляции¹⁰². Неизбежными стали глубокие качественные изменения в производственной сфере. Коммунистическая партия ведет борьбу с названными выше негативными тенденциями не только путем всемерной поддержки передового опыта хозяйствования (бригадной формы труда, в частности, по единому наряду с оплатой по конечному результату и с учетом трудового участия каждого, щекинский и злобинский методы, вазовская система, бригадным подряд в строительстве и работа "под ключ", аттестация рабочих мест и т. п.), но и путем совершенствования планирования и стимулирования производственной деятельности, перестройки структурной и инвестиционной политики. Это позволит оптимизировать меру подчинения различных специфических интересов общим, *гармоничнее* соединить потребности всего народнохозяйственного комплекса с интересами производственных коллективов и отдельных работников, усилить ответственность их перед обществом и перед потребителем. Работа по перестройке хозяйственного механизма, форм и методов управления *отстала* от требований современного материально-технического и духовного развития нашего общества. Трудности, с которыми производство столкнулось на рубеже 70-80-х годов, нельзя исчерпывающим образом объяснить неблагоприятной погодой, необходимостью освоения новых обширных территорий (которые, к слову, обживались и ранее, а росту масштабов современного обживания соответствует и рост наших возможностей), удорожанием сырья, топливно-энергетических ресурсов, повышением транспортных издержек. Воздействие этих неблагоприятных моментов уступает по своему значению таким процессам, например, как недостаточный темп замены машин и оборудования на более передовые, что привело в ряде отраслей к их моральному старению, или таким явлениям, как очень частое невыполнение планов создания новой техники, а сопоставить ущерб от названных «природных» моментов с ущербом от применения «валовых» методов регуляции просто невозможно.

Партийные решения особо подчеркивают, что важно сохранить набранный темп в социально-экономическом развитии страны, активнее содействовать позитивным тенденциям (обновление производительных мощностей, ускорение роста производительности труда, улучшение некоторых качественных показателей, подтягивание трудовой дисциплины и т. п.). Большую роль для прокладывания путей к качественному сдвигу в производственной сфере играет новаторский по духу и научный по характеру *крупный экономический эксперимент*, в котором воплощается «концепция перестройки хозяйственного ме-

ханизма»¹⁰³. Его задача заключается в практической отработке главных элементов системы социалистического хозяйствования в современных условиях с тем, чтобы результаты можно было бы в сравнительно короткие сроки перенести на другие отрасли индустрии. Нацеленный непосредственно на экономические показатели, этот крупномасштабный эксперимент косвенно направлен и на улучшение трудовой морали нашего общества, на преодоление ситуации, дающих негативный нравственно-воспитательный эффект.

В самом деле реальное повышение ответственности объединений и предприятий в разработке планов по новым критериям напряженности заданий, за более полное обеспечение хозяйства страны и населения добротной продукцией с меньшими затратами сырья, материалов и энергии способно погасить последствия дестабилизирующих нравы производственных обстоятельств. Важно, что размеры выделяемых ресурсов определяются, по условиям эксперимента, на базе экономико-технических нормативов (а не просто "от достигнутого") и ставятся в прямую зависимость от конечных результатов. Хозяйственную деятельность решено оценивать по реализации продукции с учетом номенклатуры, качества и сроков ее поставки в соответствии с договорами и заказами потребителей, то есть отношения между поставщиками и потребителями, между отдельными предприятиями и даже отраслями станут в нравственном смысле чище, честнее. (Меньше будет возможностей для приписок и отписок, взаимных обманов, "обходных маневров", поползновений выполнить свои обязательства за чужой счет, меньше будет возможностей для применения "сравнительно честных" способов корректировки планов и выбивания различных льгот, для печальных превращений предприимчивости в делячество, легче будет противостоять нарастающей специализации с ее ростом межведомственных барьеров и т. п.)

Надо принять во внимание, что в процессе эксперимента происходит не просто изменение факторов, воздействующих на состояние нравов и воспитательной работы, но и *обратная детерминация*, так как состояние нравов и уровень воспитательной работы оказываются относительно самостоятельными переменными, воздействующими на ход этого огромного экономического эксперимента, на его "чистоту".

Анализ асимметрических явлений в сфере материального производства необходимо дополнить некоторыми проблемами трудовой морали. Дело в том, что в начале настоящего десятилетия полное среднее и специальное среднее образование рабочих различных возрастов становится все более типичным явлением, подобно тому, как совсем еще недавно типичным было неполное среднее образование у большинства рабочих. Каких-нибудь 20 лет тому назад средний рабочий имел 6-7 классов образования, а крестьянин - начальную школу. Разрыв между массовым специалистом-ИТР и рабочим-специалистом (в первые десятилетия после революции он был исключительно большим) сейчас в культурном плане и по показателям образа жизни тендирует в сторону уменьшения, сглаживания. Однако социологи фиксируют новые противоречия в данной области. Наиболее выпукло они могут быть представлены как противоречие между темпами роста эффективности и качества труда, с одной стороны, и темпами роста технической оснащенности производства, образовательного и квалификационного ценза работников - с другой. По-видимому, в этом заключается сравнительно невысокая экономическая отдача, которую обрела до сих пор страна в результате "вложений в человека", в его культурное развитие. Не случайно, рост фондовооруженности за 70-е годы почти вдвое

обогнал рост производительности труда (82% против 40 - 50%).

Постановка данной проблемы нуждается в определенной конкретизации. Следует учесть, что по стране примерно 65% рабочих занятых механизированным или даже полуавтоматизированным трудом, но более 1/3 заняты ручным трудом, не имеют отношения к современной технике. Если доля последних снижается крайне медленно, то абсолютное их число уже более 15 лет остается практически постоянным (примерно 9 - 10 млн. рабочих). Естественно, в строительстве их уже почти 50%, а в сельскохозяйственном производстве - 70. Всего этим трудом у нас занято примерно 50 млн. человек. При сохранении существующих темпов снижения к началу 3 тысячелетия число занятых ручным трудом в промышленности составит 25%, а в строительстве - 40. Отсюда следует: во-первых, экономический закон коллективного производства - закон экономии рабочего времени - действует у нас не в полную мощность; во-вторых, не так просто оказалось превратить труд во всей его полноте из мучительной, подневольной обязанности в первую жизненную потребность; в-третьих, конкретная ситуация делает экономически совершенно недопустимым дальнейшее сохранение столь значительной доли немеханизированного, тяжелого, малоквалифицированного, монотонного и малопродуктивного труда (его больше во вспомогательном производстве, где уровень механизации в два раза ниже, чем в основном); в-четвертых, избавление человека от утомительного, тяжелого ручного труда имеет и социально-политическое, и нравственное значение, так как он получает дополнительные возможности для участия в общественной деятельности, управлении производством.

Между тем в самом научно-техническом развитии сталкиваются противоречивые направления прогресса. С одной стороны, это - завершение машинного производства, «доделывание» промышленной революции, когда усилия нацелены на расчленение трудовых операций, их механизацию, на такую дифференциацию труда, которая имеет своим конечным продуктом простой исполнительский труд, в идеале - конвейерное производство. С другой стороны, происходят технологические изменения, когда усилия концентрируются на интеграции производственных операций, на трансформации функций работников (роботизация, химизация, биотехнологизация, компьютеризация, использование новых видов материалов, энергии и т.п.). Здесь уже делается ставка на творческий характер труда работника. Извилистый фронт противоборства данных линий, схлестывание двух начал прогресса ставит современного инженера перед поистине драматическими проблемами морального выбора - чему отдать предпочтение в каждом конкретном случае?! Совокупность подходов к решению проблемы вариативности развития производства («энтээризация» не носит, как иногда думают, фатально предопределенного характера, и во многом ее формы, темпы, направления оказываются результатом выбора) формирует на наших глазах новую систему ценностных точек отсчета, которую называют инженерной этикой¹⁰⁴. Сложные моральные проблемы порождает и отношение инженера к возможным отрицательным последствиям НТР, так как рационализация не всегда означает гуманизацию, часты случаи, когда жесткий технологический ритм и условия работы вызывают чрезмерное расходование рабочим нервной и мускульной энергии, а такое расточительство создает отрицательное отношение рабочего к труду. Мировоззренческий смысл имеет и отношение инженера к традиционной технологии, порожденной - не станем закрывать на это глаза - капитализмом. Нарращивать ли ее мощности или же идти по пути внедрения принципиально новых немеханических технологий - вопрос,

решение которого для всякого мыслящего инженера имеет ценностную природу и мощь гамлетовских терзаний. Переход к новым технологиям является вместе с тем и той дорогой, которая выводит на взаимодействие этики инженера и экологической этикой.

Вернемся к проблемам профессионально-производственной культуры рабочего класса. При общем ее подъеме у части рабочих она все еще остается низкой, в первую очередь у тех, кто занят ручной, малоквалифицированной работой. Социологи Л. А. Гордон и А. К. Назимова отмечают¹⁰⁵, что в 30-е годы количественный рост рядов рабочего класса опережал развитие квалификации, а в известном смысле, обгонял и повышение образованности. Затем рост общего образования превысил уровень профессионализации. В 70-х годах стремительное повышение общего образования оказалось неподкрепленным соответствующим ростом специальной профессиональной подготовки. Это привело к: дефициту некоторых массовых так называемых «малопrestижных» профессий; незапланированному повышению профессиональной мобильности; высокой текучести кадров, особенно среди молодежи: наличию в составе рабочего класса известной части сравнительно молодых людей без основательной профессиональной подготовки. Все эти моменты породили новые коллизии. Среди них спекуляции части рабочих на увольнении и вымогательство дополнительных «заработков», «приварков», глубоко безнравственная практика переманивания кадров с помощью посулов такого рода «приварков» (при ограничении фонда зарплаты резко сужаются возможности для стимулирования настоящих передовиков), возникновение ощущения у упомянутой части молодых людей ненормальности доиндустриальной квалификации в эпоху НТР, возрастание на такой почве неудовлетворенности жизнью, отклонения в поведении (проблемы алкоголизма, молодежной преступности и т.п.).

Но существует также профессионально-нравственная культура. Она может быть, согласно хорошо обоснованному суждению вышеупомянутых социологов, представлена как совокупность а) универсальных нравственных устоев и б) «операционных» нравственных качеств работника. В отличие от доиндустриальной эры НТР требует сочетания универсального трудолюбия, усердия, честности со специфическими умениями работать ритмично, действовать точно и четко, слаженно, высокоорганизованно, инициативно. Понятно, что все это должно войти в этос на уровне простых или сложных привычек, а не на уровне заученных лозунгов, плакатных трафаретов. Столь же понятно, что профессионально - производственная культура формируется сравнительно легче, быстрее и с меньшими издержками, чем культура профессионально-нравственная, чем трудовой этос, между тем как потенциал первой не может быть использован сколько-нибудь основательно без развития этоса. В этом смысле и говорилось выше о равноважности формирования профессиональных навыков, знаний и нравственно-профессиональных качеств в эпоху НТР, которая предъявляет к поведению работника требования как собственно нравственного порядка, так и требования, не реализуемые без соответствующего нравственного обеспечения.

При всем этом надо иметь в виду, что у большинства населения нашей страны был иной трудовой этос - доиндустриальный, связанный с простыми видами труда, с крестьянскими (вдобавок крепостническими) нравами. Значительная часть современных рабочих является ими лишь в первом поколении или только во втором. Еще совсем недавно эти люди занимались кустарным и домашним трудом. При гигантских (по масштабам и по уплотненности, по исто-

рическому счету времени) изменениях, которые произошли в трудовом этосе, не обошлось и без утрат части положительных элементов крестьянского и ремесленного доиндустриального трудового этоса. Наибольшие трудности выпали на регионы страны, переходящие к социализму, минуя капитализм, с «пропусками» в трудовой нравственной культуре.

В науке достаточно широко признано, что смена производственных навыков и знаний происходит легче, быстрее, основательнее, чем смена культурных, нравственных стереотипов поведения. Возникает возможность разнокачественности, разновременности, с точки зрения исторической принадлежности слоев культуры у одного и того же человека, что делает его, согласно мнению ряда социологов, маргинальной личностью, - обстоятельство, исключительно важное для всех секторов воспитательной деятельности. Надо учесть также, что в разных регионах был и разный темп индустриализации, урбанизации и «энтээризации», хотя в целом по всей стране он был весьма форсированным. Кроме того, что такая быстрота приводила к серьезным деформациям в трудовой морали, они усиливались и некоторыми субъективистскими причинами. Все это повлияло на характер современной мотивации к труду, на развитие «чувства хозяина», на темп и глубину преодоления отчужденного отношения к труду, на уровень коллективности и другие показатели трудового этоса.

Разрабатываемая программа мер преодоления всех этих диспропорций в трудовой сфере опирается, прежде всего, на перемены в хозяйственном механизме. Она включает и меры по совершенствованию распределенческих отношений, о чем будет сказано далее. Особую актуальность приобретает реформа в образовательной системе общества. Программа предполагает и осуществление специальных мер. Скажем, за счет развития «вторичной занятости», когда малоквалифицированные работы оказывались бы своеобразным дополнением к главному занятию. Огромную роль в такой программе должна сыграть соответствующим образом организованная и направленная нравственно-воспитательная деятельность непосредственно в трудовых коллективах.

§ 3. Распределение и проблемы потребительства

С материальным производством неразрывно связана обширная сфера распределения, а через него - не менее обширная и в известном смысле даже «загадочная» сфера потребления. В них за истекшие несколько десятилетий также произошли огромные перемены, причем по множеству показателей. Накопились здесь и асимметрические явления. В «кровеносных системах» распределения и потребления возникли различные деформации, своеобразные «тромбы», не пробив которые, невозможно всерьез действовать в направлении совершенствования общественных нравов.

Известно, что сфера распределительных отношений имеет огромное значение в реализации принципов социальной справедливости, что это - наиболее чувствительная сфера, влияющая на производство, на сознание и настроения людей¹⁰⁶. С ней связан широкий круг сложных проблем социальной политики партии и государства. Поскольку основным каналом распределения при социализме является распределение по труду, именно с него и начнем рассмотрение указанного круга проблем.

Первое, что приходится признать, так это негативное воздействие на нравы, которое оказывают уравнивательные тенденции в сфере распределения, хотя их не раз и не два принаряжали в привлекательные костюмы социального

равенства. Этим тенденциям должны противостоять стимулирующие труд антитенденции к дифференциации заработной платы (отрицательные последствия такой дифференциации в случае ее нарастания должны перекрываться или смягчаться с помощью особых механизмов, прежде всего распределения по линии общественных фондов, социального иждивения, доведения размеров выплат до уровня, позволяющего удовлетворять потребности низкооплачиваемых групп населения на общественно нормальном уровне). Дело, однако, в том, что рост заработной платы обуславливался главным образом пересмотром тарифных условий (ставок, коэффициентов, надбавок за особо тяжелые условия труда и т. п.). Получалось, что учитывались регион и технические показатели (отрасль, профессия, разряд), тогда как социальные как-то смещались в сторону, воспринимались как нечто третьестепенное. Условия труда именно на данном предприятии (объединении, фирме), привлекательность труда, тщательность соблюдения технологической дисциплины (а не только выполнение и перевыполнение норм выработки), бережливость к энергетическим, сырьевым, трудовым ресурсам, по отношению к оборудованию, подчинение императивам «экологической этики» - все это очень слабо отражалось на заработной плате, рождая не только множество неясностей, наслоений, неразберихи, но и просто экономические нонсенсы, которые «грубо, зримо» разрывали трудовые и нравственные аспекты производственной деятельности, поощряли хапужничество, безразличие, наплевательское отношение к общественному достоянию. Можно сказать и так: подобная практика шла вразрез с верой в справедливость существующих в нашем обществе (и необходимых) различий в материальной обеспеченности, усиливала сомнения в соответствии этих различий трудовому вкладу и ответственности того или иного работника.

На таком фоне ослабевала роль шестиразрядной тарифной сетки, так как часто высокие тарифы получали сравнительно легко, и тем самым неточно оценивалась квалификация рабочего. На этом же фоне процветала практика «отрегулирования» заработка до определенного «потолка» (его размер определялся стихийно), когда мастер срезает оценки или повышает нормы. «Выводиловка» порождает опасность грубого нарушения соответствия меры труда и меры его оплаты, сбивая энтузиазм, гася инициативы, подтачивая нормы трудовой порядочности, но вместе с тем удерживая "на плаву" лодырей, работающих в полсилы, кое-как, и даже рвачей. «Выводиловка» связана с системой раздачи «выгодных» и «невыгодных» работ, с помощью которой не столько поощряют лучших, старательных, сколько наказывают строптивых и поддерживают угодных - с точки зрения мастера, которая далеко не всегда совпадает с интересами общественного производства и воспитания. «В результате всего этого фактическая дифференциация заработной платы существенно отклонялась от нормативной. Уровень оплаты зачастую определялся не нормами и тарифами, а неписанным стандартом уровня жизни рабочего, сложившимся в регионе практически независимо от реальной квалификации и интенсивности труда. Аппарат отделов труда, особенно заводов с мелкосерийным производством и строительных организаций, по существу, лишь подгонял нормы, наряды и положения о премировании под этот стандарт, завышая объемы действительно выполненных работ, допуская другие формы приписок. Рост оплаты труда рабочих дефицитных профессии из планомерного процесса превращался в стихийный. Что касается управления заработной платой, то здесь вместо упреждающих решений, учитывающих объективные сдвиги в количестве, каче-

стве и эффективности труда, нередко преобладала запаздывающая реакция на усиление текучести кадров. В такой обстановке зарплата работников более сложных, но менее дефицитных профессии, особенно инженерного труда, неизбежно отставала. Необоснованные различия в оплате труда деформировали и шкалу привлекательности профессий»¹⁰⁷.

Экономические эксперименты, о которых говорилось ранее, как раз и направлены на преодоление данных видов нарушений принципов социалистического распределения в сфере заработной платы. Вопрос стоит о всестороннем совершенствовании практики реализации идеи *социальной справедливости*, которая занимает центральное место в нашем коммунистическом мировоззрении. Как говорил тов. М. С. Горбачев, «...необходимо последовательно проводить линию на укрепление социальной справедливости в распределении материальных и духовных благ, усиление воздействия социальных факторов на развитие экономики и повышение ее эффективности... Дело теперь за тем, чтобы разработать конкретные, действенные меры по очищению распределительного механизма от уравниловки, нетрудовых доходов, всего того, что противоречит экономическим нормам и нравственным идеалам нашего общества, обеспечить прямую зависимость материального положения каждого работника и каждого коллектива от результатов их труда»¹⁰⁸.

Созрела, полагают многие специалисты, необходимость в разработке новых систем заработной платы, способных в максимальной степени ослаблять силу тех асимметрических факторов, которые разрушают коллективизм и трудолюбие, возбуждая бациллы группового и индивидуального эгоизма. Магистральный путь в этой области - развитие бригадного метода работы на единый наряд. Данный метод перешел из стадии экспериментирования в стадию массового внедрения и потому исключительно важно избежать формализма (не «бригадизация», не погоня за охватом), обеспечить бригадам, работающим на подряд, настоящую жизнеспособность, реорганизуя на деле всю систему внутриколлективных отношений, продвигая бригадный метод на уровень цеха и предприятия.

Дело, однако, не только в достижении социальной справедливости (что, заметим, предполагает более полное признание труда основой социального престижа, борьбы с производственным аморализмом, нетерпимости, презрения ко всем видам безделья, разболтанности, безответственности, как одной из главных задач воспитательной деятельности), но и в самих возможностях производства. Общеизвестно, что распределять - пусть даже наиболее справедливым способом - можно только то, что произведено. Экономический интерес работника заключается не в одном только справедливом распределении, но в первую очередь в росте производства, в «рабочей совести». Здесь мы нуждаемся в мероприятиях, связанных с правильным и щедрым стимулированием творческих начинаний, новаторства отдельных трудящихся и починов целых трудовых коллективов.

Обратимся теперь к той группе распределительных отношений, которые связаны с процессом перераспределения первично сформированных доходов населения путем, скажем, налоговой политики, политики розничных цен, платежей, расчетов со всевозможными общественными и кооперативными организациями в ряде случаев соблюдения принципов социалистического распределения оказывается предпочтительно добиваться с помощью перераспределительной тактики. Кроме того, следует здесь затронуть и вопрос о реализации доходов населения в процессе их обмена на потребительские блага, то есть

превращения доходов номинальных в реальные по значительному числу разнокачественных позиций.

Специалисты обращают внимание на то, что в структуре доходов населения следующее место после заработной платы и выплат из общественных фондов потребления занимают так называемые «невыясненные доходы»¹⁰⁹. Об их природе можно спорить, а о подлинных размерах лишь догадываться. В это понятие включаются неучтенные и потому государством слабоконтролируемые поступления примерно от 35 млн. личных подсобных хозяйств и 8 млн. хозяйств так называемого третьего сектора (коллективные сады горожан), в том числе от продаж по взвинченным ценам цветов или же ранних овощей (с использованием для их выращивания парников, отопление которых производится по льготным государственным расценкам). Включаются и накопления по статье «тащиловки», родившей разудалую, но невеселую шутку о том, что проходная - самое "узкое место" производства. Или обретенные с помощью мелкой спекуляции. Сюда надо включить поступления от сдачи в аренду жилища, особенно в курортных зонах, от использования в корыстных целях личных транспортных средств. По этой же графе надо записать предоставление самых разнообразных услуг в частном порядке, поступления от занятий подпольным частным предпринимательством, «левые доходы» в виде взяточничества, протекционизма, «блатмейстерства», обмена сомнительными «эквивалентами» и т.п. Такого рода доходы, особенно в трудовой их части (уточним: доходов, возможно, и не противоправных, но непропорционально больших в сравнении с трудовыми затратами), означают действие стихийного, латентного перераспределения, которое создает альтернативную сетку плановому, регулируемому перераспределению.

Сетка эта в этико-социологическом плане изучена (обычно в подобных случаях добавляют лукавое - «к сожалению») явно недостаточно. Но обобщенные жизненные наблюдения и здравый смысл свидетельствуют о том, что она оказывает серьезное деструктивное воздействие на моральное сознание тех или иных лиц, на состояние нравственной жизни коллектива, некоторых районов, на отдельные сферы деятельности (например, торговля, материально-техническое снабжение, услуги), на состояние общественных нравов в целом. И дело, конечно, не только в размерах этих самых «невыясненных доходов», числе нарушений социалистических принципов распределения и перераспределения, хотя и то, и другое само по себе немаловажно. Тревожат многозначные, отдаленные и даже не всегда предугадываемые последствия нравственного порядка от всех этих нарушений, свойство данных последствий самовоспроизводиться по правилу «разбегающихся кругов». Такие расшатывающие нравственные устои общества тенденции действуют тем сильнее, чем демонстративнее протекает весь процесс стихийного перераспределения, чем больше он совершается безнаказанно, чем меньше эффекта имеет социальная политика противостояния всей совокупности негативных явлений. Партия поэтому поддерживает справедливое возмущение прежде всего тогда, когда неправильное поведение на производстве и в быту относится к руководителям любого ранга, ко всем, кто хочет получить и положенное, и неположенное, забывая о своем долге перед обществом и коллективом. Партия и государство усилили борьбу с такими явлениями, как растрата общественных средств, злоупотребление служебным положением, приписки, хищения.

С процессами перераспределения и реализации неразрывно связана проблематика получения благ по показателям жилья, охраны здоровья, обра-

зования и отдыха. Механизмы распределения благ по этим показателям сложились давно, чуть ли не в довоенное время. За истекшие 30-50 лет ситуация, сам образ жизни существенно изменились. Возросли, с одной стороны, потребности населения именно по группе данных благ, а с другой - и денежные возможности. Нужда в "жилплощади" приобрела форму четко осознаваемой потребности в изолированной квартире с современной планировкой, со всеми удобствами. Стремление к этому - не роскошь, не блажь, а настоящая актуальная потребность, вытекающая из всего образа жизни человека нашего времени, прежде всего, горожанина. То же надлежит сказать о здоровье и отдыхе. Никогда в прошлом проблемы бережения и приумножения здоровья, обеспечения полноценного отдыха не были столь злободневными, как сейчас, когда небывалого расцвета достигла медицинская служба, и необычайно возрос уровень индустрии отдыха. Ценность, которая доставалась как бы сама собой, теперь утратила свойство естественности - ее, оказалось, надлежит со знанием дела и соответствующим тщанием конструировать. Актуализация проблемы здоровья и полноценного отдыха продиктована изменениями в характере труда, его ритмах, усилением гиподинамии, переменами в питании, всеми сторонами урбанизированного существования, экологическими факторами. Не этим ли объясняется «спортивный взрыв»¹¹⁰ XX века? Приведем суждение демографа Виктора Переведенцева. «Мы живем в годы стремительного повышения спроса на отдых... Длительный отдых вне мест постоянного проживания стал характерной чертой нашего образа жизни... Население страны все больше собирается в большие города. Их жителям очень нужно отдыхать от специфических условий - шума, спешки, стрессов. Вдобавок, население страны стареет. У пожилых и старых людей потребности в отдыхе много больше, чем у молодых. Меняется социальная структура населения, в частности, растет доля интеллигенции и других слоев, которые предпочитают отдых на курорте. Но, главное, у всех категорий населения растут материальные возможности, то есть растет не только потребность, но и платежеспособный спрос на отдых. А предложение? Тоже растет, но - намного медленнее»¹¹¹. Итак, - усиление потребности, чему соответствуют и возросшие материальные возможности населения, а с другой стороны - несоответствие этому механизмов распределения.

Но при чем тут нравы? Не вызывает сомнений дестабилизирующее воздействие данного противоречия на состояние общественных нравов. В самом деле, обращает на себя внимание рост затрат на предметы роскоши (нередко в ущерб удовлетворению социально значимых потребностей), на увеличение статусного или условно-показного потребления, быстрый темп роста сумм вкладов населения в сберегательных кассах. Предполагают, что стоимость личного имущества граждан в целом по стране составляет более 500 млрд. рублей, что равно примерно величине годового национального дохода СССР. Значительную часть накоплений трудно посчитать рациональными. Общая причина возрастания этой нерациональной части накоплений - дисбаланс между товарной и денежной массами, когда денежным средствам, быстро накапливающимся у населения, не противостоит равноценный поток предметов потребления. Только с 1983 года рост заработной платы перестал обгонять рост производительности труда.

Некоторые ученые предлагают в такой ситуации принять концепцию социально гарантированного минимума¹¹². Она предусматривает получение по единой мере всех благ по рассматриваемой группе показателей, причем вели-

чины минимума следует закрепить законодательно и менять их при изменении возможностей общества. Остальные блага должны стать объектом свободного потребительского выбора, быть платными, не впадая при этом в прегрешение товарно-денежного «романтизма». Скажем, это привело бы к увеличению доли жилой площади, получаемой на кооперативных началах. В процессе реализации данного подхода пришлось бы создать централизованное распределение по принципам программно-целевого планирования. Оно помогло бы преодолеть известную исторически сложившуюся несправедливость, когда дополнительные блага ищут по линии привилегированных отраслей и ведомств. Не секрет, что за равный труд одинаковые по квалификации работники по-разному получают в различных отраслях народного хозяйства, даже если люди работают в одном городе. Работники одинаковой квалификации зачастую неодинаково обеспечены и социальными благами (профилакторий, детский сад, ведомственная поликлиника, «свои» дома, обилие путевок в дома отдыха и санатории и т. п.). Проигрывают те, кто работает на маленьких предприятиях, не обладающих мощной социально-бытовой базой, кто занят в тех отраслях, где такая база развивается медленно. Необходимо сделать более обоснованными выборы приоритетов в удовлетворении потребностей, в том числе выбор предпочтений не по отраслям как таковым (что было целесообразно в далеком прошлом), а осуществлять инвестиции для выполнения вполне конкретных заданий, подобно тому, как формируются Продовольственная и Энергетическая программы. Необходима оптимизация соотношения между отраслевым и территориальным принципами распределения, борьба с проявлениями ведомственности, местничества и в данной сфере.

Перейдем теперь к *сфере потребительской деятельности*. Быстрое повышение жизненного уровня (за истекшие примерно 40 лет реальные доходы в расчете на душу населения увеличились почти в 6 раз, только с начала 70-х годов они возросли более чем в полтора раза), изменение бытовых стандартов населения, увеличение свободного времени - все это положительным образом сказалось на состоянии нравственных отношений. Рост народного благосостояния и создание все более благоприятных условий для всестороннего развития личности являются целью социалистического производства, общей ориентацией хозяйственно-экономического развития на длительную перспективу. Они вытекают не только из необходимости усиления материальных стимулов труда, использования экономических рычагов регуляции трудовой деятельности: духовное развитие человека, гуманизация его отношений с другими людьми тесно (хотя и отнюдь не прямолинейно) связаны с миром вещей, ростом личного, семейного и коллективного потребления.

Буржуазные теоретики безмерно преувеличивают массовость и влияние вытекающих из этого роста народного потребления мещанских ожиданий и настроений в социалистическом мире, пророчат, будто данный рост в ближайшем будущем неминуемо приведет чуть ли не к «потребительской контрреволюции». Однако социалистическому обществу нет оснований пугаться зажиточности, опасаться роста потребления, прибегать к организационным и морально-психологическим методам его лимитирования. Оно не приемлет уравнилельного, «казарменного» аскетизма и пуританскую идеологию «вечного подвижничества», как мнимых средств борьбы с пороками. Тем более, что рост потребления отнюдь не тождествен росту потребительских упований, а материальное стимулирование вовсе не то же самое, что стимулирование потребительских ожиданий. Использование в условиях социализма таких рычагов воз-

действия на поведение, как мода или реклама, не может быть приравнено к разжиганию потребительско-приобретательских страстей, присущих буржуазной политике в сфере потребления. В социалистическом обществе не существует сил, заинтересованных в развитии «вещепоклонничества», в культивировании фетишей потребительства с тем, чтобы использовать их в коммерческих интересах или же с целью антигуманного манипулирования сознанием масс. В отличие от капитализма, экономика социализма не нуждается в "наркотизации" спроса, а само по себе потребление здесь не служит высшим критерием социальной ценности личности.

И, тем не менее, нужно отдавать себе полный отчет в том, что в той мере, в какой при социализме сохраняются товарно-денежные отношения, в нем существует и возможность вещизма. Возможность, впрочем, еще не есть действительность. Что же "провоцирует" данную возможность? Прежде всего, быстрота эволюции в потреблении, перевороты в формах потребительской деятельности, качественные изменения объема, структуры и динамики потребления. Соответствующие изменения в идейно-нравственном, культурном уровне людей не поспевали за этими стремительными "скачками". Можно говорить о возникновении противоречия между сравнительно высоким жизненным уровнем, новыми бытовыми стандартами или просто материальным достатком и столь же сравнительно плохо адаптированной к этим переменам культурой отдельных групп населения. Культурой досуга, общения, потребления, которая имеет и нравственный аспект.

Разумеется, эта общая причина распадается на ряд частных причин и факторов. Владение вещами может выполнять функцию своеобразного мерила, свидетельствующего о достижении агентом потребления известного социального признания, статуса. Такое достижение - в соответствии с расширенной и усложненной структурой ролевого поведения - может получить знаковое, символическое выражение в виде определенного количества и уровня покупок. Самоцельность этой функции и порождает потребительство. Но такое превращение второстепенного критерия социальной ценности личности в главный, в орудие завоевания «престижа», в способ карьерного продвижения, в своеобразную форму регенерации конкурентной борьбы возможно только при определенных условиях.

При каких же условиях иррациональное «потребление ради употребления»¹¹³ обретает беспокоящую общество силу? Думается, что следует выделить факт сохранения *иллюзорных представлений* о смысле жизни и счастье (легче всего поддающихся межпоколенной передаче), понимания того, что придает жизни полноту и богатство¹¹⁴. Дело в том, что не всегда совпадали темпы вытеснения из морального сознания людей иллюзорных верований (не только, к слову говоря, потребительского, мещанского, но и противоположного - аскетического и стоического свойства) и утверждения в нем научно-материалистических представлений, были интервалы между отрицанием старых ценностных ориентаций мировоззренческого уровня и формированием новых. Наблюдалось и некоторое несовпадение по времени и интенсивности процессов складывания морального и неморального аспектов новых представлений о смысле жизни, ее целях, о богатстве и благополучии. Это не могло не отразиться на структуре потребностей части людей, не повлиять на культуру досуга, общения и потребления, не поспособствовать консервации упрощенных и вульгаризированных образцов счастливой, полнокровной жизни.

В реестре прочих условия - усиление влияния *индивидуалистических*

начал (на «окраинах» нравственной жизни общества, в тех или иных «социальных пространствах») на закрепление различных эгоистических способов самутверждения¹¹⁵, на поиски смысла существования то в облегченных формах самореализации, то во внеколлективной, частной жизни, то в приобретательских пристрастиях и развлечениях.

Далее, нельзя не замечать и того, что у нас существует противоречие между возросшими покупательными *запросами и способностью* системы торговли и услуг удовлетворить их должным образом. Следует принять во внимание, что статусное присвоение вещей модных и дефицитных помогает приобретению нужных связей, услуг («эквивалентный человек»), получению нетрудовых доходов. Разбор благоприятствующих потребительству обстоятельств был бы не полным, если не учитывать при этом возросших возможностей воздействия *буржуазных стандартов и стилей потребления* с помощью так называемой «социологической пропаганды»¹¹⁶, совращения потребителем образом жизни. Влияют и иные моменты. Так, НТР изменяет соотношение между производством и потреблением, трудом и досугом, а многие люди не успевают приспособиться к этим новым ситуациям, Им свойственно преувеличение роли тех или иных сторон потребительской деятельности.

С формированием установки на «потребление ради потребления», с излишествами в потреблении вовсе не случайным образом связаны *задержки и «перекося» в нравственном развитии* личности, приводящие к *одностороннему, частичному и непрочному усвоению* ею ценностей и норм социалистической морали. В сознании такой личности эти нормы и ценности причудливым образом вступают в отнюдь не мирное сосуществование с гедонистическими пристрастиями к наслаждениям, к развлекательной, «карнавальной версии» жизни. А еще чаще - с мещанством, с мечтаниями о хромированном или полированном «рае», о «хате с кафелем». Все это на практике оказывается неотделимо от снижения моральной ответственности, «постылого» отношения к гражданским обязанностям, приспособленчества, ослабления аллергии ко всем видам зла, чрезмерного увлечения условно-престижным потреблением, выращивания *комплексов зависти или «превосходства»*, которые реставрируют чуждые социализму обычаи и обряды.

Негативные последствия потребительства для нравственной жизни общества выше были рассмотрены по *степени укорененности* потребительского духа в количественном отношении. Важно, однако, проанализировать его разновидности, высветить его качественные аспекты. Представим осевую линию отношения человека к предметному миру вещей, к формам потребительской деятельности, которые затрагивают различные социальные ценности. Обозначим позиции, лежащие над этой условной осевой линией как выражение консуматорных отклонений от идеалов, ценностей и норм социалистической морали, а позиции, расположенные под линией - антиконсуматорными. Тогда в верхней зоне обнаруживаются три связанные, но не тождественные позиции - прозаического потребительства, эстетизированного (возможно - экологизированного) гедонизма и супергедонизма¹¹⁷.

Первая сводит цели деятельности и ее движущие мотивы к достижению максимума наслаждений в их количественном и качественном аспектах в процессе потребительской деятельности. Проблема морального выбора ставится в жесткую зависимость от эффективности желаемых результатов и распределения приоритетов в шкале стремлений. Такая вульгарно-прозаическая позиция ориентирует, как было сказано выше, на фиктивные эмоции удовлетворен-

ности, на идентификацию с ритуальным, условно-показным потреблением, знаками морального «превосходства», на развитие "конкурентного потенциала". Подобные фальсифицированные эмоции, «ценности» и символика процветания позволяют консуматорной личности некоторое время не испытывать затруднений нравственно-психологического порядка, но достигается это шаткое равновесие в сознании *понижением* уровня моральной ответственности ниже границы элементарной порядочности, *сужением* сферы применения моральных критериев, оценок до локальных связей (семейных, дружеских, отчасти коллегиальных) и *отождествлением* морального долга с предписаниями псевдоколлективистских кодексов в духе местнического, ведомственного, профессионального, чванливо-национального эгоизма.

Вторая позиция представлена «окультуренным», утонченным гедонизмом, претендующим на антимещанскую направленность своей потребительской деятельности, подкрепляющим такую направленность эпатажными актами потребления. Более пристальное рассмотрение обнаруживает, однако, что эстетизированное потребление мало чем отличается от своего прозаического прообраза, что оно болеет его же «болезнями», терзаемо теми же противоречиями нравственно-психологического порядка.

Третья позиция представлена, по выражению Е. Евтушенко, «блюджинсовыми фанатами». Она побуждает своих приверженцев особыми образцами поведения, «нормативизмом отрицания», специальной символикой. По форме это побуждение обставляется так, будто здесь пафосом служит неприятие консерватизма, мелочной благопристойности, заскорузлого мещанства, полагая их преодоление с помощью бытовой распушенности, ориентации на морально нерегламентируемую «сладкую жизнь», вроде хиппианской беззаботности, потребительской безалаберности и «хайлайфизма».

Если взглянуть на противоположную сторону осевой линии, то там также дают о себе знать три взаимосвязанные, но несовпадающие позиции отношения к миру потребления. *Первая* требует максимально возможного сокращения и упрощения потребностей. Способами выхода на такую исходную ценностную позицию служат апатия и подавление страстей, мотивирующих деятельность, особенно упомянутого выше комплекса зависти и превосходства. *Вторая* позиция требует не намеренного отказа от потребления и карьеры, а безразличия к ним (как к «умению жить», так и к «неумению жить», если прибегнуть к бытовой, уличной лексике для обозначения определенной жизненной позиции). Речь поэтому идет не об уклонении от долга и моральной ответственности, а о таком их камерно-интимном восприятии или же беспредельно-широкой и абстрактной их интерпретации, когда в моральных обязательствах - под предлогом преодоления их внешнего, объективистского смысла - не оставляют и следов конкретного социального содержания. До предела продвинутое антипотребительство воплощается в третьей - анархоаскетической позиции. Она выдвигает и благословляет установки на разрушение вещного мира современной цивилизации и взрыв всех социально одобренных форм потребительской деятельности. Это - воинствующее ниспровергательство ценностей социалистической культуры и образа жизни, чреватое моральным фанатизмом, деструктивным критиканством, патологическими способами удовлетворенности, противозапретностью.

Можно говорить даже об *нигилистической* ценностной ориентации сознания тех крайне немногочисленных лиц, которые испытывают известную неуверенность, сомнение и колебания в способности социализма собственными

силами, оптимальными темпами и гуманистическими средствами решить стоящие перед ним исторические задачи, а потому занимающие соглашательские позиции по отношению к различным формам буржуазной идеологии и морали или, по меньшей мере, не располагающих стойким иммунитетом по отношению к ним.

Данную ориентацию пытается использовать в качестве социально-эрозийной силы буржуазная пропаганда с помощью идеологических диверсий и «психологической войны». Восхваляя «свободным мир», различные «размягченные» модели социализма, она - в условиях расширения, усложнения и обострения идеологической борьбы двух общественных систем - делает ставку на национализм, религиозные предрассудки, потребительские установки, используя все человеческие слабости (честолюбие, тщеславие, зависть и т. и.), культурную неразвитость, стремится посеять среди неустойчивой, идейно незрелой части населения социалистических стран настроения разочарования и недовольства, побуждает к демагогической и очернительской критике социалистического строя. Такая «критика» перечеркивает значение экономических, социальных и культурных преобразований, осуществленных социализмом, смещает пропорции между успехами, перспективами и нерешенными проблемами, неоправданно раздувая негативные явления и возводя «социальные болячки» в ранг главного показателя общественной жизни (моменты стихийности и диспропорциональности в социальном развитии, преступность, случаи подпольного предпринимательства, нарушения социалистических принципов распределения по труду, факты неудовлетворенности части трудящихся содержанием и социальной значимостью своего труда, морально-психологическим климатом на том или ином предприятии, возмущение бюрократизмом, недостатками в сфере торговли и обслуживания и т. п.). Она стремится закрепить на этой основе искривленное миропонимание, настроения аполитичности, обывательского брюзжания, анархистского своеволия. Такая критика пытается возродить свойственное буржуазному обществу моральное отчуждение личности, что практически означает в наших условиях ее отторжение от идеалов, ценностей и норм социалистической морали.

Возможно ли нейтрализовать, ослабить и погасить страсти потребительства? Признавая в принципе такую возможность вполне реальной, нужно принять во внимание, что нецелесообразно создавать специальную программу управленческих действий, нацеленную на преодоление потребительства. Управленческие усилия предполагают включение задач борьбы с потребительством в более широкие социальные и воспитательные программы. Такие программы носят, как правило, долговременный характер. На передний план здесь выходят, видимо, следующие направления.

Главное - это содействие качественным сдвигам в потреблении путем утверждения круга потребностей, необходимых для гармонического развития личности, таких как потребность в высокоорганизованной и творческой деятельности, насыщенном нравственным содержанием сотрудничестве, которое обогащает внутренний мир личности и удовлетворяет ее высшие социальные потребности в целях и смысле жизни. С этой линией связана решительная борьба со всеми тенденциями, которые приводят к нарушениям социалистических принципов равенства и справедливости распределения. С ней неразрывно связана и линия на кропотливое и настойчивое усиление воспитательной работы по формированию чувства меры, потребительского такта и вкуса, способности рационально использовать досуг, чтобы выработать «эффект отторжения»

по отношению к буржуазным стандартам потребления, обывательским, мещанским представлениям о критериях жизненного успеха.

Следует выделить особую линию противостояния потребительству, которая связана с совершенствованием процессов формирования разумных потребностей людей. Нет сомнения в том, что мы больше говорим об этом, чем что-то реально предпринимаем. По мнению Л. Я. Барановой, необходимо создать сеть специализированных подразделений, которая - подобно службам изучения спроса населения - планомерно осуществляла бы руководство деятельностью в указанном направлении не только в масштабах всего народного хозяйства, но и в рамках отдельных отраслей или регионов. Предстоит наладить и управление модой как мощного фактора формирования потребностей (не только в вещах), который сейчас бушует стихийно (что подчас рождает «дефицит при излишках»). Первым шагом по пути создания такой сети будет создание заинтересованности предприятий в выпуске модной продукции (система экономических стимулов, жестких санкций, ряда организационных мер). Немалую роль в таком управлении должно сыграть совершенствование управления рекламой как средства формирования не только потенциального спроса, но и формирования самих потребностей¹¹⁸.

Важное значение приобретает проблема рационализации личного потребления. Она как бы составлена из множества аспектов: экономичности потребления, повышения уровня его качества, снижения издержек потребления, оптимизации соотношения между индивидуально и общественно организованными формами потребления, повышения уровня обобщественности всей этой сферы, выработки норм рационального потребления, соответствующих эталонов и моделей, что по ряду причин у нас началось с опозданием, примерно с середины 70-х годов. Многие авторы специально ставят вопросы культуры потребления и досуга, подчеркивая нравственно-воспитательные стороны данной культуры¹¹⁹.

Своеобразным продолжением этого вопроса служит «установка на здоровье», о чем шла речь в начале параграфа. Она имеет и нравственное измерение, так как означает готовность к самоограничению, в том числе отказ от удовлетворения всевозможных псевдопотребностей (табак, наркотики, алкоголь и т. п.). Смягчение их гнета, частичная «девальвация» в шкале жизненных предпочтений и затем полное преодоление - исключительно сложный, извилистый и длительный процесс, тесно увязанный с привычными идеальными моделями потребления. Можно даже представить соответствующие мероприятия в качестве специализированной управленческой подпрограммы как ансамбля многообразных и скоординированных средств воздействия (сокращение производства крепких алкогольных напитков, особая политика цен и форм продаж, применение профилактических мер, стимуляция различных форм привлечения общественности к борьбе с пороками данного вида, организация соответствующей пропаганды и т. п.).

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Нравственное воспитание: специфика и динамика

В живой практике нравственно-воспитательной деятельности обнаруживается немало трудностей для ее самопознания, а в теории продолжают выявляться различные позиции, существенные оттенки в истолковании тех или иных сторон данного вопроса¹²⁰. Получить достаточно полный и достоверный ответ на вопрос о природе этой деятельности не так просто, как могло бы показаться с первого взгляда. Легче всего подойти к нему, видимо, если исходить из ожидаемых результатов. Очевидно, что таким результатом является дееспособная личность, подготовленная к тому, чтобы направлять свои поступки в соответствии с требованиями общественной нравственности, способная ориентировать и контролировать свою деятельность, учитывать ее близкие и отдаленные последствия. Нравственное воспитание, по крайней мере, с социологических позиций, есть формирование или же «производство» (к этому термину мы обратимся в следующей части работы) такой личности.

Не под воздействием ли социальной среды, всего жизненного уклада достигается желаемый результат? Ведь сознание личности формируется под влиянием господствующего способа производства, политической надстройки, уровня жизни, семенно-бытовых отношений. Ни один контакт с людьми, учреждениями, организациями, продуктами материального и духовного производства не проходит бесследно для формирования нравственного сознания личности. В данный процесс вовлечена каждая «клеточка» социального организма. Один уровень этих «клеток» образует многообразную макросреду, а другой - еще более разнообразную микросреду, которая непосредственно воздействует на личность, своеобразно преломляя поступающую из макросреды так называемую «общеобщественную» информацию.

Чтобы понять природу воспитания, из огромной массы воздействий социальной среды на личность следует выделить группу целенаправленных воздействий. Иначе говоря, выделить определенным образом организованные воздействия, деятельность, которая протекает в соответствии с какими-то задачами, программами, моделями, средствами. Перефразируя для данного случая известное высказывание Гегеля, можно сказать, что «хитрость воспитательного разума» как раз и заключается в выделении из непостижимо сложного клубка воздействий социальной среды на личность тех, которые благоприятны для достижения поставленных целей, искомых поведенческих моделей, "Воспитательный разум" стремится усилить эффективность одних воздействующих факторов, нейтрализовать, заблокировать или даже погасить силу других, противостоять влиянию третьих, что М. Горький выразительно назвал воспитанием через сопротивление среде.

Нравственное воспитание - прежде всего деятельность, связанная с передачей информации об общественных (классовых, групповых) требованиях к личности, ее поведению, ее образу мыслей и действий. А также информации, в которой содержится обоснование социальной необходимости данных требований, т. е. представлений о добре и зле, справедливости, должном, смысле жиз-

ни и т. п. Но нравственное воспитание представляет собой гораздо более значительный процесс, чем только трансляция и усвоение осведомительной информации; она также недостаточна для воспитания, как недостаточно для мастерского вождения автомобиля знания одних дорожных знаков, как они ни значимы сами по себе. Ведь сущность моральной регуляции состоит в том, что она исподволь переплавляет внешние требования к поведению во внутренние побуждения к нему. Поэтому нравственное воспитание можно определить как воздействие, которое так закрепляет в личности моральные требования и представления, что превращает их в особую группу нравственных потребностей, в убеждения и намерения («добрая воля»), подкрепленные нравственными чувствами, простыми и сложными привычками, устоявшимися моральными качествами самой личности.

Во избежание всякого рода упрощений добавим к сказанному, что воспитание связано со структурными определениями человеческой психики, которая не просто впитывает внешние воздействия, информацию, а трансформируется в ходе того, что мы несколько неопределенно назвали «переплавкой». Советские психологи отмечают недостаточность теорий «усвоения», «интериоризации», «интернализации», «присвоения» социальных норм вообще и моральных норм, в частности. Вот что пишет по этому поводу М. И. Бобнева: «Сторонникам этих направлений дело обычно представляется таким образом, что человек в процессе индивидуального развития, социализации и т. п. должен «вычерпать» из какого-то резервуара, очевидно, общественного сознания, культуры и т. п. опять-таки некую вещную (или вещно-духовную) сущность и в качестве такой «вещи» (обычно в форме словесной формулировки, правила, инструкции и т. п.) «включить» ее в свое индивидуальное сознание - именно в феноменологическое поле сознания, где она такой «вещью» и останется и, очевидно, в качестве такой «вещи» и должна будет опять-таки «детерминировать» поведение. Немудрено, что фактически неразрешимой для такого подхода остается теоретическая и, что важнее, практическая проблема: почему «нормы» не усваиваются, а если и усваиваются, то не всегда действуют, т. е. «усваиваются формально», а если действуют, то не всегда должным образом, а если и должным, то человек как-то пассивно им следует, и т. д. и т. п.... Возможность осознания нормы и осознанное или неосознанное (в случае отсутствия нормы в феноменальном поле сознания) ее использование, доказательством чего является то, что человек всегда осуществляет нормативное поведение, т. е. его поведение всегда протекает в условиях нормативного мира и всегда может быть проанализировано и оценено в терминах нормы или отклонения от нее, проявляется в том, что сознаем мы это или нет, но мы всегда поступаем в соответствии с теми или иными нормами. В этом смысле некоторые авторы говорят о «бессознательном сознании должного», об «особой форме» нравственного сознания и т. д... Мы предполагаем, что помимо и наряду с представлением социальной нормы в феноменальном поле сознания личности социальные нормы представлены (и в этом отношении представлены всегда) в структуре индивидуального сознания и поведения и именно через структуру, ее преобразование, ее перестройку социальные нормы оказывают регулятивное воздействие на поведение человека, его свойства и проявления.

Соответственно можно предположить, что «усвоение» социальных норм, формирование их у человека происходит путем структурной перестройки сознания, его феноменального поля и его регулятивных функций, равно как и перестройки мотивационно-побудительной и оценочной системы личности...

Норма может не быть представлена в феноменальном поле сознания в развернутой и точной формулировке, но она может перестроить мотивационную систему человека таким образом, что определенные виды поступков и линии поведения будут для него «закрыты», исключены, и их он будет оценивать как безнравственные (что могут показать, например, исследования явлений коллективизма и «группового эгоизма»)...

Именно как структурная характеристика внутреннего мира человека социальная норма может сказываться на свойствах, качествах, проявлениях личности и самой структуре этих свойств личности, в чем и проявляется функция норм в формировании определенного типа личности. Если принять эти положения, то открывается иной, чем в теориях «усвоения норм как знаний», способ усвоения человеком социальных норм»¹²¹.

Итак, мы видим, сколь сложны и еще недостаточно познаны процессы формирования и воспитания личности, сколь ошибочно сводить нравственное воспитание только к воздействию через сознание путем непосредственного представления моральной нормы сознанию индивида, хотя ни в коем случае и нельзя преуменьшать роль данной линии в социализации личности. Вернемся к общему определению нравственного воспитания. Оно остается все-таки слишком абстрактным, не отражающим в достаточной мере специфику нравственного, поскольку оставляет пока открытым ключевой логике вещей вопрос: а кто, собственно, является «нравственным воспитателем», исполняющим волю общества, класса, группы? Надлежит, следовательно, установить и показать, кто и почему является *субъектом* нравственного воспитания.

В этом вопросе в сжатом виде содержится целая цепочка взаимосвязанных проблем. Следует, во-первых, прояснить, *как* протекает нравственное воспитание - это сразу позволит лучше понять, кто выступает в роли его субъекта. Во-вторых, необходимо установить, *что*, т. е. какие факторы воспитывают - и опять это прольет свет на вопрос о том, кто оказывается его субъектом. Наконец, в-третьих, нужно указать, *на кого* направлены нравственно-воспитательные усилия (проблема объекта) - это поможет (но уже с другой стороны) выяснить, *кто* его субъект.

Указанные проблемы возникают в связи с тем, что нравственное воспитание, по определению, представляет собой лишь часть воздействий социальной среды. Оно, значит, может и не совпадать по направленности, смыслу и силе со всеми остальными - стихийными, ненамеренными - воздействиями. И тогда поистине камнем преткновения оказывается вопрос о том, что же определяет формирование нравственного сознания личности: «воспитание» условиями среды или воспитание в собственном смысле этого слова?

В классово-антагонистическом обществе, где господствует стихийность и неконтролируемость отношений между людьми, формирование нравственного сознания личности в основном шло также стихийно. Оно оказывалось итогом восприятия ею условий собственного существования, преимущественно ближайших, адаптации к ним, притом восприятия социальных сред, отгороженных друг от друга. Но, несмотря на очевидное преобладание стихийности в *формировании* нравственного сознания личности, шел и процесс нравственного *воспитания*. Действовали обслуживающие его институты и учреждения, которые либо попутно со своим основным назначением выполняли и воспитательные задачи, либо были более или менее специализированными на осуществление различных сторон этих задач (семья, интернат, школа, церковь, монастырь, орден и др.). В них были заняты и особые лица, выполнявшие в обществе

функции «нравственных воспитателей», тогда как все остальные выполняли эти же функции по совместительству.

Хотя содержание, формы и методы нравственного воспитания и не являются инородным телом в каждом конкретном социальном организме (стало быть, каково общество, такова в целом и система нравственного воспитания его членов), тем не менее в классово-антагонистическом обществе это воспитание оказывалось процессом исключительно противоречивым, как по целям, применяемым средствам, так и, особенно, по конечным результатам. Реальная социальная практика направляла личность в одну сторону, тогда как нравственно воспитательные усилия влекли совсем в иную сторону. Глубокий разрыв между ними свое наиболее впечатляющее выражение находил в разнонаправленности требований нравственно-воспитательного идеала и запросов практики, обязанностей человека и гражданина. Эта противоречивость нравственного воспитания воспринималась нередко как его «странность», а подчас и как его трагичность: оно безуспешно пыталось сформировать личность вопреки и наперекор социальному опыту, тому, чему этот опыт учит совершенно недвусмысленно и властно.

Это было не такое воспитание сопротивлением социальной среде, о котором говорил М. Горький. Это воспитание уводило от сопротивления среде, от революционного мировосприятия вообще. Ставка делалась на выработку у личности способности к самосовершенствованию, так как якобы "несовершенство мира есть лишь производное от моего несовершенства". И если продуктивность подобного воспитания - что вовсе не удивительно - оставалась низкой, то обвинения на этот счет легко можно было переадресовать от самой системы к конкретным исполнителям (им следовало лучше работать) и к воспитанникам (им надлежало быть податливее, энергичнее воспитываться). Даже при лучших намерениях, известных познавательных и гуманистических достижениях такая система воспитания неизбежно оказывалась обремененной догматическим назидательством, морализаторством, остроконфликтными отношениями воспитателей и воспитуемых, плодила ханжество, коллизию «тайных и гласных молитв сердца», порождала иной раз болезненное чувство виновности, невозможности соответствия добродетелям отрешенного от жизни праведника. Социальное предназначение данной системы, которой в наибольшей степени соответствовали религиозно-идеалистические доктрины воспитания, достаточно очевидно: «подстраховывать» процесс стихийного формирования нравственного сознания личности в интересах господствующих классов, создавать «аварийный выход» для накапливаемого недовольства, сеять иллюзии педагогического реформизма.

Своеобразной протестующей реакцией на сложившееся положение дел в области нравственного воспитания (и на преобладающие концепции) оказалась установка, согласно которой человечеству необходимо передислоцировать свои усилия из сферы воспитания в сферу изменения социальной среды: достаточно определенным образом перекроить общественные отношения, чтобы вызвать желательные перемены в общественных нравах, утвердить гуманизм в межличностных отношениях. Допускалась возможность сконструировать такие условия существования личности, при которых ей без всякого воспитания стало бы ясно, сколь невыгодно быть порочной и безнравственной. Такой подход содержал некоторые разумные основания и был для своего времени прогрессивным (это касается прежде всего воспитательных доктрин французских материалистов XVIII века). Но, как и господствующая система

воспитания, он был односторонним, абстрактным, слабо учитывал классовое содержание воспитания, подталкивал к «теории автоматизма». Упоная на силу объективных факторов, преуменьшая значение активности личности, эта концепция наталкивалась как на бетонную стену на роковой вопрос: кто же собственно призван изменять эти социальные обстоятельства? Она не принимала во внимание не только того, что обстоятельства меняются людьми (стало быть, находятся люди, которые оказываются выше и сильнее обстоятельств), но и того, что воспитатель сам должен быть воспитан. "Странность" нравственного воспитания продолжала оставаться нерассекреченной.

Только марксизм-ленинизм сумел выработать подлинно научную концепцию нравственного воспитания, Она исходит из того, что действительное, а не воображаемое воспитание осуществляется в процессе *соединения, взаимодействия* специальных воспитательных усилий с влияниями социальной среды, но необходимости оказывающимися различными ввиду неодинаковости объективного положения личности, группы, класса в системе общественных отношений. Тигельная печь, в которой напластовываются, сцепляются и, наконец, сплавляются эти двусторонние воздействия - суть всякое поприще *практической деятельности* людей, *социальная практика*, в которой объединяются индивидуальный, коллективный и массовый опыт. «...Люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания», но поскольку «обстоятельства изменяются именно людьми», «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика»¹²².

Этот принцип объясняет не только ситуации политических революций, но применим к развитию общества в целом: именно практически-преобразующая деятельность масс и личности является сферой, источником, условием и средством их воспитания. Лишь изменяя условия своего существования, люди в состоянии реально изменять самих себя.

В социалистическом обществе, особенно когда оно достигает ранних ступеней зрелости, если рассматривать дело далее с точки зрения конкретной социологии воспитания, существенным образом меняется и ситуация нравственного воспитания. Здесь о себе дает знать известное несовпадение собственно воспитательных усилий с воздействием объективных факторов, которые, имеют, как мы теперь уже знаем, зачастую асимметричный характер. Это тем более верно, если речь идет об отдельных микросредах, где данное несовпадение может быть очень значительным. Но в главном эти два силовых поля воспитания, детерминации морального сознания и поведения совпадают. Все, что завоевано социалистической революцией, строительством социализма, все условия существования, социалистический образ жизни способствуют нравственному развитию личности; уже обыденно массовое сознание насыщено ценностными ориентациями социалистического содержания. Это позволяет успешно преодолевать противоречие воспитательного идеала с социальным опытом людей, их интересов с моральными требованиями, устранять казавшееся извечным противоборство (а не просто различие) позиций воспитателей и воспитуемых.

Не девальвируется ли роль воспитания подобным признанием благотворного влияния самих обстоятельств жизни на нравственное развитие личности, т. е., не получается ли так, что нравственное воспитание - это идеологическая и организационная "роскошь", от которой можно отказаться и на "рента-

бельности" воспроизводства личности и социальных отношений это только позитивно-де отзовется? Отвечая на этот вопрос, необходимо прямо сказать, что в условиях социализма концепция автоматического изменения людей непригодна ничуть не меньше, чем ее неизбежный спутник - учение о фатальном разъединении воздействий социальной среды и воспитания. Строить общество, целью которого является благо людей, и надеяться на то, что эти люди сформируются сами собой, значит, не понимать целостности социальной жизнедеятельности. Чем больше усложняются общественные связи, ускоряется процесс формирования нового человека, повышается роль нравственных начал во всех сферах жизни общества, а стало быть, усиливается автономность промежуточной сферы, объединяющей объективные социальные и самовоспитательные усилия, тем настоятельнее социальная потребность в дальнейшем совершенствовании нравственно-воспитательной деятельности, удовлетворить которую можно лишь на основе все более глубокого познания механизмов взаимосвязи воспитания и объективного формирования личности.

"Таинственность" нравственного воспитания состоит в том, что оно просто не существует в "чистом" виде, не проводится с помощью предназначенных только для этой цели мероприятий и не протекает в каком-то строго ограниченном секторе общественной жизни (в некоем огромном воспитательном манеже или, как говорил В. И. Ленин, в «парниках добродетели»). И уж, конечно, не реализуется с помощью учебных занятий, проводимых по методу лобового морализирования (ограниченные возможности «словесного воспитания» отчетливо передает шуточный афоризм: "этика начинается там, где кончаются разговоры"). Нравственное воспитание охватывает все поле социальной реальности, совершается в гуще жизни, во всей социально-преобразующей деятельности человека, при решении вполне конкретных общественных задач - от производственных до семейно-бытовых. Не «усладительные речи и правила о нравственности»¹²³, а деятельностный подход к делу воспитания, обеспечение его связи с революционной борьбой трудящихся, практикой строительства социализма и коммунизма - в этом суть всей проблемы.

Отсюда следует, во-первых, что объектом нравственного воспитания оказываются все люди, как только "вступающие" в общество, так и уже «пребывающие» в нем. Очень часто в качестве объекта воспитания представляют только подрастающее поколение. Такое представление до известной степени верно, а по отношению к прошлому оно было в еще большей степени правильным. Однако в современном социалистическом обществе процесс нравственного воспитания все решительнее выходит за рамки одного только школьного и семейного воспитания, что связало с динамизмом духовной жизни социалистического общества, усилением подвижности населения, учащением так называемых повторных социализаций личности при ее перемещениях в новые группы и коллективы и рядом других причин. Подобно тому, как все шире сегодня находит признание идея непрерывного образования, так же постепенно пробивает себе дорогу и идея непрерывного нравственного воспитания. Оно уже не может больше рассматриваться только как «пролегомены», вводный этап к «взрослой» жизни, свободной якобы от необходимости всякого воспитания, а воспринимается в качестве составной части всех периодов жизни человека, разумеется, с соответствующими поправками в задачах и методах.

Хорошо продумай подход Н.Д. Зотова к данному вопросу. Применительно к становящейся личности назначение нравственного воспитания представляется как формирование личности, способной принимать участие в воспроиз-

водстве и развитии нравственных отношений, норм, идеалов в разнообразных жизненных обстоятельствах. Но как конкретизируется это назначение применительно к уже в основном сформировавшимся в нравственном смысле людям, составляющим трудовой коллектив? Оно заключается в формировании коллектива, способного к устойчивому воспроизводству норм и отношений социалистической морали в динамично изменяющихся обстоятельствах его жизнедеятельности вообще и в обстоятельствах его трудовой деятельности прежде всего. Такое воспроизводство в условиях коллективной жизнедеятельности обеспечивает дальнейшее нравственное развитие сформированных личностей, продолжая тем самым их нравственное воспитание. Однако оно «не должно быть чем-то параллельным, внешним, дополнительным по отношению к действиям, организующим основную деятельность трудового коллектива или по отношению к естественному контексту жизни личности»¹²⁴.

Но, возможно, указанное воспроизводство касается лишь одного сектора нравственной жизни - трудовой морали или профессиональной этики? Безусловно, что затрагивает именно их в первую очередь и связано это с проблемой нравственной социализации взрослых¹²⁵. Однако трудовая и профессиональная этики только в ограниченном смысле самостоятельны. Они находятся в тесном единстве с общей моральной системой социалистического общества, в конкретизированной форме воплощают общие принципы и требования морали. Всякие попытки пренебречь этой связью неминуемо завершаются либо подменной данного профессионального морального кодекса внеморальными установлениями (организационными уставами, дисциплинарными инструкциями и т. п.), либо бессодержательными декларациями в духе технологизма или абстрактного гуманизма. Подчиненность трудовой, профессиональной морали общей моральной системе социализма особенно рельефно выявляется в трудных, однозначно некалвалифицируемых конфликтных ситуациях, когда необходимо принятие творческого морального решения, когда надлежит отдать предпочтение одному требованию трудовой морали в ущерб другому: критерием предпочтения и выступают общие требования социалистической морали. Поскольку общие моральные представления, нормы и оценки основательнее и глубже улавливают перемены в общественных требованиях к деятельности трудовых коллективов, тех или иных профессий, то именно они и прежде всего стимулируют обобщение морального и воспитательного опыта, на основе которого возникают новые нормы и запреты в трудовой морали.

Продолжая развивать данные положения, надо сказать, что упомянутое выше воспроизводство нравственных отношений происходит и в надколлективной жизнедеятельности людей. В основном это сфера общественно-политической активности. Но не только. Существует область национальных, национально-региональных, поколенческих и других связей. Возрастающую роль играют собственно массовые отношения, в которых важным каналом воспроизводства нравственности оказываются средства массовой информации.

Лучшим подтверждением необходимости нравственного воспитания даже в состоянии зрелости (понятно, подкрепленного самовоспитанием, продолженного в нем) служат факты нравственного падения, деградации и факты иного рода - упорных нравственных исканий чуть ли не до старости. Социально зрелый человек сам способен управлять своей жизнедеятельностью и с точки зрения морали. Он уже сформировал «внутренние условия» для осуществления своих жизненных замыслов в соответствии с собственным нравственным идеалом, выработал относительно не зависимую от диктата окружающих усло-

вий линию поведения. Он уже может сам справляться с противоречивыми требованиями, предъявляемыми различными сферами общественной жизни и с множеством исполняемых ролей, сохраняя свое «я» при движении по избранному им в жизни пути. Однако самоуправление не снимает вопрос о нравственном воспитании, а лишь видоизменяет его. Человек и после того, как завершилась мятежная пора юности, продолжает испытывать «давление» сформированных в нем высших социальных потребностей, он непрерывно апробирует мировоззренческие основания своего нравственного образа жизни в собственном опыте, развивает их в практической деятельности, в ситуации убыстряющихся смен тех или иных социальных обстоятельств. Его индивидуальное моральное сознание претерпевает изменения количественного и качественного порядка, возможна даже глубинная перестройка всего этого сознания. Опасность представляет и консерватизм нравственной жизни, «свертывание» работы души, которая «обязана трудиться», по словам поэта Н. Заболоцкого. Даже преданность - до самозабвения - творческой, общественно-полезной работе может в особых случаях стать поводом для прекращения этой самой важной для человека работы. Подобная ситуация проанализирована в повести «Остановка» И. Герасимова. Для талантливого главного инженера большого металлургического завода Ю. П. Полукарова не существует более привлекательного наслаждения, чем упоение своей работой. Но ради чего она? Что означает для других? К чему ведет? Его мало беспокоят эти вопросы, и он отделяется от них абстрактными ответами в "техницистском" стиле. Им выработаны определенные эталоны нравственных связей с людьми: с высоты своей должности по возможности не замечать окружающих, не быть с ними откровенным, не транжирить свое драгоценное время на поиск средств «сцепления» с людьми, на понимание их душевного мира, на улаживание житейских дел своих подчиненных и коллег, проходить мимо их болей и радостей. Возникающий при этом вакуум общения заполняется самодовольством, концентрацией внимания на собственной персоне, стремлением жить «без остановок», хотя в параметрах нравственного развития жизнь Полукарова фактически уже давно остановилась. Не переоценивая перспектив «перековки» таких (и подобных) личностей в ходе нравственного воспитания, следует искать пути оказания на них максимально возможного воздействия, которое по своей природе будет не чем иным, как воспитательным воздействием.

Парадоксальность феномена нравственного воспитания, во-вторых, заключается *не столько во всеобщности объекта, сколько во всеобщности его субъекта*. Все люди так или иначе включены в этот многосторонний процесс, несут ответственность за его эффективность и результаты. Каждый человек одновременно выступает как бы в двух ипостасях: воспитателя и воспитуемого (ситуация, при которой «все воспитывают всех», что, кстати сказать, относится не только к отдельному лицу, но и к целым коллективам). Участвуя в материальном производстве, выдвигая новые идеи, выполняя социальные функции и роли, вступая в общение, всякий человек в то же самое время определенным образом относится к нормам и ценностям социалистической морали, реализует или нарушает их. Тем самым он вовлекается в орбиту воспитательного влияния на многих людей, желает того или нет, а также сам испытывает - безотнositельно к своему согласию на то - аналогичные воздействия. Получается так, что эти воздействия как бы «встроены» во все виды человеческой деятельности - формирующее влияние социальной среды, в отличие от влияния природной среды, как известно, не является «безлюдным». К тому же значитель-

ную часть воздействий люди осуществляют преднамеренно, как это делают, например, родители по отношению к детям или рабочие-наставники по отношению к своим подопечным.

Специфика нравственного воспитания, в-третьих, состоит в том, что оно является не только взаимовоспитанием, но непременно оказывается еще и самовоспитанием¹²⁶. Заметим, что превращение объекта воспитания в субъект самовоспитания с последующим вовлечением его - понятно, не сразу, а через ряд промежуточных стадии и организационных форм - даже в процесс управления нравственным воспитанием позволяет поставить вопрос о разработке особого понятия совоспитания. Из сказанного можно сделать вывод: нравственное воспитание - это сфера, главным образом, непрофессиональной деятельности, оно осуществляется, но крылатому выражению А. С. Макаренки, на каждом квадратном сантиметре нашей страны, вписано во все виды человеческой деятельности.

Но это отнюдь не означает, будто все в равной степени ответственны за состояние нравственного воспитания, что участие в нем (тем более в современных условиях) не требует никаких специальных знаний и навыков, что, наконец, оно может осуществляться вне всяких организационных форм, хаотично и беспорядочно. Нет, и, видимо, не должно быть таких специалистов, которые были бы по профессии только воспитателями нравственности. Однако любой воспитатель одновременно выполняет и роль "воспитателя нравственности". Его поэтому следует определенным образом подготовить для выполнения данной роли. Нуждается он и в специальных (этических, педагогических, социологических, психологических и медико-биологических) знаниях, в соответствующих навыках и организаторских умениях. Он должен обладать известными морально-волевыми качествами, иметь «божий дар» педагогического призвания, «жилку» и вкус к воспитательной работе, способность испытывать радость от успехов в ней, терзаться от неудач. Нельзя быть хорошим воспитателем лишь по тягостной обязанности.

Уместно сказать, что особое место в системе нравственного воспитания в нашем обществе занимают члены ленинской партии, идеологические кадры, руководители всех рангов, советские, профсоюзные и комсомольские работники, сотрудники специальных воспитательных учреждений (дошкольных, школьных, профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведений, клубов, детских комнат милиции и др.) и правоохранительных органов, члены многих творческих объединений и добровольных обществ.

Исходя из деятельностного подхода к процессу нравственного воспитания и понимания его специфики, попытаемся сформулировать самые общие моменты, способствующие оптимизации этого процесса:

- центральная задача состоит не в том, чтобы экстенсивно развивать систему нравственного воспитания (каждый человек включен тем или иным образом в эту систему), а в том, чтобы это развитие шло интенсивным путем, путем постоянного повышения культуры этой деятельности, путем все более полного насыщения ее нормативно-ценностным содержанием социалистической морали;

- добиваться однонаправленности и взаимодополняемости, разностороннего и гибкого сочетания профессиональных и непрофессиональных начал в нравственном воспитании;

- готовить ответственных за состояние нравственного воспитания различных категорий населения лиц, повышать их компетенцию и педагогическую

квалификацию;

- особой заботы требует *организационная сторона* нравственного воспитания, поскольку от нее в решающей степени зависит, будет ли система воспитания единой, осуществится ли на деле комплексный подход; в связи с этим необходимо дальнейшее усиление специализации и компетенции существующих воспитательных учреждений и органов.

§ 2. Система нравственного воспитания: ситуационный обзор

Действующая в нашей стране система нравственного воспитания, пройдя историческую проверку временем, доказав свою жизнеспособность, наряду с очевидными достоинствами обнаружила и ряд существенных недостатков. Они препятствуют полному использованию ее возможностей и тех преимуществ, которые заложены в социалистическом общественном строе. Верно отмечает П. П. Лопата, что «противоречие между гигантски возросшими возможностями в развитии нашего общества и недостаточным использованием этих возможностей является ключевым на современном этапе коммунистического строительства»¹²⁷. Это в полной мере относится к специфичной сфере нравственно-воспитательной деятельности. При всей ее самостоятельности она лишь и абстракции может рассматриваться в отрыве от всех других сфер общественной жизни. Очень точно было отмечено А. Г. Харчевым, что «...каждый шаг нашего общества по пути технического и экономического прогресса должен быть оплачен новыми усилиями в области воспитательной работы, новыми мерами по ее усилению и совершенствованию»¹²⁸.

Лейтмотив критики в адрес воспитательной системы сегодня звучит так - качество воспитательной работы не всегда отвечает современным требованиям, недостаточно учитывает динамичность социально-экономических и духовных процессов социалистического общества, характер и масштабы резко обострившейся идеологической борьбы. Выполняя директивные указания партии в этой области, предстоит поднять все стороны системы нравственного воспитания на новый уровень, соответствующий потребностям зрелого социализма, и в определенной степени опережающий их.

Факторная асимметрия в самой нравственно-воспитательной деятельности связана с рядом особых обстоятельств. *Новая ситуация* в нравственной жизни, рассмотренная выше, *потребовала адекватных реакций* в системе воспитания, подталкивала к перестройке деятельности различных социальных институтов и ответственных за воспитание лиц, такой перестройки, которая смогла бы решить актуальнейшую задачу повышения эффективности и качества нравственного воспитания, полноценно использовать все (материальные, кадровые, организационно-технические) возможности системы воспитания современного социалистического общества. Однако указанная потребность *не сразу и не в полном объеме была осознана*, а потому со временем все сильнее стал сказываться *эффект инерциальности*. Ряд элементов, звеньев, сторон нашей системы нравственного воспитания, которые в прошлом в главных чертах соответствовали запросам практики, в современных, столь быстро изменившихся условиях успели частично или полностью утратить свою действенность. Можно говорить о наличии *известного несоответствия между сложностью, основательностью и многосторонностью новых воспитательных задач и некоторыми устаревшими методами, формами и особенно стилем*

нравственно-воспитательной деятельности, применяемых учреждениями воспитательного и невоспитательного профиля.

В чем же выражается такое несоответствие? При ответе на этот вопрос все его многообразные, порой даже причудливые проявления могут быть условно описаны с помощью трех взаимосвязанных установок: *недооценки* социальной роли нравственного воспитания, *нежелания и неумения* заниматься им. В рамках этих установок сегодняшний интерес к нравственному воспитанию трактуется просто как дань скоропреходящей моде, как очередная кампания. Такая трактовка нередко прикрывается «теорией автоматизма», согласно которой решение хозяйственных, социально-политических, культурных и бытовых проблем либо само по себе откроет путь к быстрому и легкому решению всех нравственных проблем, либо устранил вообще болевые точки нашего нравственного развития. Не говоря уже о том, что данная «теория» сама может рассматриваться в качестве сертификата политической, научной и культурной ограниченности ее приверженцев, она в весьма слабой степени принимает во внимание объективный характер процесса нарастающего сближения всех основных сфер общественной деятельности со сферой нравственности, а, следовательно, усиление зависимости наших жизненно важных программ от успешности выполнения программ в области нравственного воспитания и развития людей. Наше общество не может, вырываясь вперед на тех или иных участках, - пусть даже весьма важных, - допускать длительное отставание на других. Продвижение в сфере хозяйственных программ не может быть прочным, если возникает отставание воспитательной сферы. Поборники автоматизма не осознали во всем объеме идею радикальной зависимости эффективности решения наших текущих и тем более перспективных задач от эффективности их нравственного обеспечения, зависимости «пропитания» и «воспитания».

На основе такой недооценки, как часто свидетельствует практика рассогласованности хозяйственной, организационной, культурной деятельности, с одной стороны, и воспитательной - с другой, складывается тенденция к формализму, словесному признанию необходимости усиления нравственно-воспитательной работы. Требовательность к ней растет, но очень часто не за конечные результаты, а за текущие повседневные показатели. По всей вероятности, именно отсюда берут свои истоки примиренчество к недостаточной эффективности воспитательной работы, и, значит, к растрате общественных усилий, настроения благодушия и самоуспокоенности, «валовой подход» и «идеологические приписки» в воспитательной отчетности, создание плотной видимости бурной воспитательной деятельности в русле «мероприятельной» педагогики.

Подобная ориентация усиливается еще и благодаря тому, что результаты нравственно-воспитательной деятельности в действительности трудно поддаются *измерению*. Они, как правило, являются продуктом коллективных усилий (хотя данное обстоятельство имеет положительный момент, позволяя перекрывать недостатки и односторонность индивидуальных воздействий, оно тем не менее может послужить основой для «рассеивания» ответственности за ход и конечные результаты воспитания) и оказываются «неуловимыми» в том смысле, что выявляются чаще всего косвенно, через сопоставление мнений, оценок, через последующую деятельность людей. Поэтому по всему реестру воспитательной работы в самом деле нелегко «отрапортоваться» об успехах, ее не просто продемонстрировать вышестоящим и проверяющим организациям.

Необходимо, однако, учесть, что данные свойства нравственно-воспита-

тельной деятельности - вовсе не довод для уклонистского отношении к ней, коль скоро по-настоящему осознана потребность в этой деятельности. С этим связана важная проблема подбора и расстановки кадров - люди, способные испытывать подлинный интерес к воспитательной работе, способны к преодолению и «измерительной» трудности. Кроме того, вообще не следует преувеличивать «неуловимость» результатов этой работы, так как воспитание обнаруживает свои плоды через все другие виды деятельности людей, то есть виды, по которым уже разработаны показатели (прямые или косвенные) эффективности. В равной мере негативна как привязанность к одним только количественным показателям воспитательной работы, так и снобистское безразличие к такого рода показателям за их «эфемерность», поскольку без них невозможно ни планирование воспитательной деятельности, ни управление ею.

Нередко ориентация на воспитательный бюрократизм получает дополнительный импульс вследствие неадекватного понимания специфики нравственно-воспитательной деятельности. Наиболее чувствительными проявлениями недостаточного учета этой специфики - об этом уже говорилось выше - являются раскомплектованность воспитательных усилий по различным направлениям, из-за чего ни одно из них не выполняет поставленных перед ним задач, и инверсия общественно-признанных целей нравственного воспитания. Скажем, когда воспитание в духе сознательной социалистической дисциплины заменяется формированием узкого «исполнительского» сознания, «удобной личности» вообще. Или когда воспитание сводят к догматическим наказаниям, подменяют творческие поиски новых форм и методов воспитания показным новаторством, пустым формотворчеством, что случается, например, тогда, когда шумихой по поводу социалистического соревнования вытесняют действительную организацию массовых перспективных, идущих снизу, починов. Вредно сказывается подмена систематичности воспитательной работы всякого рода кампанейщиной, беспорядочностью усилий, только служащих прикрытием для просчетов в планировании, прикрытием для практики вмешательства по мелочам, нетерпеливости, информационной необеспеченности воспитательных мероприятий. Когда не хватает культуры самому воспитательному воздействию, как свидетельствует практика, ее неминуемо восполняют педагогическим апломбом, авторитарным стилем («я сказал, и значит, что это правильно и так будет!»), которые обостряют нравственно-психологические проблемы меры, такта, взвешенности воспитательного воздействия. И особенно проблему единства слова и дела воспитателя (по должности или без оной). С вопросом о «неумении» последняя связана самым различным образом, но прежде всего тем, что нравственное воспитание немислимо без воздействия личным примером. Нравственный авторитет воспитателя, если он к тому же и руководитель, - главный инструмент влияния на отдельное лицо, на коллектив и массу.

Система идейно-нравственного воспитания, несмотря на то, что уже немало сделано по претворению партийных решений в жизнь, нуждается в дальнейшем совершенствовании. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что предстоит преодолеть урон от формализма и назидательности, неумения говорить с людьми языком правды, добиться максимального сопряжения воспитания с главной задачей наших дней - ускорением социально-экономического развития страны¹²⁹.

§ 3. Проблемы семейно-нравственного воспитания

Завершая обзор современной ситуации нравственного воспитания и проявлений в нем действия факторной асимметрии, надлежит обратиться - вслед за общественным воспитанием - к «частной» сфере, к вопросам семейного воспитания. С сейсмической чуткостью микрокосм 70 млн. семей страны реагирует на все социальные, хозяйственные и духовно-культурные изменения, интегрально отражая и наши исторические завоевания, и наши трудности, все разнокачественные противоречия общественного развития.

При рассмотрении этой проблематики нужно все время иметь в виду два принципиальных момента. Во-первых, бурно протекающий процесс формирования социалистического быта, бытовой морали¹³⁰. Во-вторых, процесс глобальной перестройки семьи как социального института, ячейки общества, которая из традиционно-патриархальной преобразуется в семью современную, «нуклеарную» и «биархную», равновластную и детоцентристскую, вместе с чем происходит переформирование и семейной морали общества¹³¹. Не располагая возможностями для специального раскрытия содержания этих двух тесно переплетающихся процессов, не претендуя поэтому на систематологию воспитания, затронем только несколько «болевых» точек всей обширной проблематики семейно-нравственного воспитания.

Пожалуй, наиболее мучительная точка - разводы. Свобода разводов - важное завоевание социализма, одно из свидетельств женского равноправия, гуманизации межличностных отношений, своеобразный сертификат наличия взрослых и - не станем пренебрегать даже таким подходом - уточненных притязаний на личное счастье советских людей. Эта свобода отнюдь не порождает, как иногда думают, сама по себе моральной дестабилизации семейно-брачных отношений. Но вместе с тем не может не тревожить растущее число разводов, особенно в больших городах. За последние 20 лет число разводов утроилось, что не только пагубно влияет на рождаемость, но и отрицательно действует на ход нравственного воспитания. Распад семей приводит к тому, что ежегодно тысячи детей остаются без одного из родителей. Говоря о нравственных последствиях этого явления, достаточно заметить, что почти каждый третий подросток из неполных семей (их иногда обидно именуют полусиротами) состоит на учете в милиции, и различные воспитательные учреждения вынуждены корректировать просчеты "полусемейного" воспитания.

Нет одного какого-либо фактора, который с достаточной полнотой смог бы объяснить такое сложное явление, как быстрый рост разводов. «Статистика разводов, - пишет Н. Я. Соловьев, - отражает сложные и глубинные диалектические процессы семейных отношений, и прежде всего ломку старых и возникновение новых основ и принципов, преобразование нравов. Здесь можно увидеть как отражение наших достижений, так и наших заблуждений на пути развития и укрепления семьи. Познание механизмов развода возможно через раскрытие факторов, причин и поводов развода с одновременным анализом единства объективного и субъективного внутри каждого из них»¹³².

В качестве непосредственных причин разводов фамалисты называют несходство характеров, алкоголизм, психофизиологическую несовместимость, неподготовленность к семейной жизни, тогда как поводами являются материальные трудности, в особенности, молодых семей, недостаток культуры взаимоотношений супругов и родителей¹³³.

В настоящее время значительное количество браков распадается после одного года совместной жизни. Примерно треть официально зарегистрированных разводов выпадает на семьи с годичным «стажем», а еще одна треть - на семьи, просуществовавшие от одного до пяти лет. Четверть семей не выдерживает пятилетнего срока.

Самое тяжелое в нравственно-воспитательном смысле - последствие в снижении рождаемости и определенной девальвации ценностей супружества. Сокращение числа детей явилось в известной степени результатом «нормального» процесса, связанного с массовым вовлечением женщин в производство. На этой основе произошла демократизация семейно-брачных отношений, но вместе с тем ослабили силы, которые в семье старого типа обеспечивали ее прочность и незыблемость (экономическая зависимость женщин, юридические затруднения развода, религиозный страх и т. п.). Вызревание сил, скрепляющих семью современного типа (любовь, долг, сексуальная гармония, общность духовных переживаний), будучи производными от нравственной зрелости, идет более медленными темпами, чем протекает разрушение старых начал.

Сейчас свыше половины городских и треть сельских семей имеют только по одному ребенку. Такие семьи не только не обеспечивают собственного воспроизводства, но и создают прямую угрозу депопуляции (в конце 70-х годов чистый коэффициент воспроизводства у нас был равен всего 1,04). Кроме этого надо учесть, что в однодетных семьях статистически больше шансов на формирование инфантильной, эгоцентрической личности. Нельзя пройти мимо и такой тенденции, как уклонение от брака, от рождения детей вообще. С другой стороны, идет быстрое старение населения, что порождает специфические негативные последствия в нравственно-воспитательном плане¹³⁴.

Нравственное воспитание в семье осложнилось и потому, что обострилось противоречие между профессионально-трудовыми (93% взрослых женщин вовлечено в общественное производство и составляет в нем 51% всей рабочей силы) и семейными ролями женщин. По социологическим данным продолжительность домашнего труда у семейных работающих женщин превышает пять часов в день (30 часов в неделю), что существенно больше, чем в начале 30-х годов. Преобладающим в удовлетворении бытовых потребностей у городских жителей остается домашнее обслуживание (соотношение его с государственным бытовым обслуживанием равно 4:1 даже в крупных городах со сравнительно развитой инфраструктурой и общим культурой государственной организации быта). Это объясняется незначительным количеством соответствующих предприятий, неудачной их дислокацией, ограниченностью ассортимента услуг, их сравнительно высокой стоимостью (скажем, в домашних условиях обеды обходятся на 18-20% дешевле), низкой организацией и культурой обслуживания. К тому же механизация домашнего хозяйства все еще далеко отстает от современных запросов. Техническое оснащение индивидуальных квартир тоже не принесло желанных послаблений (сокращение численности семей привело к увеличению бремени домашней работы, которая выпадает на одну женщину, усложнились обязанности женщин по уходу за детьми и их воспитанию). Домашнее хозяйство хронически отстает от темпов развития всего народного хозяйства. Между тем удельный вес семей, в которых осуществляется полная кооперация домашнего труда, хотя и повышается, но все еще остается невысоким¹³⁵.

Характеризуя семейное воспитание, отметим те изменения, которые претерпел практически по всем параметрам *объект воспитания*. Властно про-

диктованный запросами современного производства и общественной жизни, высокий уровень образованности и информированности повышает требования и к уровню, стилю семейно-нравственного воспитания. Если "в прошлом подготовка молодого поколения к будущим профессиональным, общественно-политическим и семейно-бытовым ролям осуществлялась во многом спонтанно, в процессе совместной трудовой деятельности членов семьи, то сейчас она требует особых усилий и специфических педагогических и воспитательных знаний супругов"¹³⁸. Этому способствует целый ряд новых условий, в которых развивается современная семья.

Изменились медико-биологические показатели подрастающего поколения. Сократилось время перехода от подросткового возраста к юношескому, который соответственно удлинился. Усиленные притязания на взрослость часто сталкиваются с фактом социально-нравственной необеспеченности этих притязаний. В результате сокращения размеров семьи и роста ее доходов ощутимым образом возросли возможности для иждивенчества, инфантилизма, условно-престижного потребления. Из-за растягивания периода учебы нередко закрепляется иждивенческий статус. Повысилось влияние косвенного информативного опыта (причем в ситуации информационной перегрузки) на поведение молодежи и соответственно - хотя и не по закону компенсации - уменьшилось влияние родителей и учителей¹³⁷.

Изменения в социальном облике молодежи имеют различные параметры. Так, болгарский социолог Минчо Драганов, обратил внимание не только на неодновременность биолого-полового и социального созревания, но и на разновременность созревания различных собственно социальных сфер жизнедеятельности человека нашего времени. «Социальное созревание в различных сферах жизнедеятельности человека совершалось неодновременно и раньше. Но, во-первых, из-за недостаточной развитости и дифференциации общества и личности количество этих сфер неодновременного созревания было небольшим; во-вторых, последовательное созревание в различных сферах происходило в виде этапов при разделении трудобытовых возрастных ролей с учетом своеобразной социально-возрастной иерархии престижа; в-третьих, в жизни было больше непосредственности, легче воспринимались человеческие качества созревающего индивида; в-четвертых, эти переходные фазы нравственно и по-житейски осмысливались и мотивировались, и каждый знал свой возрастной и социальный статус"¹³⁸. В наше время положение дел в данной области изменилось самым существенным образом. При созревании только в одной из сфер человек субъективно чувствует себя зрелым и в остальных сферах, отрабатывает свои ценностные ориентиры и программы для зрелого поведения в целом. При этом в ряде сфер он еще не стал полноценным социальным субъектом, не принял тяжести ответственности, что делает его склонным к нестабильному поведению, к ненадежному самоконтролю, к неполноценному самовыражению, делает его недостаточно устойчивым перед «соблазнами» девиантного поведения ("молодежь взрослеет позже, чем стареет").

Все это становится возможным в результате значительно большей самостоятельности подрастающего поколения, возросшего уважения к нему, более быстрого развития его самосознания. При реальном дозревании очередной сферы жизнедеятельности данный молодой человек наталкивается на различные ожидания и требования к его ценностным ориентациям в поведении. Выработанные раньше «зрелые» системы ценностей и модели поведения вступают в конфликт с теми, которые вырабатываются под давлением социальных

обязательств. Разрушение старого стереотипа поведения и закрепление нового - не простой процесс; он осложняется еще и тем, что данная сфера вступает во взаимодействие с другими. В результате переход к зрелости превращается в цепочку сотрясения с отдаленным "эхом последствий". Все это затягивает процесс созревания личности (с другой стороны, мнимой зрелости противостоит ложная незрелость, тенденция к ретардации, к искусственному удлинению детства, когда из-за отставания некоторых сфер личности не признается созревание даже одной из них). В конфликтах и сотрясениях, через накопление своего собственного жизненного опыта идет процесс утверждения первичных идейно-нравственных установок ("жизненная философия"). М. Драганов справедливо подчеркивает, что выявившиеся трудности и противоречия при переходе к зрелости нельзя устранить через противодействие им с помощью модернизированной системы типа инициаций. "Обуздание" флуктуаций, стихийности требует создания управляемой системы "институциональной градации" с программой регуляции и овладения резко усложнившимся переходом к зрелости, «без какого-либо посягательства на личную свободу, личную самостоятельность молодого человека»¹³⁹.

Из сферы семейного воспитания уходит старый опыт воспитания примером ("делай как я!") трудолюбия и прилежания. Все это не девальвирует исторических достижений народной педагогики, но в наше время возрастает роль творческих элементов в семейном воспитании¹⁴⁰. Изменившийся объект воспитания и вся ситуация воспитательной деятельности становятся живым «вызовом» эвристичности педагогического мышления родителей (равно и учителей, наставников, организаторов воспитательной работы), глубине души и такту «ближайших воспитателей», их способам приобщения к положительному опыту воспитания прошлого. И не случайно новая школьная реформа специально подчеркивает повышение ответственности родителей за воспитание своих детей. Постепенное превращение наших семей в «детоцентристские» (термин, введенный Филиппом Ариесом) с точки зрения перспективы - огромное завоевание социализма. Но, как и в других случаях, здесь можно сказать: благоприятная возможность еще не есть великолепная действительность. Если детоцентризму семьи сопутствует родительная слепота и эмоциональная глухота, педагогическая беззаботность, то отсюда недалеко до детоненавистничества и мизантропии.

Многообразие факторов, детерминирующих состояние семейной нравственности, требует подобного же многообразия воздействующих средств, гибкой комбинации форм и методов, учета относительной замкнутости семьи, ее слабой доступности социальному воздействию и контролю. Сейчас вырисовываются некоторые элементы и узлы обширной управленческой комплексной программы по повышению эффективности семейно-нравственного воспитания.

Во-первых, это - интенсификация пропаганды ценностей социалистического образа жизни, нравственной культуры отношений между полами, между поколениями. Во-вторых, это - интенсификация педагогического всеобуча, который предназначен создать педагогически культурную экологию детства. Заметим, что интенсификация отнюдь не означает только увеличение количества прочитанных лекций и расширение круга слушателей: упор должен быть сделан на качественные аспекты интенсификации пропаганды и всеобуча. В-третьих, постепенное создание системы помощи молодой семье (право вступать в жилищные кооперативы в первую очередь, предоставление долгосрочных кредитов, оплата воспитательного отпуска, клубы молодых супругов, соз-

дание союзов семей и т. п.), погашающей все дестабилизирующие факторы воздействия на эту семью. В-четвертых, культивирование прогрессивных национальных традиций, связанных с регуляцией семейной жизни. В-пятых, развитие особой государственной службы наблюдения и контроля за состоянием здоровья подрастающих поколений. В-шестых, разработка мероприятий по эффективному стимулированию рождаемости и «воспитываемости». В-седьмых, разработка эффективных мер, направленных на профилактику разводов и патологии морально-психологического климата в семье, осуществление мероприятий по всестороннему облегчению труда и быта женщин.

Надо отметить единодушие специалистов относительно важной роли семейного нравственного воспитания, что как раз определяет ответственность родителей (повседневность контактов, эмоциональная теплота и духовная проникновенность, родительский авторитет, фамильные нравственные ценности, необычайно широкий диапазон воздействия и т. п.). Всякие крайности в оценке данного воспитания неуместны. Общая установка преследует задачу сочетания семейного и общественного воспитания, их дальнейшего усовершенствования. Вместе с тем надо помнить, что коллективизм формируется в условиях, когда ребенок находится не только в семье, где у него больше привилегий, но меньше ответственности, самостоятельности. Рост самоуправления в социалистическом обществе открывает возможности для деприватизации некоторых сфер, прежде рассматриваемых как исключительно частные - этому процессу не следует искусственно создавать препоны.

* * *

Обрисую бегло в конце всего первого раздела книги некоторые неадекватные реакции на представленные в виде коллажа изменения в нравственной жизни и в воспитательной ситуации. Одна из них удивительно проста: серьезность этих изменений не признается вовсе. Что есть? Что было! Таково резюме той души, которая не признает над собой обязанности трудиться. Наша публицистика иногда подбрасывает удобную аргументацию для поборников такой позиции. В ней ссылаются на то, будто во все времена, даже столь отдаленные, что захватывают эпохи фараонов и вавилонских царей, находились люди, вещавшие о печальных последствиях перемен в нравственной жизни общества. Приводятся иероглифические, клинописные и иные свидетельства разномастных «кассандр» - вот сейчас достигнута самая глубокая точка морального падения человечества, мир стоит вверх дном, зло торжествует, правда поправа, всюду царит несправедливость, молодежь испорчена и т. п. Не следует опровергать каждое из этих пессимистических заключений хотя бы потому, что многие из них были способны улавливать, сгущать и образно передавать то или иное общественное настроение. Но, во-первых, изменения, о которых шла у нас речь, менее всего могут быть описаны в терминах грехопадения. Как раз напротив, вопрос ставится о новом и с исторической точки зрения более высоком уровне противостояния добра и зла, об усложнении и убыстрении протекания идейно-нравственных процессов. Во-вторых, ни одна из приводимых иллюстраций, ни даже их сумма не вправе освободить от ответственной обязанности трезвого, реалистического анализа современности («угрызении разума», говорил А. И. Герцен). Людям всегда было свойственно обольщаться относительно необычности того времени, в котором они живут и это легко понять. Однако именно наша эпоха оказалась революционной во всех тех отношениях, которые коренным образом переформируют нравственную жизнь человека.

В публичных и частных суждениях нередко обнаруживает себя любопыт-

ное социопсихологическое явление, когда в ответ на усиление тенденций, так или иначе усложняющих нравственную жизнь, возникает влечение к самоупокаивающей простоте. Всякое усложнение требует углубленной специализации: события и процессы «профессионализируются» и смысл их ускользает от неспециалистов, порождая опасности "экспертократии". Так образуется парадокс стремления к решительным, категоричным, но, увы, упрощенным и потому ошибочным ответам при решении сложных проблем современности. Реализация такого устремления порождает мифологию, веру во всемогущество какого-то одного радикального средства, которое разом бы разрешило все трудности.

Вот типовой пример. Редакционная почта приносит письма с инвективами на товарно-денежные отношения в социалистическом обществе. Они провозглашаются давно отжившими, порождающими все трудности в экономике сегодняшнего дня, а следовательно, и основной массив наших нравственных конфликтов, осложнений и срывов. Ведь куда все может быть проще, если лишить предприятия хозяйственной самостоятельности, устранить прибыль, ликвидировать финансовые отношения, а всем предприятиям просто разверстать надежно сбалансированный детальный план взаимных поставок каждого вида продукции в натуре, установив затем нормативы расходов сырья, материалов, энергии, труда. Л. Лопатников писал по этому поводу: «В стране около 50 тысяч предприятий (крупных и средних, мелкие не будем учитывать). Они производят по самой скромной оценке около двух миллионов видов продукции (есть оценки и в 10, и даже в 20 миллионов), используя при этом около миллиона разных видов ресурсов. И вот, чтобы составить только один взаимоувязанный вариант плана, охватывающего столько показателей, потребуется примерно 10^{18} арифметических операции. Что означает эта цифра, на непросвещенный взгляд не такая уж страшная? Вот что: мощная вычислительная машина, совершающая миллион операций в секунду, потратит на решение такой задачи ни много ни мало около 30 тысяч лет непрерывной работы!». Что касается надежд на то, что без товарно-денежных отношений отпадут такие явления, как «выгода - невыгода», несовпадение интересов отдельных хозяйственных звеньев, то есть ведомственность, местничество, то «.. эти надежды на поверку иллюзорны: просто заинтересованность переместится из области «товарно-денежной» (цен, прибыли, рентабельности) в область натуральных расчетов. Например, предприятиям будет выгодно так формировать портфель заказов, чтобы они были попроще в изготовлении и чтобы соответствующие нормативы были повольготнее: ведь и планы, и нормативы разрабатывают люди, получающие зарплату и премии - отказаться от них не решаются самые горячие сторонники отмены товарно-денежных отношений»¹⁴¹.

Нередко реакция на новую социально-нравственную ситуацию заключается в идеализации прошлого, которое представляется безмятежно упрощенным, романтизированным. «Паломничество к истокам» завершается панегириками патриархальщине, и тогда оказывается «легче» вообще отрицать нравственный прогресс нашего времени в духе морального сектанства, чем признавать его относительность и противоречивость. Такая позиция может быть по своему даже удобной, сберегая канал для отступления от ответственности. Иногда, признавая в полном объеме происшедшие (и происходящие) изменения, полагают, что ответ на «вызовы эпохи» уже был дан в прошлом, а потому проблема заключается только в выборе одного из старых вариантов. Так, анализируя трудную проблему экологического воспитания, многие авторы исходят из того, что основной источник "экологической мудрости" лежит во вне совре-

менной культуры. Призывают без всякой предвзятости отнестись к опыту восточных народов, якобы отклонивших мировоззрения, претендующие на господство над природой, утверждение потребительского отношения к природе. Об ограниченности таких упований хорошо сказано в одной работе: «...практически любая традиционная культура сочетает в себе как «экофильные», так и «экофобные» черты. При этом экофобные черты, как правило, преобладают. ...Почти всем традиционным культурам свойственна бинарная оппозиция культуры и природы, «дома» и «дикого поля», причем за домом закреплены благостные, сакральные коннотации, а за диким полем - коннотации демонические, связанные с опасностью. В них отражается ощущение враждебного противостояния человека природе. Это - один из самых трудных психологических барьеров, которые человеку предстоит преодолеть. В этом плане представляется малопродуктивным противопоставление разных культурных моделей, оформленных в религиозных концепциях, например, христианской, с одной стороны, и индуистской или синто-буддийской - с другой. Хотя в двух последних человек не столь резко противопоставляется природе, как в первой, не следует все же забывать, что во-первых, противопоставление все же имеется, во-вторых, все эти концепции - лишь надстройка над уже упоминавшейся фундаментальной бинарной оппозицией, присущей практически всему человечеству»¹⁴². Аналогичный характер носила дискуссия в «Литературной газете» между Э. Гороховой, занимавшей позиции идеализации деревенской дореволюционной семьи, и публицистом А. Стрелянным, который показал несостоятельность такой позиции.

В целом тип оценки изменений в нравственной жизни, ситуации воспитания сам оказывается способом косвенного морального выбора, отношения к обстоятельствам (капитулянство после двух - трех неудач, беспринципное приспособленчество, трусливое уклонение от ответственности, мужественное стоическое противостояние и т. п.). Подлинный глагол нравственной мудрости заключается в соединении способности к реалистической оценке состояний дел, возможностей и перспектив со способностью вдохновенно и заразительно верить в коммунистический идеал, уметь бороться за его осуществление. Что касается самой оценки, то хорошо об этом написал публицист Ю. Рюриков: «Ритм жизни сейчас резко ускорился, новые плюсы и минусы жизни растут с невиданной быстротой. Убежден, что нужен новый отклик на противоречия жизни - радарно быстрый и радарно точный. Пожалуй, от этого зависит половина успеха»¹⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 1

¹ О действительном характере связи философии и практики см.: Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983.

² Так, например, характеризуя философию Декарта с точки зрения его стремления создать «практическую философию» как положительную программу преодоления бессодержательных спекулятивных абстракций, Т. И. Ойзерман в параграфе «Новаторская философия и новаторская наука» показал принципиальное отличие позиции Декарта от схоластического «практицизма». (См.: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983, с. 24-25).

³ См.: Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А. Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1967, с. 5-6.

⁴ См.: Аристотель. Соч., т. 4. М., 1984, с. 56.

⁵ См.: Келле В. Ж. Социальное знание и социальное управление. М., 1976. с. 6. (Об иной классификации знания Аристотелем будет сказано в другом разделе книги).

⁶ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1892. с. 329.

⁷ Кант И. Соч., т. 4 (2), с. 125.

⁸ Там же, с. 168-169.

⁹ Плодотворным представляется специальное исследование линий пересечения кантовской и экзистенциалистской концепции. Последняя явно претендует на роль практического руководства нравственной жизнью личности, но решает эту задачу в такой форме, которая и дала О. Г. Дробницкому и Т. А. Кузьминой основание квалифицировать ее как иррационалистическую «практическую философию». Преемственность этой квалификации с линией Канта убедительно показал Э. Ю. Соловьев в работе "Знание, вера и нравственность" (Наука и нравственность. М., 1971).

¹⁰ Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А. Указ. соч., с. 370.

¹¹ Там же, с. 366.

¹² См., например: Предмет и система этики. Москва-София, 1973; Методология этических исследований. М., 1982, Архангельский Л.М. Марксистская этика: предмет, структура, основные направления. М., 1985.

¹³ Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974; Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. М., 1974; Марксистская этика М., 1976.

¹⁴ Очерк истории этики. М., 1969; Харчев Д. Г., Яковлев Б. Д. Очерки истории марксистско-ленинской этики в СССР. Л., 1972; Джафарли Т. М. Из истории домарксистской этической мысли. Тбилиси, 1970; Иванов В. Г. Истории этики древнего мира. Л., 1980; Он же. История этики средних веков. Л., 1984 и др.

¹⁵ См. опубликованные в разные годы курсы лекций по этике А. Ф. Шишкина. С. Ф. Анисимова, Л. М. Архангельского, Ф.А. Селиванова, Г. Д. Бандзеладзе и др. учебные пособия: Марксистская этика (М., 1980); Основы коммунистической морали (М., 1972 - 1983); программы курса этики, выпущенные МГУ, ЛГУ и т.д.

¹⁶ Дробницкий О. Г. Понятие морали. с. 214.

¹⁷ См.: Фритцханд М. Марксизм, гуманизм, мораль. М., 1976, с. 99.

¹⁸ См.: Кобляков В. П. Этическое сознание. Л., 1979, с. 43.

¹⁹ См.: Фритцханд; М. Указ. соч., с. 233.

²⁰ См.: Титаренко А. И. Указ. соч., с. 11-12.

²¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 43

²² См.: Гусейнов А. А. Этика и нравственная культура общества. - В кн.: Нравственная культура. Сущность, содержание, специфика. Вильнюс, 1981, с. 202- 207.

²³ См.: Марксистская этика. М., 1980, с. 26-28.

²⁴ Кобляков В. П. Этика в системе знания о морали - В кн.: Исследование и формирование коммунистической морали. Л., 1975, с.86.

²⁵ См., например: Голубева Г. А., Шварцман К. А. Нравственное воспитание. - Философские науки, 1982, № 3.

²⁶ См.: Архангельский Л. М. Марксистско-ленинская этика как система. М., 1976, с.

14 -15.

²⁷ См.: Момов В. Человек. Мораль. Воспитание. М., 1975.

²⁸ Ефимов В. Т. Этика и моралеведение. - Вопросы философии, 1982, № 2, с. 73-75; Он же. Качество работы и мораль. М., 1980.

²⁹ Титаренко А.И. Выступление к "Панораме этических идей". - Вопросы философии. 1984, №6, с. 111.

³⁰ Там же, с. 111-112. Показателен итог поисков Л. М. Архангельского, в последней книге которого о предмете и структуре этики выделен раздел "Этико-прикладные исследования». См.: Архангельский Л. М. Марксистская этика, с. 197- 232.

³¹ Соловьев Э.Ю. Указ. соч., с. 206- 207.

³² В фонде накопления этики числится уже ряд работ, продвигающих ее по пути решения методологических задач. Назовем сейчас некоторые из них: Крутова О. Н. Человек и мораль. М., 1970; Мухортов Н. М. Мораль в системе социалистических общественных отношений. Воронеж, 1976; .Мораль развитого социализма. М., 1976; Михалик М. Диалектика развития социалистической морали. М., 1978; Методология этических исследований, М., 1982; Szawarski Z. Zarys moralnosu socjalisty - cznej. W-wa, 1981.

³³ Выражение «нравственная жизнь» встречается в ленинских (См.: Ленин В.И. - Полн.собр. соч. т.6, с.69; т.12, с.142).

³⁴ См.: Krimpel H. Lebensprozess und Moral. Berlin, 1977. Как говорил советский писатель Ф. Абрамов, «нравственность вне социального, гражданского, вне насущных проблем жизни, которыми живут страна, народ, партия, нравственность, наконец, вне политики, которая стала одной из главных сфер бытия человека XX века, такая нравственность - пустая, безнравственная болтовня». (Литературная газета, 1981, 8 июля).

³⁵ См.: Нравственная жизнь человека. Искания, позиции, поступок. М., 1982, с. 180-181.

³⁶ Рожко К. Г. О понятии нравственной жизни. - Опыт прикладных исследований и разработок, их экспериментального внедрения в управление воспитательной работы. Тюмень, 1983, с. 54.

³⁷ Материалы апрельского (1984 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС. М., 1984. с. 19.

³⁸ См.: Назарова Т. Ф. Статистическая и динамическая модели нравственной жизни трудового коллектива. - Опыт прикладных исследований и разработок..., с. 101 - 104.

³⁹ Здесь ставится вопрос о состоянии нравов, а не о самочувствии, которое вовсе не тождественно состоянию, хотя и способно определенным образом воздействовать на него.

⁴⁰ См.: Согомонов Ю. В., Левицкая А. Г. Урбанизация, молодежь, воспитание. М., 1983; Левицкая А. Г. Урбанизация: нравственно-воспитательные аспекты. М., 1983,

⁴¹ См.: Харчев Л. Г. Соотношение интернационального и национального в моральных ценностях социализма. - Социологические исследования, 1975, № 1; Дашдамиров А. Ф. Этика социалистического интернационализма. - Вопросы философии, 1979, №8; Малинаускас К. Национальный аспект нравственной культуры общества и личности. - В сб.: Вопросы нравственной культуры. Вильнюс, 1981; Азимова Р. Национальное сознание как форма проявления нравственной культуры личности. — Там же. Надо иметь в виду, что этносоциологические и этнопсихологические исследования у нас развертываются пока очень слабо, хотя потребность в них велика.

⁴² См. подробнее: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

⁴³ См.: Шишкин В. Ф. Так складывалась революционная мораль. Исторический очерк, М., 1967; Он же. Великий Октябрь и пролетарская мораль. М., 1976; Журавков М. Г. Социализм и мораль. М., 1974; Эндре Фаркаш. Мораль и революционность. М., 1979; Петропавловский Р. В. Революционная мораль рабочего класса. М., 1981.

⁴⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52, 54.

⁴⁵ Гусейнов А. А. Нравственная культура классового общества: типологические особенности. — В сб.: Вопросы нравственной культуры, с. 47.

⁴⁶ Здесь не затрагивается проблема нравственной жизни человечества как единого целого. (См.: Давидович В., Аболина Р. Кто ты, человечество? М., 1975).

⁴⁷ См.: Титаренко А.И. Структуры нравственного сознания: опыт этико-фило-софского исследования. М., 1974.

⁴⁸ См.: Титаренко А. И. Нравственность как историческая система. Моральные системы как объекты структурно-исторического анализа. - В кн.: Методология этических исследований, с. 194-229.

⁴⁹ См.: Стилль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. Киев, 1982. Важно разрабатывать весь ряд родственных понятий типа «жизненный опыт», «жизненная линия», «жизненная программа и т. п. (См.: Бекешина И. Э., Злобина Е. Г. Круглый стол «Жизненный путь личности».- Вопросы философии, 1982, № 8, с. 149-152.)

⁵⁰ Подробный анализ всего блока значений понятия «ситуация» см.: Левыкин И. Т., Дридзе Т. М., Орлова Э. А., Рейзема Я. В. Теоретико-методологические основы комплексного исследования социалистического образа жизни. — Вопросы философии, 1981, № 11, с. 59-63.

⁵¹ Материалы июньского (1983 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, с. 19.

⁵² См.: Предмет и система этики. Москва - София, 1973.

⁵³ Ефимов В. Т. Этика и моралеведение. Полемические заметки; Архангельский Л. М. Этика или моралеведение?; Гусейнов А. А. Этика-наука о морали; Шердаков В. Н. Этика и нормативность; Согомонов Ю. В. Этика и теория нравственного воспитания; Титаренко А. И. Предмет этики: основания обсуждения и перспективы исследования. - Вопросы философии, 1982, № 2; Обзор откликов на эту дискуссию см.: Вопросы философии, 1984, № 6.

⁵⁴ Петропавловский Р. В. Теория и эмпирические исследования в этике. — Методология этических исследований, с. 47-83.

⁵⁵ Харчев А. Г. Мораль как предмет социологического исследования. — Вопросы философии, 1965, №1; Архангельский Л. М., Квасов Г. Г. Социологические аспекты этики: исследования и перспективы. - Социологические исследования, 1976, № 4; Соколов В. М. Нравственный мир советского человека. Опыт социологического анализа нравственных проблем современника. М., 1981; Коновалова Л. Н. Некоторые проблемы современной буржуазной социологии морали. - В кн.: Этика и идеология. М., 1983; Ossowska M. Sociologia moralnosci. W-wa, 1963; Нешев К. Социологическое измерение морали. — В кн.: Этика, социальное познание, нравственное поведение. София, 1979; Квасов Г. Г. Методологические проблемы социологического исследования нравственных процессов. - Социологические исследования, 1978, № 2; Соколов В. М. Социология морали: сущность, структуры, предмет исследования. — Социологические исследования, 1984, № 3.

Отдельной строкой следует упомянуть некоторые работы не столько социологического, сколько социально-психологического плана: Пеньков Е. М. Социальные нормы-регуляторы поведения личности. М., 1972; Коломинский Я. Л. Социальные эталоны как стабилизирующие факторы социальной психики. - Вопросы философии, 1972, № 1; Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976; Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляции поведения. М., 1978; Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979; Васил Вичев. Мораль и социальная психика. М., 1978; Федоров Ю. М. Социально-психологические механизмы управления нравственным воспитанием. — В кн.: Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск, 1980; Шердаков В. Н. Этика и социальная психология. - В кн.: Методология этических исследований; Ольшанский В. Б. О сущем и должном в человеческих отношениях. (По материалам опроса экспертов). — В сб.: Опыт прикладных исследований и разработок..., с. 226—231.

⁵⁶ Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Молодежь о себе, о своих сверстниках. Л., 1969; Харчев А. Г., Алексеева В. Г. Образ жизни, мораль, воспитание. М., 1977; Харчев А. Г., Момов В. Социальная среда и възпитание. София, 1977; Гурова Р. Г. Выпускник средней школы. Опыт сравнительных социально-педагогических исследований. М.,

1977; Она же. Социологические проблемы воспитания. М., 1981; Прогнозирование социальных потребностей молодежи. М. 1978; Жилина Л. Н. Формирование личных потребностей при социализме М., 1978; Социологические проблемы на воспитание. София, 1978; Титаренко А. И. Нравственные основы общения. М., 1979; Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1980; Нравственное воспитание в трудовом коллективе. (Опыт социологического исследования) М., 1981; Потапов В.П. Опыт конкретно - социологического исследования эффективности нравственного воспитания в трудовых и учебных коллективах. - В сб.: Опыт прикладных исследований и разработок..., с. 134 -138.

⁵⁷ См.: Кулапина Т. И. Социально-экологические переменные в системе регуляции неадаптивного поведения - В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения; Трушков В. В. Региональный характер хозяйственного освоения и проблема региональных особенностей нравственных отношений. - В сб.: Управление нравственным воспитанием в трудовом коллективе: союз теории и практики. Тюмень, 1982.

⁵⁸ Вичев В. Этика и нравственно воспитание. - Философская мысль, 1983, кн. 2, с. 7.

⁵⁹ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

⁶⁰ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 21, с. 319.

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 438.

⁶² Подробнее о взаимозависимости классового и общечеловеческого в морали см.: Марксистская этика, М., 1980, с. 37-47. Под выражением «народная нравственность» имеется в виду не антипод урбанистической нравственности (см.: Бачинин В. А. О противоречии между "народной нравственностью" и "городской культурой". - В сб.: Современная цивилизация и моральные ценности М., 1982. с. 124), а то, что называют традиционной народной этикой, отличной от ценностей в рамках культуры, созданной специалистами, людьми, профессионально занятыми умственным трудом. (См.: Коган Л. Н. Народная культура в историческом развитии системы культуры. - В сб.: Изучение истории культуры как системы. Новосибирск, 1983, с. 54 - 59).

⁶³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 96.

⁶⁵ См.: Ленин В. И.- Полн. собр. соч., т. 6, с. 231.

⁶⁶ В данном случае выражение «моральные» не следует понимать излишне буквально, так как нельзя не считаться с многозначностью этого выражения. "В разговорном языке, в литературно-публицистической традиции слово "мораль" очень часто используется для обозначения социально-духовных, общественно-психологических явлений, а нередко вообще употребляется как синоним любого нематериального воздействия на личность», (Василенко В. А. Мораль и общественная практика. М., 1983, с. 125).

⁶⁷ Существование двойной ориентации и сложной мотивации как отдельного поведенческого акта, так и всей линии поведения не дает оснований считать одну сторону «высшей», «чистой», а другую - «низшей», «грязной» и полагать, будто в социалистической моральной системе действуют два критерия моральности - фундаментальный и вспомогательный, а также соответствующие им "комплекты добродетелей". Такого рода разделение имеет место только в буржуазной моральной системе, где наряду с генеральной "жизненной нормой" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с.421), фундаментальным критерием (достижение успеха в своекорыстной предпринимательской деятельности, стремление к обладанию частной собственностью, или ее эквивалентов в других областях деятельности, чему соответствует составленный из моральных качеств и волевых характеристик специфический круг добродетелей и пороков) существует еще и второстепенный критерий моральности (абстрактные предписания, формально воплощающие обязанности всех членов ассоциированного человечества и требования «эквивалентности взаимного воздаяния», признающие моральное равенство каждого члена господствующего класса в деятельности, ведущей к успеху).

⁶⁸ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 40, с. 34.

⁶⁹ Это понятие было в свое время введено Ф. Тейлором для характеристики желаемого элементарного уровня регулирования по принципу «стимул-реакция».

⁷⁰ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 26. с. 281.

⁷¹ Вишневский А. Г. О мотивационной основе рождаемости. - В сб.: Демографическое развитие семьи. М, 1979, с. 137. См. также: Левкович В. П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения, - В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения, с. 223-229.

⁷² См.: Федосеев П. Н. Мировоззрение, философия, наука. М, 1979. с. 34.

⁷³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18; Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 33, с. 98.

⁷⁴ Материалы июньского (1983 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, с. 35.

⁷⁵ Ленин В.И. - Полн. собр. соч., т. 37, с. 449.

⁷⁶ Ленин В.И. - Полн. собр. соч., т. 45, с. 390-391.

⁷⁷ Материалы июньского (1983 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, с. 38.

⁷⁸ Указанный момент был рассмотрен А. И. Титаренко (Марксистская этика. М., 1980, гл. 3) и А. А. Гусейновым (Золотое правило нравственности. М., 1978, с. 187-196). См.: Утверждение активной жизненной позиции как этическая проблема. - Коммунист, 1978, №6, с.96-98.

⁷⁹ См.: Архангельский Л. М., Квасов Г. Г. Указ. соч., с. 10-11.

⁸⁰ О природе и типологии нравственного конфликта см.: Бакштановский В.И. Принципы морального выбора. М, 1974; Волкогонов Д. А. Моральные конфликты и способы их разрешения. М., 1974; Кичанова И. М. Конфликт: за или против. М, 1978; Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М, 1978; Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности М., 1980; Авраамов Д. С. С нравственных позиций. М., 1981; Наджафов Н. Г. Этика трудовой деятельности работника социалистического производства. Баку, 1982; Станка Христова. Моральные конфликты. София, 1981.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 380.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99 -100.

⁸³ См.: Ленин В.И. - Полн. собр. соч., т. 33, с. 387. Можно говорить о городской подсистеме общей социалистической культуры, о городской субкультуре, общения. (См.: Виноградский В. Г. Городской образ жизни при социализме. Методологические проблемы. Саратов, 1977; Баранов А. В. Социально демографическое развитие крупного города. М. 1981).

⁸⁴ См.: Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972, с. 88.

⁸⁵ См.: Левада Ю. А. Сознание и управление в общественных процессах. — Вопросы философии, 1966, № 5, с. 69.

⁸⁶ Социалистический образ жизни М., 1979, с. 170. В западной урбансоциологии еще живы ориентации, которые идеализируют общинное мировоззрение и патриархально-крестьянские нравы. Так называемое «экологическое направление» (оно восходит к чикагской социологической школе Г. Парка, Л. Вирта, Н. Спайкмена и др.) исследует пространственные аспекты городской жизни, размещение населения и организаций, их районирование. Его представители приходят к пессимистическим выводам, согласно которым городская жизнь неминуемо разрушает первичные социальные связи, ведет к отчуждению на базе суперрационализма действий горожан, расшатывает моральный порядок, рождает социальную патологию. Архаическую общину они расценивают как воплощение «истинной и органической» морали и ставят вопрос о регенерации общинного существования внутри новой городской общности. (См. Яницкий О. Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М., 1975; Грунт З. А. Образ жизни и территориальная общность. - В кн.: США глазами американских социологов. М., 1982). Между тем даже ряд американских авторов показали, что анонимность городской жизни является специфической поведенческой нормой, нарушение которой влечет негативные последствия, что эта анонимность не исключает социального контроля, что горожане обладают повышенной толерантностью в отношении к «чужим» жизненным стилям поведения из-за принципиальной дифференцированности, неоднородности, городской культуры в сравнение с сельской (в каждом секторе

общения города складываются свое стандарты поведения и специализированные нормы), что на социальную патологию оказывает влияние нарушение минимума «личного пространства», величина которого изменчива, что город рождает побочный феномен очередей, имеющих своеобразное нормативное обеспечение.

⁸⁷ При осмыслении факта неудовлетворенности использования свободного времени горожанами надо учесть одно весьма существенное свойство городского образа жизни. Городская жизнь в большей мере, чем сельская, способствует культивированию в человеке таких ценностей и способностей, как созерцание, наблюдение со стороны, интерес к чужой жизни, к форме, то есть фактически "зрительной" (в широком понимании) установке. Наличие досуга, обособление и одновременно стремление к интеграции превращает горожанина в зрителя, а собственная анонимность и неосвоенность (тайна) жизни других людей уподобляет весь город большому театру. (См.: Розен В. П. Городская культура, человек, окружающая среда. - Вопросы философии. 1980, № 1, с. 47).

⁸⁸ Левицкая А. Г. Указ. соч., с. 19-20.

⁸⁹ См.: Аитов Н. А. Социальное развитие городов; сущность и перспективы. М., 1979, с. 16.

⁹⁰ Василий Шукшин. Вопросы самому себе, М., 1981, с. 36.

⁹¹ См.: Кузнецов О.Н., Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества. М., 1972.

⁹² Парыгин П. Д. Научно-техническая революция и личность. М., 1978, с. 147.

⁹³ См.: Город как среда жизнедеятельности человека. Вильнюс. 1981; Человек и среда: психологические проблемы (тезисы конф.). Таллин, 1981; Развитие городской культуры и формирование пространственной среды. М., 1976; Человек, среда, пространство. Тарту, 1979; Социально-культурные функции города и пространственная среда. М., 1982.

⁹⁴ Уже отмечалось, что советская урбаносоциология (или социальная урбанистика) и этика не поддерживают пессимистической парадигмы буржуазной социологии относительно неизбежности «вымирания морали», «коллапса» нравственной жизни в городе. Вместе с тем наша наука не разделяет установки символично-интеракционистской школы (Э. Халл, Д. Карп, Г. Стоу и др.), которая хотя и справедливо подчеркивает относительную независимость социальной организации от пространственных связей, но при этом преувеличивает роль социально-психологических факторов и упрощенно смотрит на возможности решения нравственных проблем, вызванных «кризисом городов» в современном капиталистическом мире. (См.: Яницкий О. Н. Указ. соч.; Хант В. Л. Социально утопические тенденции в архитектурном сознании Запада XX века. - Вопросы философии, 1982, № 6).

⁹⁵ См.: Глазырин М. В. Управление социально-экономическим развитием города. Новосибирск, 1983.

⁹⁶ См.: Зюганов Г. А. Социальное развитие города и коммунистическое воспитание. М., 1982.

⁹⁷ Атлас мог бы содержать следующие карты и схемы: а) схему, демонстрирующую соотношение зон плотного и рассеянного социального контроля в городе; б) картосхему распределения в городе рабочих, профтехнических и студенческих общежитий; в) карту, отражающую уровень жилищного обеспечения населения, а также возможности удовлетворения различных его потребностей (транспорт, бытовые услуги, общественное питание и торговля); г) карту микрорайонов и схему их связей с трудовыми коллективами и всеми организациями, ответственными за состояние правопорядка в городе; д) карту культурно-воспитательной обеспеченности, которая отражает дислокацию учреждений культуры и рекреации, а также определяет основные культурные потоки населения в будни и выходные дни; е) карту, отражающую специфику правонарушений в различных районах города (характер преступности, бытовой аморализм, туеядство, алкоголизм, бродяжничество, «злачные» места и т. п.); ж) карту взаимодействия зон высокоурбанизированного образа жизни населения с зонами "полугородекого" образа жизни; з) карту использования рабочей силы по принципу маятниковой миграции насе-

ления. Атлас в роли «банка информации» поможет планировать управленческие воздействия на социально-нравственные процессы, предложить модели их вариантных изменений, служить в качестве «мониторинга». Городу, следовательно необходима разветвленная социологическая служба, представляющая материал не только для «расцветивания» того или иного городского мероприятия, но и для постоянного консультирования и отлаживания всех аспектов руководства воспитательной деятельностью на разных уровнях такой руководства. Функции подобного рода могут быть поручены одной из тех городских организаций, где такая служба уже существует и является достаточно развитой.

⁹⁸ См.: Хлопин А. Д. Социальные функции соседской общины в адаптации сельских мигрантов к городскому образу жизни — Социологические исследования, 1976, № 4.

⁹⁹ «На некоторых производствах, где можно допустить внутренний, скрытый брак, который никто не обнаружит, как, например, на сборке шин, совесть является технологическим фактором. Они заставляют сборщика делать свое дело безупречно, даже в ущерб своему самолюбию уступать пальму первенства тем, кто работает быстрее, но менее качественно». (Владимир Попов. А начиналось это так... — Литературная газета, 1983, №28, 13 июня).

¹⁰⁰ См.: Рыбакова Н. В., Протанская Е. С. Моральная надежность личности. М., 1984.

¹⁰¹ Гордон Л. А., Назимова А. К. Технично-технологический прогресс и социальное развитие советского рабочего класса. - Вопросы философии, 1984, №7, с. 28-29.

¹⁰² «Под выражением «хозяйственный механизм» имеется в виду организационная структура народного хозяйства, формы и методы управления им, вырабатываемые субъектом управления и применяемые на основе экономических законов и оценки конкретных ситуаций. Этот механизм базируется на производственных отношениях однако вовсе не сводится к ним.

¹⁰³ См.: Материалы апрельской (1985 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС. М., 1985, с. 8.

¹⁰⁴ Об ее проблемах см.: Нестеров В., Иткин И., Соколова Н. Этика инженера. Социологический очерк. Свердловск, 1969.

¹⁰⁵ См.: Гордон Л. А., Назимова А. К. Производственный потенциал советского рабочего класса: тенденции и проблемы развития. — Вопросы философии, 1980, № 11.

¹⁰⁶ Горбачев М.С. Живое творчество народа. М., 1985, с.31. По данной проблематике см. следующие работы: Осипенков П.С. Проблемы социалистического распределения. М., 1972; Распределительные отношения и их развитие на современном этапе. Л., 1973; Оганян Г. А. Распределительные отношения в непроизводственной сфере. Киев, 1974; Лион В. Распределение в системе экономических отношений. — Вопросы экономики, 1975, № 1; Экономический закон распределения по труду: сущность, действие и использование. М., 1975; Мальцев Н.А. Проблемы распределения в развитом социалистическом обществе М., 1976; Лукьянчук Е. А. Общественные фонды потребления и всестороннее развитие личности. М., 1977; Шапаренко И. Общественные фонды потребления и реализация экономических интересов. - Экономические науки, 1977, № 2; Гуляев Г. И. Распределительные отношения развитого социализма. Л., 1978.

¹⁰⁷ Бляхман Л. С., Золотницкая Т. С. Дифференциация заработной платы как фактор стимуляции труда, - Социологические исследования, 1984, № 1, с. 40.

¹⁰⁸ Материалы апрельского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС. с. 13.

¹⁰⁹ См.: Дифференцированный баланс доходов и потребление населения, М., 1977, с. 93.

¹¹⁰ Хотя, пометим в примечании, во многих производственных коллективах систематически занимаются спортом лишь 4-8% работающих при 20%-ной идеальной проектной модели (См.: Семенов В. Н. Методологические вопросы комплексного подхода к коммунистическому воспитанию трудящихся. М., 1980, с.305-306).

¹¹¹ Литературная газета, 1984. 25 апр.

¹¹² См. подробнее о нравственных аспектах распределения. Роговин В. З. Распре-

делительные отношения как фактор интенсификации производства - Социологические исследования, 1984, №1; Наумова Н. Ф., Роговин В. З. Социальное развитие и общественные нравы. М., 1984.

¹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 26. ч. 1. с. 277.

¹¹⁴ См.: Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека М., 1981.

¹¹⁵ См.: Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984, с. 160.

¹¹⁶ См.: Лавровский Анджей. Американская социологическая пропаганда. Сущность, концепции, методы — критический анализ. М., 1978.

¹¹⁷ Этико-социологические исследования и другие косвенные свидетельства позволяют получить некоторую информацию, обосновывающую предложенное деление, сокращающее произвольность и пестроту при анализе феноменологии потребительства. Его лики могут быть - и здесь социалистическое искусство предоставляет этике неисчерпаемый материал - трагедийным (трагедия заблуждения, трагедия старого, драма невоплощения), фарсовыми или заурядно-вульгарными, могут быть "унаследованными" или "мутантными", обоснованными мистическими или же псевдорациональными способами. Другие авторы предлагают иные схемы типологий отклоняющегося образа жизни. Упомянутые выше Н. Ф. Наумова и В. З. Роговин полагают, что сегодня можно наблюдать 4 основных типа потребительского поведения, за которыми стоят ориентации человека или на "здоровье - комфорт - отдых", или на "отдых - развлечение - культуру - хобби", или на "культуру - работу - образование - отдых", или на "престиж - накопление - комфорт". (См.: Наумова Н.Ф., Роговин В.З. Указ. соч., с.59-60).

¹¹⁸ См.: Баранова Л.Я. Личные потребности. М., 1984, с.142-152.

¹¹⁹ См.: Козма Ференц. Благосостояние по-социалистически (к вопросу о социалистическом образе жизни). - В сб. Социалистический образ жизни М., 1979. с. 81-114; Гусейнов А. А. Разумные потребности: нравственный аспект. В сб.: Опыт прикладных исследований и разработок..., с. 92- 97; Михайлов Н. Н. Социализм и разумные потребности личности. М., 1982; Левин А.И., Римашевская Н.М. Пути повышения культуры потребления продуктов питания. - Социологические исследования, 1983, №1; Булочникова Л.А. Закон возвышения потребностей и формирование работников нового типа. М., 1984.

¹²⁰ См.: Голубева Г. А., Шварцман К. Л. Указ. соч.; Гумницкий Г. Н. Нравственное воспитание: цель, условия, закономерности. М., 1983; Словарь по этике. М., 1983; Гусейнов А. А. Этика и мораль - Философские науки, 1984, № 5 и др.

¹²¹ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. с. 166, 168, 170; См. также: Социально-психологические проблемы нравственного воспитания личности. Л., 1984; Титаренко А. И. Роль чувств - в морали, принципа сенсуализма - в этике. - Вопросы философии, 1984, № 8.

¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42. с. 265.

¹²³ Ленин В. И. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

¹²⁴ Зотов Н. Д. Соотношение нравственного воспитания и управления моралью, — В сб.: Управление нравственным воспитанием в трудовом коллективе: союз теории и практики. Тюмень, 1982, с. 14-15. Автор обратил внимание на концепцию психологической динамики "тенденции к снижению нормы прогресса у развитого индивида", предложенную Люсьеном Сэвом (см.: Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972, с. 508 -532), которая предлагает убедительное объяснение в философском и психологическом ключе данному феномену (см. так же; Зубец О. П. Снижение мотивационной интенсивности нравственных ценностей и пути его преодоления. - В сб.: Опыт прикладных исследований и разработок. Тюмень. 1983, с. 77 - 81).

¹²⁵ Повторные виды социализации, в том числе социализации взрослых, еще плохо изучены. Нам известна только одна специальная работа Хартмута Гриза (Griesc Н. М. Er wachsenen socialisation Munchen. 1976). Она связана с усвоением новых социально-профессиональных ролей и переструктурировкой ролевого репертуара, что обусловлено возрастанием подвижности современного общества, растянутостью сроков обучения, интенсификацией смены профессии, переучиванием огромных масс

людей, повышением квалификации и это оказывается в сложной социальной среде существенным моментом "педагогизации" общества.

¹²⁶ См.: Арет А. Я. Очерки по теории самовоспитания. Фрунзе. 1961; Куценко В. Г. Управление самовоспитанием учащихся. Л., 1973; Донцов И. А. Самосовершенствование личностей. Ростов., 1977; Он же. Самовоспитание личности: философско - этические проблемы. М., 1984; Киселев В. П. Нравственное самовоспитание, М., 1977; Игнатовский Л. И. Нравственное самосовершенствование личностей в условиях развитого социализма. М., 1979; Ковалев А. Г. Личность воспитывает себя. М., 1983; Рувинский Л. И. Самовоспитание личности. М., 1984.

¹²⁷ Правда, 1980, 11 янв.

¹²⁸ Семья и общество. М. 1982, с. 19.

¹²⁹ См.: Материалы апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, с. 21.

¹³⁰ Бытовая мораль — суть проекции норм, ценностей, и оценок общественной нравственности на сферу повседневной жизни людей, где происходит удовлетворение их потребностей, протекает отдых, досуг, общение. В этой сфере ведущую роль играет домашнее хозяйство (оно поглощает ежегодно около 200 млрд. человеко-часов, что составляет почти половину всех трудовых затрат общества), затем идут система государственных учреждений бытового назначения и производственный быт. По форме, по характеру конкретизации бытовая мораль отличается от социальной и профессионально-трудовой морали. Но, "будучи зависимой от развития ведущих форм морали, бытовая мораль сама может оказывать на них заметное влияние, ...будучи вторичной в общесоциологическом плане, бытовая мораль оказывается в некотором смысле первичной с точки зрения временного соотношения тех факторов, которые влияют на формирование моральных качеств человека». (Аверьянов Ю. И., Савин Ю. А., Бытовая мораль при социализме. - М., 1984, с. 6).

¹³¹ Понятие «семейная мораль» не покрывается понятием «бытовая мораль». Иногда употребляют выражение "мораль семьи" (С. Д. Лаптенюк). Кроме того, в относительно самостоятельный сектор нравственной жизни общества можно выделить сексуальную, половую мораль (см.: Кон И. С. О социологической интерпретации сексуального поведения. — Социологические исследования. 1982, № 2).

¹³² Соловьев Н. Я. Брак и семья сегодня. Вильнюс. 1977, с. 238; См. также: Шимин Н. Д. Коммунистическая мораль и семья. Горький. 1975; Мы остаемся вместе. Дискуссия о причинах разводов. М, 1977; Сысенко В. А. Устойчивость брака. М. 1981; Мартинова М. Почему мы развелись. М., 1984.

¹³³ См.: Ружже В. Л., Елисеева И.И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. М., 1983.

¹³⁴ См.: Дмитриев А. В. Социальные проблемы людей пожилого возраста, Л., 1980.

¹³⁵ См.: Зуйкова Е.М. Быт при социализме. М., 1977, с. 68—70, 124—127, 142 -143.

¹³⁶ Янкова З. А. Городская семья. М., 1979. с. 111.

¹³⁷ См.: Хрипкова А. Г., Колесов Д. В. Девочка - подросток - девушка. М. 1981; Они же: Мальчик - подросток - юноша. М., 1982; Бестужев-Лада И. В. Молодость и зрелость: размышления о некоторых социальных проблемах молодежи. М.. 1984.

¹³⁸ Драганов Минчо. Переход к зрелости как этап социализации личности — В кн.: Идеологический процесс и воспитание личности. М., 1980, с. 320

¹³⁹ Там же, с. 327.

¹⁴⁰ См.: Азаров Ю. П. Семейная педагогика. М., 1982; Лаптенюк С.Д. Советская семья: социально-этические проблемы. Минск, 1985; Семья в системе нравственного воспитания. Актуальные проблемы воспитания подростков. М., 1979; Петров Ю.П. Социально-нравственные проблемы семейного воспитания М., 1984; Лиханов Альберт. Драматическая педагогика. Очерки конфликтных ситуаций. М., 1983.

¹⁴¹ Литературная газета, 1983. 23 нояб.

¹⁴² Арутюнов С. А. Культурологические исследования и глобальная экология. — Вестник АН СССР, М., 1980., № 12. с. 96.

¹⁴³ Правда, 1984, 15 мая.

Раздел 2

Глава первая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО - УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТИКИ, МОРАЛИ И ВОСПИТАНИЯ

§ 1. Концептуальная позиция

Диалектико-материалистическое понимание нравственной жизни общества позволяет наладить систематическую критику идеалистических и метафизических интерпретаций морали, согласно которым она является совокупностью неких неизменных вечных абсолютов - единственно верных для всех времен и народов норм и ценностей, тогда как все остальное в безбрежном нормативно-ценностном мире оказывается - сколь ни внушительным было бы это самое «остальное» - только досадным исключением, отклонением или же, по саркастическому выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «превратным толкованием» подлинных ценностей, ориентаций, представлений о добре и зле, должном и справедливом, о чести и совести. Между тем нет ни одной какой-то отдельной нравственной нормы, какого-либо правила, установления, которое было бы пригодным «на все времена», каждое из них неизбежно оказывается слишком конкретным - при всей абстрактности их формы, - чтобы быть «вечным».

То же самое можно сказать и о сумме или же системе норм и правил, о чем уже шла речь и первом разделе книги. Научная этика марксизма-ленинизма обнаружила в нравах исторические перемены не только количественные, но и качественные. Она выявила поступательный характер этих изменений. Реально мораль существует в виде процесса смены исторически самобытных систем или типов нравственности. Зарождение новой системы нравственности и вытеснение старой чрезвычайно сложный и длительный процесс, сопровождающийся и застойными, и попятными движениями (реконсервация или инволюция нравов), и неравномерным развитием отдельных частей, слоев морали. Переходные периоды от старой системы к новой оказывались порой неимоверно растянутыми.

Однако не только мораль, но и этическая мысль, тесно сопряженная с развитием общественных нравов¹, также исторически изменчива. Она не может быть по-настоящему понята и представлена в закономерном виде иначе, чем как смена одних типов этического мышления другими². Наконец, и история нравственно-воспитательной деятельности общества также обнаруживает последовательную смену различных типов этой деятельности в рамках единого процесса ее развития. Правда, мы не располагаем обобщающими работами по истории нравственного воспитания, которые могли бы развернуть перед нашим взором целостную картину названной смены, а поэтому вправе только отослать к книгам по истории педагогики, где нужный материал разбросан по различным отделам и главам, вкраплен в другие сюжеты³.

Все сделанные замечания понадобились для того, чтобы обратить внимание на факт взаимовлияния, *взаимодействия различных исторических типов или систем морали, типов этического мышления и, наконец, типов нравственного воспитания*. Независимо от характера и интенсивности их взаимосцепления сам факт такого сцепления, влияния вряд ли может воспри-

ниматься научной этикой как нечто для нее совершенно неожиданное. Ей, в общем-то, известно об этом обстоятельстве, она изучает отдельные моменты и грани такого взаимодействия, так или иначе принимает его во внимание во всех исследованиях.

Но одно дело «принятие во внимание», а совсем другое - изучение указанного взаимодействия в качестве особой и при том в высокой степени актуальной научной проблемы. Когда данное взаимодействие стало предметом самостоятельного рассмотрения⁴, то даже начальное продвижение вглубь этого предмета позволило возбудить исключительно важный вопрос о существовании системы такого взаимодействия. Системообразующим признаком можно было взять его общее социальное предназначение: организация связи, согласованности, сращенности всех трех названных элементов в единый процесс, который образует *духовно-практическое производство человека как существа социально-нравственного*, способного осваивать и творить мир по законам добра.

Обращение к выражению «духовно-практическое производство человека как социально-нравственного существа» продиктовано осознанием, во-первых, многочисленных трудностей методологического характера, которые препятствуют успешности кооперации науки о воспитании и практики воспитательной работы; во-вторых, ограниченности эвристических возможностей сложившегося понятийного аппарата для научного обеспечения управлением воспитательным процессом. Это ставит вопрос о необходимости расширения данного аппарата, об установлении новых каналов связи между фундаментальными и прикладными исследованиями в этой сфере, о новых формах связи науки и практики.

Нельзя, разумеется, жестко связывать управленческий подход к проблемам формирования человека, нравственного воспитания с «производственным» термином, и надо отдавать себе отчет в необычности для этики подобной терминологии, следует учитывать возможные негативные реакции психологического порядка, которые она способна вызвать своим технологическим экспрессионизмом. Но тем не менее нельзя забыть и того, что частью представителей гуманитарных наук долги не принималось (отчасти и не принимается поныне) даже выражение «управление» (со всем эскортом ограничений и разъяснений) в применении к воспитанию, особенно нравственному и к самим нравственным пронес сам. Традиция упорно сопротивляется сопряжению «тонкой» морали и «грубого» управления.

Выражение "управление нравственным воспитанием" постепенно обретает признание, но иногда только потому, что отождествляют его с чем-то давно знакомым, а именно с научно-педагогическим организованным воспитанием, с НОТ в воспитательной работе. Не следует, впрочем, забывать, что принятие обозначающего выражения влечет за собой и признание новой «социальной предметности», свойственной зрелому социализму, а также принятие новых управленческих подходов к воспитанию, которые, в свою очередь, ведут и к новой терминологии. Даже такой давным-давно усвоенный фразеологический оборот, как "нравственное воспитание", тоже не лишен в массовом восприятии известной одиозности, так как с ним и с его коннотациями связаны возрастные ограничения, свидетельства некоторой несамостоятельности воспитуемого, неравенства его отношений с воспитателем и представления о воспитании как тягуче нудном назидательно-лицемерном нравоучительстве, «нравоговорении», чуть ли ни как об одергивании, подстегивании и даже наказании.

Совершенно необоснованно приложение понятия «производство» к духовной, нравственной жизни человека представляется некоторым чуть ли не кощунством. Можно процитировать слова В. И. Толстых: «Понятие «производство», примененное к человеку, не содержит в себе ничего «обидного», социально-вульгарного, ибо слово «производить» имеет разные семантические оттенки: оно означает не только «изготавливать, вырабатывать, выделять», но и «совершать, родить, произвести»... Производство человека, в марксистском понимании, даже применительно к родовому обществу, не было просто «дето-производством», как трактовал это Н. К. Михайловский (за что был беспощадно раскритикован и высмеян В. И. Лениным). Производство человека, взятое под углом зрения создаваемого, воспроизводимого «продукта», есть производство двоякого вида: это одновременно производство человека как организма и как социального существа. Материальное и духовное производство при этом не только создают необходимые жизненные средства (материальные и духовные) для развития человека, они непосредственно участвуют в самом процессе социализации, точнее, воспитания и формирования личности»⁵.

Понятие «производство» применительно к человеку лежит в русле марксистской философско-социологической традиции и ее языка. В «Немецкой идеологии» основоположники марксизма писали, что производительные силы и капиталы служат обработке «природы людьми», тогда как социальные формы общения предназначены для «обработки людей людьми»⁶. Они вообще не отделили производство материальных условий существования от производства самого человека, писали о «производстве общественных индивидов». Отнюдь не случайной оговоркой или данью каким-либо неизжитым влияниям было систематическое употребление К. Марксом выражений «нематериальное производство», «духовное производство», «производство сознания», «научное производство», рассмотрение религии, права, морали, искусства в качестве особых видов производства, подчиненных его «всеобщему закону». К. Маркс пишет, что «философ производит идеи, поэт - стихи, пастор - проповеди, профессор - руководство»⁷. Понять все эти выражения можно, только поставив вопрос относительно общественного производства в целом и о человеке как главном продукте или ценности такого производства.

Категория «общественное производство» дает интегративное представление об основе развития жизни общества, основе «общественно-производственного организма»⁸, позволяя более успешно преодолевать рецидивы вульгарного экономизма и социологизма с их упрощенной, подчас даже окарикатуренной интерпретацией связи общественного бытия и общественного сознания. Она включает все виды деятельности (в том числе нравственной, воспитательной деятельности и той части или среза научной деятельности, которые определенным образом взаимодействуют с предшествующими), имеющие своим итогом производство непосредственной общественной жизни. Речь, стало быть, идет о производстве и воспроизводстве всей совокупности общественных отношений, а значит, и человека как носителя и субъекта этих отношений, человека как общественного индивида.

Поэтому правы те исследователи, которые считают выражения «общественное производство», «производство социальности», «производство человека» эквивалентными⁹. Это производство представляет собой единство производства средств к жизни и производства социальности, общественных индивидов и социальных связей, каждое из которых, в свою очередь, оказывается производством материальных и идеологических отношений, единством мате-

риального и духовного производства¹⁰.

Здесь мы лишь выдвигаем идею духовно-практического производства человека как существа социально-нравственного. В ней подчеркивается вплетенность этого сегмента производства человека в производство вещей и секуляризации его только на сравнительно высоких ступенях развития общества, когда указанный сегмент обрел относительную самостоятельность, стал определенной категорией общественного разделения труда. Это - не нечто лежащее по ту сторону материального производства, которое ведь не является только деятельностью по освоению природного мира, так как именно в этом производстве происходит развитие (сейчас не столь существенно, какое развитие) человека, идет процесс формирования общественных связей и отношений.

В настоящее время просто было бы трудно предложить не только полное определение, но даже и один лишь каркас формулы, способной погасить недоумения, снять сомнения или же ослабить их. Эти последние обусловлены во многом привычным словоупотреблением. Если о человеке и его развитии рассуждать, используя понятия, которые «поближе да попонятнее», а термин «производство» клеймить тавром технократизма, то в научной картине взаимодействия морали, этики и нравственного воспитания так или иначе останется щель для креационистских предпочтений или же для биологизаторских уклонов в сторону "природного" альтруизма или столь же «природного» эгоизма. Говоря о духовно-практическом производстве человека в исторически определенной системе общественных отношений, мы тем самым подчеркиваем, что в этой своей ипостаси он оказывается однозначно социальным продуктом, а не природным "веществом" или божественным "существом".

Может возникнуть вопрос: а как быть с казалось бы совершенно ясной и универсально употребляемой категорией "воспитание"? Ее познавательные возможности не беспредельны. Все время необходимо как-то различать — и мы были вынуждены это делать в предыдущей главе — воспитание в широком смысле, как воздействие социальной среды, и воспитание в узком смысле, как целенаправленную, соответствующую каким-то идеалам и протекающую по определенным программам деятельность. Причем оба смысла очень часто употребляются в контексте одного и того же исследования, публикации, что порождает уйму недоразумений, неясностей и даже двусмысленностей. Неопределенность усиливается, когда воспитание не просто увязывают, а прямо отождествляют с идеологическим воздействием. Не редко в это понятие включают так называемые социальные воздействия, понимая под ними, скажем, укрепление социалистической законности или - того шире - совершенствование всех общественных отношений. Кроме того, приходится отличать воспитание от «формирования», «социализации», «развития» личности. Понятие «перевоспитание» иногда смешивается с воспитанием взрослых. Не об отказе от терминов "воспитание", "нравственное воспитание" ведется разговор, а лишь о рассмотрении их в качестве элементов более широкой системы, о выходе за пределы многих традиционных трактовок и столь же традиционных форм воспитательной деятельности.

Требование «сейчас же» дать развернутое по всем правилам определение духовно-практического производства человека, пожалуй, на данном этапе только стеснило бы размышления и исследования¹¹. Но важно иметь в виду, а) что в отличие от высказываемых иногда «экспансионистских» суждений о том, что «производство человека» исчерпывается обучением и воспитанием, «про-

изводством человеческих сил»¹², надо четко видеть фрагментарность духовно-практического производства человека по отношению к общественному производству в целом, несводимость всей проблемы к механизмам социализации; б) что в обществе есть не только производство, созидание, но и деструктивная, разрушительная деятельность; в) что данное производство продуцирует различные типы личности, в том числе и, так сказать, «предвосхищающий» тип, способный к выходу за пределы наличных социальных структур, г) что духовно-практическое производство является общим предметом всего «человековедения», а к «ведению» этики относится только тот аспект, который связан с формированием человека как существа социально-нравственного; д) что термин «производство» не снимает проблемы активности личности, роли творческого Я и самовоспитания. Назначение же концепции духовно-практического производства человека состоит в том, чтобы *проследить, объяснить и облегчить переход от описания нравственно-воспитательной практики к научному управлению ею.*

§ 2. Исторические модели взаимодействия этики, морали и воспитания

Творческие возможности концепции духовно-практического производства человека как существа социально-нравственного отчетливо выявляются при исследовании исторических моделей (парадигм) взаимосвязи морали, этики и нравственного воспитания, в процессе анализа закономерностей смены типов, «способов» такого производства. При этом обнаруживается, что одной из важнейших линий развития и смены моделей является постепенное (иногда - скачкообразное) повышение удельного веса и значения социально-управленческого начала, а впоследствии - и научного обеспечения данного начала в этих системах. Строго говоря, только определенный - весьма высокий - статус данного начала и превращает взаимодействие морали, этики и воспитания в целостную систему.

До того момента, когда люди начали вполне сознательно творить свою историю, процесс производства человека как существа социально-нравственного носил преимущественно стихийный характер. Но возможно ли производство на подобных началах? В ответ на это сомнение следует заметить, что данный вид производства (подобно материальному) был, во-первых, в известной степени, сознательной, целеполагающей деятельностью. Это значит, что субъект деятельности (будь то отдельные лица, учреждения или же социальная организация в целом) располагал соответствующими целевыми установками и программами, представленными в обычаях и традициях образа жизни, которые обеспечивали упорядочение, устойчивость, реже - реорганизацию системы.

Осознать различные моменты данного ограничения поможет следующее рассуждение. «Для управления посредством традиции характерна неотдифференцированность программы (стратегемы действий) от ее выполнения. Традиция и следование ей представляют собой единый акт. Управляющая и управляемая подсистемы, каналы их информационной связи, программа, средства управления в данном случае не выделены. Поэтому традиционное управление может расцениваться как относительно простое и архаичное, не требующее ни специальной деятельности, ни специальных (управленческих) отношений, ни специального аппарата и служб по отвлечению норм... Названная особенность

тесно связана с другой - управление посредством традиции может осуществляться без обратной связи. В этом случае имеет место авторегуляция, или квазиуправление. Если теперь учесть, что авторегуляция представляет собой управление, от которого зависит само существование системы, тогда как по принципу обратной связи осуществляется управление, от которого зависит приспособление системы к изменяющимся условиям, а также приспособление условий к особенностям самой системы, то можно сделать вывод о характере управления системой общественных отношений посредством традиции. Последняя не обеспечивает с необходимостью высокой оптимальности, целесообразности приспособления и тем более изменения в его конкретных видах, мобильности, т. е. сложных форм состояния и поведения социальной системы, а обеспечивает лишь ее устойчивость, сохранность. Образно говоря, посредством традиции осуществляется грубая, приблизительная отладка социальной системы, тогда как посредством обратной связи, реализующейся благодаря субъективным действиям, человеческому сознанию, производится более тонкая, точная и соответствующая субъективной цели настройка... Статистическая природа традиций делает управление посредством их неопределенным, оно не отличается строгостью, жесткостью, т. е. относится к типу так называемого мягкого управления. Кроме того, оно неповоротливо, «громоздко», для его реализации требуется более или менее продолжительное время, и поэтому, основываясь на нем, нельзя решать оперативные задачи. Посредством традиций осуществляется только долговременное управление»¹³.

Второе соображение заключается в том, что духовно-практическое производство человека в досоциалистических формациях было не только целеполагающей, но и тоже, до известной степени, планомерной деятельностью. Это означает, что хотя бы часть его целей более или менее однозначно соотносилась уже не только с ближайшими, но и с конечными результатами деятельности¹⁴. Далее, и это уже в-третьих, стихийность и планомерность деятельности используется в планировании духовно-практического производства человека, реализуемого с помощью системы средств, совокупности инструментально-преобразующих воздействия субъекта на объект, хотя и, как уже отмечалось выше, не существовало специализированных органов планирования и программирования.

В свою очередь, данная совокупность воздействующих средств обеспечивается а) необходимой социальной информацией как о состоянии объекта деятельности, так и - по некоторым пунктам - об итогах деятельности по принципу обратной связи, скажем, при социо-контрольном сопоставлении реальных поведения, человеческих отношений с их образцами или запросами рынка; б) известной организационной структурой, которая определяет указанную деятельность, регулируя ее на основе специфических нормативов и оценочных шаблонов, образующих «сквозную» - профессиональную и непрофессиональную - этику воспитания.

Таким образом, в эпоху «предыстории человеческого общества» духовно-практическое производство человека как социально-нравственного существа, хотя и было стихийным процессом, вместе с тем может быть квалифицировано и как процесс управляемый, точнее, - как протоуправляемый. Почему же - может возникнуть законный вопрос - в досоциалистических формациях духовно-практическое производство было только протоуправляемым? Данная ситуация получает свое объяснение в факте раздвоенности социального бытия человека. Дело в том, что и в материальном, и в духовном производ-

стве, в повседневной жизни человек выдвигает такие цели деятельности, которым подвластны ближайшие результаты этой деятельности. Это одна сторона бытия.

Но есть и другая. Исторические, гигантские по масштабам изменения лишь частично или случайно оказываются обозримыми и подконтрольными человеку, а во всем остальном результаты не только не совпадают с целями деятельности, но и становятся даже несоизмеримыми с ними. Сила всего человечества оказывалась бесконтрольной, воспринималась как нечто чуждое, не постижимое и неуправляемое. Направленность, темпы, противоречия в развитии социального бытия обрушивались на человека стихийно, со всем грузом тяжелых и непознанных последствий; эксплуатацией, войнами, завоеваниями, колонизацией, социальными катастрофами, разгулом пороков. Именно поэтому в данной ситуации можно говорить лишь о протоуправлении социальными процессами в целом и духовно-практическом производстве человека, в особенности. Понятно, все это с неизбежностью порождало острейшие противоречия внутри указанного производства.

Несоизмеримость целей и результатов суммарной человеческой деятельности была настолько велика, что складывалась видимость полной независимости исторических, тектонических изменений от человеческой деятельности вообще. Когда крестьяне, приводил пример В. И. Ленин, привозили в город свою продукцию на продажу и закупали там соль, керосин, ткани, спички, всякую бижутерию, они не подозревали, что их совокупная деятельность приводит к развитию товарно-денежных отношений со всеми вытекающими отсюда отдаленными социальными, политическими, моральными последствиями. Для того, чтобы осознать свое место уже не просто в группе, в повседневной трудовой и бытовой жизни, а в мире в целом, осмыслить область отдаленных результатов собственной деятельности, чтобы понять себя как творца всего исторического процесса, а не одной только его стороны, человек вынужден был обретаться к различным иллюзорным отражениям своей практической деятельности. В них объединенная сила человечества и результаты ее деятельности представляли как «промысел бога», «чудо креации», «ирония истории», «хитрость исторического разума» и т. п. Эти представления безраздельно долго властвовали над умами людей, служили своеобразными «скрепами», склеивающими рассеченные половины их деятельности, способами осознания себя соотносительно к социальному бытию в целом.

Завершая рассмотрение этого вопроса, целесообразно сделать два существенных для всего хода рассуждений замечания. Прежде всего укажем, что первоначально процесс духовно-практического производства человека не испытывал достаточно сильно выраженной потребности в теоретическом руководстве - в познании закономерностей этого производства, научном определении целей нравственно-воспитательной деятельности, составлении на этой основе воспитательных программ, проведении экспертизы деятельности, оптимизации целесредственных отношений, апробации методов воздействия и т. п., иначе говоря, была очень слабой потребность «врастания науки» в воспитательную, человекоформирующую практику.

Как следует объяснить данный вариант общего разрыва теории и практики в классово-антагонистическом обществе? Дело в том, что *сама практика в прошлом была в достаточной мере ограниченной*. Однообразие жизни подавляющего большинства населения, ее сосредоточенность на удовлетворении наиболее простых нужд, изначальная заданность, рутинность образа

жизни, социализация в ограниченных микрокосмах или сообществах (община, клан, цех, сословие и т. п.) слабо побуждали к творческому освоению условий бытия, к теоретическому осмыслению всех сторон и аспектов нравственно-воспитательной деятельности. Соответственно, и *теория мало чем могла помочь воспитательной практике в силу своей абстрактности и неразвитости, неполной выделенности из сферы стихийно-эмпирического познания, из общей «пайдеи»* и в силу преобладания в ней мощной (до конца и сейчас непреодоленной) установки на «незаинтересованное» созерцание объекта, на герметизм. *Планирование и программирование нравственно-воспитательной деятельности, его информационная и организационная структуры больше опирались на традиционные механизмы, чем на специализированные управленческие знания.* Возникавшие при этом противоречия в духовно-практическом производстве человека (между классовыми и общечеловеческими началами, целями и средствами, позициями воспитателей и воспитуемых, между стихийностью и планомерностью всего этого процесса, в результате чего он воспринимался как преднаденный или навязанный извне, отчужденный от других видов совместной деятельности людей, принципиально непознаваемый и неуправляемый) «латаются» с помощью различных теоретизированных по форме, иллюзорных отражений данного сегмента практической жизнедеятельности людей.

Другое замечание касается многообразия элементов всего процесса духовно-практического производства человека. Нельзя упускать из виду того, что весь этот процесс «обслуживают» все фирмы общественного сознания, все формы культуры, различные способы продуцирования духовных ценностей, механизмы их распространения и усвоения (включая средства массовой и групповой коммуникации), комплексы социальных регуляторов, связанных с социализацией и социальным контролем. В ходе такого обслуживания мораль, этико-педагогическое знание вступают в исключительно сложные и многообразные комбинации со всеми остальными элементами, «переливая» в них свое содержание и, напротив, впитывая в себя содержание неморального и внеэтического характера.

Важно, однако, подчеркнуть еще раз, что данный процесс представляет собой относительно самостоятельную социальную подсистему (ее можно сравнить с известными подсистемами типа «человек - техника - природа», «человек - образование - труд» и т. п.), характер которой задается как спецификой ее предназначения, так и спецификой отношений элементов внутри данной подсистемы. Марксистский анализ этой подсистемы раскрывает ее общую детерминированность материальным производством, социально-классовой структурой. Что касается внутренних отношений, то, несомненно, связи в ней между элементами являются достаточно прочными. Вместе с тем признание устойчивости не снимает проблемы внутренних противоречий.

Классификация этих противоречий может опираться на перечень их обусловливающих причин. Они могут а) вызываться различной степенью зрелости каждого из этих элементов при различных исторических обстоятельствах; б) обуславливаться недостаточным уровнем управленческой деятельности, которая должна обеспечивать согласованность указанных элементов в процессе духовно-практического производства человека. Наконец, важно говорить и о противоречиях общесистемного порядка, и тогда, как уже отмечалось, встает вопрос о закономерностях смены "способов" этого производства, о формировании революционного типа личности и роли нравственно-воспитательной дея-

тельности, морали и общественности в таком формировании.

Первая трудность, с которой здесь придется столкнуться, заключается в нахождении оснований, способных служить критерием выделения таких моделей. Почему мы называем их так-то, определяем через какие-то понятия, считаем, что было столько-то моделей, на каких основаниях? Представляется, что наиболее солидным основанием может служить категория «тип социальности», которая позволяет определенным образом описать, так сказать, конечный продукт духовно-практического производства. "Спецификация категории "тип социальности" состоит в том, что она выступает как синтетическая характеристика совокупности условий, формирующих человеческого индивида и определяющих тип его взаимодействия с обществом"¹⁵.

В "Экономических рукописях 1857—1858 годов" К. Маркс выделил три крупных типа социальности. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) - таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, - такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, - такова третья ступень»¹⁶. Три эти типа социальности (отношения личной зависимости, отношения вещной зависимости и отношения свободных индивидуальностей) образуют три основных типа и духовно-практического производства, которые соотносятся между собой как *фазы филогенетического развития человека*. В общих чертах эти типы и соответствующие им управленческие модели вытекают из формационного членения мировой истории (хотя в первый тип надо включить не одну, а две докапиталистические антагонистические формации, имеющие много общего с точки зрения развития индивидов).

Первая модель характеризует архаические раннеклассовые докапиталистические общества, где каждый индивид включен в какую-либо слитную локальную общность (общину, касту, корпорацию, сословие и т. п.) и относится к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным, т. е. он стремится их не преобразовать, а лишь воспроизвести с минимумом изменения. Здесь отношения господства и подчинения сохраняются с помощью внеэкономического принуждения. Социальные перемещения в этом обществе культурного гомеостаза едва заметны, преобладает сословно - иерархическая упорядоченность отношений, инерция укоренившихся видов деятельности, неизменность заданных систем социальных функций и ролей, сакрализованность регулятивных правил, сбалансированность желаний и нормативных образов. Личность с интравертированной культурой, эффективным мировосприятием малоподвижна и ее поведение регламентировано обычаем и традицией. Это общество, если прибегнуть к образному сравнению, похоже на обелиск, так архитектурно рассчитанный и возведенный, что «каждый индивидуум был в нем отдельным камнем, а все индивидуумы вместе поддерживали друг друга и составляли одно монументальное целое»¹⁷.

В таком мире, где условия бытия доминируют над стремлением их изменить, подчиняют себе средства и цели (ввиду того, что сами возможности преобразования были крайне незначительными) протоуправление обслуживает лишь простое воспроизводство человека как члена ограниченного конгломера-

та. Этот уровень управления стягивает нравственно-воспитательную деятельность в тугой узел с моралью застойного общинно-патриархального типа и с соответствующими этико-педагогическими идеями¹⁸. В Древней Греции данные идеи впервые стали выходить за пределы элементарного накопления знания, воспитательных рецептов (в паремической форме, по преимуществу) как обобщения стихийного опыта духовно-практического производства человека, оказались специфическим миром идеальных сущностей, слаботеоретизированным сознанием со свойственным ему способом функционирования и познавательными нормами, ценностями и идеалами. Этико-педагогические пратеории были либо эзотерической, либо эмпирической наукой, в определенной пропорции воплощающей эти два типа научной деятельности.

Научное знание этой эпохи (при абстрагировании сейчас от тех отличий, которые существуют между статусом научного знания в античности и в феодальном обществе¹⁹) несет личностно-мировоззренческую ориентацию, а потому рассматривалось как самоценность²⁰. Оно направлено на нравственное совершенствование человека путем самопознания, достижения самоудовлетворения, которое, по проницательному замечанию К. Маркса, тогда еще не было пошлым, поскольку стояло на ограниченной точке зрения. Можно определить данный тип социальности и способ его производства как сравнительно синкретический.

Вторая модель принадлежит буржуазному обществу, вещному типу социальности. Поскольку стали уходить в прошлое рутинные методы производства материальных благ, неподвижные общественные структуры, непроницаемые социальные перегородки, раз и навсегда определенные реестры потребностей, стандартов потребления, наборов функций и ролей, а общинно-патриархальная и сословно-корпоративная мораль стала сдавать свои позиции, постольку весь способ духовно-практического производства человека как существа социально нравственного резко усложнился, претерпел крутые содержательные перемены и перестройки характера связей всех его элементов.

При капитализме человек лишь формально социализируется в качестве универсального субъекта истории, так как из цели производства, каким он был в предшествующие эпохи, человек превращается в простое средство производства (и вообще средства начинают доминировать в системе человеческой деятельности, подчиненной развитию, способному открывать все новые и новые средства). Социализацией для трудящихся оказывается не процесс усвоения все возрастающего богатства предметного мира культуры и мира нравственных ценностей, а процесс усвоения только такой части (и типа) культуры, которая подготавливает их к исполнению весьма ограниченного круга социальных функций и ролей. Эта система управляется таким образом, чтобы на "выходе" из духовно-практического производства сформировалась не целостная личность, способная к разнообразной специфически-человеческой деятельности, а личность усредненная, типизированная, частичный человек - исковерканный продукт общественного разделения труда и частной собственности. Так, рабочего производят не как универсального человека, а как «экземпляр» угнетенного класса, обладающего минимальным духовным развитием и максимальной способностью к исполнению специализированного труда. Соответственно буржуазное воспитание стремится «даже всеобщее обучение свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием воспитания человеческой личности»²¹. Образовательные системы,

социализируя личность из трудящихся классов для служения отчужденным порядкам и институтам, ориентируют на достижение вещных результатов, потребительское отношение к ценностям. В.И. Ленин характеризовал такое воспитание как "деморализующее"²².

Вторая модель действует в условиях *нарастающего разрыва материального и духовного производства, разрушения синкретизма* элементов, воздействующих на человека, когда кажется, что взаимодействие этики, морали и воспитания больше напоминает лишь их механическое соприкосновение, функциональную сопряженность, чем производительное и кумулятивное взаимопроникновение. Научная деятельность, начиная с нового времени, дробится уже не только на теоретическую и эмпирическую, но также на фундаментальную и прикладную, институционально-прагматическую и просветительскую. Наука, так сказать, отворачивается от человека, «забывает» о нем, обретает технологическую, материально-производительную ориентацию (а затем и ориентацию на развитие организационных отношений), вырабатывает инженерно-конструктивный стиль, подавляющий гуманитарное мироотношение.

Из этого вывода можно выделить три момента. Во-первых, он означает, что лидирующая группа отраслей научного знания срачивается с материальным производством, становится непосредственной производительной силой, вовлекается и в управление производством. Так как речь идет о капиталистическом производстве, а наука участвует в создании богатства в его стоимостной форме, то она обретает антигуманную направленность, выступает как угнетающая сила капитала.

Следующий момент обращает внимание на глубокие межевые разрывы между природознанием и обществознанием, особенно человекознанием. Последнее - в той мере, в какой оно еще может быть утилизировано как непосредственная производительная сила и своекорыстно использовано в управлении - представляется в качестве досадного неразложимого резидиума прошлых состояний науки, чем-то вроде «научного пережитка», выступает в известном смысле даже как антинаука. В целом наука обособляется от морали, начинает противопоставлять себя ей в виде системы «противоценностей»²³.

Третий момент связан с группой специфических противоречий в этико-педагогическом блоке. Ряд позитивистски-ориентированных направлений буржуазной этики, спекулируя на нарастающей рационализации всех сторон и сфер человеческой деятельности, стремится воспринять и реализовать технологическую направленность науки, в то время как другие - преимущественно иррационалистски-ориентированные - направления решительно противостоят технологическим «полям тяготения». При таком положении вещей в буржуазных этико-педагогических теориях расширяется и обостряется застарелый конфликт ценностей и фактов, сталкиваются теоретический и нормативный уровни знания²⁴. В наше время в буржуазной этике закрепляется раскол на теории, трактующие развитие управленческих, прикладных ветвей этического знания в качестве средства беспрецедентного насилия над моральным сознанием и нравственным воспитанием, и теории, которые преисполнены суперуправленческого рвения, реализуя его на путях редуционизма²⁵, вульгарной "технизации морали", апологетической интерпретации самой природы моральной регуляции и нравственного воспитания.

Отправляясь от известного положения К. Маркса о враждебности капитализма некоторым видам духовного производства, в том числе и моральному творчеству, надо сказать, что зрелая буржуазная мораль благодаря названной

враждебности утрачивает свои изначальные возможности в управленческом воздействии на духовное производство, крайне односторонне участвует в этом производстве человека как существа социально-нравственного. Она поставляет нравственно-воспитательной деятельности несовместимые друг с другом официальные и неофициальные требования к поведению объекта, разнокачественные оценочные шаблоны, содействует разрушению единства моральных обязательств человека и гражданина, велений общественного мнения и совести, побудительной и оправдательной мотивации оценки и самооценки. Отчуждение проникает в воспитательную деятельность, обращая отношения между ее участниками в обезчелоченные, сугубо функциональные отношения, в моральном смысле нейтральные. Никакие организационно-управленческие усилия не способны, иначе как абстрактно, соединить производство «нравственного человека» с производством «экономического человека».

В условиях НТР *резко возрастают многообразные возможности приложения науки к воспитательной деятельности*, возможности управления всей системой духовно-практического производства человека, с одной стороны, и возрастает объективная потребность самой воспитательной практики в соединении ее с теорией - с другой. Однако возможности и потребности сафенфикации реализуются в весьма ограниченных масштабах и только некоторых точках такого приложения. Вокруг них продолжают бушевать завихрения стихийных процессов несравненно более могущественных и неконтролируемых, чем те, что оказываются подвластными управленческим воздействиям. В обстановке обострения общего кризиса капитализма управляемые процессы подвергаются сущностной деформации.

Какова же природа этой деформации? Отвечая на данный вопрос, надо определить ее как *манипулирование моральным сознанием и нравственным воспитанием масс*. Манипулирование - это патология духовно-практического производства человека как социально-нравственного существа в кризисной ситуации, когда происходит неуклонный рост сознательности, активности и организованности широких масс. Оно опирается на использование разнообразного научного знания (политологии, «паблик рилейшенз» опинистики и др.) в исполнительской технике, в сфере средств. Если научное управление нравственными процессами предполагает выработку и усвоение исторически выверенных ценностных ориентаций и мировоззренческих представлений в соответствии с объективными закономерностями развития самой нормативно-ценностной системы, то манипулирование состоит в навязывании «дезориентирующих» ориентаций, предписаний и оценок, в принудительном адаптировании массового сознания. Манипулирование «отменяет» неповторимый жизненный, нравственный опыт людей, самобытность их морального сознания, обесценивает роль самовоспитания, стесняет возможности морального творчества, мешает становлению ответственного мышления и раскованности нравственных чувств.

Манипулирование имеет отношение ко всем ярусам и сторонам морального сознания и означает беспрецедентное вторжение в моральное мировоззрение, мотивацию и выбор ценностей. Его цель заключается в том, чтобы отбросить моральное сознание трудящихся на уровень неразвитости, подавить его способность к самостоятельной ориентации, планированию и руководству своей жизнедеятельностью, лишить его возможности «открывать» противоречия общественной жизни и программировать свое участие в их разрешении. Все исторические завоевания развитого морального сознания, внутриличност-

ных механизмов нравственной культуры, утонченность логики этого морально-го сознания подвергаются искажению и извращению. Умение рационализировать моральный выбор направляется на использование лишь рациональных по форме способов выбора. Чуткая моральная интуиция - на гибкий поиск самооправдания поступков, отыскивание антидистрессовых методов снятия напряженности внутриличностной нравственной жизни. Готовность к самосовершенствованию в согласии с идеалом используется для «фелицитологического» программирования, внушения солипсических представлений о благе.

Машина манипуляционной обработки состоит из множества узлов, деталей, приводных ремней. Источники «морального кондиционирования» - все субъекты управления. К ним относятся буржуазное государство, корпорации, религиозные организации, различные объединения и ассоциации, специализированные образовательные институты. При всей загруженности, связанной с исполнением своих «деловых» функций (руководство производством, организация сбыта, предоставление услуг, надзор над соблюдением законности, передача знаний и т. п.), они непрерывно осуществляют и функцию воздействия на моральное сознание личности или группы. Это воздействие протекает путем поддержки определенного состояния общественного (группового) мнения, расстановки кадров и их продвижения, проявляется в идеологическом подтексте технико-экономических решений, управленческих акций, в отработанных методах поощрений и взысканий, в селекции определенных моральных и волевых качеств.

Манипулирование обеспечивает "сверхсоциализацию" личности. С его помощью ей навязываются групповые нормы и модели, которые обеспечивают конформное поведение. Непременным свойством такого воздействия является сохранение видимости свободного морального выбора, совершаемого в пользу «солидаризма», признания приоритета «общества» над индивидом. Манипулируемая личность как будто вполне сознательно и добровольно признает этот приоритет, самовозлагает на себя «общественный» долг исполнения моральных предписаний, соответственно самооценивает свою деятельность, соизмеряя ее с непреклонными велениями «совести». Но подлинная суть проблемы состоит в том, что «общество», социальность просто сливаются с социальной организацией современного капитализма, а «общественный» долг лишь воплощает предписания буржуазной «корпоративной морали». Создается обманчивое впечатление, будто личность, историческим развитием уже вполне подготовленная к выбору идеалов и ценностей неподчинения либо нонконформистского, либо опирающегося на моральную необходимость противостояния буржуазной социальной организации, по «собственной воле» выбирает «удобную» для себя моральность. Именно видимость добровольности выбора делает весь процесс манипулирования слабоощутимым, скрытым, анонимным.

УПРАВЛЕНИЕ НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

§1. Коммунистическая формация: формирование коллективистской личности, свободной индивидуальности

Третья модель духовно-практического производства человека как существа социально-нравственного — продукт длительного социалистического развития. В новом обществе постепенно складывается и новый тип социальности. Он отрицает предшествующие типы, но вбирает в себя и все позитивные результаты развития человека. Этот тип социальности отвергает как примитивное растворение индивида в коллективе, так и индивидуалистическую буржуазную «дезагрегацию» общества. Он образует личность, которая «...одновременно является членом коммунистической ассоциации, ориентированной на общение, на жизнь и деятельность в коллективе, и свободной индивидуальностью, отличающейся от других членов коллектива. Коммунистический коллективизм противостоит поэтому не только буржуазному индивидуализму, но и всяким ложным (иллюзорным) и первоначальным формам коллективности, будучи отрицанием отрицания — восстановлением коллективности на качественно иной основе»²⁶.

Исходным пунктом для методологического анализа данной модели служат идеи классиков марксизма-ленинизма о новом обществе, где все социальное бытие людей впервые в истории становится под их собственный контроль. Это оказывается возможным вследствие ликвидации частной собственности, антагонистических классов и такого, по впечатляющему выражению К. Маркса развития сил человеческого рода, которое раньше покупалось ценой жертвы развитием большинства индивидов. С переходом к социализму «условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действующими и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»²⁷.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в человеческой деятельности цели берут верх над условиями и средствами; это открывает путь для продвижения к самоцелям, к абсолютному выявлению творческих возможностей, «дарований» человека, к развитию всех человеческих сил безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Таким образом, обеспечивается гармоническое единство мира и человека в процессе управленческого контроля над результатами собственной деятельности.

Люди начинают выдвигать цели деятельности уже не только под воздей-

ствием непосредственных обстоятельств их жизни, а и такие цели, которые схватывают отдаленные, суммарные результаты их деятельности, раньше возникавшие «за их спиной». Они руководствуются программными целями, "...сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели"²⁸. Иначе и невозможно управление собственным бытием, преодоление его былой расщепленности (во избежание упрощений и кривотолков заметим, что механизм стихийного продуцирования целей обыденной жизни не может быть, так сказать, «выключен», на него в порядке декрета нельзя наложить запрет и вообще как-то умалить его роль). Но суть вопроса заключается в том, что цели такого типа никак не могут быть выдвинуты на основе одного только практического сознания, как и деятельность по их достижению уже не может достаточно эффективно регулироваться стихийно образующимися нравственными нормами и оценками. Общественные цели складываются на основе научно-теоретического познания законов социального развития, а само такое познание обретает практически-деятельные функции. Преодолевается, таким образом, антагонизм между идеалом и практикой (разумеется, при правильном понимании идеала и в соответствии с ним организованной практики), между теоретическим и духовно-практическим (нравственным) освоением мира, между наукой как средоточием «техники использования» и практическим мировоззрением как средоточием ценностей и целевых установок.

Общество переходит от протоуправления к подлинному, научному управлению. Оно начинает по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства²⁹: впервые в истории собственное развитие общества в целом выступает предназначением управленческой практики. НТР липа, усиливает этот процесс с различных сторон. Все виды производства, в том числе и духовно-практическое производство человека, постепенно превращаемся в «технологическое приложение науки»³⁰. «Научный труд неизбежно имеет тенденцию преодолевать узкие рамки специфической области и охватывает одну за другой все сферы человеческой деятельности. НТР для своего развития необходимо требует превращение всей человеческой практики, а не отдельных ее сфер, в научно обоснованный управляемый процесс... НТР может найти свое полное развитие лишь в условиях снятия социальных ограничений процесса превращения всех форм человеческой практики в научно обоснованную деятельность. Но это возможно лишь в условиях общества, способного рассматривать свое развитие в качестве предмета своей собственной деятельности, в условиях социализма»³¹.

На эту же проблему можно посмотреть и с точки зрения диалектики производства и воспроизводства общественной жизни. Вот как решает ее Е. Ф. Сулимов: «Социалистическое общество уже не может полагаться на самопроизвольный характер воспроизводства человеческого фактора. Очевидно, что целенаправленному и планомерному развитию производства благ и орудий требуется целенаправленно регулируемое воспроизводство главной производительной силы общества — трудящегося человека. Лежащие в основе общественной жизни социализма два вида производства должны развиваться адекватно. Ибо нельзя успешно развивать производство благ, если при этом соответственно не развиваются люди. Нельзя гармонически развивать человека, не развивая таким образом общество, и наоборот. Научно управляемому производству благ и орудий требуется такое же управляемое воспроизводство главной производительной силы»³².

Характеризуемая модель в целом покоится *на новом* — несравненно более глубоком и органичном *единстве* нравственного воспитания, моральной деятельности и науки в рамках духовно-практического производства человека. Такое единство оказалось возможным потому, что над самой моралью в социалистическом обществе не довлеет более заклятие отчуждения³³. Ее принципы, нормы и оценки перестают быть извне навязанными «моральными барьерами» для тех влечений, желаний, запросов и устремлений, следуя которым, люди добиваются удовлетворения своих потребностей и интересов. В моральных предписаниях и оценках не скрывается более «деспотия» общественной жизни людей над их «естественной» жизнью: следовать данным предписаниям и оценкам уже не означает необходимости для трудящихся жертвовать личными интересами, своим счастьем в пользу процветания «целого», за исключением чрезвычайных ситуаций и случаев. Выступая на научной конференции в Тюмени в 1982 году заместитель редактора болгарского журнала «Ново время» Васил Вичев говорил по данному поводу: «Приоритет общественных интересов при социализме не означает, что личный интерес не обладает ценностью, что моральный долг исключает его... Диалектика интересов при социализме такова, что личный интерес все полнее совпадает с общественным, а общественный интерес все полнее включает в себя личный интерес и на этой основе (а не на основе «подчинения», "энтузиазма" или «осознания» единства) возрастает и все больше будет повышаться нравственная активность людей... Долг, оторванный от личного влечения, - мертвый долг. Он не существует в живой жизни. В каждом истинном влечении имеется нравственное содержание (долг), и в каждом долге имеется влечение, привязанность, «личностный смысл». Социалистическая мораль была бы бессильной, если бы она представляла и защищала лишь общественный интерес и требовала бы только подчинения, ограничения или пренебрежения личными интересами во имя «конечных целей»³⁴.

Объективное содержание требований и оценок социалистической морали не противоречит субъективному отношению к ним личности, а внешнее значение поступков все более совпадает с их внутренним, исповедальным смыслом. Не только высоконравственная, но и просто порядочная личность рассматривает эти требования как «свои», идущие от ее разума и совести, и выполняет их добровольно. В результате мораль из «бессильного принципа» становится практическим принципом регуляции поведения людей. Прежде отчужденные друг от друга производство «нравственного человека» и производство «экономического человека» в тенденции сливаются в производство «человеческого человека». Это открывает - разумеется, не автоматически и не бесконфликтно, а в ходе труднейшего процесса созидания новой жизни - путь для проникновения управленческого этоса в нравственные отношения, позволяет говорить о радикальном расширении демократических основ управления при социализме.

В духовно-практическом производстве человека как существа социально-нравственного принимает участие и вся общественная наука, которая теоретически обосновывает направленность нравственно-воспитательной деятельности, соучаствует в разработке ее содержания, обеспечивает управление ею. В этом массиве социального знания следует выделить две группы теорий - этические и педагогические (соответственно этико-психологические и этико-социологические, а также педагогическую психологию), поскольку именно они полностью или же частично делают нравственно-воспитательную деятельность

предметом своего исследования и приложения; Когда, начиная с определенного этапа развития общественной жизни, происходит вычленение теоретической деятельности из деятельности практической, именно тогда воспитательная практика, этические и педагогические теории вступают в особый тип взаимодействия. Их соприкосновение и взаимопритяжение открывают новые горизонты развития как моральной и воспитательной практики, с одной стороны, так и теории морали, педагогических учений - с другой. Тем самым процесс духовно-практического производства человека как бы «замыкается», обретает черты целостности, присущие относительно самостоятельной социальной подсистеме.

Наука, разумеется, не утрачивает при социализме технологической, материально-производственной ориентации. Подчеркнуть же надо другое: постепенно (к сожалению, с немалыми издержками и задержками) наука перестает быть системой «противоценностей», утрачивает антигуманную направленность, «поворачивается» в сторону человека. Она все решительнее воплощается в управленческо-организационных отношениях и действиях, преобразовывая социальную среду в достойную человека и трансформируя саму его природу. Через возникновение сквозных комплексов, дисциплин и отраслей (возможно и как-то иначе, полагают некоторые науковеды) наука продвигается к единству природознания и обществознания, а, следовательно, и человекознания (или человековедения). Последнее послужит как бы рычагом преодоления застарелого дуализма двух научных культур, методов мышления. Тенденция к синтезу уже сейчас начинает менять статус, сущность и состав этического знания, его функции и роли в нравственном воспитании, в моральном развитии как общества, так и личности.

§ 2. Превратные облики управления в сфере воспитания

Возможно ли управление воспитанием, а через него одновременно с ним управление глубоко личностными, интимными и, понятно, многоуровневыми процессами нравственной жизни отдельных людей? *Допустимо ли* в нравственном смысле такое управление (если предварительно признать, что оно возможно), не является ли одна только претензия подобного рода возмутительным покушением на человеческую свободу? *Необходимо ли* такое управление, что оно способно дать? Стоит, однако, лишь вдуматься в эти вопросы, как сразу же возникают сомнения в правильности их постановки именно в таком прямолинейном виде. Да и в самой проблематике, ими очерченной, обнаруживается такое множество граней, что уследить за ними можно разве лишь при наложении, так сказать, планиметрического и стереометрического взглядов на весь этот зыбкий предмет.

Чтобы упорядочить самую постановку вопросов, обратим внимание на три линии сопряжения социального управления и морали. Во-первых, социальное управление, как вид деятельности, определенным образом регулируется и ориентируется различными средствами, среди которых немаловажную роль играют и собственно моральные средства. В такой связи тотчас встают исключительно актуальные на сегодняшний (и завтрашний) день вопросы *этической культуры управления*. Об этике служебных, административных отношений, нормах и правилах деловой жизни, о нравственных аспектах социалистической предприимчивости, о профессиональной и непрофессиональной этике руководства в нашей литературе написано немало интересных и полезных работ³⁵. Во-вторых, социальное управление и мораль вовлечены в организацию всех

сторон общественной жизнедеятельности, в поддержании ее упорядоченности, вектора развития и тонуса деятельности. Они выступают элементами регулятивного комплекса всей этой жизнедеятельности. Ведь по своему сущностному определению мораль есть специфическое средство регуляции и ориентации деятельности отдельных лиц, малых и больших групп, организаций и объединений. Как нормативно-ценностный способ освоения мира мораль неизбежно оказывается включенной во все сложные и многообразные системы управления общественными отношениями, является дееспособной «соучастницей» такого управления. *В-третьих*, нравственная жизнь общества, его нравственно-воспитательная деятельность сами оказываются особыми объектами управленческой деятельности.

Не требуется сверхпроницательности, чтобы осознать взаимосвязанность, соподчиненность и взаимопереходы всех этих сопряжительных линий (сокращенно - мораль управления, мораль как способ управления, управление воспитанием). Обсуждаемая тема обязывает сконцентрировать сейчас внимание на последних двух аспектах. Признается в качестве само собой разумеющегося, что задающие вопросы о природе управления нравственно-воспитательной деятельностью располагают общепризнанными представлениями о социальном управлении в целом и отдельными его частями (секторами, сферами). Между тем - и об этом уже шла речь в предшествующей главе - существуют различные облики или «имиджи» социального управления в теоретико-гуманистическом и обыденно-гуманистическом сознании, тем более отличные друг от друга, что вопрос об управлении прикладывается к столь необычной «материи», как нравственно-воспитательная деятельность. *Две диаметрально противоположные и одновременно экстремальные позиции* на этот счет можно было бы с известной долей условности обозначить как позиции «гиперморальности» и «гиперсоциальности».

Концепция «*гиперсоциальности*» может быть правильно понята лишь в более широком контексте современной буржуазной идеологии, философско-этического мышления, где она уместается в лоне апологетического прогрессизма. Это направление не выходит за пределы «прирученной» социальной критики госмонополистического капитализма, защищая его от «еретических» обвинений в том, что именно его развитие как раз и покоится в основе всех тех процессов, которые подрывают общественную нравственность. Кризис буржуазной морали здесь представляют в смягченном свете (что отнюдь не исключает элементов сенсационности в освещении). Этот кризис рассматривают как свидетельство вступления данной морали в полосу скоропреходящего упадка и «легкого недомогания», как «социетальную случайность», исторический каприз по отношению к общей «здоровой» линии развития. Характеризуя буржуазных идеологов, В. И. Ленин говорил, что «...не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии»³⁶.

Все чаще в числе причин кризиса мы встречаем ссылки на «неадекватность социального управления», на ложный управленческий ответ на различные вызовы современности: усложнение всех процессов общественной жизни,

нарастающее давление перемен в индустриально-урбанистической цивилизации, гибель традиционных способов «вхождения» в культуру. Если размеры и острота кризисных тенденций преуменьшаются, то возможности буржуазной социальной организации противостоять этим тенденциям, по своему замыслу «лепить» искомую модель морали будущего и «внедрять» ее в практику преувеличиваются в фантастических размерах. Достижение желаемой стабилизации мыслится, с одной стороны, как результат «научного» управления социальными и нравственными процессами, улучшения качества жизни, а с другой — ввиду очевидного банкротства послевоенных технократических рецептов и программ управления обществом без использования морального фактора — ставка делается на «индивидуалистический коллективизм», разработку новых моральных ценностей, внеклассовых норм трудовой, профессиональной, служебной этики.

Наиболее выразительно концепция «гиперсоциальности», теоретически обслуживающая управленческий экстремизм, была представлена в академической структурно-функциональной социологии Т. Парсонса, в родственных ей направлениях, ориентированных на позитивистско-сциентистский манер, образующих «мейнстрим» западной социологии XX века. При ознакомлении с ним обнаруживается одно весьма существенное обстоятельство. В свое время О. Г. Дробницкий обратил внимание на почти полное исключение из социологического лексикона понятия «мораль». Вот что можно прочесть в его книге: «Ему предпочитают иные терминологические выражения, такие, как «социальный контроль», «обычай», «нравы»; общественно-групповые «нормы», «правила», «ценности»; «нормативные экспектации» и «ценностные установки» (когда обсуждается мотивация поступков); «социализация» индивидов и «интернализация» в личном сознании групповых ценностей и предписаний (когда описывается процесс формирования моральных убеждений); «конформность» поведения существующему «нормативному порядку» и «отклонения» от него (в том числе и при описании действий, имеющих нравственный и аморальный характер). Словом, когда упоминаются, по сути дела, явления, относящиеся к области нравственности, общеупотребляемые в философско-этической литературе понятия — «мораль», «нравственность» и примыкающие к ним по значению — чаще всего просто отсутствуют... Если в социологических текстах и попадает само слово «мораль», то, как правило, отнюдь не в теоретическом его осмыслении и применении. Понятие «мораль» (и близкие ему по смыслу) кажется социологу слишком перегруженным ценностно-эмоциональными значениями, назидательным пафосом, благодаря чему оно воспринимается только в нравоучительно-проповедническом и оценочном смысле; такая окрашенность понятия делает почти невозможным «непредвзятое» изучение обозначаемых им явлений. Социологическое же исследование моральных представлений, предписаний и поведения, как считается, должно быть ценностно «нейтральным». Более конкретно это означает, что социолог может описывать практикуемые в том или ином обществе нравы, фактически разделяемые какой-то группой убеждения, обычно предписываемые людям императивы и то, как оцениваются данной группой действия индивидов, но... не должен выносить каких-либо моральных оценок и предписаний от имени науки и судить о том, какие нравственные представления «истинны»³⁷.

Критический анализ подобной методологической позиции произведен в ряде работ советских авторов³⁸. В них было показано, как становилась и развивалась данная позиция, как в ее рамках сложилась специфическая «этическая

проблема», наиболее четко осознанная Т. Парсонсом. Под прикрытием идеи об особых потребностях и сверхзапросах социологического анализа, необходимости учета многофакторности поведения, устранения из социологии философского видения и т. п. *признавалась роль управления моральными процессами, но за счет принципиального извращения подлинной природы морального феномена*. Такое извращение совершалось по двум основным каналам: а) редукции всего многообразия функций морали только к одной - участию в социальном контроле и социализации; б) буржуазно-апологетической интерпретации самой сущности моральной регуляции.

Социальный контроль, согласно Парсонсу, представляет собой процесс, посредством которого до минимума сводится расхождение между системой экспектаций и фактическим поведением. Сами экспектации выводятся в конечном счете из господствующей системы ценностей, общественного сознания, объективированного в нормах и эталонах поведения, в его символическом обрамлении. Они поддерживаются институциями, утверждающими определенный набор (репертуар) социальных ролей. Однако ввиду несовершенства, противоречивости, двусмысленности, чрезмерности или же недостаточной определенности норм группы и отдельные лица могут мотивироваться на отклоняющееся поведение. Зачастую при всем своем желании они просто не способны полностью отвечать ожиданиям, «так как не знают, что именно им надлежит делать»³⁹. К тому же динамичное индустриальное (оно же современное или модернизирующееся) общество с его якобы неизбежным социальным неравенством оказывается ареной все усиливающейся «революции растущих ожиданий»⁴⁰. Объясняя эти девиации, другой лидер структур функционализма Р. Мертон делает упор на дисфункциональность поведения. Тогда расхождение между ожиданиями и поведенческими реалиями получает объяснение в недостаточности процесса социализации и слабостях социального контроля, в результате чего формируются «ретретисты» и «уклонисты».

Общество, учит Парсонс, вырабатывает несколько линий социального контроля, каждая из которых располагает собственными институциональными комплексами для того, чтобы уложить поведение объекта в рамки различных моделей социального действия. Первая линия — воздействие обычных санкций вознаграждения и перспективы наказания. Во втором эшелоне идут специализированные механизмы социоконтроля. Здесь используется обобщенная санкция влияния. Вознаграждения за одобряемое действие и предотвращение неодобряемого путем апелляции к лояльности соответствующего коллектива институализируются в определенных ролях, исполняемых в данном коллективе. Объемом влияния называется уровень престижа лица или группы. Подкрепляемое престижем влияние есть своего рода способность к убеждению других, она же определяет и групповое лидерство. Третья линия связана с глубинными слоями личностной структуры и с культурой. Она наиболее рельефно представлена в контроле на базе родства и в религиозном контроле. Все три линии социоконтроля рассматриваются Парсонсом не только в правовом, но и в «моральном контексте». Однако дать ему объяснение он не сумел. Разумеется, какая-то часть морального феномена уместается в конструкцию, но «предельные или терминальные ценности» (их место в социологической теории Парсонс пытался определить еще в 1934 году на заре своей научной карьеры в публикации в 45-й книжке «Международного журнала этики») остаются тем неразложимым остатком, необъяснимым резидиумом, перед которым бессильна эмпирическая наука, весь ее инструментарий. Таким образом, моральные цен-

ности, в первую очередь мировоззренческого уровня, которые образуют лейтмотивы поведения, воспринимаются как нечто иррациональное, потустороннее по отношению к научному анализу.

Безусловно, в «гиперсоциальной» концепции схватываются некоторые действительные - но, как правило, второстепенные, боковые - моменты функционирования морали, какая-то реальная группа свойств и черт моральной регуляции, однако они при этом раздуваются, абсолютизируются за счет деформации других — на сей раз уже основных, сущностных - свойств этой регуляции. В соответствии с идеалистической методологией к схеме Парсонса не общественные отношения определяют содержание, направленность и формы социального контроля, а наоборот, детерминация простирается от социального контроля в сторону общественных отношений. Накладывается методологическое вето на всякую попытку увязать формы социального контроля с социально-экономическими отношениями, материальными интересами основных социальных групп данного общества.

Схема отдает предпочтение социально-апробативной интерпретации феномена морали, которая лишает ее объективного исторического смысла, сводит добро и зло лишь к санкционированности различными формами общественного авторитета (Парсонс выделяет три главные разновидности иерархически асимметрических ролей: выбранного руководителя по отношению к рядовым членам, руководителя административно-бюрократического типа, «попечительскую» роль членов коллегияльных ассоциаций, вроде преподавательского корпуса, структуры «врач—пациент», «специалист—клиент»). Благодаря такому подходу моральные принципы и нормы предстают перед «актерами» как нечто извне противостоящее их деятельности, как закодированное предписание социума⁴¹. Естественно, в акте его исполнения схема усматривает лишь репродукцию предписания, моральная деятельность людей понимается как только исчисляющая, дискурсивно-трафаретная, а вся культура, по существу, сводится лишь к ее нормативно-оценочному аспекту, который интерпретируется по известной формуле П. Сорокина «знание — желание — нормирование» (по очень точному выражению американского психолога К. Мэрфи, мы имеем дело с «нормативным детерминизмом»).

Не приходится удивляться тому, что функционализм стремится сблочить всякое должное, не совпадающее с сущим, проявляет теоретический скепсис, когда предстоит решить ключевую часть исследовательской задачи — объяснить историческое развитие морали, смену «больших» нормативно-ценностных систем, сложность и противоречивость отражения в них запросов постоянно обновляющейся социальной практики, закономерности противостояния данных систем в современном мире.

При таком истолковании феномена морали исчезающе малыми становятся различия между неморальной (политической, правовой, административной, по обычаю) и собственно моральной регуляцией. Проблема мировоззренческих оснований нравственных исканий и образа жизни упрощается до столкновения желаний выполнить предписание («добро») или же уклониться от его исполнения («зло»). Заранее предполагается, будто теоретическому и обыденному моральному сознанию не следует подключаться к решению вопроса об «этической проблеме», то есть к выявлению аксиологической природы социума, от которого исходят предписания и оценки. Этому сознанию запрещается ставить вопрос о том, являются ли социально необходимыми те предписания, которые превращаются с помощью социального контроля и со-

циализации в индивидуально-желаемые, переходят из нормативного комплекса в мотивирующий.

Если из морали выхолещивают мировоззренческое содержание, то тем самым и снимается вопрос о «ценности ценностей». Идеалом становится конформность, повиновение, законопослушание, верноподданничество, «муравьиные добродетели» в духе З. Фрейда. Когда все формы социального контроля поставлены на службу обеспечения стабильности госмонополистического капитализма, тогда его нормативно-ценностная система признается в качестве единственно возможной формы моральности. Это приводит к тому, что теряются всякие отличия между общепризнанным аморализмом и действиями, направленными на революционное преобразование общества во всех сферах его жизни. Искажая соотношение между моральными инновациями и нигилизмом, Парсонс вынужден все же признать моральными некоторые установки, поощряющие к конфликтам, правда, лишь те из них, которые ведут к упрочению стабильности хотя бы в тенденции.

Функционалистская позиция фактически оказывается лишь идеологическим оправданием практики манипулирования массовым моральным сознанием. Причем делается это в обстановке кризиса буржуазной морали. Использование в управлении «технизации мировоззрения», отторгнутого от «арбитража ценностей», применение натаскивающих (а не воспитывающих) методов, которые приспособливают массы к буржуазной социальной среде, подавляют ее стремление осуществить самостоятельный ценностный выбор считается «естественным»⁴².

Гиперморальная позиция тоже может быть понята только в более широком контексте современного философско-этического мышления, условно именуемого антипрогрессизмом, который представляет собой пеструю смесь антициентистских, консервативно-романтических, религиозно-мистических течений. Он стремится глобализировать кризисные явления, делая при этом упор на рост морального отчуждения и саморазрушение личности. В соответствующих теориях моральный кризис чаще всего интерпретируется как результат фатальной («иронии истории») разнонаправленности или несинхронности НТР и моральной жизни людей. Ставится вопрос о повторном «грехопадении» человечества, об изначальной враждебности прогресса, разума, рациональности духовной жизни. Все эти теории проникнуты техно-культуро-социофобическими настроениями (техносфера якобы порождает моральный вакуум, социогенез созидает стадную мораль, культура адаптирует личность к бесчеловечным условиям и т. п.).

Часть данных теорий исходит из явных или скрытых пессимистических посылок. Они не акцептируют внимание на проблеме «выхода» из морального кризиса, полагая это состояние неотъемлемой характеристикой человеческого бытия, идущего ко всеобщему моральному упадку, «вымиранию морали», и допуская лишь беспричинную случайностную возможность мистической трансмутации морального сознания, переориентации человечества на моральное обновление, возрождение «подлинной» морали. Другая группа теорий решает проблематику «выхода» из кризисного состояния с помощью возрождения на новой основе традиционных, доиндустриальных ценностей, форм общения, нормативных предпочтений. Выдвигаются утопические проекты подмены формальных организаций и корпораций неорганизованными группами «альтернативных» коммун и локальных сообществ, создания «противотехники» и «гуманистического планирования», которые должны «перестроить систему ценно-

стей», привести к диктату «нематериальных ценностей» и т. п. Религиозные же идеологи ведут интенсивные поиски «новой религиозной этики» и «нового этического человека», усматривая истоки кризиса в покушениях на святость христианского морально кодекса, в десакрализации нравственной жизни.

С антипрогрессистских позиций управление нравственными процессами и воспитанием в любых исторических условиях представляется как грубое и беспрецедентное насилие над ними. При этом выдвигается антиномия социально контролируемой «канонической морали» бремени и повиновения социально неконтролируемой «раскованной морали» любви, беспечности, самораскрытия, пророчества. Отсутствие последних признаков или части этих признаков в поступке и поведении в целом позволяет якобы категорически оценить их либо как внеморальные, либо как даже аморальные акты. От субъекта действия требуется установить представления о добре и зле, долге и «верности себе», которые не могут быть принципиально объективированными, тем или иным способом выверены логическими средствами. Эта антиномия «неподлинной» контролируемой морали и стоящей вне социального контроля «истинной морали» имеет кроме приведенной множество других форм. Антипрогрессистски ориентированных идеологов преследует «кошмар управляемого общества (Т. Адорно) с его слиянием «невидимой руки» и «направляющей руки». Они прямолинейно отождествляют отчуждение с эксплуатацией, государство — с бюрократией, коллективизм - с организованностью. «Оппозиционный» буржуазный индивидуализм абсолютизирует противоречия между разумом и нравственным чувством, мировоззрением и наукой, потребностью в отрицании и субъектом отрицания, критическим сознанием и революционным действием.

Научная этика марксизма показала, что гиперморальный подход, во-первых, катастрофически сужает сферу морали, относя к ней то и только то, что через абстрактные, внеисторические критерии определяется как безусловно морально-положительное; во-вторых, ведет к отказу от принципа социальной детерминации морали и воспитания, разрыву сущего и должного в морали; в-третьих, преувеличивая роль импульсивности, непосредственности (не случайно у «новых левых» и «альтернативистов» таким почетом пользуются «спонти»), противопоставляет интуицию разуму и нормам, автономность морали - ее гетерономности, отрицает необходимость взвешивающей стратегии морального выбора, абсолютизирует психологическую сторону морального творчества в ущерб его социально-результативной стороне, консеквенционализму; в-четвертых, приводит к восприятию социальной реальности лишь в ее негативном аспекте (социофобия, которая в моральном плане означает недопонимание и недооценку всех положительных изменений в нравственной жизни современного капиталистического общества, связанных с усилением влияния различных антибуржуазных демократических и социалистических сил).

§ 3. Природа и специфические черты управления нравственно-воспитательной деятельностью

Неадекватные облики управления нравственно-воспитательной деятельностью имеют определенное хождение и у нас. В обыденно-гуманистическое сознание понятие «социальное управление» пришло из юриспруденции и тех организаций, которые строились на строго упорядоченных действиях своих членов. Не удивительно, что перенос именно такого (или родственного) значения социального управления на сферу нравственно-воспитательных процессов, где практически невозможно даже и помыслить о

существовании способов достижения гомеостаза и развития методами директив и приказов, вызывает известные осложнения психологического порядка⁴³. Возникающие при этом предубеждения оказываются способными как-то влиять и на этическую литературу. Тогда социальное управление отождествляется с некоторыми его методами (прежде всего бюрократическими, применение которых в сфере воспитания, естественно, вызывает возмущение), с чрезмерной централизацией, привычкой распоряжаться людьми как вещами, некими количествами. Оно уподобляется мэмфордской «мегамашине», а управляемый человек представляется личностью, утратившей способность производить выбор, ставшей простой марионеткой с автоматически хорошим (желательным инстанциям) поведением в духе Б. Скиннера. Как это часто случается, вместо мучительной и ответственной дифференциации видов и стилей управления оно охаивается как таковое.

Чтобы рассеять всякого рода подозрения и недоумения, напомним, что в советской управленческой литературе многократно подчеркивалось, что при социализме управление ни в коей мере не ставит себе задачей «командовать» моральным (да и всяким иным) сознанием людей, «отменить» неповторимость их нравственного опыта и самоуправления поведением, не рассматривает - *sancta sanctorum!* - суверенность, самобытность, нравственного развития личности «как беззаконную комету в кругу расчисленных светил» (А. С. Пушкин). Строительство коммунизма не нуждается в безликом «среднем индивиду», превращенном в ничтожную пылинку «великой социальной бури». Именно поэтому наше общество предполагает максимальное развертывание всех необходимых социальных предпосылок и условий нестесненного, свободного морального творчества личности. КПСС в своей идеологической работе, наша социальная наука в исследованиях и практических разработках выступают против различных форм управленческого экстремизма, заорганизованности духовного развития людей, но вместе с тем выступают и против ложных образов социального управления, антиуправленческих предубеждений в любых их формах.

Прежде всего, необходимо раскрыть содержание *понятия «управление»*. Вот какое определение дает «Философский энциклопедический словарь»: управление — элемент, функция организованных систем различной природы, обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности. А что такое социальное управление? Это - «воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития» и оно есть «свойство любого общества, вытекающее из его системной природы, общественного характера труда, необходимости общения людей в процессе труда и жизни, обмена продуктами их материальной и духовной деятельности», а потому «управлению с необходимостью подвержены и социальное поведение людей, и социальные отношения в целом»⁴¹.

Хотя иногда полагают, что в общесоциологической литературе «управлению» дают такое безбрежное определение, которое приближает его к значению целесообразной деятельности вообще, с этим приходится примириться: ситуация, когда действия человека определяются известной целью и этому подчиняют применяемые средства, как раз и есть в действительности ситуация управления. В отличие от биологических систем, где гомеостазис и развитие обеспечиваются действием природных законов, управление обществом обеспечивается действиями сознательного субъекта. Такая постановка вопроса сразу же ставит перед нами проблему механизмов управления. Обычно выде-

ляют несколько типов этих механизмов. Дело в том, что на определенной, сравнительно высокой стадии человеческой истории происходит отделение программы действий от самих действий. Этот акт легко иллюстрируется трудовыми операциями и всем технологическим процессом. Но одновременно в сами действия закладывается программа (не во все действия, а только в те, что создают, так сказать, материальную оболочку поступку). Поэтому стремление осуществить предписание, выраженное в правиле, максиме, норме, идеале и т. п., оказывается само определенным видом программы, а точнее - совокупностью программ, планов, проектов действия, из которых еще предстоит произвести выбор действующему субъекту с учетом его потребностей, обстоятельств, возможностей. Поскольку в концептуально-историческом плане нормы предшествуют ценностям, постольку именно вслед за предписаниями действия субъекта программируются и с помощью ценностей, оценочной практики. В этом смысле «управление» означает не только (и не столько в большинстве случаев) директивное командование, но и разработку программ, «вложенных» в действия, в массу поведенческих актов, в реальную практику моральной регуляции. Но «управление» означает также и создание, отработку особых способов «вкладывания» этих программ действия в субъекта действия, иначе, - означает формирование механизмов социализации и воспитания, в том числе и нравственного. Наконец, существуют так называемые «конкурентные механизмы управления», когда происходит какое-то управленческое воздействие, но только через то, что само по себе является неуправляемым, было автоматическим в том значении, что выступает в качестве усредненного итога столкновения и перекрещивания различных массовых сил.

Первые три вида управления (командное, нормативное и воспитательное) называют обычно сознательным управлением, тогда как для обозначения стихийно действующих (или, лучше сказать, преимущественно стихийно действующих) механизмов управления прибегают к выражению «объективное регулирование». Такое разграничение вполне оправдано для определенного класса исследовательских задач, но оно и капризно в том смысле, что в современном обществе процессы нравственной жизни протекают одновременно и как регулируемые стихийно («объективно»), и как регулируемые с помощью сознательно организованных механизмов.

Методологические трудности возникают в данном случае в связи с неоднозначным употреблением понятий «регуляция», «регулятивность», «регулятивная функция морали». С одной стороны, выявляется ограничительное их понимание, когда регуляцию сводят к обеспечению соответствия действий лиц, групп, организаций принятым, действующим моральным нормам. С другой - складывается справедливая отрицательная реакция на эту позицию, когда полагают необходимым дополнить содержание понятия «регуляция» указанием на то, что мораль является не только формой функционирования, но и моментом развития общества, выполняя конструктивно-революционную роль при социализме. Если в первом случае мы сталкиваемся с ограничением морали ее нормативной частью, то во втором - с известным преувеличением (видимо, в результате терминологической двусмысленности: вся мораль суть способ регуляции, а вместе с тем регуляция есть лишь одна из функций морали) роли регулятивной функции морали в ущерб ориентационно-мировоззренческой и воспитательной функции. Конечно, все функции морали в развитом социалистическом обществе однонаправлены и пребывают в содержательном единстве, но они могут и не совпадать по объему и значению. Управление нравствен-

но-воспитательной деятельностью в определенном смысле можно назвать «регуляцией регуляции». Управление - *высшая форма регулирования*, образующаяся тогда, когда возникают сложные виды зависимости между элементами управляемой системы, когда сформирован самостоятельный блок управления⁴⁵. Регулирование преобладает при ограниченной способности общества решать свои проблемы, сохраняя неизменным субъект и сложившиеся социальные отношения. Управление же нацелено на постоянный поиск нового⁴⁶. Формирование способности и потребности общества в «регуляции регуляции» предполагает четкое отделение объекта и субъекта управления, осуществление деятельности по производству программ с установкой на развитие управляемой системы, создание специализированного управленческого аппарата, подготовку и дислокацию соответствующих кадров, становление циклов управленческой деятельности, отлаживание циркуляции описывающей (дескриптивной) и предписывающей (прескриптивной) социальной информации, систематической организации контроля с процедурами экспертизы управленческой деятельности.

Раскрытию всех этих положений предшествует обсуждение исключительно важных сюжетов по главной проблематике. Первый из них требует обсудить вопрос о границах управления нравственно-воспитательной деятельностью, о соотношении стихийных и управляемых процессов в применении к духовно-практическому производству человека при социализме. Мы полностью разделяем мнение тех, кто полагает утопическими и сциентистскими убеждения о возможности полного вытеснения стихийного начала из общественной жизни, тем более из процессов нравственной жизни и воспитания. Вместе с тем нельзя согласиться с теми авторами, которые категорически утверждают идею о полной стихийности, спонтанности морали как совершенно безинституционального способа регуляции поведения людей. Недостаточно, однако, просто повторить уже высказанный тезис о нравственности как объективно регулируемом и отчасти сознательно управляемом процессе одновременно, о соотношении в ней (пропорции могут быть самыми различными) стихийного и организованного начал. Необходимо выяснить, как именно они соотносятся и взаимодействуют.

Общепризнано существование негативных стихийных проявлений в нравственной жизни общества, которые нуждаются в погашении, нейтрализации, блокировании (заметим, что негативными могут быть и организованные проявления, хотя бы в локальных масштабах, или же могут быть дистанционно управляемыми в виде буржуазных моральных представлений, предпочтений, проникающих к нам путем социологической пропаганды). Однако существует, по выражению В. П. Киселева, «позитивная стихийность»⁴⁷. К ней можно отнести спонтанные акции групп, коллективов, отдельных индивидов, которые не предусмотрены субъектом управления и которые несут положительный в нравственном смысле заряд. С такой стихийностью связана инициативность поведения, соревновательные почину, участие в рационализаторском и изобретательском движении, самоотверженное поведение в экстремальных ситуациях.

Не следует, впрочем, жестко противопоставлять стихийные проявления всему, что поддается управлению. Напомним, во-первых, что именно в стихии действуют «конкурентные механизмы управления», то есть она не просто регулируется, но и способна подчиняться хотя бы частичному управленческому воздействию. Во-вторых, стихийность негативного и позитивного вида проявляется и внутри самого управления, так как оно есть деятельность людей и

особых групп, коллективов. Негативная стихийность способна деформировать процесс управления, приводит к накоплению элементов неуправляемости внутри управленческого блока, к утверждению консервативного или бюрократического стиля руководства, к видимости достижения управленческого эффекта, тогда как позитивная стихийность означает творческий подход к управлению, его способность уловить (иногда предчувствовать и просто угадать!) творческие порывы «снизу», обобщить их определенным образом, насытить (сатурация) научными подходами и поднять на новый, более высокий уровень систему управления. В самом деле разве упомянутые выше инициативы, дух соревнования, героические поступки возможны исключительно в неуправляемых системах? Разве в системах управляемых не возникают различного рода «тромбы», тенденции к понижению эффективности, «пробуксовки», движение по инерции, преодоление которых требует от руководителей и организаторов мужества, готовности отстаивать новое, рисковать в борьбе за него? Только тогда на поставленные вопросы автоматически последуют отрицательные ответы, когда всю данную систему заранее представляют как суперучреждение, в котором безраздельно господствует затхлый дух рутины, преобладают «хорошо обструганный человек организации», чиновнические «добродетели», глубокое равнодушие к сути дела, целям управления, формализм и «футлярное» существование исполнителей.

Стихийность неотделима от того, что называют «издержками» управленческой деятельности. Представляет интерес схема таких издержек, предложенная В. П. Чекалиным. Первый их вид порождается недостаточной согласованностью субъективной и объективной стороной управленческой деятельности из-за воздействий сдерживающих факторов. Иначе говоря, возникают противоречия между объектом и субъектом управления. Объект не пребывает в состоянии пассивности, реагируя на систему стимулов и систему оценок своей деятельности. При этом следует принять во внимание, что имеет место неполнота отражения субъектом специфики управляемого объекта, незнание характера воздействия на объект непознанных (или плохо познанных) факторов, попытки формировать управленческие решения эмпирически, столкновение между научно-теоретическими представлениями и выводами «здравого смысла». Второй вид имеет уже не гносеологический, а управленческо-праксиологический источник: «неточность реакций «сверху» на изменения «снизу», запаздывание подобных реакции или, наоборот, быстрые текущие реакции на объективные процессы, создающие иллюзию управления этими процессами, выбор далекого от оптимума варианта решения, принятие управленческого решения без учета возмущающей реакции объекта управления, выдвигание научно обоснованных целей без знания способов их достижения, увеличение управленческого аппарата в соответствии с увеличением объема объекта управления, недостаточная теоретико-управленческая подготовленность кадров для решения новых организационных задач, неупорядоченность в распределении управленческих функций между различными отделами, службами, руководителями и подчиненными, центральными и местными органами, противоречие между целями и ресурсами, их несбалансированностью, противоречие между тем, что организационно и психологически освоено, т. е. между сложившимися, устоявшимися нормами, методиками и их «несрабатываемостью» при воздействии на изменившийся объект управления»⁴⁸.

Третий вид издержек складывается из информационно-психологических барьеров: инерции мышления, «ослепленности новизной» фактов без их тео-

ретического осмысления, чрезмерной специализации управленцев, давления «авторитетов», сложившихся мнений, из избытка или недостатка управленческой информации, из игнорирования управленцами коллективно-групповых и личных интересов, из неподготовленности объекта и субъекта управления к неожиданным поворотам событий. Четвертый вид издержек обусловлен идейно-воспитательными потерями, когда, например, производятся усилия на достижение конечных результатов, но без знания и учета установок, ожиданий исполнителей, когда производятся действия без должного учета боковых последствий, когда преобладают приверженность к количественным показателям, ведомственные и местнические побуждения. Пятый вид издержек связан с предыдущим и условно называется профессиональными «болезнями» управленцев. Это злоупотребление авторитарным стилем руководства, преувеличение личной доли управляющего в общем труде, перенесение управленческих функций и усвоенных штампов на неуправленческие ситуации, неумение найти адекватную меру соотношения между свободой влияния на коллектив и несвободой личного поведения, неумение делегировать свои права вместе с обязанностями своим подчиненным⁴⁹.

Все эти издержки особенно велики - и это не удивительно - в сфере управления воспитанием; они способны породить скептические настроения относительно возможностей управления в этой сфере и относительно его правомочности, нравственной оправданности. Поэтому, когда социальное управление представляется в идеализированном виде, а управленческая деятельность не сопровождается должной критикой и самокритикой, возникает серьезная опасность неадекватной реакции на неизбежно расширяющееся социальное управление, именно на базе такой реакции произрастают превратные облики управления.

Между тем к сущности управления как раз и относится способность соединить противоположности стихийного и организованного, не отменяя первого, а подчиняя его второму, оптимизируя их соотношения. Нет и не может быть раз и навсегда прочерченной демаркационной линии между этими началами в связи с тем, что «социализм впервые прерывает по преимуществу стихийное, неуправляемое, слепое течение истории и направляет его по руслу, прорытому революционной наукой об обществе, научным коммунизмом, в то же время придавая этому течению сознательно целеустремленный, все более планомерный характер»⁵⁰. В общественном плане, подчеркивает Р. П. Косолапов, начинает действовать противоречие между сознательностью и стихийностью, имевшее раньше весьма ограниченное проявление. Изменяется соотношение между законами общественного развития и целесообразной деятельностью людей, между фаталистическим приспособлением к законам как «неизбежному злу» и творческим активизмом. И чем больше социализм начинает развиваться на собственной основе, тем более многообразным и интенсивным становится данное соотношение, тем оригинальнее и глубже проявляется оно в воспитательной сфере общества. «Участие сознательности как неотъемлемого атрибута общественного развития в выявлении, изучении и разрешении противоречий при социализме составляет его самобытную черту и является одним из его величайших социальных преимуществ»⁵¹.

Проблема стихийности имеет еще один важный ракурс: обычно внутренний мир человека рассматривается как зона спонтанности, воздвигающая оборонительный вал против всяких управленческих воздействий. В этих рассуждениях приходится вновь потревожить воззрения «гиперморальности», по кото-

рым абсолютная автономность внутреннего мира человека является непреложной догмой, и воззрения «гиперсоциальности», по которым такая автономность оказывается химеричной, или, по крайней мере, проблематичной. Выше уже шла речь о значении активности объекта управления нравственным воспитанием. Приведем в этой связи одно подкрепляющее высказывание: «Никогда не надо забывать, что человек не может быть сведен к объекту управления, так как он не только целеустремленная (имеющая и спонтанно генерирующая собственные цели, отличные от целей той системы, которая стремится ими управлять), но и ценностно-ориентирующаяся (имеющая и спонтанно генерирующая собственные смыслы деятельности) система, или, иными словами, - не только интериоризованная и превращенная в систему ролей совокупность общественных отношений (личность в социологическом значении), но и индивидуальность»⁵². Кроме того, общая социологическая теория не может не признавать существования таких личностей, которые «выламываются» за границу ролевых предназначений и ожиданий, то есть личностей, которые «перерастают» наличные общественные отношения, структуры, собственную практическую жизнедеятельность и регуляторы этой деятельности, а потому оказываются способными к сопротивлению социализирующим их факторам и механизмам. Возможности сущностных сил личности как своеобразного результата исторического развития (а не оторванная от социального бытия трансцендентная, неведомо откуда взявшаяся субъективность) перекрывают те возможности, которые открывают перед ней «случайное» бытие, персонификация существующих социальных структур, моделей действия - иначе всякая форма революционной, преобразующей деятельности оказалась бы «вещью в себе», а импульс к ней извлекался бы из непостижимо глубоких слоев сознания личности⁵³.

Дальнейшее обсуждение всей темы о стихийности и сознательности обзывает обратиться к вопросу о рычагах, средствах управления. В отличие от регулирования, а также и руководства⁵⁴, управление способно не только ускорить или замедлить тот или иной социальный процесс, не просто подкорректировать и оптимизировать его известным образом: оно имеет возможность остановить или же даже породить определенный процесс, сдвинуть вектор его развития. Оно - об этом уже говорилось - не только воспроизводит объект и субъект, а видоизменяет их, так или иначе перестраивает обе стороны управленческого взаимодействия и благодаря этому творчески осваивает мир, обогащает и углубляет («облагораживает») потребности субъекта, обнаруживает новые заманчивые возможности в объекте. Поскольку это так, то регулирование и руководство сравнительно мало нуждаются в социальном принуждении, ибо опираются на авторитет идеи, на сознательность: чем выше стихийность в обществе, тем больше необходимости в управлении с широким применением социального принуждения⁵⁵.

Такая постановка вопроса побуждает обратиться к проблематике социального контроля и принуждения как средствам управления воспитательными процессами. Социальным контролем принято называть все процессы, обеспечивающие устойчивость, внутреннюю сплоченность, непрерывность и управление в обществе людьми, группами и институтами. Так как эти процессы направлены на согласование индивидуального и группового поведения с интересами общества (класса), на утверждение определенных форм общественной дисциплины, то контроль оказывается обязательным и всеобщим условием социальной любого типа, «а значит, прежде всего моральности поведения отдельных лиц и групп»⁵⁶. В современном динамичном обществе социальный контроль

располагает сложной и разветвленной инфраструктурой. Проявляется она, в частности, в действии специализированных его форм (экономическая, политико-правовая, административная и т. п.). Как же согласовываются индивидуальное и групповое поведение, деятельность или акции отдельных институтов с целями, социальной волей и задачами общественной организации? Как обеспечивается социальная устойчивость?

В самом общем виде ответ известен укреплением общественной дисциплины, выраженной в соответствующих обычаях, привычках, нравах, традициях, нормах. Способом поддержания дисциплинированности, ее рычагом и гарантом служат системы убеждения и системы принуждения. В свою очередь, принуждение может быть насильственным и ненасильственным, экономическим и внеэкономическим, государственным и реализуемым с помощью общественного мнения. Существуют и иные способы деления принуждения. Вот что писал по этому поводу Б. Ф. Поршев: "Принуждение может быть как физическое, посредством насилия, так и психическое, с помощью авторитета. Однако и физическое насилие, например, в эпоху рабства, не следует понимать по аналогии с болевым или устрашающим воздействием на животных. Поведение человека в такой гигантской степени детерминировано словесными импульсами, что насилие само по себе мало к чему могло бы его побудить... Насилие срывает с людей то, чем они укрыты от покорности. Тогда им остается быть покорными. При этом насилие имеет ряд градаций: глубже всего умертвление, вернее, угроза смерти; причинение боли, истязание; лишение возможности двигаться - сковывание, связывание, заключение; лишение материальных условий жизни, благ - экспроприация, разорение. Все это есть физическое принуждение, призванное парировать непослушание либо самого пострадавшего, либо свидетелей постигших его страданий. Другое проявление власти - воздействие силой авторитета. Авторитет правителя, лидера, вождя, старейшего, органов власти, правящих групп и классов на протяжении тысячелетий человеческой жизни есть блокада несогласия, блокада непослушания, блокада непокорности»⁵⁷.

Встает вопрос: существует ли моральная форма принуждения? Действительно, мораль понимается как добровольная реализация социальности. Свободное выполнение общественных обязанностей, функций, ролей, дисциплинарных предписаний, самовозложение их на себя относится к сущностному определению морали, позволяет опознать моральную регуляцию поведения индивидов и групп, деятельности отдельных институтов, отличить их от неморальных способов регуляции. Если ограничиться только таким определением морали (что отодвигает нас к концепции «гиперморальности»), то на поставленный выше вопрос мы неизбежно получаем отрицательный ответ.

Научная этика, однако, выходит за рамки односторонних дефиниций морали как выражения дистиллированной свободы, сознательности, спонтанного творчества. Моральная регуляция содержит в себе момент принуждения, который относится к ее ведущим, а не случайным или преходящим признакам. Но специфически моральным видом принуждения выступает не насилие, не физическое принуждение, а давление авторитета и общественного мнения во всех их модификациях⁵⁸. Санкционирующий момент общественного (группового) мнения суть духовное воздействие, форма принуждения, наряду с убеждением.

Если в физической, экономической, политико-правовой формах социального контроля принуждение играет ведущую роль, то в моральной форме контроля оно является лишь подчиненным элементом обеспечения общественной

дисциплины (понятно, в различных нормативно-ценностных системах и по разным показателям способы и пропорции в сочетании этого двустороннего воздействия оказываются различными). Социалистическое общество не только стремится к тому, чтобы личность, группы, организации и ассоциации четко выполняли свои социальные обязанности, функции и роли. Оно далеко не безразлично к тому, как эти обязанности, предписания, функции и роли будут исполняться. Именно поэтому для него исключительно важно подкрепление всех форм социального контроля моральной его формой. Будучи воспитывающей, формирующей, она оказывается *транзитивной*, переходящей в самоконтроль, в предъявление нравственных требований к самому себе, в самостоятельную регуляцию поведения и деятельности. Это относится и к отдельному лицу, и к коллективу (группе, организации). Такой контроль является уже не прямым, а только *косвенным*⁵⁹. Он образует нравственные потребности, "учит" не просто приспособлению к среде, а ее духовно-практическому освоению в целях преобразования как среды, так и самого себя, «учит» самонахождению долга, автономному поиску императивности, пониманию моральной ценности своих действий, добивается нравственной определенности бытия человека в целом, когда - здесь не лишне вспомнить мысль Аристотеля - он готов действовать не просто так, как то предписывает нравственность, а действует так потому, что данный способ действия является нравственным⁶⁰.

Важно знать, что и внутри процесса организации самоконтроля человек также может продвигаться по ступеням нравственной свободы (чтобы избежать превращения внутреннего контроля во «внутреннюю инквизицию»), достигая той ее точки, когда обязанности перестают быть самопринуждением, становятся склонностью, высшей потребностью. Этот процесс восхождения связан с перемещением центра тяжести в самой моральной регуляции - об этом уже говорилось в первой части книги - от той части ее норм, которые имеют сдерживающий (ингибиторный), ограничивающий характер, к той части, которая обладает побудительной силой, относится к области «целей-стремлений».

В социальном контроле над поведением участвуют все структурные элементы и звенья морали. Но следует сказать, что моральная регуляция не сводится без остатка к обеспечению соответствия поступков лиц, действий групп и институтов принятым нравственным нормам (тем более «нормам-рамкам»), как это утверждают антикоммунистические интерпретаторы социалистической морали. В ходе социального развития те или иные личности, группы, институты способны выразить социально необходимое в своем поведении более последовательно, масштабно и более решительно, чем оно выражается в общепринятых ценностях, нормах, шаблонах и стереотипах поведения и тем более в обычаях и традициях. Уже говорилось, что в социалистической морали содержится ясно выраженный императив не только к исполнению функциональных обязанностей и ролевых предназначений, но и к созданию более совершенного типа нравственных отношений, а следовательно, видоизменению самих обязанностей и ролей, способов их выполнения, мотивации и оправдания.

Проблема социального принуждения и социоконтрольной функции морали не может быть понята правильно, если абстрагироваться от методов социального контроля, которые подразделяются на динамические, статистические и смешанные. Первый характеризуется жестким клише поведения, «нормативной насыщенностью, и очевидностью, тогда как статистический контроль является неявным, строится в виде сложных и разнообразных программ поведения, через которые лишь суммативно реализуется воля общества, субъекта контроля.

При таком контроле «задается не готовый образец для подражания и не команда для реализации, а расчлененная программа, рассчитанная на творческое восприятие»⁶¹. Общая прогрессивная тенденция социального развития ведет к уменьшению роли динамического контроля и повышению значения статистического контроля.

Трудности в понимании специфики управления нравственными процессами и воспитанием связаны не только с проблемой принуждения. Известно, что мораль не имеет четко отграниченной предметной области. Из этого признания пытаются извлечь вывод, будто управление здесь невозможно принципиально. На наш взгляд, вывод должен быть совсем иным: нормативно-ценностная система общества испытывает генетически-каузальное и факторное воздействие со стороны всех других социальных подсистем, прежде всего тех, в которых реализуется материальная сторона жизни общества, а потому в той мере, в какой все эти подсистемы оказываются объектом сознательного регулирования, социального управления, их судьбу разделяет и мораль. Следовательно, управление нравственными процессами является косвенным, то есть *оказывается воздействием на воздействующие обстоятельства и факторы*. Например, законодательство, по выражению К. Маркса, само не способно декретировать нравственность. Но любые сколько-нибудь значительные перемены в нем, обновление правоохранительной практики оказывают определенное влияние на состояние нравов.

Вывод о природе косвенного управления позволяет парировать часто повторяемый аргумент даже против одной только постановки вопроса об управлении воспитательными процессами. Этот довод звучит примерно так: поборники управления впадают в опасные искусы воспитательного утопизма, просветительства или же, напротив, социоинженерии, когда полагают возможным совершенствование нравственных отношений, не совершенствуя при этом всех остальных общественных отношений, социальную жизнь вообще. В более резкой форме это выглядит следующим образом: поборники управления вместо того, чтобы направить свои усилия на разрешение животрепещущих проблем в улучшении материального производства, распределения, потребления и др., предлагают - пренебрегая причинной зависимостью морали от названных сфер - заняться усовершенствованием нравов путем мифического управления ими.

Нам представляется, что данный аргумент вдохновляется некоторыми односторонними соображениями: а) когда смешивается прямое и косвенное управление, а также различные уровни и масштабы объекта управления, б) когда недостаточно учитывается относительная самостоятельность так называемого морального фактора, а потому критическая мысль перескакивает от абсолютизации воспитания к абсолютизации среды, в) когда управление нравственными процессами подменяется управлением процессом нравственного воспитания, г) когда само воспитание отождествляется либо с этическим просвещением как морализаторством, либо с манипулированием различными социотехническими проектами.

Что же представляет собой косвенное управление? Поскольку оно означает управление факторами, постольку его задача заключается в том, чтобы предусмотреть (естественно, сделать это можно лишь приблизительно) направленность, силу и последствия влияния факторов с позиции их соответствия с желаниями, социальной волей и целями субъекта управления. Речь идет об использовании одних факторов социальной среды и погашении действия

других, об использовании «противофакторов», а шире - об оптимизации социальной среды как социализирующей, воспитывающей стороны человеческого бытия. Решение этой задачи и означает освобождение позитивных процессов от негативных, иррациональных последствий действий тех или иных учреждений и лиц для того, чтобы поставить все результаты социально-экономического и культурного прогресса нашего общества на службу нравственному развитию человека.

Назначение управления процессами нравственного воспитания в обществе состоит в максимальном учете последствий всякой общественной, но в первую очередь - управленческой деятельности в их воздействии на эти процессы (от проблемы самодетерминации мы пока абстрагируемся). Ведь каждое управленческое решение и действие любого учреждения или организации, каждого вовлеченного в управление (понятно, что степень вовлеченности неизбежно будет различной) общественные дела человека одновременно вовлечены и в процесс управления нравственным развитием общества, несут или иную степень ответственности за действенность и конечные результаты нравственного воспитания трудящихся.

Фактически вопрос ставится о наложении *управления воспитанием и морали управления*, иначе говоря, - о *научной обоснованности и моральной оправданности* проводимых в жизнь управленческих решений, о социально-нравственной стратегии перспективного руководства общественным развитием. Ведь это предполагает сознательное и планомерное решение хозяйственных, социальных, культурных, бытовых проблем в соответствии с ценностями нашей морали, ее нормами и идеалами. Общественное развитие, развертывание НТР, урбанизация, сдвиги в сфере распределения и потребления, в семейно-бытовой жизни и т. п. не предопределены и всегда оказываются развитием какого-то одного (или наложением элементов) из нескольких возможных линий (вариантов) развития. Как состояние той или иной социальной подсистемы неоднозначно влияет на состояние нравов (внешнее профильтровывается через внутреннее, которое оказывается способным к селекции, закреплению одних влияний и к отклонению, видоизменению других), так и инновационные процессы, изменения в данных подсистемах протекают вариативно, обуславливаются - кроме всего прочего - ценностными императивами, критериями, предпочтениями, преобладающими в наличной нормативно-ценностной системе общества. В результате формируется подвижная, динамичная модель взаимодействия, которая исключает преддетерминистские, фаталистические подходы и способна с достаточной полнотой отразить факт относительной самостоятельности морального развития общества. Причем по мере того, как исследование продвигается от макрообъекта управления к микрообъектам (коллектив, группа), степень этой самостоятельности возрастает. Исходя из этого, всякое управленческое решение и действие могут быть морально оправданными и в исторической перспективе признаны закономерными, если ведут к систематическому развертыванию простора для проявления морального фактора, если проектируют необходимые условия для свободного морального волеизъявления, творчества, если содействуют всестороннему развитию человека, выводят его на активную жизненную позицию, гуманизируют весь спектр человеческих отношений. Логика всех этих суждений и убеждающие иллюстрации к ним очень выразительно представлены в диалоге А. Гельмана и В. Ишимова под характерным заголовком - «Управление нравственностью и нравственность управления»⁶².

Обратимся к *прямому или непосредственному управленческому влиянию на состояние общественной нравственности*. Каналом воздействия здесь выступает управление ходом нравственной социализации и системой нравственного воспитания⁶³. Социализация - процесс «вхождения» личности в определенную социальную среду, в систему культуры (в том числе и нравственной культуры), ее принятия. Социализация характеризует поэтапную подготовку личности к моральной регуляции трудовых отношений, общественно-политической активности, потребительской деятельности, общения и досуга, в ходе которой она осваивает общественные и групповые шкалы моральных ценностей, нормы, мотивацию и символику, способы участия в моральных решениях, кодексы конфликтного поведения, овладевает межличностным и внутриличностным моральным «языком». В литературе нередко выделяют различные стадии и виды социализации (протосоциализация, затем социализация в первичных, маргинальных и концептуальных группах, ресоциализация, профессиональная социализация, патосоциализация и др.). В отличие от нравственного воспитания социализация включает наряду с намеренными, контролируруемыми воздействиями на личность и все стихийные воздействия, поступающие из социальной среды, охватывает ближайшие и отдаленные результаты взаимодействия индивида, со всей суммой социальных влияний. Следует учесть, что понятие «социализация» в содержательном отношении проигрывает по сравнению с понятием «формирование личности», так как недостаточно принимает во внимание руководство массовым моральным сознанием, управление не только «вхождением» в социокультурную среду, но и «пребыванием» в ней, процессом изменения этой микро- и макросреды.

Управлять системой нравственного воспитания «ad hoc» - значит доставлять ей определенное содержание, организовывать, оптимизировать всю систему, деятельность социальных институтов, ответственных за направление и эффективность нравственного воспитания.

Через непосредственное управление прокладывается путь к косвенному, так как оно выражает чрезвычайно сложные взаимоотношения между моральной (нормативно-ценностной) и воспитательной системами как составными частями или сторонами духовно-практической производственной деятельности человека социалистического общества. Эти взаимоотношения можно представить следующими позициями:

- нравственно-воспитательная деятельность общества, с одной стороны, есть лишь средство надежного воспроизводства социалистической морали, воспроизводства (всякий раз с определенными изменениями) на новом генерационном материале структур морального сознания и нравственных отношений;

- с другой стороны, социалистическая моральная система необходима воспитательной деятельности как опора, точка отсчета, как своеобразный «наполнитель»;

- нравственно-воспитательная деятельность, далее, оказывается необходимой для социалистической моральной системы, выявляя в ней наиболее жизнеспособное, не позволяя этой системе растратить творческий потенциал, застыть в виде моральных догм, закостенеть в «правильности» своих предписаний и оценок, все время обогащая их в неразрывной связи с жизнью;

- в свою очередь, будучи генетически связана с конкретными условиями исторического бытия людей, являясь продуктом той или иной сферы социальной жизни, прогрессивная мораль вместе с тем способна опережать каждую такую сферу и быть силой, которая «служит для того, чтобы человеческому обществу

подняться выше»⁶⁴, именно потому она и не позволяет нравственно-воспитательной деятельности общества оторваться от действительности, увязнуть в традициях отживших целевых установок и особенно в традициях стиля, форм и методов, путем ценностной критики она придает этой деятельности новые импульсы развития.

Итак, мораль является одним из важнейших способов упорядочения индивидуального, группового и массового поведения, а потому видом социального управления. В предыдущей части книги, характеризуя современную ситуацию нравственной жизни и воспитания, мы стремились выявить и показать трудности протекания этих процессов. Причем нарастают эти трудности, все более властно требуют качественных перемен в условиях, когда а) усиливается относительная самостоятельность морали, б) возрастает роль «человеческого фактора» в общественном развитии и в) повышается значение, основательность, масштабы нравственно-воспитательной деятельности. Нередко положение всех этих «усилий», «возрастаний», «повышений» и прочих количественных, таксономических индикаторов на фоне требований в качественных изменениях порождает в обыденном мировосприятии алармистские настроения, ностальгические вздыхания в минорной тональности относительно навсегда утраченной гармонии, создают элегические образы фаты Моргана научно-технического прогресса и даже рождают панические суждения в духе морального коллапса. Реалистическое мышление, подлинно научные подходы реагируют на ситуацию и на новые требования совсем по-другому. Если дают о себе знать болезненные «сбои» в регулятивном управляющем воздействии морали (тенденция в направлении к нравственной энтропии), и если старых механизмов воспроизводства морали, в том числе традиционными методами нравственного воспитания, оказывается недостаточно (опасность «депедагогизации» общества), то особое значение приобретает управление воспитанием. Чтобы преодолеть эти «сбои», усилить самовоспроизводящий потенциал морали, погасить негативные, иррациональные результаты стихийности, придать нравственному развитию новые стимулы, чтобы овладеть всеми духовно-нравственными ресурсами социалистического общества. Именно это и было ранее определено как «регуляция регуляции», как синтез управленческих возможностей самой морали с управленческим воздействием на нее. И поскольку разговор ведется не просто об управлении процессами нравственного воспитания, а о научном управлении (научном не только в исполнительской технике, но и в научно определяемых целях такого воспитания), поскольку управление не уместается в рамках морального принуждения, социального контроля, предполагая и руководство инновационным нормо-творческим процессом, выработку исторически выверенных ориентаций морального создания, прогрессивного морального мировоззрения, постольку это управление может быть определено как *планомерное, научно организованное использование нормативно-ценностной системы социалистического общества для воздействия на предметную деятельность людей в соответствии с объективными закономерностями этой деятельности и развития морали в интересах общественного прогресса, всестороннего развития личности.*

§ 4. Диалектика объекта и субъекта управления

Признание управленческого подхода к нравственным процессам и организации воспитания влечет за собой неизбежность признания в этой сфере определенного сочетания *субъект-субъектных отношений с объектно-*

субъектными отношениями. Если в регуляции и самоорганизации разделение между субъектом и объектом относительно слабо выражено, является размытым, то при «регуляции регуляцией», при управлении регулятивными процессами такое разделение становится несравненно более четким и недвусмысленным. Именно это обстоятельство и вызывает подчас возражения.

Критика исходит из того, что управление есть такой способ воздействия человека на человека (на группу, коллектив), который основан на их радикальном различии как управляющей и управляемой подсистем единой функционирующей системы. Причем способность (возможность) управлять принадлежит субъекту, а быть управляемым — свойство объекта. Но так как нравственность рассматривается как качество исключительно субъекта, а не объекта, то ею нельзя управлять. Воспитание тоже рассматривается как такой способ воздействия человека на человека, который основан на их принципиальном равенстве, свободе и уникальности каждого. Иначе говоря, воспитание протекает лишь в результате нестесненного общения людей, их межсубъектных отношений. Нравственное отношение, подобно отношению воспитательному, есть общение в совместной деятельности, связь субъектов, а не отношения субъекта к объекту (предмету, средству, продукту), которое является непременно организационным, содержащим известные элементы неравенства, подчинения, решения за других в формальной структуре и т. п. Поэтому, полагает критика, дружба с ее духовным отношением (потребность в другом, притом равная потребность, с сохранением свободы каждого, убереженном неповторимости, незаменимости каждого), с любовью, симпатией и эмпатией является не только идеальной формой общения людей, но и одновременно идеальной моделью нравственных отношений и наилучшей базой для воспитания, независимо от дистанции, которая разделяет воспитателя и воспитанника. Следовательно, управление не есть нравственная по природе деятельность, а воспитание может быть управляемым только извне, если при этом учитывается природа воспитания как результата общения, субъект-субъектных отношений.

В представленной позиции мы вновь сталкиваемся с превратными обликами социального управления. Воздвигаются они на основе одностороннего освещения этого управления, недифференцированных подходов, абсолютизации каких-то его отдельных свойств, смешения природы социального управления лишь с некоторыми - осуждаемыми в социалистическом обществе — его методами, стилями. По многим пунктам данной позиции нами уже были высказаны необходимые возражения. Управление нравственными процессами прежде всего является косвенным, то есть представляет собой куммулятивный эффект социального управления в целом, оказывается таким свойством этого управления, которое свидетельствует о степени (основательности, скорости, естественности, целостности) сориентированности его на коммунистический идеал, на генеральные цели нашего общества. Управление нравственным воспитанием должно, слов нет, максимально считаться с природой нравственно-воспитательной деятельности как таковой.

Вместе с тем нужно еще раз отметить наличие элементов «этического романтизма» в указанной позиции, когда нравственная жизнь воспринимается лишь "на котурнах" в духе гиперморальности. И тогда восстанавливается антиномичность дисциплины, ответственности, контролируемости, утилитарности, принуждения, с одной стороны, - и эти характеристики самым решительным образом отлучаются от понятия "подлинной" морали - и свободы, энтузиазма, добровольности, инициативности, спонтанности - с другой. Повторим еще раз:

это катастрофически сужает сферу моральности, отсекая от нее труд, политику, право, идеологию. Операция по дихотомии делает проблематичной генетическую связь морали с социальными интересами, слишком резко отделяет должное от сущего, автономность морали от ее гетерономности, творческое в нравственной жизни от репродуктивного⁶⁵, мотивацию поведения от его результативности, по всем статьям преувеличивает различия между собственно моральной регуляцией и другими ее способами, в том числе и с помощью обычной⁶⁶.

Уже подчеркивалось, что человек несводим к объекту и что управленческие отношения имеют двойственную сущность: они и объективны, и субъективны. Это означает, в частности, что данные отношения — суть человеческие отношения. В них есть место для проявления самых различных человеческих качеств и свойств, в том числе и моральных. В них «работают» все механизмы человеческого поведения, а значит, и нравственные потребности, соответствующая мотивация, ценностные ориентиры, такие средства самоконтроля, как долг, и совесть. Эти отношения не могут не включать общения, межсубъективные связи.

Воспитательно-позитивное воздействие реализуется в тех управленческих отношениях (отдельных звеньях, узлах, коллективах и т. п.), в которых последовательно соблюдаются социалистические принципы управления. В них централизм предполагает развитие демократических начал, свобода и дисциплина пребывают в органическом единстве. Во всякой совместной деятельности людей, организованной определенным образом, с необходимостью существуют иерархия отношений, противоречивые отношения руководства и подчинения, применяются убеждение и принуждение. В них, следовательно, присутствуют равенство и неравенство в отношении к роли и месту в иерархии, формальные и неформальные связи, ответственность и свобода. В социальном управлении есть служебные, официальные (деловые) отношения и творчески свободные, неофициальные отношения. Если первые регулируются системой служебных регламентов и уставов (что вовсе не означает, будто они непременно должны быть казенными, бездушными, отчужденными), то вторые выходят за пределы данных регулятивов, но вместе с тем пополняют их, сочетаются с ними в качестве опосредованных, слабоорганизованных нравственных отношений. Именно поэтому в процессе социального управления оказываются возможными воспитывающие воздействия, идущие от субъекта и обратно, преодолеваются инстанции, директивность и на передний план выходят неповторимость личности, выполняющей ту или иную роль, функцию, вступающую в связь с другой же уникальной личностью, обретающую в ней (или же необретающую) моральный резонанс. Здесь субъекту противостоит не объект - «безгласная вещь», а такой объект, с которым вступают в диалогическую связь⁶⁷.

Вопрос упирается не в рассечение указанных двух типов отношений и тем более не в их противопоставление в условиях социализма, а напротив, в нахождение способов их оптимального взаимодействия, естественной взаимодополняемости, достижение меры дистанцирования и директивности, избегая при этом разрушения начал организованности путем отказа от известного неравенства руководителя и подчиненного, воспитателя и воспитуемого, отказа от дистанции и официальных отношений, равно как и избегая сведения управленческих отношений исключительно к формальным связям.

Трудно не согласиться с И. С. Коном, когда он помещает ценности дружбы в круг высших нравственных ценностей. Не случайно «нравственное созна-

ние человечества видит в ней не просто частный случай морального отношения, а живое воплощение нравственности, ее персонифицированную сущность, нравственность как таковую»⁶⁸. При этом автор исходит из концепции неинституализированной природы нравственности, согласно которой общими характеристиками морали являются идеальность нравственной санкции, «незаинтересованность» морального мотива, единство действенно-регулятивной и мировоззренческой функции, относительно автономная личность, способная к самостоятельному осознанию, постановке и решению нравственной задачи, и некоторые другие. В дружбе эти характеристики представлены наиболее впечатляющие, что позволяет рассматривать ее как воплощение должного, как эталон и модель оптимального воспитательного воздействия. Заметим, впрочем, что кроме безинституционального подхода к пониманию природы морального феномена существуют и другие подходы, в которых упор производится не только на автономию и мотивацию, но и на регулятивность, солидарность людей, общественную дисциплину, на межличностные отношения *внутри тех или иных организаций*. И тогда персонификацию нравственности, ее сущности мы вправе усмотреть и в других эталонах, скажем, в товариществе, политическом союзе единомышленников, которые проявляются в трудовых, профессионально-коллегиальных и иных отношениях, в ролевых структурах. Все это позволяет понять, почему «при всей интимности дружеских отношений масштаб дружбы определяется, прежде всего, социально-нравственной ценностью деятельности, которой посвятили себя друзья, тех идей и интересов, на которых зиждется их союз»⁶⁹.

Проблема «человек как объект управления» уже получила достаточно широкое освещение в нашей литературе. По авторитетному суждению В. Г. Афанасьева, главным в управлении обществом является именно управление человеком, группами людей в социальных системах. «Управление человеком, людьми в условиях социализма - это рациональная организация их труда, их экономической, социально-политической и духовной жизни, их воспитание в духе коммунистической нравственности»⁷⁰. Автор предложил ролевую интерпретацию человека как объекта управления. «Управлять человеком - это значит, прежде всего, определить место каждого человека в общественной системе, его функции, права и обязанности, его социальную роль... Управлять человеком - это значит также подготовить человека, научить его выполнению своей социальной роли, своих функций, обязанностей, обучить профессии, навыкам общественной деятельности... Управлять человеком - это значит создать каждому человеку самые благоприятные условия (прежде всего на работе, а также в быту) для наилучшего выполнения им социальной роли... Управлять человеком — это значит не только помочь ему выбрать роль и эффективно ее выполнять, но и проконтролировать, как человек выполняет свою роль, при необходимости поправить его, по достоинству оценить результаты его работы... Управлять человеком — это значит воздействовать на него таким образом, чтобы его поведение, дела и поступки отвечали требованиям общества, коллектива, чтобы они были полезны и обществу, и человеку, способствовали прогрессу и общества, и личности... Причем, управляя человеком, субъект управления призван постоянно исходить из того, что сам человек, его постоянное всестороннее развитие и совершенствование являются высшей целью социалистического, коммунистического общества»⁷¹.

Попытаемся теперь выработать определения субъекта и объекта управления нравственно-воспитательными процессами и воспитанием. *Объектом*

оказывается вся совокупность нравственных отношений, активность обслуживающих их институциональных систем и секторов нравственно идеологического процесса. Им является нравственная практика как отдельных лиц, так и групп, а также акции социальных институтов. Что касается субъекта управления, то его можно определить как систему институтов, организации и лиц, так или иначе причастных к обеспечению нравственного развития общества. Понятно, что он не совпадает целиком с субъектом морали, как последний трактуется в философско-этическом анализе. Субъектом управления могут быть семья, школа, трудовой коллектив, товарищеское объединение или ассоциация. Это, так сказать, групповой срез субъекта управления. Но необходимо учесть, что существует и массовый срез субъекта, единицами которого тогда выступают целые социальные общности (классы, слои, социопрофгруппы) или сформированные по территориальному признаку организации⁷².

Обратим внимание на три важнейших момента в понимании проблемы объекта и субъекта. Во-первых, поскольку косвенное, опосредованное управление нравственными отношениями не является специализированным «отсеком» управленческой деятельности (в отличие, скажем, от управления производством, транспортом, образованием и т. п.), в нем *не существуют, не могут существовать специализированные субъекты управления*, как не существуют особая сетка управленческих отношений и структура соответствующих организаций. Речь может идти только о функциях, а не об отдельных его органах. Такую функцию берут на себя *все органы* социального управления, все их целесредственные системы. Поэтому субъект управления нравственными отношениями (процессами) в основном совпадает с совокупным субъектом социального управления в социалистическом обществе. Но с чем связана оговорка «в основном»? Дело в том, что на одних «участках» социального управления концентрируется больше, а на других меньше возможностей для косвенного управленческого воздействия. В зоне прямого управления не только больше возможностей, но и больше организационных звеньев, непосредственно нагруженных управленческими задачами воспитательного плана (образовательные учреждения, службы культурно-просветительного назначения, идеологические учреждения и др.) Это обстоятельство не может не сказаться и на программах управления. Ясно, что дело здесь не просто в соответствующей рубрикации планов и выделении в них необходимых разделов и строк. В первой части книги мы стремились по каждому комплексу проблем (материальное производство, распределительные отношения, урбанизация, потребление, демографическое поведение и т. п.) показать, что существуют или же вырабатываются общесоциальные управленческие программы, которые вместе с тем являются программами в сфере социалистического образа жизни, в области управления воспитательными процессами. Эти программы нацелены на достижение не только собственно хозяйственного, демографического, но и социально-воспитательного оптимума.

Данные рассуждения подводят ко второму моменту в истолковании проблемы объекта и субъекта. Вопрос заключается в том, что субъект непременно иерархизирован и притом многоплановым образом, по различным основаниям для членения. Оказывается, что такая иерархичность субъекта связана и с образованием третьего специфического момента управления: *относительного характера самого различия объекта и субъекта*, которые во многих отношениях совпадают друг с другом, в одном управленческом контуре оказываются объектом, а в другом - субъектом, через множество промежуточных форм (фаз

развития) переходят друг в друга (благодаря чему утрачивают сакраментальность, восходящие чуть ли ни к формуле Платона - " мудрому управлять, а невежественному следовать" - вопросы типа "не посягает ли идея об управлении на принцип морального равенства?", «правомерно ли придать субъекту управления, ЛПР, воспитателю воспитателя статус эксперта в моральных и воспитательных проблемах?» и т. п.).

В указанной иерархии совокупного субъекта ведущее место занимает *Коммунистическая партия*. Все стороны ее политического руководства⁷³ трудящимися массами и прямое управление сферой идеологии обеспечивают наиболее эффективное осуществление исторически назревших преобразований морального сознания и нравственных отношений в направлении их совершенствования и перспективного перевода всей социалистической нормативно-ценностной системы на новую ступень - общечеловеческую мораль коммунизма⁷⁴. Необходим глубокий программно-целевой анализ всего многостороннего комплекса решений руководящих органов партии с точки зрения основополагающих идей, освещающих разноаспектную практику управления нравственно воспитательными процессами.

Субъект управления этими процессами выявляет стратегию воздействия, его основные цели и задачи. Он же определенным образом конкретизирует эти цели в долгосрочных программах с выделением очередности и приоритетов в решении тех или иных задач, отраженных, главным образом, в решениях партийных съездов, в комплексе постановлений руководящих органов партии. Партийные решения не только являются способом формирования конкретных программ действий по управлению, не только обеспечивают практику управления воспитательным процессом, руководящими идеями, формами, методами воздействия, но и сами служат важнейшим средством идейной мобилизации, подъема нравственных сил народа.

Партия не только программирует управление, но и выступает в роли организующего ядра, которое координирует и направляет деятельность всех других субъектов управления нравственным развитием: соответствующих подразделений социалистического государства, общественных организаций (профсоюзы, комсомол, различные творческие объединения и добровольные общества), специализированных воспитательных учреждений, научных учреждений идеологического профиля, средств массовой информации. Она выполняет и функцию организационного обеспечения управления (достижение единства действий органов управления, преодоление их раздробленности, правильная их дислокация, контроль над их деятельностью, подбор и расстановка кадров, экспертиза и т. п.).

Следует специально отметить, что ряд решений руководящих партийных органов имеет косвенный нравственно-воспитательный эффект. Например, все решения по экономической политике, оптимизирующие сочетание общественных, групповых (коллективных) и личных интересов. Другие решения содержат важные моменты для организации управления нравственно-воспитательной деятельностью. В их числе те, что связаны с идейно-политической работой, повышением активности членов трудового коллектива, улучшением организации социалистического соревнования, с патриотическим и интернациональным воспитанием, реформой общеобразовательной и профессиональной школы, с улучшением партийного руководства комсомолом и повышением его роли в коммунистическом воспитании молодежи, с мерами по усилению борьбы против пьянства и другие. Наконец, существуют решения, имеющие прямую на-

правленность на организацию управления воспитанием. Отдельно надо отметить ряд решений руководящих органов компартий союзных республик (о системе нравственного воспитания в коллективах промышленных предприятий - в Белоруссии, о борьбе с протекционизмом - в Грузии, об усилении борьбы с фактами феодально-байского отношения к женщине - в Туркмении и т. д.).

Конкретизация в процессе программирования управления производится на основе научного анализа объективных факторов социального развития, воздействующих на ситуацию нравственной жизни и воспитания. Такое программирование обязано считаться с *возрастающей относительной самостоятельностью развития морали* в зрелом социалистическом обществе. Мы уже отмечали, что это развитие может давать и неоднозначные реакции на те или иные исторические потребности, «вызовы эпохи», на воздействие таких факторов, как интенсификация социальных перемещений, урбанизация, изменения в потребительской деятельности, в демографическом поведении, в формах социализации и т. п. По-разному оно реагирует на усиление одного из этих факторов или отступление «в тень» другого, на колебания в их соотношении. Не существует абсолютно точно вымеренной корреляции между функционированием и развитием морали, с одной стороны, и изменениями в функционировании других подсистем общества, что затрудняет познание объекта управления и даже возможностей самого субъекта. В этой связи новое значение приобретает социальное экспериментирование⁷⁵, позволяющее предварительно «проигрывать» варианты путей достижения программных целей, выявлять долгосрочные и среднесрочные последствия каждого варианта (например, определение зависимости между состоянием трудовой морали и бригадно-подрядным способом оплаты, между состоянием нравов и «коридорной» или же «дворовой» матрицей городских застроек и т. п.). Огромную роль начинают играть исследования в области моральной прогностики⁷⁶.

Для того, чтобы проследить совокупное и раздельное действие факторов (подсистем), обеспечивающих нормальное моральное развитие («моральный порядок», как писал уже упомянутый Ганс Бек), предотвращающих возникновение нежелательных субъекту управления тенденций в нравственной жизни и организации нравственного воспитания, необходимо адекватно учесть целый ряд сложных факторов. К ним относятся: обстоятельства и условия, причины и следствия неравномерности развития отдельных структурных элементов морали, одновременность в установлении ее идеологических и психологических, рациональных и эмоциональных сторон, неполное совпадение формирования политического и морального сознания масс, опережение и отставание в кристаллизации и распространении новых ценностей по различным сферам нравственных отношений, по равным социально-пространственным показателям. Следует иметь в виду противоречивость соединения указанных сторон и элементов морали с другими элементами духовной культуры социализма, со всеми остальными сторонами общественного сознания. Здесь стоит задача преодоления бытующих еще в обыденном сознании поверхностных взглядов на связь экономики, политики и культуры с моралью, на представление о возможности целенаправленных изменений в нравственных отношениях без глубоко эшелонированного материально-организационного и идеологического подкрепления.

Обратимся теперь к проблемам специализированного субъекта управления процессами нравственного воспитания, (его иерархизации и связи с объектом), поставленным в применении уже не к «глобальным объектам», а только

на уровне трудового коллектива. При этом ограничении сразу же бросаются в глаза некоторые дополнительные характеристики. Основные ячейки социалистического общества являются вместе с тем и звеньями управленческих процессов, локальными центрами нравственного воспитания: трудовой коллектив и объект, и средство, и результат такого воспитания, правильного управления им. Партия добивается, чтобы каждый трудовой коллектив вел идейно-воспитательную работу, сплачивал своих членов на принципах коллективизма, органического единства общественных и личных интересов, укреплял трудовую дисциплину и взаимную ответственность. Ведь именно в коллективе происходит концентрация социального контроля над поведением, формируется передовое общественное (групповое) мнение, складываются прогрессивные традиции. Коммунистическая партия и государство осуществляют управление нравственным развитием общества через деятельность партийных организаций в коллективах, которые убеждением и моральной силой примера вовлекают массы в работу по совершенствованию зрелого социализма, борются за преодоление недостатков в организации нравственного воспитания трудящихся⁷⁷.

На данном уровне возрастает *совпадение воспитательной функции управления производством* (учреждением или организацией, если рассматривается непроизводственный коллектив) *с функцией по управлению воспитанием*. Но вместе с тем *большую самостоятельность обретают организационные структуры, реализующие функцию по управлению воспитанием*. В рамках развертывающейся производственной демократии разделительная полоса между субъектом и объектом управления становится в одном отношении все более четкой, тогда как в другом, напротив, размывается. Поскольку управление воспитанием представляет собой функцию всемерного развития демократических начал в управлении производством, его эффективность стоит в прямой зависимости от масштабов вовлечения трудящихся в этот процесс управления производством. Данное явление нашло отражение в Законе о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Через многообразные формы общественного самоуправления практически весь трудовой коллектив так или иначе соучаствует в управлении не только производством, но и воспитанием.

Безусловно, управленческая активность в коллективе не распределяется равномерно: наряду с активом существуют и сравнительно многочисленные инертные группы (многие социологи полагают, что чаще всего пассивность в управленческом плане сочетается и с низкими производственными показателями) и даже лица, ведущие антиобщественный образ жизни. Поэтому реальная - а не формальная - вовлеченность всего коллектива в процесс управления производством и воспитанием является первостепенной задачей развития уровня коллективности в трудовом (первичном и основном) коллективе.

При реализации данной задачи возникает опасность использования морального фактора и нравственного воспитания в качестве некоей «погонялки», удобного средства интенсификации трудовой активности. Это связано «...с абсолютизацией производственной деятельности, подчиненном ей нравственности и приданием трудовым отношениям во всем их многообразии исключительно "функционального, технологического смысла. В этике это отражается в положении о фундаментальном значении отношения к труду в структуре моральных качеств социалистической личности»⁷⁸. Автор справедливо подчеркивает, что «...не воспитательную работу надо объединять с организационной,

хозяйственной и прочей деятельностью, а наоборот, последнюю надо строить таким образом, чтобы она несла в себе вполне определенный положительный социалистический смысл, чтобы она выступала положительным фактором морального развития коллектива и его членов», ибо «...нравственно не осмысленная хозяйственная, социально-экономическая деятельность в любом случае имеет определенный нравственный эффект, в любом случае воздействует на нравы и нравственность коллектива, общества в целом. И если эта деятельность, пусть и обеспечивающая определенные экономические «выгоды», в конечном счете не соответствует, а то и противоречит социальным идеалам и ценностям социализма, ...то специальная организация системы нравственного воспитания, провозглашающего, как обычно, высокие истины, только усугубит отрицательное воздействие «оптимального» хозяйствования на нравственную жизнь общества»⁷⁹.

Обратим внимание на нетождественность организации участия трудящихся в техническом совершенствовании производства и в совершенствовании организации производства и труда, в управлении делами предприятия, учреждения в целом. Если в первом случае, где есть немало недостатков, положение может быть квалифицировано как удовлетворительное, то во втором вовлеченность значительно слабее. Специалисты отмечают, что процесс демократизации идет не только вширь, но и вглубь. Это связано с переходом трудящихся от участия в управлении производством к производственному самоуправлению. Вопрос упирается в стадию управленческого цикла, к которой привлекаются трудящиеся. Сейчас участие в стадии принятия решений протекает преимущественно в совещательной форме. «Она обеспечивает осуществление принципа обратной связи от управляемой к управляющей подсистеме в части предоставления последней информации, нужной для принятия решения. Такое участие масс помогает органу управления аккумулировать информацию, поступающую от коллективов трудящихся, принимать на этой основе оптимальные решения и, опираясь на этот канал информации, эффективно осуществлять учет и контроль за их исполнением... Вместе с тем нельзя не видеть некоторую ограниченность этой формы участия в управлении. Когда решение принимает или изменяет вышестоящая инстанция, когда участники производственного процесса выступают лишь в роли советчиков, мнения которых могут и не найти в нем отражения, то и ответственность за принимаемое решение, его целесообразность и выполнимость ложится прежде всего на лицо, санкционирующее его. Когда решение принимает орган, который будет его выполнять, то и цели, зафиксированные в нем, воспринимаются данным коллективом как свои собственные.

Поэтому демократизация управления производством при сохранении и совершенствовании совещательной формы осуществляется по пути участия масс во всех стадиях управленческого цикла, включая принятие управленческого решения и его корректирование. Это означает, что оно идет по пути перехода к самоуправлению, то есть принятию решения тем трудовым коллективом (предприятия, цеха, участка, бригады), который будет его исполнять. Здесь проблема расширения хозяйственной самостоятельности низовых звеньев смыкается с углублением участия трудящихся в управлении производством, созданием условий, в которых трудящийся в полной мере чувствовал бы себя хозяином его»⁸⁰. Автор приведенного отрывка справедливо подчеркивает, что именно в этом случае воспитательный характер хозяйственной деятельности проявится в максимальной степени, а сейчас данная тенденция выража-

ется, во-первых, в организации социалистического соревнования (обязательства принимаются не администрацией, а самими соревнующимися, они исходят не от управляющего, а от самоуправляемого субъекта и являются не директивой, а проявлением моральной ответственности) и, во-вторых, при разработке встречного плана, так как управленческое решение органично вплетается в отношения планомерности, координируется с управленческими решениями вышестоящих и смежных предприятий и организации. Все направления развития демократических начал сходятся как в фокусе в бригадах — подлинных самоуправляемых коллективах. Речь идет о бригадных формах труда по единому наряду с оплатой по конечному результату и с учетом участия каждого. В таких бригадах коллектив шлифует нравственные качества людей, реализует принципы коллективного наставничества и индивидуального подхода к каждому члену коллектива. В этих бригадах осуществляется добровольность ассоциации, действует сложный, но исключительно важный механизм общения и коллективизма по новым организационным «сетям», достигается «наложение» формальной и неформальной структуры, официальных и неофициальных отношений. Если такой бригаде доверено противостоять группистским тенденциям и она способна отстаивать свою хозяйственную независимость от некоторых ретивых администраторов, то в ней создаются наиболее благоприятные условия для управления нравственным развитием и воспитанием людей. «Социалистические обязательства и встречные планы, бригадная система организации труда существенно меняют характер участия масс в управлении. Его нельзя представлять простым размежеванием управленческих функций между государственным аппаратом и трудящимися. Последние не просто берут на себя часть функций управленческого аппарата, а управляют вместе с ним... Вместе с тем было бы неправильно представлять себе коммунистическое самоуправление как принятие децентрализованных, не связанных между собой и не подчиненных единой цели управленческих решений отдельными индивидуумами и коллективами»⁸¹.

Научной этике еще предстоит изучить все эти процессы, вступая при этом в тесную кооперацию с социологическими и социопсихологическими теориями трудового коллектива. Об этом еще будет сказано в третьей части книги, а пока отметим только оригинальную программу исследований этико-прикладного характера, предложенную кафедрой этики и эстетики Ленинградского университета⁸². Она предполагает: а) категориальный анализ параметров нравственной жизни коллектива; б) структурную и содержательную характеристику основных сфер нравственной жизни трудового коллектива; в) разработку методов анализа и оценки состояний нравственной жизни коллектива путем создания статистической и динамической модели; г) изучение форм и средств управленческого воздействия на эту жизнь (проблемы морально-психологического климата, методов и форм нравственного воспитания, пути перехода от одного уровня нравственной жизни коллектива к более высокому, способы содействия формирования активной жизненной позиции, перевод теоретических результатов на язык практических общественных организаций, непосредственно выступающих в роли субъекта управления и т. п.).

Известное представление о трудностях, возникающих на путях этих коопераций и исследований, даст одна только попытка понять природу коллективного морального сознания и нравственных отношений. За небольшим исключением (Иванова В. Г. Коллектив и личность. Л., 1971), специальных работ в области нравственной жизни коллектива - как обязательной предпосылки собст-

венно управленческих исследований - наша этика не имеет, дискуссии по данной проблематике ведутся сравнительно вяло. В литературе широко принята схема, выделяющая общественное (классовое), групповое и индивидуальное (уникальное) моральное сознание. Такая схема сама собой подводит к мысли, будто моральное сознание трудового коллектива и есть групповое сознание. Такое предположение, однако, строится, во-первых, на семантической основе и тогда представляется самоочевидным, что моральное сознание коллектива может рассматриваться как совокупность наличных моральных воззрений, мотивации, поведенческих стереотипов, «языка» морального общения и т. п. Иначе говоря, исследователи исходят из объемного показателя, что делает все определение в известном смысле поверхностным, не лишенным тавтологичности (коллективное сознание - сознание коллектива). Во-вторых, существует множество классификаций социальных групп и, следовательно, вопрос о природе коллективного морального сознания все еще остается открытым. В самом деле, любой коллектив - это группа, но не всякая группа - коллектив. Иногда коллективное сознание определяют не как групповое сознание, а как сознание общности, что обязывает признать существование коллективов, которые лишь с натяжкой могут рассматриваться в качестве группы (например, возрастные, национальные, профессиональные общности). Необходимо, стало быть, провести работу по соотнесению типологий групп и типологий коллективов. В-третьих, легко предположить о существовании принципиально иных способов делений. Так, Б. А. Грушин выделял массовое и немассовое сознание и только некоторые разновидности массового сознания в этом случае можно признать коллективными. Немассовое или специализированное сознание тоже может быть коллективным, когда оно ориентирует поведение при актах технологически упорядоченных действий и при актах, жестко нормированных формализованными организациями.

Определение и характеристика нравственной жизни трудового коллектива обязаны учитывать (хотя и не обязательно должны включать во избежание громоздкости) следующие моменты: а) отличия трудового коллектива от коллективности других типов; б) указание на относительность замкнутости нравственной жизни коллектива, то есть на ее связи с более широкими нравственными процессами; в) итоги анализа динамики этой жизни, иначе говоря, этапы становления и уровни развитости самой коллективности; г) указание на разнородность нравственных процессов в коллективе, которые покидают рамки немассового поведения, границы только трудовой, профессиональной и служебной морали, что приводит к многообразным «выходам» на проблемы группового нормотворческого процесса; д) диалектику локальных переходов объекта и субъекта управления, социального контроля, воспитания. Все эти моменты очень важны для понимания природы социального управления.

§ 5. Теоретические модели управления нравственными процессами: краткий обзор

Подобно другим видам социального управления воздействие на мораль, как уже говорилось, должно опираться на глубокое и всестороннее знание закономерностей развития нормативно-ценностной системы общества, реальных состояний и динамики нравственных процессов на индивидуальном, коллективном и надколлективном уровнях. Первоочередного внимания в этой связи заслуживает определение степени готовности ведущих звеньев этического знания, его категориального аппарата к позитивному исследованию всей дан-

ной проблематики, хотя общая оценка такой готовности - приходится сказать об этом сразу же и без обиняков - дает мало оснований для фанфарных заверений⁸³. Нам представляется, что сейчас достаточно рассмотреть только две наиболее влиятельные в нашей этике модели построения общей теории морали⁸⁴.

Первая - **функциональная** - модель трактует мораль как специфический регулятивно-неинституциональный механизм, предназначенный для гомеостазиса общества. Эта модель непосредственно выделяет управленческую природу морали, так как строится на анализе ее особенностей как средства регуляции поведения людей в сравнении со всеми другими средствами социальной дисциплины и контроля. Мораль — это «управление всеми всех». Отсюда следует, что «задача практического приложения этической науки ставится на реальную почву лишь по мере разработки теоретического аппарата этики, отвечающего сложности и тонкости нравственных механизмов регуляции, при адекватном понимании того, как эти механизмы действуют в реальной жизни и соотносятся с экономическими, организационными, административно-правовыми, политическими и иными социальными регуляторами, образуя тем не менее особый, весьма своеобразный процесс моральной детерминации поведения»⁸⁵.

Понять в рамках данной модели построения общей теории морали практическое приложение этики возможно лишь тогда, когда будет должным образом понята сама мораль с управленческой точки зрения, то есть действительная ее сущность, место в обществе, в жизнедеятельности отдельного человека, когда мораль «вписывается» в панорамную и пеструю картину социальной регуляции и означает, по сути дела, управление поведением. Естественно, при таком подходе объектом управления, его «полем» оказывается вся социально организованная жизнедеятельность, но особенно тот ее сектор, который представляет массовое общение людей. Причем этот объект управления оказывается общим для морали, права, политики, обычаев и других источников регулятивной активности. Субъектом же регуляции, а следовательно, и управления, выступают сами люди и те социальные институты («моральные лица»), которые опосредуют их общение между собой. «Спусковым механизмом», непосредственной волепринуждающей инстанцией служат общественное мнение и убеждения личности. В этике обнаруживается модельный аналог данного процесса: объект управления - нравственные отношения и деятельность, а субъект управления - моральное сознание.

В представленном эскизе мораль не просто регулирует массовое поведение в заданных посредством нормативных границ пределах (в подлинном смысле этого понятия регулирует только обычай), но и действительно управляет этим поведением. Общественное мнение и нравственные убеждения (совесть) личности анализируют потенции, направленные на совершенствование нравственной жизни, превращают их в сознательный и морально санкционированный ориентир поведения. И все же при более пристальном рассмотрении оказывается, что в рамках данной модели не только отсутствует управление воспитанием и взаимодействие его с управленческим потенциалом самой морали, но и последний сводится к управлению моральным выбором, не более. Нормативно-ценностная система активно воздействует на мотивационную сферу этой личности, определяя диапазон и установки морального выбора, форму и характер моральной решения.

Такое управление выбором является постольку управлением, поскольку

опирается на две важные предпосылки: протоуправление со стороны нравов и наличие самоуправления личности. Иначе говоря, такое управление моральным выбором охватывает только «среднее звено» всей системы регуляции поведения, которая увязывает обе указанные предпосылки в цельную подсистему. Следует учесть и то, что даже в моральном выборе личности далеко не все параметры поддаются управленческому воздействию. Эти воздействия направлены на отдельные аспекты нравственной активности (информация о допустимости, желательности в выборе, уровни обычного и высшего в нем, нормативное и мировоззренческое его обеспечение и т. п.). Они программируют нравственное развитие личности, прочерчивают пути ее совершенствования. Такого рода двойное воздействие оказывается возможным потому, что в самой нормативно-ценностной системе содержатся в явных формулировках (или же латентно - в виде кодов, моральной символики) средства, способные оказывать данное воздействие на субъект морального выбора и на условия его социального бытия.

С одной стороны, результат подобных управленческих воздействий как будто бы достаточно эффективен, поскольку моральный выбор оказывается контролируемым процессом. В самом деле, моральное сознание личности образует как гирокомпас удивительной чуткости, устойчивости и огромной сориентированности в сложном лабиринте мира социальных ценностей. Как свидетельствуют криминалистические исследования, даже в сознании закоренелого преступника этот механизм никогда не «выключается» полностью. Но с другой стороны, с упрямой эмпирической очевидностью обнаруживаются «сбои» в управлении моральным выбором. Объясняется это, во-первых, тем, что объект управления оказывается слишком узким в сравнении с масштабами социальных задач по управлению поведением - вся представленная ранее панорама нравственной жизни служит непосредственным свидетельством тому. Для обеспечения эффективности управления моральным выбором оно само должно быть включено в процесс управления социальными условиями, факторами и субфакторами жизни личности, всем длительным (продлевающимся все дальше и дальше) и противоречивым процессом ее социально-нравственного воспитания (социализации, формирования, развития). Во-вторых, «сбои» объясняются и тем, что интериоризация ценностей и филогенез личности все еще во многом не согласуются друг с другом. По ряду конкретных причин воспитательная система зачастую оказывается неспособной отстоять авторитет, «святость» и непреложность социально одобренных моральных предписаний, что ведет к негативизму особого рода («мораль, хотя и правильна, но слишком сурова и абстрактна, между тем жизнь требует совсем другого», что представляет собой парафраз классического изречения - «вижу и одобряю лучшее, но следую худшему»).

Завершая рассмотрение первой модели, заметим, что она в сильной степени тяготеет к этико-педагогическому приложению, и все состыковывающие «швы» представляют исключительный интерес в русле энергичной и основательной разработки управленческой тематики в этике. Вопрос ставится не о простой аппликации положений теоретической этики, развиваемых в рамках данной модели, на решение воспитательных проблем, а о разработке прикладной синтетической и самостоятельной теории нравственного воспитания, отбывающей возможности научного управления им путем создания соответствующей «технологии»: моделей, обоснований, рекомендаций по целенаправленному преобразованию нравственной деятельности. Об этом приложении

уже шла речь в первой части книги, когда рассматривался вопрос о "педагогической этике В. Момова". Предназначена она для того, чтобы надлежащим образом регулировать педагогическую деятельность (точнее - педагогический воспитательный аспект любой деятельности). Перед этой теорией встают задачи обоснования научной цели и программы нравственного воспитания, рациональной организации и информационной структуры нравственно-воспитательного процесса, анализа его ситуаций, режимов, форм и методов, создания нормативно-оценочной системы для регуляции педагогической деятельности⁸⁶. Мы полагаем, что такая система представляет собой профессиональную и не профессиональную этику воспитания, направленную на оптимизацию этого воспитания как совокупности в основном стихийно сформировавшихся норм и ценности воспитательной деятельности⁸⁷.

Педагогическая этика, полагает В. Момов, должна не только задавать целевые ориентиры воздействия и не только «технологически» обеспечивать их достижение, но и проектировать систему «параллельных воздействий», опирающихся на: а) положительные влияния социальной среды и б) на подсистему воздействий, блокирующих отрицательные воздействия среды. Стало быть, вопрос упирается в создание регулятивного комплекса воздействий на личность, обеспечивающего устойчивую регуляцию при любом - вплоть до «аварийного» - влияния среды на личность. В этом комплексе болгарский этик выделяет три группы: во-первых, социоконтрольных воздействий, во-вторых, коррегирующих воздействий, нацеленных на преодоление деформаций в объекте воспитания, в-третьих, компенсирующих воздействий, направленных на преодоление негативных влияния буржуазной идеологии, пережитков прошлого, отрицательных последствий НТР, субъективистских промахов в самой воспитательной практике (формирование идейно-психологического иммунитета, стабилизация духовного мира личности). Все три указанные части программы обеспечивают «оптимальное управление идейно-воспитательным процессом»⁸⁸.

Перейдем теперь ко второй - **структурной** - модели, в рамках которой мораль рассматривается как особый и совершенно уникальный способ духовно-практического освоения мира человеком, совершаемого в логико-рефлексивной, эмоциональной и подсознательной формах с помощью дихотомического восприятия всей социальной реальности в форме квалификации ее как добра или зла⁸⁹. Очевидно, что в данной модели механизм внутриличностного управления поведением описывается более конкретно, чем в первой модели. Прежде всего потому, что он выступает не только как механизм морального выбора, но и охватывает всю совокупность нравственно-идеологических и нравственно-психологических образований морального сознания.

Можно ли построить управление моральным выбором личности таким образом, чтобы объект управления не смог бы не «открыть» для себя аксиологической Вселенной? С позиций первой модели на этот вопрос, по всей видимости, придется дать отрицательный ответ. В самом деле, если протоуправление со стороны нравов создает необходимые предпосылки, то можно ожидать «открытия» аксиологической Вселенной; но если же оно не выработает, не сформирует эти предпосылки, то сама по себе система нормативно-ценностного ориентирования не сможет обеспечить такого "открытия". С точки зрения второй модели дается более гибкое понимание процессов взаимодействия общественной, групповой и индивидуальной морали, позволяя разработать исторически конкретные сценарии развития структур нравственного соз-

нения (об этом мы уже писали в первой части книги).

При таком подходе внимание фокусируется скорее на "топографии" морального сознания, чем на динамике отношений между общественной, групповой и индивидуальной нравственностью, но вместе с тем возникает возможность обнаружить глубокую детерминированность морального сознания, отразить в структуре этого сознания весь объем условий формационного существования, социально-типологических отношении, ценностных характеристик вещно-предметного и идейно-психологического мира. Это означает, что управление моральным становлением личности (социализацией, воспитанием) с формационной точки зрения обладает несомненной надежностью. Личность не может не «открыть» мораль, и эта открытая ею ценностная картина мира будет моралью «общепопулярного языка» и «взаимной зависимости».

Правда, в эпоху всемирно-исторического перехода от последней классово-антагонистической формация к коммунистической, когда «формационная чистота» практически оказывается почти недостижимой⁹⁰, нельзя удовлетвориться анализом только осевой линии детерминации нравственного поведения личности. Необходимо держать в поле зрения и побочные силовые линии детерминации морального сознания, оказывающие огромное влияние на его типологические характеристики. Анализируя нравственную жизнь современной эпохи, нельзя ограничиться лишь сущностным рассмотрением общей ее детерминации базисными процессами. Продвигаясь от сущности к явлениям, к феноменологии морали, т. е. к изучению состояний общественной нравственности и моральной динамики, оказывается необходимым и переход к анализу непосредственной причинности этих состояний и динамики. Очевидно, что этиология выступает здесь в качестве конкретной совокупности огромного множества воздействующих факторов. В их числе оказываются как локальные, так и общецивилизационные факторы, которые можно представить в виде двух взаимосвязанных групп: факторов образа жизни, присущих данным цивилизациям, и соответствующих им общедемократических социальных движений, которые в борьбе со своими антиподами оказывают специфические воздействия на нравственную жизнь эпохи. К первой группе можно отнести все грани глобальной проблематики, различные стороны взаимоотношений техники и общественной нравственности, исключительно тонкую и многообразную систему кровеносных связей между здоровьем психосоматическим и нравственным, существенные изменения в самом человеке как объекте нравственно-воспитательной деятельности, в способах его нравственной социализации, глубокие перемены культурных парадигм в демографическом поведении, в формах потребительской и рекреационной деятельности, в способах регуляции нравственного общения. Ко второй группе следует, на наш взгляд, отнести нравственные аспекты движения за мир, демократию, национальное освобождение, равенство полов, возрастов и профессий, а также множество других течений по частным вопросам нравственной жизни современной цивилизации, в свою очередь порождающих «этику организаций», «этику энвайронмента», «этику науки» и др.⁹¹ Однако вторая модель продемонстрировала свои эвристические возможности не только в ретроспекции (анализ феодальной и буржуазной моральной системы), но и выявила свое предметное родство с *социологией морали*, "подстраховав" ее со стороны общей концепции морали, обеспечив методологическую поддержку идеи нормативно-ценностной системы общества.

Если, как показал А. И. Титаренко, мораль является духовно-практическим способом освоения мира, специфическим инструментом ориентации

личности в исторически определенной жизненной среде, то ясен и вывод: каким оказывается социальный мир в терминальных характеристиках, такими же оказываются и нравственные характеристики людей, их отношения, потребности, цели, побудительные и оправдательные мотивы, намерения, дозволенность или недозволенность средств. Мораль в этом случае представляет собой «отливку» человеческой природы в формы, образуемые деятельностью по воспроизведению и развитию социальных условий и отношений между людьми. Раз это так, то управление предстает перед нами как управление процессом формирования всего нравственно-психологического мира. Объект и субъект такого управления предельно широки - все общество и «весь» индивид. Управленческая природа морали просматривается особенно наглядно - она способна быть руководителем (а не просто ограничителем или поводырем) для человека там и тогда, где и когда не могут оказывать на него направляющего воздействия все остальные регулятивы (проблема «незаменимости моральной регуляции»), что, отметим попутно, обеспечивает морали «место под солнцем» вне зависимости от того, какая форма общественного сознания выступает лидером духовной жизни в рамках той или иной социальной организации.

Если первая модель создает режим «наибольшего благоприятствования» для темы о морали как управленческом механизме, которая тяготеет к этико-педагогическим приложениям, то вторая модель содержит выходы на тему об «управлении моралью» и хорошо может быть соединена с исследованиями по социологии морали. Последние же имеют прямые связи с управленческими проблемами в самом широком смысле, нацелены на познание реальных состояний нравственного сознания и отношений на макро- и микроуровне, на изучение тенденций их развития, на «взвешивание» всех факторов, воздействующих на данные тенденции, на движение нормативно-ценностной системы в целом. Если первая позиция управления, как мы видели, в состоянии сформулировать реальные рекомендации, выдвинуть технологические проекты при согласовании различных средств воздействия на личность и коллектив в их непосредственном окружении, то возможности второй позиции могут быть продуктивно использованы при формулировании общесоциальных кодексов морали, планировании идеологической деятельности в масштабах общества (страны), вообще всех тех социальных воздействий на человека, которые несут на себе заряды ценностного убеждения, направленного влияния на сложившийся образ жизни.

Наряду с углубленными изысканиями в области теории морали с их последующими приложениями в этико-педагогическом и этико-социологическом направлениях необходимыми оказываются и специальные этико-управленческие исследования. Во многом они совпадают с традиционными «сюжетами» этики, выступающими в этом случае под особым целевым углом зрения. Но здесь наращивается и новое качество, продиктованное современными потребностями социального управления вообще и управления идеологической работой, в частности. Здесь - зона состыковки, содружества и, возможно, даже синтеза этико-управленческих исследований с общей теорией социального управления, теорией управления идеологическими процессами, теорией духовного производства и управления им, теориями партийного и государственного строительства, с рядом разделов и секторов педагогики, социологии, социальной психологии и, конечно, теорией научного коммунизма.

ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

§ 1. Социально-технологическое знание

Конституирование социально-технологического знания на общем фоне современной науки и культуры отражает тенденцию «встречного движения» теории и практики социального управления в целом и в отдельных его сферах, выражающуюся в особом внимании к научному осмыслению (и практическому внедрению его результатов) технологической стороны человеческой деятельности, к исследованию таких черт современной ситуации, о которых говорится с помощью выражений «технологическая эпоха», «эра технологии», подразумевая при этом не только и не столько производственную, сколько социальную технологию. За последнее десятилетие в управленческой литературе накапливаются монографические исследования, посвященные связям общественных наук и социальной технологии⁹², технологии социального управления⁹³, технологическим аспектам теории управления идеологическими процессами⁹⁴. Авторы этих работ убедительно обосновали плодотворность данного направления, продемонстрировали его позитивный потенциал и способность организовать критику соответствующих буржуазных концепций.

Термин «технология» является сегодня атрибутом активного фонда словарного запаса интеллигентного человека, оставаясь, однако, даже интуитивно ясным далеко не для всех. Тем более это относится к понятию «социальная технология». Анализ работ, посвященных различным отраслям обществознания с точки зрения социально-технологического аспекта исследования⁹⁵ показывает, что это понятие употребляется сегодня весьма широко, причем разнообразие его трактовок интегрируется положительным ответом на вопрос о правомочности и эффективности понятия «социальная технология», его критической направленностью против немарксистских концепции. Что же касается возможности выделения инвариантного содержания данного понятия, то, представляется, оно может быть организовано вокруг целесредственного аспекта социального управления, во-первых, и, в соответствии с этим, социально-технологическое знание имеет своим предметом разработку средств, путей, механизмов, процессов практического воздействия теории, ее оборачиваемости в методы решения управленческих задач, во-вторых. Подчеркнем, что мы акцентируем здесь характеристику социальной технологии как знания, ибо нередко в литературе обнаруживается его отождествление со своим предметом.

В то же время мы вынуждены считаться с возможным психологическим барьером в сознании читателей книги, обнаруживающих использование нетрадиционных понятий в характеристике проблематики обществознания, привыкших относить понятия «технология», «проектирование» и т. п. (как в предыдущих главах было с понятиями «управление воспитательными процессами», «духовно-практическое производство человека» и др.) к проблематике естественных и технических наук, технологических по своей природе. Действительно, практически в каждой очередной публикации о проблемах социальной технологии ее автор отмечает наличие оппонентов у данного термина и соответственно приводит защитные аргументы и контраргументы. Группировка тех и других

аргументов производится вокруг доказательства нетождественности технологии социальной и производственной и в связи с демонстрацией неправомерности отказа от термина на том основании, что он используется и в буржуазных концепциях. В итоге создается возможность преодоления не только чисто психологических стереотипов - «барьера» против трудно ассимилируемого обществознанием понятийного аппарата, корнями своими выходящего из естественных наук, наук кибернетического плана, системотехники и т. п., но и критики внеисторической реакции на предлагаемые обществознанием социально-технологические нововведения.

Не ставя в данной работе специальной задачи полемики с оппонентами понятий «социальная технология» и «социально-технологическое знание»⁹⁶, выделим прежде всего нередкий факт «заземления» научного понятия и соответственно придание ему обыденного, «легко опровергаемого» оппонентами, неадекватного научному смыслу. Уточняющие в этом плане замечания делают авторы, посвятившие социально-технологической проблематике монографические исследования. Каждый человек, - отмечает Н. Стефанов, - пользуется термином «технология», трактуя его с позиции житейских представлений: через связь с машинами, трубопроводами, механическим воспроизведением вещей⁹⁷. И хотя это слово пережило интересную историю, изменив существенно свой смысл, оно все равно переосмысливается чаще всего лишь с позиций изменений в производстве. «Представим себе, - отмечает это обстоятельство М. Марков, - что беседу ведут древнегреческий мастер, европеец времен мануфактурного производства и наш современник. Каждый из них будет удивлен «неточным» употреблением слова двумя другими, ибо каждый будет мыслить категориями своего времени»⁹⁸. Как видим, именно исторический факт возникновения и развития технологии - технологического знания - в сфере материального производства породил представления о тождественности технологии и индустриальной деятельности. И эту традицию нельзя просто проигнорировать. Необходимо, однако, не забывать, что с одной стороны, первоначальный (у греков) смысл слова не был сугубо производственным: «технэ» у Аристотеля, как отмечалось в вводной главе, это - знания об умении, мастерстве в самом широком смысле слова, искусство выбора средств, методов, операций и т. д.

С другой стороны, и современный смысл слова «технология» не исчерпывается производственной сферой. Наряду с индустриальной технологией мы имеем дело и с технологией образования, технологией организационной деятельности, с технологией иных сфер социального управления - во всех случаях применения теоретического знания для реализации практически-управленческих задач с точки зрения обслуживания цикла «заказ - разработка - внедрение». В этом смысле можно говорить о социальной технологии «с полным основанием»⁹⁹.

Что касается опасности «идти на поводу» у буржуазных теоретиков, использующих данный термин, то в марксистском обществознании «социальная технология» имеет, как показано в целом ряде работ, совершенно иную идеологическую окраску и направленность. Конкретно-исторический характер прикладного общества - знания, его классовая природа позволяют марксистской теории убедительно разоблачать всякого рода спекуляции, особенно с идеологическими целями, заключающимися в претензиях на преобразование капиталистической формации без социальной революции. В то же время более глубоко осознается и позитивная эвристическая возможность социально-технологического подхода. Более того, «технология превращается в один из

самых надежных союзников социализма»¹⁰⁰.

Однако само по себе формальное признание социальной технологии только первый шаг. Необходимо выявить и проанализировать ряд проблем, возникающих в ситуации, когда обществознание стремится наряду со своими общеметодологическими и мировоззренческими функциями развивать еще и функцию непосредственного преобразующего воздействия на практику социальной жизни. Дело в том, что для реализации этой функции обществознание должно развиваться в виде единого научного комплекса фундаментальных и прикладных теорий, развернуть такие структуры, которые обеспечивают наряду с построением модели исследуемой *действительности* разработку *программ ее преобразования*. Речь идет о создании практически значимой научной продукции, аналогичной той, которую выдают технические науки как опосредствующее звено между естествознанием и практикой. Не имея достаточного опыта такого рода исследовательской деятельности, «социальная технология» апеллирует к общенаучной методологии философского и науковедческого плана - именно философской теории и «науке о науке» приходится решать вопрос о превращении научного знания в непосредственную производительную силу, характеризовать цикл «наука - практика», в котором свое место занимает прикладное знание. Обращение к точке зрения науковедов целесообразно еще и потому, что в первых этических работах, рассматривающих проблемы этико-прикладного знания, их авторы стремятся учесть *общенаучные основания выделения прикладного знания*.

Представляется, что сегодня уместно заострить вопрос о существовании двух видов науки: «наука для открытий» и «наука для использования». Первую называют «чистой», а вторую - «прикладной». Большая Советская Энциклопедия представляет связь и различие фундаментальной и прикладной наук следующим образом: «По своей направленности, но непосредственному отношению к практике отдельные науки принято подразделять на фундаментальные и прикладные. Задачей фундаментальных наук является познание законов. Эти законы, структуры изучаются в «чистом» виде, как таковые, безотносительно к их возможному использованию... Непосредственная цель прикладных наук - применение результатов фундаментальных наук для решения не только познавательных, но и социально-практических проблем»¹⁰¹.

В свою очередь, следует различать два значения понятия «прикладная наука». Одно из них характеризует роль науки в междисциплинарных связях и взаимопомощи - применение результатов одной науки для решения проблем другой науки; второе - функции науки в отношении к практической деятельности человека. В последнем случае соотносительными оказываются понятия «фундаментальная - прикладная наука»¹⁰². В последующем изложении будет использоваться преимущественно второе значение понятия, поэтому естественно рассмотреть соотношение фундаментального и прикладного знания (исследования) для характеристики особенностей прикладной науки.

С этой целью прежде всего подчеркнем, что вся абсолютность и относительность их различия концентрируется вокруг характеристики науки как непосредственной производительной силы и выявляется с помощью выделения в научном знании функций исследования и проектирования. В специальных работах, посвященных характеристике «непосредственная производительная сила», выдвинут целый ряд подходов и соответственно признаков, обуславливающих такого рода квалификации научного знания¹⁰³. Представляется наиболее плодотворной позиция, согласно которой путь превращения науки в непо-

средственную производительную силу - формирование проектирования в собственную функцию науки. Исследователь в таком случае становится «генератором программ», ориентирующим свою деятельность на такой конечный результат, который дает способы эффективного удовлетворения потребностей общества¹⁰⁴. Речь идет о такой связи теории и практики, когда исследование научных проблем имеет своей непосредственной целью обеспечить *проектировочную* деятельность.

Каким же образом выделение проектирования как непосредственно цели исследования позволяет различать фундаментальные и прикладные теоретические знания? Если обратиться к науковедческим работам, в которых проводится поиск признаков, выделяющих прикладные знания, можно обнаружить предложения относить знания к фундаментальным, техническим или прикладным по: а) признаку, отмечающему степень абстрактности и конкретности знания; б) признаку, в котором отражено нарастание субъективного момента в знании; в) по предметно-методологическому признаку, который подходит к научному знанию с вопросами: что познается? как познается? для чего познается? Вот этот последний вопрос, явно подчеркивающий целевой аспект познания, или, в терминах системного подхода, «конечный продукт» науки, является наиболее важным для определения оснований деления знания и исследования на фундаментальное и прикладное. Ответ на него позволяет распределить знание по циклу, описывающему движение от науки к практике: фундаментальная наука - прикладная наука - техническая наука - производство¹⁰⁵.

Однако такого рода операции дают признаки необходимые, но недостаточные, ибо конкретизации требует и сам «целевой» признак. Так, например, в Большой Советской Энциклопедии в уже цитированной статье говорится, что «непосредственная цель прикладных наук - применение результатов фундаментальных наук для решения не только познавательных, но и социально-практических проблем». Очевидны ли сформулированная здесь цель прикладной науки и ее средства? Можно ли просто «применить» результаты фундаментальной науки? Кроме того, всегда ли есть в наличии сами эти результаты? Так, в открытой на страницах «Литературной газеты» дискуссионной рубрике «Прикладная наука: престиж и люди» отмечалось: «Что же мешает ученому-прикладнику беспрепятственно черпать из сокровищницы накопленных человеком знаний? А то, что в сокровищнице этой - все, что угодно, кроме необходимого для решения конкретно прикладной задачи»¹⁰⁶.

Отметим, далее, что дихотомия «фундаментальное исследование - прикладное исследование» лишь упрощенно отражает структуру процесса движения науки и практики. Так, Г. Н. Волков по критерию приближенности науки к производственной деятельности выделяет 7 звеньев: «дологические предпосылки исследования, методологические исследования, фундаментальные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, производственные исследования, изобретательская и рационализаторская деятельность»¹⁰⁷.

Характерно в этом случае, что прагматичность цели исследования в научной деятельности - качество, возникающее не спонтанно, а постепенно накапливающееся на разных участках цепочки «наука - практика». Так, на стадии фундаментальных исследований субъективное целеполагание может и не существовать даже в том случае, если результат имеет в конечном счете практический эффект. И даже этап прикладного исследования сразу не дает максимального практического ориентирования. «Вопрос о практическом использо-

вании научных результатов, - пишет Г. Н. Волков, - обретает некоторую определенность на стадии прикладных исследований», которые, с его точки зрения, «характеризуются более или менее высокой уверенностью в успехе заранее запланированных и ведущихся в определенном аспекте работ»¹⁰⁸.

И, наконец, недостаточность характеристики прикладного знания как простого применения результатов фундаментальных исследований, необходимость конкретных ответов на вопрос о возможности такого «применения», о путях и пределах «перевода» фундаментальных знаний в прикладные, об иных источниках прикладного знания обнаруживается при соотнесении функций исследования и проектирования в технологическом процессе научного обеспечения практической деятельности, при анализе механизма трансляции научных результатов в программы, проекты, методики деятельности и способа внедрения такого рода научной продукции. «Ограниченность традиционного противопоставления фундаментальных и прикладных наук, - пишет В. В. Чешев, - состоит в том, что обычно исходят из «исследовательской позиции», т. е. из различия исследований, осуществляемых в тех или иных науках. Поэтому поиск способа применения на практике теоретического знания понимается чаще всего как исследование различных вариантов технологии и т. д. Сам процесс применения знаний на практике остается нераскрытым, и невольно создается впечатление, что, располагая фундаментальными знаниями, мы непременно получим хорошее решение практической проблемы. Между тем процесс практического использования знаний достаточно сложен. Первый шаг к постижению его специфики требует отказа от односторонней «исследовательской позиции», характерной в прошлом для академической науки. Представление об исследовании необходимо дополнить представлением о проектировании как о процессе мысленного построения будущей экономической, технической, социально-технической структуры и подготовки всей документации, необходимой для реализации проекта... Прикладные науки выражают подход проектировщика к своим объектам и являются прежде всего инструментом проектировочной деятельности»¹⁰⁹.

За выводом о такого рода технологическом критерии отличия прикладного знания стоит представление о коренном изменении парадигмы современной научной деятельности. Обратившись к мнению экспертов по этому вопросу, мы обнаружим соответствующие убедительные аргументы. Так, в условиях ориентации науки как непосредственной производительной силы на разработку эффективных способов удовлетворения социальных потребностей в целом конечные результаты науки заключаются, по мнению В. Н. Сагатовского, в создании программ, управляющих достижением конечных народнохозяйственных результатов. Развивая свою позицию, автор пишет: «Мы, конечно, далеки от того, чтобы отрицать относительную самостоятельность исследовательского этапа, тем более фундаментальных исследований: наука не может развиваться без внутреннего «задела» и свободы поиска. Но акцент все же надо делать на то, что эта относительная самостоятельность существует в рамках единой системы, критерием действенности которой является ответственность перед обществом»¹¹⁰. На сходной позиции стоят В. Л. Лекторский и В. С. Швырев: «...есть все основания утверждать, что специфической чертой современного этапа в развитии науки понимаемого как определенная типологическая стадия научного познания, является проективно-конструктивный характер теоретического сознания по отношению к практической деятельности...»¹¹¹. По мнению Н. Стефанова, «интенсивный процесс дифференциации научного знания приво-

дит к формированию качественно новых феноменов, научных знания и отдельных научных дисциплин, которые имеют объектом исследования непосредственный инструментальный практической и теоретической деятельности человека. Можно без преувеличения сказать, что появление таких знаний является в определенном смысле индикатором зрелости научной мысли, ее способности преобразовать мир»¹¹².

Последнее суждение возвращает нас к проблеме социально-технологического знания, для обсуждения которой мы обращались к опыту науковедения. Основанием для этого является характерное для становления науки как непосредственной производительной силы в условиях органического слияния достижений НТР с преимуществами социализма распространение проектировочной деятельности на все основные сферы общественной жизни. Сравнительный анализ практической - прикладной - ориентации науки, выполненный Г. Н. Волковым, показал, что если «во время Маркса было, по существу, только одно направление, по которому наука превращалась в производительную силу. Это - воплощение научных знаний в технике, технологических процессах, в вещном мире богатства», то ныне, наряду с количественным возращением производительной силы науки «можно с полным правом говорить о качественно новых чертах в процессе становления науки как производительной силы... Научные знания в современных условиях воплощаются:

- в технике и технологии, в предметных условиях производства;
- в созидательных способностях широких масс трудящихся;
- в принципах организации и управления производством и обществом»¹¹³.

Констатация экспансии проектировочной деятельности на социальную сферу сегодня достаточно распространена в философской литературе¹¹⁴. При этом ставится проблема гуманизации такого рода деятельности¹¹⁵, создания «гибкой технологии» выдвижения в проектировании на первый план гуманитарного мышления, диалектики естественного и искусственного в развитии сложных социальных систем¹¹⁶, решается задача взаимодействия естественных и общественных наук¹¹⁷.

Выделим из всего комплекса проблем, которые решаются и ставятся в этой связи, только одну, наиболее важную с точки зрения поиска предпосылок прикладной этики в социально-технологическом знании: проблему «конечного» продукта прикладных исследований и разработок. "Продукция" общественной науки, имеющая значение для практики, разнообразна. Для социальной технологии характерны результаты, обеспечивающие непосредственное приложение теории к практике социального управления. «Точки ввода» этих результатов в деятельность социального субъекта принято определять по основным звеньям управления: подготовка действия, само действие, оценка результатов¹¹⁸. В этом смысле "социальная технология" и является своеобразной формой знания, служащей опосредующим элементом между теоретическим обществознанием и практикой.

Для реализации функции непосредственной производительной силы она должна ответить на вопрос, один из вариантов формулировки которого звучит так: «Как довести общие теоретические положения до их практически реализуемого вида, как найти превращенные формы объективных социальных закономерностей, в которые "одеваются" и в которых функционируют последние в реальной практике»¹¹⁹. Ответы на этот вопрос в современном прикладном обществознании даются преимущественно на материале социального проектиро-

вания - проект представляется в этом случае концентрированным выражением «продукции» социально-технологического знания.

Приходится, однако, констатировать, что именно в данном вопросе поиск предпосылок этико-прикладного знания обнаруживает скорее вопросы, чем решения. Отмеченная выше экспансия проектирования за рамки системы «наука - инженерия - производство» сопровождается пока еще далеко не достаточным осмыслением роли такого рода деятельности по отношению к социально-гуманитарным объектам¹²⁰. В литературе еще очень мало работ по социальному проектированию. Предмет и задачи социального проектирования еще только формируются, наряду с этим разрабатываются его методологические принципы, анализируется конкретный опыт. Специфика социального проекта по сравнению с традиционными объектами проектировочной деятельности выявляется пока еще скорее формально, без соответствующих ограничений в их содержательном виде. «Социальный проект, - пишет Г. А. Антонюк, - представляет собой мысленно создаваемый научно обоснованный прототип (модель) эффективного, с точки зрения поставленных социальных задач и намечаемого к созданию социального организма, выраженный в соответствующей знаковой форме (система документации). В проекте на основании соответствующих расчетов определяются характеристики подлежащих созданию социальных организмов или их состояний, отдельных сторон, отвечающих определенным требованиям»¹²¹.

В то же время осознание принципиальной особенности объекта управления в социальном проектировании имеет важнейшее методологическое значение. Основной в этом отношении является проблема проектирования деятельности субъектов: «Может ли один субъект задать другому смысл, цель и план его деятельности?» (В. Н. Сагатовский). Но даже общий положительный ответ на этот вопрос требует *поиска способов*, которыми проект деятельности может быть дан субъекту. В связи с этим важно формирование нового стиля проектной деятельности, «интегрирующей социально-культурные, производственно-управленческие аспекты»¹²². Исследователям еще предстоит ответить на вопросы о соотношении проектирования и планирования, проектирования и конструирования, проектирования и прогнозирования и т. д. Важнейшей задачей является сопряжение социального проектирования с внесоциальным и определение их взаимной связи¹²³.

Разумеется, прикладное знание имеет целый набор задач и функций, соответственно различается и его продукция. В этом плане нецелесообразно сводить социальную технологию только к социальному проектированию, например, важно стремиться к получению системы прикладных результатов общественознания. Выражая суть приложения теории, эта функция в узком смысле слова не исчерпывает всех сторон и этапов приложения науки. Более того, приложение может и не быть доведено до преобразования практики, ограничившись, например, функцией экспертно-аналитической, может быть сведено и только к одной из сторон преобразования: организационной, педагогической и т. д.

В заключение сделаем вывод о том, что в современном общественознании сложились основные предпосылки для формирования социальной технологии. Опираясь на общенаучный опыт и результаты развития собственных прикладных теорий, общественознание в целом позволяет ставить и позитивно решать вопрос о прикладной этике. Причем в поиске своих предпосылок этико-прикладное знание выступает не просто потребителем, но и, в свою очередь, не-

заменяемым элементом развития социальной технологии.

Однако состыковка социально-технологических тенденций общественно-научного и «встречного движения» теории и практики морали и воспитания требуют специального исследования специфики теоретического знания, объектом которого является воспитательная деятельность. Этому вопросу посвящен следующий параграф.

§ 2. Воспитательная деятельность: специфика теоретизирования

Поиск предпосылок теории управления нравственно - воспитательной деятельностью в комплексе знаний о воспитании обнаруживает сегодня парадоксальное обстоятельство. С одной стороны, ученые-специалисты по педагогике, психологии, социологии, этике и т. д., опираясь на работы классиков марксизма-ленинизма, документы коммунистических партий, обобщение опыта реального воспитательного процесса, достижения управленческой практики в деле формирования нового человека добились значительных результатов, отраженных как в теоретической, так и в организационной форме. Речь идет о достаточно развитой инфраструктуре научно-исследовательских и учебных подразделений, комплексных научно-идеологических центрах, специализированных изданиях и т. п.

С другой стороны, углубление в исследования по нравственно-воспитательной проблематике позволяет выявить отсутствие не только сколько-нибудь разработанной теории, но и хотя бы явно выраженной озабоченности этим обстоятельством как у практиков, так и у теоретиков. Все еще не ясно самое главное: а поддается ли вообще теоретизации знание о нравственном воспитании? И нельзя ли истолковать запросы практики и искания ученых как давление "квазипотребностей"? А если все же данные потребности реальны и актуальны, то кто в этом случае все-таки "отвечает" за создание такой теории, в лоне какой науки ей надлежит зреть? Открытым остается и вопрос о природе теории нравственно-воспитательной деятельности, ее категориальном строе, методах построения, типах связи с науками «человекосозидательного профиля», со знанием гуманитарным, социально-технологическим, о ее отношении к теории управления нравственно-воспитательной деятельностью и т. д.

Часть исследователей, прежде всего педагогов, полагает, что теория воспитания уже создана, поэтому они не задаются вопросом о специфической природе данной теории¹²¹. В свою очередь те, кто стремится освоить и применить опыт социально-технологического знания для создания теории воспитательной деятельности в ее управленческом аспекте, нередко демонстрируют не испытывающие признаков истощения попытки теоретизирования на манер наук, имеющих авторитет лидеров естествознания и общественно-научного знания. За этим стоит влияние отработанных данными науками гносеологических идеалов при неразработанности иных - по отношению к указанным лидерам - моделей теоретизирования.

В то же время с достаточным основанием можно предположить, что своеобразные предпосылки для решения поставленной нами задачи можно и обнаружить, и извлечь из литературы по воспитанию методом "от противного". Это относится прежде всего к широко распространенной в научной и публицистической литературе по педагогике и психологии концепции воспитания как искусства: именно из такой трактовки можно и необходимо вывести признаки

специфической природы теоретизирования в сфере воспитания. Приведем с этой целью показательные суждения. «Воспитание до сих пор остается преимущественно искусством и выдающиеся представители этой сферы деятельности - Макаренко, Корчак, Сухомлинский - являются нам скорее в образе «художников», чем «инженеров» человеческих душ», - констатируют П. В. Симонов и П. М. Ершов¹²⁵. Прогнозируя как «дело будущего» создание «подлинно научной теории воспитания», имея в виду «общепринятый смысл» слова «теория», авторы выделяют те объективные факторы, «которые ведут к сближению деятельности воспитателя с творчеством художника». По их мнению, «прежде всего это несопоставимо большая, нежели при обучении, индивидуализация воспитательных воздействий». Аргументом является отношение к каждому воспитуемому как «уникально неповторимой личности», процесс формирования которой «действительно напоминает изготовление единственного в своем роде «произведения» ума и таланта воспитателя». Из этого делается вывод и необходимости четкого различения «технологии воспитания» - она универсальна в большей или меньшей мере - и воспитания как творчества, ориентированного на каждого конкретного воспитанника. Здесь «составление общих для всех «рецептов» бессмысленно и бесплодно», заключают авторы¹²⁶. Характерно и следующее ограничение на практическую значимость педагогической теории: «Никогда наука не научит объясняться в любви, и, увы, никогда не научит она воспитывать»¹²⁷.

Авторы такого рода утверждений глубоко и тонко мыслят в сфере педагогической теории и практики. Нам, однако, важно акцентировать характерные следствия из того обстоятельства, что современная педагогика с точки зрения воспитания не осознала себя как научное знание с особым типом теоретизирования. А ведь накапливается целый ряд подходов и решений, в которых заложен потенциал для самопознания теорией воспитания своей природы, адекватной специфике предмета.

В связи с чем в такой области научного знания, предметом которой является воспитание, возникает вопрос о специфике теоретизирования? Ответ на этот вопрос должен выводиться из анализа соответствующей гносеологической ситуации, с учетом прецедентов и уроков в гуманитарных, человековедческих в целом науках, оказавшихся в аналогичной ситуации и продвинувшихся в ее разрешении. Следуя этим путем, попытаемся представить рабочую гипотезу и подкрепить ее опытом ряда отраслей научного знания, модели теоретизирования в которых могут быть полезными для достижения наших исследовательских целей.

Раньше уже говорилось о деятельностной природе воспитания. Что это означает для теории? Во-первых, речь идет о знании, осваивающем особую - универсальную - сферу человеческой деятельности. Во-вторых, о знании, ценностный компонент которого находится и пребывает не на периферии теории, а в ее эпицентре. В-третьих, о теории с особым сочетанием абстрактно-всеобщих и конкретно-всеобщих понятий. В-четвертых, о знании по преимуществу так называемого слаботеоретизированного типа.

В целом данное знание организовано специфическим синтезом, который способен преодолевать некоторые традиционные противоречия в отношениях теории воспитания и воспитательной практики. Он оптимизирует роль здравого смысла в этих отношениях, обеспечивает взаимопроникновение "алгебры" и "гармонии" в воспитании, его аксиологических и праксиологических аспектов.

Тенденции целого ряда современных научных дисциплин позволяют на-

копить аргументы в пользу выдвинутой гипотезы. Обратимся к тем из этих дисциплин, которые непосредственно и в острой форме осознают конфликт между своим предназначением в отношении соответствующей сферы практической деятельности и недостаточностью теоретического самопознания. Общие черты этих наук характерны, с одной стороны, развитой функцией проектирования, с другой - слаботеоретизированным типом знания, позволяют искать в них методологические аналоги, модели теоретизирования и для воспитательной деятельности. Более того, исследователи гносеологической ситуации в этих науках сами полагают возможным и необходимым освоение их опыта в других прикладных науках. Так, анализируя гносеологическую ситуацию в медицинском познании, В. Г. Ерохин пришел к заключению, что "несмотря на свою длительную историю и значительный опыт теоретического мышления, оно до сих пор не может выбиться из ряда слаботеоретизированных областей знания". Он предполагает на этом основании: "Данное обстоятельство уже само по себе представляет интерес, поскольку наводит на мысль о возможном своеобразии пути теоретизации"¹²⁸. Отмечая, что множество наук, непосредственно обслуживающих соответствующие сферы деятельности и не являющихся простыми «проводниками» фундаментального знания в практику, выделяется ценностным характером, избирательным использованием результатов сразу нескольких фундаментальных отраслей знания, проблемной организацией исследований, переплетением производства и потребления знаний и т. д., автор правомерно полагает, что разрабатываемая в медицине модель теоретизации «может быть отчасти полезна и при методологическом анализе других прикладных наук»¹²⁹.

Прежде чем обратиться к целому классу разнородных комплексов научного знания, в которых исследование процесса теоретизирования дает эффективные эвристические возможности для нашего поиска, необходимо охарактеризовать тенденции в системе современного человекознания, становящегося сегодня «одним из главнейших центров научного развития»¹³⁰. Ключевое противоречие, которое предстоит разрешить этому направлению, в связи с очевидной тенденцией к синтезированию и комплексированию различных наук, аспектов и методов исследования человека, в связи с возникновением новых пограничных дисциплин и тем самым соединением «посредством многих из них, ранее далеких одна от другой областей естествознания и истории, гуманитарных наук и техники, медицины и педагогики»¹³¹ - это противоречие различных типов теоретизирования, столкновение различных гносеологических идеалов научности знания. Дело в том, что комплексирование (по горизонтали - между различными дисциплинами, по вертикали - между теориями фундаментального и прикладного уровней) обостряет проблемы строгости науки, тем более что критерии такой строгости различаются в комплексируемых человекознанием отраслях естествознания, исторического познания, философии и т. д. при внутренней дифференциации этих критериев в каждой из этих дисциплин.

Характерна в этом плане ситуация в педагогических исследованиях, проводимых с ориентацией на тенденции современного человекознания. Разные по своим интересам специалисты отмечают одну и ту же сложность педагогической теории - адекватно отреагировать на «современный стиль изучения человека»¹³². Именно так называют один из разделов своей книги Л. Харчев и В. Момов. В свою очередь, Б. Г. Ананьев подчеркивает, что «с превращением человекознания в одну из генеральных проблем всей современной науки и

расширением фронта его педагогических приложений создается новая ситуация развития и для самой педагогики»¹³³. Эта ситуация, с одной стороны, благоприятствует прогрессу и повышению практической значимости педагогики, с другой - существует и некоторая опасность, таящаяся в такой ситуации: «Поток крайне разнородной научной информации уже сейчас превышает возможность ее своевременной переработки; некоторые из педагогических приложений гипертрофируются и противопоставляются самой педагогике, притязая на собственную теорию воспитания, возрастает дробность подходов к воспитанию и обучению, обусловленная прогрессирующей дифференциацией отдельных наук о человеке»¹³⁴.

Интеграция наук в рамках становящейся системы человекознания происходит в обстоятельствах комплексирования наук и отраслей знания с уже сложившейся внутренней структурой и типологией теоретизирования. Контакты такого рода отраслей - это, в первую очередь, столкновение разных критериев «научности», зачастую стремящихся к победе над противоположным «ненаучным» - критерием, к его подчинению. Так, например, Д. Кэмпбелл отмечает, что успехи естествознания приводят к нескрываемой оценочной нагрузке, которую несут на себе условно обозначаемые стороны альтернативы возможных исследовательских стратегий: именно количественный метод отождествляется в наиболее распространенных формулировках альтернативы с «научным», «сциентистским», «естественно-научным», а метод качественного анализа - как «гуманистический», «гуманитарный», «философский», «оценивающий» или даже как «обыденное знание»¹³⁵.

Поэтому и поиск специфики теоретизирования в сфере воспитания через соотнесение обществознания с естествознанием мы должны рассматривать лишь как первый шаг, необходимый, но недостаточный, ибо далее важно в самом обществознании увидеть внутреннюю дифференциацию, выражающуюся в разном виде и способе теоретизирования. Достаточно здесь напомнить традиционное разделение комплекса общественных наук - при самых разных позициях, занимаемых классификаторами, - на исторические и теоретические. Современная трактовка этой традиции выражается в подчеркивании настоятельной необходимости разграничения двух типов обществознания, которые В. Ж. Келле предлагает условно назвать социально-гуманитарным и социологическим: «Первый тип знания проявляется в исторических описаниях, филологических изысканиях, в этике и эстетике, т. е. всюду, где явно выражен ценностный элемент, где присутствует человеческое начало в самом содержании знания. От него следует отличать знание, приближающееся по своему типу к естественно-научному знанию...»¹³⁶.

Для аргументации нашей гипотезы и укрепления методологической базы осознания этикой специфики теоретизирования в различных сферах ее системы существенно важным представляется анализ логики выявления особенностей теории в комплексируемых человекознанием науках в процессе реализации деятельностного подхода.

Характеризуя особенности медицинского знания, В. Г. Ерохин отмечает, что проблемы теоретизации тех научных дисциплин, которые не являются объектом традиционного внимания методологии науки, могут быть разрешены лишь с позиции метатеоретической рефлексии. Объясняя сам факт безуспешности создать обобщающую концепцию медицины именно стремлением теоретизации медицины внутри этого знания, автор предполагает, что «первым и необходимым условием поиска специфических черт теоретизирования в сфере

медицины является уяснение особенностей «организации и направленности медицинского знания, проистекающих из своеобразия самой предметно-практической медицинской деятельности»¹³⁷.

Каковы же особенности медицинской деятельности и каким образом они отражаются в специфике теоретизации медицинского знания? Важнейшей ее особенностью В. Г. Ерохин считает ярко выраженную ценностную ориентацию. Противопоставляя особенностям целей медицинской деятельности абстрактно-безличностный, так называемый вещный подход, характерный для естествознания, автор отмечает, что в медицинском познании такого рода подход является лишь исходным пунктом, а конечная цель его — «знание конкретного объекта (больного человека) во всей его уникальной неповторимости»¹³⁸. Опираясь на это положение, В. Г. Ерохин характеризует и соответствующую специфике деятельности особенность познания в медицине - его «обращенность к единичному объекту с отчетливо выраженным ценностным компонентом субъект-объектных отношений»¹³⁹.

Привлекает при этом то, что автор считает традиционно принимаемые критерии научности недостаточными, а их доразвитие связывает с превращением «слабости» медицинского знания в его сильную сторону: «Если трудности теоретизации возникают в связи с невозможностью построения теории путем использования принципа абстрактно-всеобщего, - пишет он, - то следует искать методы организации теоретического знания на базе конкретно-всеобщего»¹⁴⁰.

Не останавливаясь на характеристике таких выделенных автором особенностей медицинской теории, как «открытость» ее к неограниченной ассимиляции результатов эмпирических исследований и ее пограничный характер, сделаем вывод, в котором происходит как бы возвращение к фундаментальному условию, специализирующему теоретизирование в медицине. «Медицину, - пишет В. Г. Ерохин, - интересует не столько объект как таковой, сколько способы воздействия на него. В этой конструктивной направленности медицинского познания, на наш взгляд, и находится магистральный путь построения медицинской теории, а именно: теория медицины должна строиться не как теория определенного класса объектов, а как теория специфического рода деятельности»¹⁴¹.

Продолжим анализ логики поиска отличительных черт теоретизирования на материале исторического познания. Отрицая метафизические крайности неокантианства, противопоставление им «науки о духе» и «науки о природе», номотетического и идеографического знания, объяснения и понимания и т. п., марксизм, как известно, рассматривает историческое познание как специфический вид и способ теоретизирования, выявляет особенность исторического познания в сравнении с собственно теоретическими науками смешанного вида. Познавательный статус исторического познания рассматривается через сравнение «сильной» и «слабой» версии научного теоретизирования и квалифицируется как целиком соответствующий «слабой версии науки»¹⁴². При этом эпитет «слабый» не должен вызывать никаких эмоциональных ассоциаций, он, отмечает А. И. Ракитов, «просто фиксирует существующую ситуацию, в которой ряд форм профессионального познания не выдерживает требований сильной версии, т. е. эпистемологического идеала науки, сложившегося во вполне определенных исторических условиях и фиксирующего определенный уровень ее развития»¹⁴³.

Для аргументации выдвинутой выше рабочей гипотезы о специфичности теоретизирования в сфере воспитательной деятельности и управления ею нам

важна та характеристика «слабой» версии науки, которую данная версия обретает в сравнении как с «сильной» версией, так и со здравым смыслом — специфические отношения со здравым смыслом вообще характерны для «слабой» версии. Квалифицируя особенности форм познания, А. И. Ракитов подчеркивает, что дистанция, отделяющая дисциплины, подпадающие под слабую версию, от вышеназванного эпистемологического идеала, «иногда так же далека, как и дистанция, отделяющая их от здравого смысла»¹⁴⁴. Представляется, однако, что в разных дисциплинах эта дистанция различна. К такому выводу - он особенно эвристичен именно с точки зрения специфики теоретизирования в воспитательной деятельности - приводит анализ уроков герменевтики, причем не тех ее направлений, которые пытаются создать специфическую логику и методологию гуманитарных наук¹⁴⁵, а так называемой философской герменевтики¹⁴⁶. Отвлекаясь здесь от критики мировоззренческих и методологических основ и притязаний этого направления, принципиально разводящих его с марксизмом, обратим внимание на конструктивные - с точки зрения наших поисков - элементы концепции особого этического умения - фронезиса, содержащиеся в работах Х.-Г. Гадамера¹⁴⁷. Противопоставляя притязаниям науки на роль социальной технологии донаучное знание, здравый смысл, Гадамер показывает, что в отличие от «техноса» «фронезис» - особый тип умения, особая интеллектуальная ценность. В нем подчеркивается не всеобщее - он не обладает демонстрируемостью, как научное знание, не имеет всеобщего смысла, но особенное. Специфическая связь фронезиса с практикой, дифференциация и - отметим это - возможность синтеза обоих видов умений делают концепцию фронезиса эвристически ценной.

Нам представляется также весьма продуктивным результат аналогии между концепцией фронезиса и представлениями о связи социальной науки со здравым смыслом, развиваемыми в методологии науки, продуктивными именно с точки зрения приближения к пониманию специфики знания о воспитании. Согласно этим представлениям, научное знание не заменяет обыденное знание, а скорее, зависит от здравого смысла - даже если она и выходит за его пределы. Вступая в последнем случае в противоречие с некоторыми положениями здравого смысла, наука делает это, как показал Д. Кэмпбелл, «лишь доверяя большей части остального обыденного знания»¹⁴⁸. Сравнивая такую ревизию здравого смысла наукой с ревизией здравого смысла другим здравым смыслом, автор подчеркивает, что данная ревизия, «как это ни парадоксально», может быть осуществлена «лишь путем доверия к здравому смыслу в целом»¹⁴⁹. Не потеряем, однако, из виду, что антисциентистская платформа герменевтики должна восприниматься и - в ее рациональных моментах - использоваться с той позиции, что она более показывает уязвимые места отрицаемой ею «сильной», «жесткой» версии, чем определяет пути решения проблемы.

Обратимся, наконец, к тем методологическим парадоксам, без разрешения которых не может развиваться теория нравственно-воспитательной деятельности и которые наглядно обнаруживаются в педагогическом знании¹⁵⁰.

Можно предположить, что та специфическая особенность воспитательной деятельности, которую из-за неправомерного распространения гносеологического идеала естествознания - «сильной версии» - не адекватно формулируют как дилемму теории воспитания - «либо наука, либо искусство», и породила взгляды на теорию педагогического профиля в двух ее крайних вариантах - на ее всемогущество в отношении к практике и на ее бессилие. Хотя, конечно, чаще встречаются эклектические соединения этих крайностей при доминиро-

вании из них внутри той или иной позиции.

Возвращаясь к фактам педагогических подходов и суждений о специфике этой теории, рассмотренным «методом от противного», мы теперь можем выявить во взглядах, например, на проблему «рецептов» - даже если их авторы сами и не рассматривают специфики развиваемой ими науки - скрытый эффект «слабой» версии. Рассмотрим, например, попытку Ю. П. Азарова написать «педагогику будней», «педагогику на каждый день», чтобы «в малом, повседневном раскрыть основы великого, святого таинства - становления человеческой личности»¹⁵¹. Автор отмечает, что долгое время «не мог разрешить для себя такое противоречие. С одной стороны, современный родитель нуждается в конкретных советах, а с другой - в педагогике сложилось незыблительное правило: в воспитании нет и не может быть рецептов»¹⁵². Стремясь преодолеть это противоречие, Ю.П.Азаров поставил перед собой две задачи: «С одной стороны, попытаться приподнять педагогику до уровня духовных ценностей века... А с другой - наряду с философским осмыслением психолого-педагогических закономерностей воспитания я ставил перед собой цель - дать родителям конкретные рекомендации, ответить на конкретные вопросы»¹⁵³. И вот рассуждение, в котором наглядно продемонстрирован успех их реализации: «...педагогика нынешняя, как наша, так и зарубежная, допускает порой одну и ту же ошибку: не использует в качестве метода анализа детской жизни художественное обобщение, в котором целостно, нерасчлененно передается типичность тех или иных состояний детства. Грустно, что слово «эмпирическое» в значении педагогической конкретности стало чуть ли не ругательным, а проблема влияния личности воспитателя на душу ребенка считается некоей второстепенной прибавкой на том основании, что наука будто бы исследует не личностные влияния, а «работу голых методов, средств» и прочее. Это пренебрежение к подлинно человековедческим проблемам воспитательного процесса лишает педагогику полноты жизни, яркости и образности передачи подлинных процессов, которые совершаются в общении взрослых и детей... В педагогике органично соединено масштабное и то малое, которое составляет суть жизни человека. И близкое - то, что непосредственно формирует. И далекое - то, что является гарантией тех или иных условий жизни. И эта масштабность непременно проходит через тончайшие капилляры «малого», через зауженность близкого, через психологические механизмы развития личности»¹⁵⁴.

Представляется, что в основе успеха Ю. П. Азарова в решении обеих задач лежит именно отношение к педагогическому знанию - пусть и без указания с помощью специальных терминов - как к слабой версии, слаботеоретизированному знанию с ценностной доминантой в ориентациях знания, с его обращенностью к единичному объекту и с организацией знания на базе «конкретно-всеобщего».

Показательна и позиция Л. А. Левшина в вопросе о возможности для педагогической науки давать «рецепты», позиция, которая формулируется автором через аналогию педагогики и медицины. «Нередко спорят: возможны ли рецепты в воспитании? Но спор часто бывает беспредметным, так как не выясняют границы самого понятия, условия его применения. Если под рецептом понимать средство со всегда однозначным содержанием и твердо фиксированным эффектом, то даже двукратное его использование в воспитании должно быть исключено, потому что каждая педагогическая ситуация неповторима. Но ведь и медицинский рецепт не является таковым? Правда, он однозначен по составу предписанного лекарства или содержанию рекомендованной процеду-

ры. Однако в то же время он допускает варьирование в частоте приема лекарства, в величине дозы, в порядке осуществления процедуры в зависимости от показаний и противопоказаний, возраста, пола, общего состояния здоровья пациента, индивидуальных особенностей его организма и т. д. В педагогической области необходимость такой гибкости неизмеримо возрастает. При этом показания и противопоказания определяются не только личностью воспитанника, но и всей сложнейшей картиной педагогического процесса. А значит, во много раз возрастает нужда в творческой корректировке любого готового педагогического приема, формы, средства. Но это вовсе не требует от педагога в каждом случае заново их «изобретать», хотя внешне в его живой деятельности оно будет выглядеть именно так»¹⁵⁵. Все же не случайна здесь аналогия с медициной: автор - неявно - теоретизирует в сфере педагогики по тем же критериям, которые выделены В. Г. Ерохиным, и таким образом, вводит педагогику в ряд слаботеоретизированных областей научного знания.

Анализируя особенности медицинского, исторического, педагогического познания, мы в каждом из них выделяли прежде всего те черты, которые бы дополнили предшествующие характеристики специфического теоретизирования «слабого» типа. Полученные по аналогии аргументы позволяют выявлять и конституировать особенности теоретизирования в сфере воспитания и управления этой деятельностью, разрешать обнаруженные там методологические парадоксы, извлекать уроки рассмотренных научных дисциплин.

Конкретизируя положения рассматриваемой гипотезы и ставя себе перспективные исследовательские задачи, мы должны прежде всего выделить необходимость специального исследования нравственного воспитания и управления им как особой сферы человеческой деятельности. Предпосылки для этого содержатся и в работах по проблемам человеческой деятельности в целом, в этических трудах, характеризующих мораль как деятельность, в тех исследованиях структуры человеческой деятельности, которые прямо выделяют нравственное воспитание как особую сферу. Определенные результаты получены в ходе исследования нормативно-ценностной стороны воспитательной деятельности, т. е. этики воспитания.

Именно характеристика нравственного воспитания как особого и универсального вида человеческой деятельности позволяет обосновать и организовать в систему специфические черты теоретизирования в этой сфере. Любая наука содержит в себе ценностный компонент, но одно дело «содержит», «обрамляет» теорию лежит в предтеоретических данных и т. п., другое - находится в центре теории. Именно такова теория нравственного воспитания и теория управления им, и если это осознать, то отпадет старая дилемма: «наука» либо «искусство», необходимость резкого противопоставления теории и практики. При творческом подходе обнаруживается такое взаимодействие абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего, что эти альтернативы теряют свой смысл.

Воспитательная теория как слаботеоретизированное знание отличается открытостью для опыта воспитания и специфическим способом включения опыта в воспитательное знание. Здесь поэтому иначе воспринимается так называемый «ползучий эмпиризм», здесь вовсе не обязательно каждый раз казаться за «прегрешения» такого эмпиризма, за экстенсивность развития - «покаяния» требуют от воспитательной теории только те, кто руководствуется идеалом безличностного знания. Это, в частности, позволяет прикладной этике давать не только методологические решения, но и выступать в функции эвристическо-конструктивной.

Соотношение теории и здравого смысла в специфическом способе теоретизирования, каким является и теория нравственного воспитания и теория управления им, с указанными в рабочей гипотезе конкретными признаками их различия и сходства выглядит иначе, чем в отношениях «сильной» теории со здравым смыслом. Слабое теоретизирование тоже, разумеется, противоположно здравому смыслу, ибо они опираются на разные познавательные принципы («системообразующий принцип научного познания, - отмечает А. И. Раки-тов, - коротко можно сформулировать так: «Все об объекте»... Напротив, системообразующий принцип здравого смысла гласит: «Все для субъекта»¹⁵⁶). Однако в теоретическом знании о воспитании, в ситуации взаимодействия этики и морали в их управленческом аспекте теория и здравый смысл более всего ориентированы на встречное движение и взаимообогащение. Концепция фроне-зиса в этом плане содержит значительные эвристические возможности. При этом следует принять ограничение, согласно которому в системе типов теоретизирования эффективность фроне-зиса преимущественно связана с тем, что в общей этике называется нормативной этикой, а в теории воспитания - с этикой воспитания, знанием о нормативно-ценностных побуждениях и образцах этой деятельности. Иначе говоря, нельзя терять границы между теоретизированием и здравым смыслом, особенно там, где она наиболее подвижна, где осуществляется их максимальное сближение - в нормативной проблематике теории нравственного воспитания.

Будучи «слаботеоретизированным», знание о воспитательной деятельности должно быть особо скромным; его выводы не могут быть абсолютными, оно должно быть готово к постоянному пересмотру своих положений, руководствуясь тем, что каждый казус практики может быть богаче теории. И это не лишает такое знание статуса теории; надо, однако, видеть и конструировать это знание как систему с теоретизированием разного типа в каждом из структурных подразделений.

Опираясь на приведенные аргументы, можно сделать следующие выводы по поводу сформулированной в начале параграфа гипотезы.

С ее принятием открывается возможность исследовать специфику как теории воспитания, так и теории управления им. Они обе - деятельностные теории; в то же время следует учитывать, что сами эти деятельности не тождественны. В сопоставляемых теориях это находит выражение в разных способах связи с практикой, разных интерпретациях здравого смысла, с помощью которого обеспечивается данная связь, в той ревизии здравого смысла научной позицией, характерной для управленческой теории и, наоборот, в эффективной роли фроне-зиса, столь важной для собственно воспитательной деятельности. Если в широком комплексе знания о воспитании (интегрирующем в себя теорию управления воспитательной деятельностью) концепция фроне-зиса характеризует в целом взаимодействие и взаимообогащение теории и практики, то при собственно управленческом подходе преобладает запрос на элементы теоретизирования жесткой версии, что порождает и более строгую границу между используемым здесь здравым смыслом и теоретическим знанием.

Теория управления воспитательной деятельностью на ее нынешней стадии формируется за счет целого комплекса синтезов: а) междисциплинарного внутринаучного (подобно тому, как, например, в социологии синтезируются теории малой группы, коммуникаций, "социологии воспитания", личности и т. д.); б) межнаучного синтеза в интердисциплинарных комплексах: социологического, социально-психологического, управленческого; в) комплекса взаимоот-

ношений теории с практикой (синтез фундаментальных и прикладных исследований; г) синтез по типу самого теоретизирования. Разумеется, на этапе становления данной теории все эти синтезы даны лишь в первом предъявлении, «в строительных лесах». Предстоит еще большой путь продвижения от первичных форм взаимодействия к кооперации, а от нее к слиянию методов, дисциплин и междисциплинарных комплексов.

Познание общего в обеих теориях и их различие с точки зрения самих видов теоретизирования призвано в конечном счете содействовать организации системы знания о нравственно-воспитательном действии и, в свою очередь, интегрированию последнего в систему современного этического знания в целом. Конструируя обе эти системы, важно руководствоваться тем, что они базируются на разные типы теоретизирования соответственно сектору системы и его месту в целом. Теория управления нравственно-воспитательной деятельностью не может не обеспечиваться элементами теоретизирования жесткого типа, а «этика воспитания», например, не может полностью нарушить рамки теории мягкого типа. Но та и другая могут и должны конституироваться по законам этической теории с ее сложной, постоянно развивающейся вширь и глубиной структурой.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА КАК ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

§ 1. Предметное поле этико-прикладного знания

Как было отмечено при характеристике рабочей гипотезы, предметом прикладной этики является цикл «заказ-разработка-внедрение» во «встречном движении» этической теории и практики нравственно-воспитательной деятельности, "технологическое" обслуживание каждого из этапов этого цикла и их интеграция в систему, обеспечивающую управленческое взаимодействие этики, морали и воспитания. Представляется, что характеристика прикладной этики с точки зрения специфичности знания, призванного на преобразование и доразвитие этической теории с целью ее практического приложения, приемлема для большинства выдвинутых в литературе версий предмета и задач этико-прикладного знания, во всяком случае, она содержит наибольшее количество позиций, позволяющих заключить, так сказать, конвенцию для проведения конструктивного обсуждения.

В первых же публикациях, посвященных проблемам этико-прикладного знания, выявление возможности и необходимости специфической - прикладной - структуры этики и определение ее статуса совершается путем "наложения" на систему этики дихотомии фундаментального и прикладного аспектов теоретизирования. Так, в первой из коллективных работ, инициирующих проблематику прикладной этики, отмечалось, что в отличие от общей этической теории, описывающей, объясняющей и прогнозирующей моральные явления и процессы с точки зрения их сущности и закономерностей развития, в прикладной этике эти же явления служат «предметом целенаправленного изменения. На основе познанных объективных закономерностей и механизмов разрабатывается теория воздействия на нравственную жизнь людей с целью привести ее в соответствие с критериями и требованиями социалистического общества»¹⁵⁷.

Однако продуктивная в методологическом плане позиция данной дихотомии при решении конкретных вопросов прикладной этики принимает в различных публикациях весьма неоднозначный смысл. С наибольшей наглядностью это обнаруживается в работах по так называемым «тематическим комплексам» знания, комплексам, в которых и существует реально на этапе становления прикладная этика. Так, В. Момов выделяет либо две точки приложения этики (теория нравственного воспитания и профессиональная этика), либо четыре (педагогическая этика как теория нравственного воспитания, профессиональная этика, этика управления, этика семьи)¹⁵⁸. Попытку провести типологизацию предметных сфер прикладной этики не по профессиям или секторам человеческой жизни, а по родам деятельности предпринял Л.А. Зеленов. Конкретизируя преобразовательный тип деятельности на 6 родов, автор каждому роду деятельности «выделяет» свой тип (вид) прикладной этики. Такой подход, по его мнению, хотя и не решает всех проблем типологии, но по крайней мере вносит упорядочивающую идею¹⁵⁹. Заметим здесь, что вся прикладная этика рассматривается нами как теория особой сферы человеческой деятельности - и в этом заключается трудность ассимиляции конструктивной позиции Л. А. Зеленова.

Представляется насущной задачей выделение основной классификации предметного поля прикладной этики с точки зрения их соответствия двум критериям: различения фундаментального и прикладного аспектов исследования, во-первых, объекта и целей приложения - во-вторых. В характеристике предмета прикладной этики допустимо употребление термина «приложение» и в том, и в другом смысле, однако необходимо строго различать и субординировать их и тогда, когда говорим, например, о «тематических комплексах», уточняя, что речь идет о прикладных аспектах профессиональной этики, прикладных аспектах теории нравственного воспитания и т. п. Представляется, что для большей четкости эффективно выделять «группы прикладных комплексов этики», в зависимости от сферы приложения (трудовая деятельность, семья, быт и т. п.), и "сквозной прикладной комплекс" этического знания - он "оборачивает" теорию в методы решения практических управленческих задач.

Что дает первый критерий? Прежде всего - понятийную строгость. Разумеется, это не самоцель, но обязательное условие развития любой отрасли научного знания. Поэтому подчеркнем, что с этико-прикладным знанием сопоставим в системе этики не какой-либо структурный элемент этой науки (философский, метаэтический, социологический, нормативный и т. п.), а знание именно фундаментального профиля во всех этих структурных элементах этики. Конечно, не случайно, внимание исследователей проблем связи этики и практики в первую очередь обращено к традиционным ветвям практической ориентации этики: профессиональной этике, нормативной этике и т. д. Они содержат наиболее концентрированный практический потенциал. Однако собственно прикладной этикой исследования в сфере нормативной этики, профессиональной этики, социологии морали, служебной этики, теории воспитания становятся лишь в том случае, когда удовлетворяют требованиям, отличающим прикладные знания и фундаментальные. Что же касается главного звена приложения, то это не просто воспитание, и не триада управленческого, профессионального, педагогического звеньев-комплексов, а звено управления нравственно-воспитательной деятельностью.

При характеристике сфер приложения этики и определении границ предметного поля этико-прикладного знания необходимо иметь в виду и границу с комплексом внеэтических знаний о морали, ибо в этой ситуации приложение этики имеет оба значения - и к своему предмету и к другим теориям, частичным объектом интереса которых являются мораль и воспитание (социология, социальная психология, педагогика, психология, этнография и т. д.).

В литературе встречается несколько вариантов представлений о такого рода комплексировании. По мнению В. Н. Сагатовского, наряду с этикой, называемой им «чистой», ибо она обосновывает и формирует принципы и нормы субъектно - субъектных отношений, целесообразно разрабатывать "комплексную этику" - именно она должна изучать "все, что необходимо и достаточно для обеспечения оптимального приближения к моральной программе-максимум в различных конкретных условиях. В ее задачи войдет, видимо, изучение социальных, психологических и гносеологических условия морального взаимопонимания, праксиологии принятия моральных решения и т. п."¹⁶⁰. Своеобразный блок этико - гуманитарного знания о морали предлагает разработать В. Т. Ганжин. С его точки зрения, в этике целесообразно выделить этонику, концентрирующую информацию всех наук, объектом которых является мораль, причем эта концентрация должна быть организована управленческими потребностями, морали. Такая теория могла бы иметь и фундаментальный, и прикладной ас-

пекты и тем самым эффективно интегрировать практические притязания этики, социологии, социальной психологии и т. п.¹⁶¹. Комплексностью характеризуется и рассмотренная во Вводной главе концепция моралеведения В. Т. Ефимова.

Для установления границ, стыкующих предметное поле этико-прикладного знания с комплексом внеэтических знаний о морали, надо в самом этом комплексе обязательно различать фундаментальные и прикладные аспекты и потому важно оценивать предложенные подходы с точки зрения *двойной комплексности* - горизонтальной и вертикальной - этико-прикладного знания, обратившись к *цели комплексирования*. Таким образом, имеющиеся предложения необходимо рассматривать с точки зрения *второго* из выделенных нами критериев формирования предметного поля прикладной этики.

Обратим внимание на то, что второй критерий смыкается с заключительным выводом характеристики предметного поля по первому критерию - выводом о главном звене приложения. Сегодня можно утверждать, что прикладная этика уже становится относительно самостоятельной структурой этического знания, обладающей, соответственно своим предметом, функциями, методами. Взаимодействие этики, морали и воспитательной деятельности в управленческом процессе с целью совершенствования нравственной жизни; средства и пути практической воздействия теории; механизмы интеграции научного знания, управленческих решений и практических акций; система основных понятий; место прикладных структур в системе этики и комплексе знаний о морали и т. д. - все это очевидные элементы предметного поля прикладной этики в соответствии со вторым критерием. Сложно, однако, «увязать» их в целое и дать более конкретное представление об искомом предмете. Одна из попыток такой конкретизации наглядно отражена в структуре нашей монографии. Разумеется, статус «Введения к теории» обусловил известное смещение пропорций в отношении к ряду проблем (например, разделу о системе управления воспитанием должна принадлежать ключевая роль, а раздел о современной ситуации должен быть соответственно подчинен последующим разделам), но сама панорама проблем, структурирование разделов позволяют увидеть и целое, и его аспекты: горизонтальную и вертикальную комплексность этико-прикладного знания; сквозную технологичность прикладной этики; «встречное движение» теории и практики; разные типы теоретизирования и т. п.

С позиций второго критерия отчетливо видно: относительная самостоятельность прикладной структуры этического знания объясняется тем обстоятельством, что она не просто использует какую-либо информацию фундаментальных этических исследований, а создает специфическую информацию, практически новое знание, преобразованное для нужд управленческой практики. Это делает прикладную этику своеобразным доразвитием фундаментального этического знания¹⁶². Однако рассматривая технологичность знания как ключевой фактор его квалификации в качестве этико-прикладного, а программы, эталоны, проекты, методики и всякую иную продукцию прикладных исследований и разработок - как «опредмеченную силу» прикладной этики, мы выделяем в таком знании особую роль путей и методов сбора и конструирования прикладной информации. Речь идет об определении возможности трансформации собственно фундаментального знания в прикладное, во-первых, о воздействии собственно прикладных исследований на фундаментальные, во-вторых, и, таким образом, о циркуляции этической информации, ее взаимопереходах в рамках всей системы этического знания от уровня фундаментального к прикладному и, что не менее важно, обратно.

Как реально связаны фундаментальные и прикладные исследования в этике? Прежде всего, надо поставить вопрос о наличии фундаментального этического знания. Как уже отмечалось, специфика этики как философской теории, традиция ее развития в отношении к проблематике нравственного воспитания, состояние таких дисциплин, как социология морали, «моралеведение» и т. п., обуславливают ситуацию, в которой этико-прикладное исследование весьма редко может просто «взять» из этической теории фундаментальную концепцию и «использовать» ее в своих целях. Таким образом, шаблон взаимосвязи фундаментальных и прикладных теорий, в некоторых случаях характерный для естествознания, здесь не срабатывает. И даже шаблон социально-технологического знания малопримем для развития этического знания: в социальной технологии в целом, в таких отраслях, как социология, социальная психология, социальное управление и т. д. есть тот уровень знания, который может в роли фундаментального стать предметом трансформации для целей приложения. В этике же ее философская структура («ядро») сама по себе не является фундаментальной в отношении к этико-прикладному знанию: опираясь на философскую этику в ее методологическом и мировоззренческом потенциале, необходимо развивать еще особое теоретизирование, с которым этико-прикладное знание будет работать как с объектом для предварительного преобразования в целях последующего приложения.

В то же время интенсивно развивающиеся сегодня профессиональная этика, служебная этика, этико-социологические исследования уже обладают известным потенциалом для соответствующего приложения. И, наконец, прикладное знание «собирается» не только путем «перевода», но из эмпирических источников, из прикладных сфер социальной технологии и других синтезов, конструируется в итоге специальных экспериментов и т.п.

Необходимо считаться с тем, что результаты сегодняшних проектных разработок завтра могут стать объектом фундаментальных исследований, возможно и движение в противоположную сторону. Забвение такого рода относительности может принести значительный вред. Дело в том, что недостаточно просто занять позицию, которая бы «не драматизировала» различие фундаментальных и прикладных аспектов этической теории. Так, уверенность в специфичности прикладного знания сама по себе еще не означает решения проблемы его формирования из фундаментального: только предстоит определить степень «авторизованности» такого рода «перевода», найти, точнее говоря, степень прямого соавторства, ибо преобразование в прикладную информацию, как мы теперь знаем, удел не каждого и не любого элемента системы этики. Значит, надо определить, в чем состоит резидиум или «нерастворимый осадок» этой системы, а приняв за таковой «философское ядро» этики, поставить вопрос о необходимости и возможности «принципиального запрета» на его «перевод».

Продолжая характеризовать указанный «ряд вопросов», то или иное решение которых определяет границу противостояния и сотрудничества фундаментальных и прикладных исследований в этике, вспомним, что практика - практика морали - является для этики (как и для философии в целом) и основой познания, и его конечной целью. Но для прикладной этики соотношение этих ролей практики оборачивается иначе, чем для фундаментальной теории. Так, если для последней познание есть средство изменения практики лишь в конечном счете, то для прикладной этики этот счет непосредственный. В то же время, разделив положение В. Момова о том, что эвристичность прикладного

знания «носит преимущественно прагматический характер, поскольку она направлена на достижение новых результатов в практике, новых качественных изменений в исследуемых объектах»¹⁶³, можно сделать и иной акцент, рассмотрев прикладную этику как «возмутителя спокойствия» не только по отношению к практике, но и по отношению к фундаментальной проблематике. Правильно в этом случае полагать, что прикладная этика свое естественное «любопытство» к проблемам, не имеющим очевидного прагматического эффекта, должна «делегировать» фундаментальным исследованиям, оставив за собой лишь функцию оперативной «техпомощи» управленческим решениям?

В поиске ответов на эти вопросы необходим методологический ориентир, позволяющий избежать такого обособления этико-прикладных исследований, которое приведет к потере ими статуса собственно этического. Эффективным представляется путь, который учитывает общность целей познания всех уровней и типов теоретизирования в сфере человекознания - их практическую направленность и представляет связь фундаментального и прикладного исследований и этике в виде сетевого графика¹⁶⁴. Здесь заложена перспективная возможность планирования целевых точек, на пути продвижения знания к практическому результату, каждая из которых будет обладать статусом проектной деятельности, а сам исследователь - статусом «Генератора программ».

Важно, наконец, выявить пределы эффективности конституирования предметного поля этико-прикладного знания через дихотомию фундаментального и прикладного уровней и, таким образом, обрести меру, характеризующую прикладную этику как структурный элемент общеэтической системы знания. Мы исходим из того, что, определяя свое «подданство» этической теории, этико-прикладное знание должно дать «клятву на верность» не какому-либо уровню этой теории и даже не «самому» философскому уровню, а *этике как системе*. Эта исходная позиция, во-первых, позволяет конструктивно отнестись к сложившемуся мнению о том, что судьба этико-прикладных исследований зависит от решения проблемы квалификации этики в целом как философской или отпочковавшейся от философии науки.

Оба предлагаемых в литературе варианта решения этой проблемы имеют свои аргументы. Однако позиция историзма не позволяет абсолютизировать какой-либо этап развития этики, а наибольшее число аргументов, опирающихся на эту позицию, - за представление об этике на нынешнем этапе ее развития как о маргинальной науке. Этика как философская наука постепенно отпочковывает частные отрасли: тем самым она своими корнями остается в сфере философии, а отдельными ветвями вырастает из этой сферы. Однако важно видеть, что сама по себе трактовка этики как науки «чисто» философской или «чисто» частной не решает нашей проблемы: даже сведение статуса этики к частно-научному не означает автоматически признания ее прикладной функции; само по себе отнесение этики к философским наукам не исключает ее прикладного использования, а к частной - не гарантирует действительного приложения.

Во-вторых, такая исходная позиция - об организации этического знания в систему с ее философским «ядром» - позволяет утверждать, что философская этика дает не фундаментальную теорию, а принципы и критерии экспертизы, определяет правомочность стратегических задач и конкретных поисков прикладной этики. В свою очередь, все структуры этического знания стимулируются запросами прикладных исследований и таким образом расширяются традиционные границы этической рефлексии. Разумеется, сама по себе дан-

ная исходная позиция не дает «волшебного ключика», ибо реальное этическое познание сегодня еще не дает нам собственно системы этического знания.

§ 2. Функциональные роли

Характеристику функций (и методов) прикладной этики мы отделили от анализа ее предметного поля и, в свою очередь, разделили исследование функций и методов. Однако результаты такого исследования прямо связаны с представлениями о предмете этико-прикладного знания и конкретизируют эти представления прежде всего с точки зрения специфического теоретизирования в сфере управления нравственно-воспитательной деятельностью.

В обзорной статье о развитии советской этики Л. М. Архангельский приходит к выводу о том, что «прикладная этика включает такие аспекты, как этико-эмпирические исследования, обеспечивающие получение необходимой информации о состоянии морального сознания и поведения различных групп трудящихся и учащихся; ту часть нормативной этики, которая определяет направленность нравственного воспитания (сюда же относятся и вопросы профессиональной этики, этические аспекты теории нравственного воспитания и, наконец, вопросы «технологии», моделирования моральных качеств личности, принятия управленческих решений, связанных с внедрением в практику принятых моделей поведения, изучения их эффективности)»¹⁶⁵. Характеризуя функции прикладного исследования в сфере идеологической работы, В. Момов выделяет следующие функции прикладной этики: научное обоснование изменений объектов воспитательной работы, эвристическую, оценочно-критическую, инструментальную и рекомендательную¹⁶⁶. Значительную информацию о функциях прикладной этики можно извлечь из характеристики задач этического знания в целом в проектировании и формировании нравственных отношений, данной В. Н. Сагатовским. Иерархия выдвинутых автором задач включает движение этики к практике, начиная от изучения «объективных закономерностей и тенденций развития нравственности в обществе развитого социализма» и «реальных возможностей различных социальных групп нашего общества в усвоении и создании нравственных норм» до разработки «рекомендаций по оптимизации окружающей социальной среды, влияющей на формирование нравственных отношений» и по «развитию внутренних возможностей и активности субъектов нравственного нормотворчества», завершаясь участием этики во внедрении научных рекомендаций¹⁶⁷.

Представляется, что даже краткий обзор суждений о функциях этико-прикладного знания показывает, что необходимо соблюдение требований системности с точки зрения критерия приложения. Именно недостаточность последовательности в реализации этого требования объясняет и расширительное толкование функций прикладной этики, встречающееся в литературе, и размывание границ между фундаментальными и прикладными исследованиями и недостаточно четкое выделение ключевых задач, несоблюдение их приоритета, который, как было сказано, обуславливается управленческой позицией прикладной этики в отношении к морали и воспитательной деятельности. Именно эта позиция служит системообразующим фактором, «собирающим» функции приложения в их сравнении с общей функцией этики в отношении к практике.

На этапе становления этико-прикладного знания важно точно определить как перспективный потенциал, так и реальные возможности, уже выявлен-

ные в процессе «встречного движения» теории и практики управления воспитательной деятельностью, апробированные в экспериментальных разработках и их внедрении. Это позволит не допустить потери, забвения какой-либо функции прикладной этики, ее конкретной задачи или передачи некоторых задач «в другое ведомство», где они не получают действительно этико-прикладного решения. Важно также, выстраивая систему функции, обратить внимание на сбалансированность пропорций между ними: в сочетании функций исследования и проектирования, между функциями проективной и экспертно-консультативной. Опыт развития этико-прикладного знания с достаточной убедительностью показал, что, например, вполне понятное стремление создать как можно больший задел - банк проектов и программ на первых порах должно уступить приоритет экспертизе и управленческому консультированию.

Продвигаясь от предварительных замечаний к характеристике функций прикладной этики, обратим внимание на то обстоятельство, что педагогическая функция кажется на первый взгляд наиболее очевидной с точки зрения ее места и роли в системе - не случайно одна из наиболее развитых версий прикладной теории нравственного воспитания (концепция В. Момова) названа педагогической этикой. Однако называя всю сферу этико-прикладного знания по имени одной из его функций, мы рискуем утратить различие общего и особенного, недооценить сложный статус педагогической функции: она выполняет и сквозную, и подчиненную роль в системе теории и практики управления нравственно-воспитательной деятельностью, педагогическое обеспечение по своим целям и возможностям не можем заменить собой ни проектирования, ни экспертизы, хотя и обуславливает эффективность внедрения каждой из них.

Эта сложная роль педагогической функции наглядно обнаруживается в результате конструирования системы управления нравственно-воспитательной деятельностью в трудовом коллективе, проект которой разработан лабораторией прикладной этики ТюмИИ совместно с соисполнителями целевой программы. Приступая к его конструированию, разработчики не могли не поставить вопрос о статусе педагогического блока в системе, способах его связи с другими блоками, границах его самостоятельности. Рассматривая трудовой коллектив с точки зрения общесоциальной тенденции «педагогизации» жизни и, таким образом, с точки зрения «педагогизации» жизнедеятельности такого коллектива, авторы проектируемой системы акцентировали в научном обеспечении процесса управления «педагогизацию» таких стадий обеспечения, как стадии разработки и, особенно, внедрения. Именно потому, внедрение прикладных разработок выступает особым объектом педагогической функции, что в такой специфической сфере приложения, как управление воспитанием, внедрение во многом совпадает с педагогической, точнее воспитательной деятельностью. Отметим, что в задачи разработчиков описываемого блока входит создание программы этико-педагогического обеспечения всей системы; программы подготовки организаторов воспитательной работы («воспитание воспитателей»); создание учебников, профилированных учебно-методических пособий, педагогической технологии внедрения разработок. Специфическая внедренческая роль педагогического блока заключается в обеспечении оформления результатов разработок в форму знания «ноу-хау» и в создании методики передачи такого рода знаний организатору воспитательной работы для включения их в процесс управленческого решения. Из наиболее эвристических и эффективных разработок в рамках данного блока сегодня следует выделить метод этических деловых игр.

Более обстоятельно мы рассмотрим здесь две других функции этико-прикладного знания: проективно-конструкторскую и экспертно-консультативную. Именно на их сравнении можно наглядно продемонстрировать маргинальный статус прикладной этики между социально-технологическим подходом к управлению и спецификой теоретизирования в сфере воспитания, точнее говоря, «перевод» этого подхода на язык специфического теоретизирования.

Проективная функция - атрибут прикладной этики. В этико-прикладном знании характеристика приложения связывается прежде всего с тем, что исследование и разработка рассматриваются как инструмент проектировочной деятельности. Именно целенаправленное воздействие на свой предмет средствами проектирования характеризует отличие прикладных отраслей знания от фундаментальных. Однако говорить сегодня о данной функции - значит прежде всего говорить о проблеме методологического уровня (применение к сфере управления нравственным воспитанием методов системного проектирования в целом и социального проектирования особенно) и только во вторую очередь говорить об опыте этического проектирования: сегодня вопрос о проективной функции прикладной этики может конструктивно обсуждаться лишь через соотнесение реального опыта этического проектирования с его методологическими предпосылками, с соответствующими выводами по результатам опыта.

Предпосылки, из которых исходит прикладная этика в развитии своей проективной функции, содержатся в методологии системного проектирования; мотивы конституирования этического проектирования те же, что и мотивы развития системного подхода в целом: они отражают прямую пропорциональную зависимость возрастания роли системного подхода и увеличения удельного веса проектирования в современной человеческой деятельности. Характеризуя такого рода зависимость, В. Н. Саратовский говорит, что задачи, для решения которых подходит «системный и только системный под ход», определяются двумя условиями: проблемные ситуации, для решения которых нет готовых средств, «становятся не исключением, а правилом в развитии социальной деятельности», и эти ситуации настолько сложны, что «для создания средств, способных их разрешить, требуется научно обоснованное проектирование»¹⁶⁸.

Каковы исходные, «доопытные» стимулы и ограничения к этим подходам в условиях их применения к предмету прикладной этики? Среди стимулов следует выделить прежде всего стремление перейти от стихийности в использовании системного подхода в этике к осознанному и целенаправленному - именно этого требует такой предмет исследования, как управление нравственным воспитанием. Среди ограничений - природа феномена, который проектируется в процессе прикладных разработок¹⁶⁹. Поэтому, например, в проектировании типовой модели системы управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе, тюменские этики должны были учитывать то, обнаруженное специальным анализом, обстоятельство, что в практике воспитательной работы распространены лишь отдельные элементы системы (например, целевой без блока обратной связи, планирование без оценки и т. п.), а точнее говоря, даже не элементы системы, а лишь отдельные управленческие процедуры. И, что самое главное, достаточно часто эти процедуры не отражают специфики объекта управления - природы и воспитания. Именно этими обстоятельствами лаборатория прикладной этики ТюмИИ мотивировала свое предложение на разработку системы трудовым коллективам Тюменского нефтегазового комплекса.

Как характеризует проективную функцию прикладной этики имеющийся опыт? Во-первых, выявлением основного объекта проектировочной деятельно-

сти в сфере воспитания - системы управления и ее отдельных блоков. Во-вторых, осознанием и обоснованием основного условия эффективности этического проектирования: опоры научного управления на моральное творчество личности и коллектива, чему соответствует проектирование таких процедур, которые бы развивали сознание и самосознание личности, способствовали переработке управления в самоуправление и т. п. В-третьих, созданием специфического метода этического проектирования - метода этических деловых игр.

Каковы «послеопытные» выводы? В целом - о необходимости более гибкой и надежной связи общенаучных методов со спецификой предмета прикладной этики, связи, которая должна все более оборачиваться развитием собственных средств реализации проективной функции этико-прикладного знания. Очевидно при этом, что сегодня освоение метода «перевода» социально-технологического знания в этико-прикладное и создание «своих» средств этического проектирования во многом обусловлены интуитивными решениями и эмпирическими поисками. Конкретные факты органического сплава методов системного проектирования со специфическим объектом - скорее удачные находки, чем следствие развитой теории и методики. Тем не менее, избран эвристически верный путь, позволяющий подняться над эмпиризмом, осознаны необходимые ограничения, предложен ряд версий, разрабатывающих пути ассимиляции возможностей системного проектирования специфическим теоретизированием в сфере воспитания¹⁷⁰. И все же реальный опыт организации и внедрения этико-прикладных исследований убеждает, что на данном этапе возможности этического проектирования не следует преувеличивать ни с точки зрения логики развития теории, ни с точки зрения возможностей и потребностей практики. В то же время данный этап благоприятен для развития экспортно-консультативной функции.

В таком названии фактически синтезируются две вполне самостоятельные задачи прикладной этики: «диагноз» и «лечение», «информация к размышлению» и «информация к управлению». Рефлексия о мотивах и стимулах акцентирования экспертной функции этико-прикладного знания приводит к выделению трех динамизирующих факторов. Во-первых, требовательный «социальный заказ», сформулированный в документах нашей партии; именно в них на особое место в воспитательной работе выдвигается принцип ориентации на конкретно-историческую ситуацию, требующий управленческой реакции и в теории, и в практике в виде систематически организуемой экспертизы состояния и перспектив идейно-воспитательной работы. Поэтому экспертиза изменений в нравственной жизни, в ситуации воспитательной деятельности - ситуационный подход, являющийся атрибутом этико-прикладного знания, в отношении к экспертной функции прикладной этики тождествен этой функции, - оценка соответствия или несоответствия качества и эффективности воспитательной работы программным целям, установкам, рекомендациям, содержащимся в документах КПСС, выступает условием, отражающим и самостоятельность экспертной функции, и ее роль, средства для реализации иных функций.

Во-вторых, внутриэтическая лояльность к этой функции прикладной этики, хотя все же сторонники концепции этики как "чисто" философского знания, подчеркивая критические задачи этики в отношении к своему предмету, негативно относятся к практической экспертной деятельности ученых-этиков. Важнее, однако, то, под какую структуру этического знания прокламируется экспертная функция. И здесь не должно быть ни нечеткости, ни компромисса-

конвенции: да, из всех функций прикладной этики экспертная функция является более лояльной в отношении к традициям философской этики, но все же суть этой функции в том, что она дает «информацию к управлению». Само по себе, ориентированное на информацию к размышлению, "умение видеть мораль" как атрибутивное достоинство философской этической теории, еще не дает достаточных условий для этической экспертизы. Только целостное «умение»: видеть - оценивать - проектировать - давать управленческие рекомендации позволяет реализовать экспертную функцию.

В-третьих, динамизирующую роль сыграло экспериментальное обнаружение ограниченных возможностей проективной функции этико-прикладного знания, отражающих трудности как в самой теории, так и в воспитательной практике. На этапе становления прикладной этики ее экспертная функция должна опережать проективную, чтобы оказать незамедлительную научную поддержку практике управления в сфере воспитания. Кроме того, анализ полученных в ходе прикладных разработок результатов, проведенный по материалам ряда региональных исследовательских коллективов, убеждает, что за неизбежной самокритикой, за трезвой и реалистической оценкой сегодняшних возможностей этического проектирования нельзя упустить и то обстоятельство, что экспертная информация должна предшествовать проектированию, является условием развития последней.

Экспертиза также обуславливает и процесс внедрения разработок. В этом плане интересно соотнести экспертную функцию прикладной этики с ролью диагностического знания, выделяемого В. Момовым в его концепции типов научных исследований и их функций в обеспечении интеграции теории и практики. Отражая потребность в «точной диагностике объектов и ситуации», и которых применяется прикладная теория, диагностическое знание, по мнению В. Момова, отличает конкретную направленность и конкретный характер прикладных исследований от общетеоретических исследований¹⁷¹. Представляется, что «диагноз» и «экспертиза» в этом случае весьма сходны по функциям, тем более, что обе ориентированы на специфическое теоретизирование, на единичное, конкретное в субъекте¹⁷².

После характеристики факторов, динамизирующих экспертную функцию, естественно поставить вопрос о том, благодаря каким своим методам прикладная этика обеспечивает данную функцию. Обращение к методу экспертной оценки - не дань «буму», который эти методы переживают сегодня, не слепое подражание моде, перенимаемой прикладной этикой от других наук¹⁷³, не роскошь, а насущная необходимость в условиях, когда специфика предмета не «схватывается» иными, практикуемыми сборами морально-значимой информации, прежде всего, аналитическими методами. Метод экспертной оценки во многих исследовательских и управленческих ситуациях - наиболее адекватный способ познания и освоения прикладной этикой своего предмета.

Выделим следующие факторы, определяющие потенциал экспертной оценки: это, во-первых, оценочная процедура, предметом которой является оценочно-императивное освоение действительности; это, во-вторых, коллективная оценка специалистов, которая, в-третьих, опирается на опыт и интуицию и тем самым достигает эффекта там, где не срабатывают аналитические методы. Сегодня особенно важно акцентировать нравственно-воспитательный потенциал метода экспертной оценки: гуманистичность процедуры, демократичность процесса оценки и решения, критический реализм в отношении к своим задачам и возможностям. Нравственно-воспитательный по-

тенциал метода экспертной оценки - в практическом и теоретическом аспектах - обусловлен тем, что этот метод ориентирован на научно обоснованные цели воспитания, которые трудно декомпозировать формальными способами и учесть в анализе, тем, что опирается в соотнесении этих целей и предмета экспертизы на качественное знание современной ситуации нравственной жизни и воспитания. Именно здесь «умение видеть мораль» в его управленческом аспекте как условие экспертной деятельности и дает наибольший эффект.

Исследователям, работающим в сфере прикладной этики, еще только предстоит развить экспертную функцию в таких направлениях, как оценочно-критическая деятельность, научно-консультативная деятельность; особая задача - развитие культуры «умение видеть мораль» у самих практиков, постепенная передача организаторам воспитательной деятельности части экспертных задач. Впереди разработка методик экспертной оценки и «Кодекса эксперта», содержащего как нормы сбора информации, так и нормы группового принятия решений, и разработка ролевых функций членов экспертной группы как единой целевой бригады исследователей и практиков и т. д.

Перейдем к *консультативной* функции этико-прикладного знания, В обыденном словоупотреблении понятия «эксперт» и «консультант» нередко строго не различаются, выступают как взаимозаменяемые. Это отражается уже в том обстоятельстве, что потребность «посоветоваться» реализуется и в отношении к эксперту и в отношении к консультанту. Достаточно посмотреть в словарь В. Даля, чтобы увидеть толкование консультанта как советника, консультации - как совета; в свою очередь, советовать - по Далю - значит: научить; наставить; дать ума; склонять к чему-то и убеждать; высказать свое мнение о том, как быть, что делать; внушить, кому как поступать и т. д. Здесь, разумеется, нет специфических черт научного консультирования, но уже содержатся некоторые признаки, специализирующие консультацию в сравнении с экспертизой.

Обратившись к гнезду характеристик, связанных в практическом языке с научным консультированием (прежде всего с управленческим консультированием), мы обнаружим нарастание признаков, отличающих его от экспертной деятельности. Так, например, в проанализированных нами словарных статьях и обычных публикациях¹⁷⁴ консультирование значит обследовать, натолкнуть, подсказать, предложить, посоветоваться, обратить внимание, внести предложение, высказать неудовлетворенность, высказать идею, подтолкнуть, разжечь огонек, проинформировать, убедить, повлиять дискуссией, выявить болевые точки, диагностировать причины и определить методы лечения и т. д. Нетрудно увидеть здесь разницу между функциями «обследовать» и «помочь», акцент в консультировании (которое, конечно же, в практике чаще всего сочетается с экспертизой) на стратегию и тактику управленческого решения ситуации, проблемы.

В то же время само по себе подчеркивание научного характера консультирования применительно к этическому знанию еще недостаточно, ибо речь должна идти о потенциале управленческого консультирования. В противном случае мы будем обречены на «вечную» альтернативу «этик - теоретик» - «этик-моралист», возникающую сразу же, как только встает вопрос о возможности для этики как философской науки выступать в роли консультанта. Не ставя себе здесь задачи специального исследования консультативных возможностей этического знания в целом, выскажем все же некоторые соображения по данному поводу, чтобы показать связь и различие между управленческим консуль-

тированием ЛПР с позиции прикладной этики и консультативными задачами философской этики в отношении морального субъекта, консультированием личностного плана,

«Консультант внес предложения не о том, что надо сделать, а о том, как должно быть» - в этой фразе из реального репортажа отражен статус этического консультирования (если, разумеется, этик-теоретик решается на эту роль) средствами философской этики. Возможен и иной акцент, когда консультант показал, как «не должно быть». В обоих вариантах можно говорить о нормативном консультировании, которое адресовано мировоззренческим и конкретным аспектам ситуации морального выбора, позволяя личности опираться на нравственный опыт человечества, расширяя поле возможных альтернатив, прогнозируя линию поведения и т. п. Диалогические беседы Сократа, письма Сенеки и Честерфильда, «опыты» Бэкона, максимы Ларошфуко, бесчисленные назидательные «Поучения», «Зеркала», «Суммы» средневековых европейских и азиатских авторов - разве все это не этическое консультирование (прямое или косвенное), в котором этика, не подменяя свой предмет, мораль, выполняет роль морального «психотерапевта», катализатора нравственных исканий и решений, выступает и «этикой понимающей» и «этикой помогающей» благодаря мобилизации всех структур этического знания, всех каналов его практической? Тем более этот риторический по сути вопрос относится к современной этике, когда в ее отношениях с современной моралью - в условиях возросшей свободы выбора и массового «производства» нестандартных ситуаций личности нужна не просто «наставница», но именно консультант, способный помочь выявить все возможные альтернативы и прогнозировать отдаленные последствия каждой из них и тем самым помочь субъекту в его личных решениях стать «соавтором» моральных решений человечества. Опираясь на свой собственный опыт, на тенденции смежных отраслей знания (психологическое и социально-психологическое консультирование от Фрейда до Франка с его логотерапией, до опыта В. Леви как психотерапевта и т. п.) и давая им недостающее, - как знать, а может быть, и решающее - знание для комплексного консультирования личности, философская этика тем самым снимает альтернативность отношения «этик-теоретик» - «этик-моралист» и, более того, служит фундаментом для собственно управленческого этического консультирования.

Не будем сейчас даже ставить вопрос о возможности (и необходимости) открытия - наряду с юридическими, семейно-брачными, медицинскими, организационно-управленческими, психологическими, социологическими и т. д. консультациями - еще и консультаций этических. И альтернативность, указанная выше, еще не снята теоретически, и новые отношения этики и морали еще только становятся, только осознаются, и историко-этический опыт как следует не освоен, да и не бесспорен¹⁷⁵. Сегодня более реалистичен и актуален поэтому разговор об управленческом этическом консультировании, консультировании организации в ЛПР в этой организации (что, разумеется, не исключает ситуации, в которой сам ЛПР имеет потребность в этическом консультировании описанного выше плана). Такое консультирование необходимо в эру организаций, в эру специалистов, которым все труднее понимать друг друга, в эру, когда «все воспитывают всех». И потребность в форме «социального заказа» и первые прецеденты такого консультирования уже имеются, они стали достоянием исследовательского анализа и обобщения, доведены до уровня разработки, специализированной этической деловой игры, которая уже выполняет роль не только развития культуры экспертного профиля, но и собственно научно-

консультационного.

Однако сразу же важно осознать необходимость критического осмысления предъявляемых к этике "заказов" на консультирование: на какую структуру этики такие «заказы» ориентированы, стремятся ли «заказчики» получить от этики то, что она может сегодня благодаря развитию своих прикладных структур, хотя ли «заказчики» именно управленческого консультирования, а если «да», то понимают ли его этическую составляющую, отличающую такое консультирование от задач консультанта в организации?¹⁷⁶

Обратим внимание на критический характер в отношении прикладной этики и целом, экспертно-консультативной функции в особенности, к своему предмету и к предъявляемым к ней "заказам". На фоне общего для всех функций прикладной этики в ее критической роли - выступать против самоуверенности эмпирических поисков и решений, против скептицизма практической деятельности в отношении к науке, против скептицизма "чисто" философской этики в отношении к теории управления воспитательной деятельностью, против собственной самоуверенности (самокритичность) - научное консультирование средствами прикладной этики призвано разрушать «мнимое всезнание» во всех указанных выше вариантах как с помощью верной постановки задачи консультирования, в которую трансформируется «заказ», так и конкретным решением.

Прежде чем предложить такое действительное решение, этическое научное консультирование нередко разрушает фиктивные представления, казавшиеся реальным знанием. Здесь можно применить характеристику двойственного воздействия современной науки на человека, данную Э. Ю. Соловьевым. «Прежде чем вызвать к жизни новые средства практического господства над миром, она безжалостно дискредитирует инструменты фиктивного воздействия на реальность, надежность которых до поры до времени не вызывала сомнения... Наука разрушает ложную и наивную уверенность, часто не будучи в состоянии сразу предложить взамен новую, столь же прочную, широкую, субъективно удовлетворяющую»¹⁷⁷.

Этическое консультирование отличается от проективной функции; здесь нет жесткости в ответе на вопрос о морали и воспитании: «храм или лаборатория» (был «храм», теперь «лаборатория», но «лаборатория в храме»), однако конечная цель консультирования в сфере управления воспитательной деятельностью - совместить "этику понимающую" и «этику отвечающую» и, таким образом, совершенствующую управленческую деятельность.

Управленческое консультирование актуализирует такие атрибуты специфического теоретизирования в сфере воспитания, как диалогичность, особое отношение к здравому смыслу, активизацию творческой деятельности субъекта, синтез науки и искусства и т. д. Особое место при этом занимает вопрос об отношениях консультанта и ЛПР.

Завершая характеристику этой функции, вернемся к позиции ее сочетания с экспертной и, таким образом, к их синтезированию. Как было показано выше, обе составляющие различаются уже по целям информационного обеспечения управленческих решений - как различаются диагноз (и предплановый, и выполняющий функцию обратной связи) и информация об альтернативных решениях, характеризующая стратегию выбора. Однако у них больше общего, чем различного, что вытекает из программных задач прикладной этики в отношении к своему предмету.

§ 3. Методы этико-прикладных исследований. Творческий потенциал этических деловых игр

Вопрос о методах, которыми этико-прикладное знание реализует систему своих функций в отношении к предмету, рассмотрим посредством характеристики наиболее универсального и комплексного из экспериментально доказавших свою эффективность методов прикладных исследований - этических деловых игр. Конечно, «игровое обеспечение» интеграции теории и практики управления нравственно-воспитательной деятельностью не является единственным средством достижения целей данной интеграции, не заменяет собой иных методов, обеспечивающих функции проектирования, обучения, экспертизы и т. д. Но безусловен приоритет метода этических деловых игр.

Характеристику этого метода целесообразно начать с анализа общенаучной проблемной ситуации, инициирующей в различных отраслях теории и практики, развитие игрового метода, имитационного моделирования и т. п. Конечно, у каждой научной дисциплины свои мотивы обращения к деловым играм. Однако можно увидеть и инвариантный мотив, если обратиться к той сфере знания, где наиболее заметен «искрящий контакт» трех наиболее близких этическим деловым играм аспектов - прикладного исследования, обучения, воспитания.

Так, авторы обзора зарубежных работ по деловым играм, в котором обобщается и наш, советский опыт развития этого метода, отмечают, что сыгравший в свое время решающую роль в возникновении психологии лабораторный эксперимент сегодня все менее удовлетворяет ученых, «и все громче звучит призыв, предельно четко выраженный названием статьи Б. Скиннера «Бегство из лаборатории»¹⁷⁸. Что же именно вызывает недовольство психологов? «Прежде всего, - отмечают авторы обзора - искусственность, оторванность лабораторного эксперимента от реальной жизни, невозможность исследовать человека целостно, во всем многообразии его проявлений»¹⁷⁹. Именно поэтому исследователи предпринимают поиски таких ситуаций, которые были бы максимально приближены к жизни. И среди складывающихся новаторских подходов «все большую популярность завоевывают методы, в которых имитируется, воспроизводится та или иная реальность и деятельность человека в ней. Один из них - метод имитационной или деловой игры»¹⁸⁰. Подчеркнем, однако, что «бегство из лаборатории» применительно к прикладной этике оборачивается, напротив, «бегством в лабораторию», но как было показано выше, в специфическую для ее предмета, «лабораторию в храме». Такой лабораторией и является метод этических деловых игр.

Мотивы обращения к игровому методу в педагогике также отражают проблемную ситуацию в обучении. Проблемно-модельное обучение в целом, метод дидактической игры в том числе, актуализировалось в условиях, требующих подготовки профессионалов, способных к творческому мышлению и действию, а условие такой подготовки - творческое освоение знаний и умений в процессе обучения. Нестандартность и динамизм современной ситуации жизни нашего общества повышение ответственности человека за решение, которое все чаще требует оперативности и точности при возросшей «цене ошибки», - все это форсировало поиск таких методов обучения, которые «давали бы возможность научить практической деятельности еще до того, как наступила реальная ситуация, научить такому опыту, который нельзя передать словами и который приобретается только в процессах действия, участия, принятия реше-

ния самим субъектом»¹⁸¹. Для этого педагоги стали развивать и использовать так называемые активные методы обучения, в числе которых они включали и деловые игры. Да, игры, как будет показано далее, не исчерпывают свою роль только функцией активного метода обучения, здесь, однако, важна констатация мотива, который привел исследователей-педагогов к этому методу, мотива, суть которого - в поиске приближения исследования и обучения к реальной практике, к ее современным потребностям.

Итак, метод деловых игр традиционно применяется как средство имитации принятия решений и их исполнения в искусственно организованных ситуациях педагогического, психологического, управленческого, экономического и т. п. плана¹⁸². Этическая деловая игра, наследуя данную традицию, обретает на всех этапах - от идеи до внедрения - целый ряд «чисто» этических средств, соответствующих: а) специфике взаимодействия этики, морали и воспитания; б) особенностям действия личности как субъекта морального выбора; в) взаимопроникновению этической теории и моральной практики в процессе морального творчества; г) определенным чертам, отличающим теоретизирование в сфере воспитания и внедрение его результатов в управленческие решения; д) диалектике субъекта и объекта воспитательной деятельности и т. д. В итоге метод этических деловых игр позволяет исследователю и организатору процесса «обучения творчеством» для «обучения творчеству» выступить в роли организаторов соавторства этики, морали и воспитания в нравственном развитии личности.

Важно учесть, что в восприятии «составляющих» понятия «этическая деловая игра» подстерегают стереотипы обыденного, интуитивно-очевидного «улаживания» содержания каждой из них и их сочетания. Не случайно авторы советско-болгарской монографии по имитационным играм отмечают распространенное мнение о «странном сочетании» управления как ответственной деятельности, игры как дела весьма несерьезного и имитации как своеобразной подделки. «Поэтому объединение термина «управленческий» с такими несерьезными и даже сомнительными понятиями, как «игры» и «имитация», всегда требовало разъяснения не только для широкой публики, но и для управленческих специалистов в первую очередь»¹⁸³. А если такие трудности возникают в теории и практике социального управления, имеющих значительные традиции и достаточное развитие, то что говорить об этических деловых играх - в условиях гораздо более строгой традиции этического познания?! Однако, опираясь на развиваемую в данной работе концепцию этики как «практической философии», можно полагать, что инновационность метода этических деловых игр вполне вписывается в современные представления об этике в ее связи с практикой; более того, именно деловые игры позволяют развивающимся сегодня этико-прикладным исследованиям перейти на следующую стадию восприятия всякой инновации — от «этого не может быть!» до «в этом что-то есть!», тем самым подготавливая и стадию последнюю; «это всем давно известно». Но вернемся к характеристике «составляющих». В каком смысле этическая деловая игра - это «игра», игра «деловая» и «деловая игра «этическая».

На данном этапе теоретического осмысления метода этических деловых игр и его проектной разработки менее всего исследована именно «игровая» составляющая. Полуинтуитивные находки начального этапа, эмпирические «открытия» и первые попытки приложения общенаучной концепции игровой деятельности, специализированных теорий показывают, что эффект развития метода в значительной степени обусловлен углубленной проработкой имеющихся в

педагогической, психологической, культурологической, управленческой отраслях знания подходов и результатов. Игровой потенциал метода этических деловых игр может быть увеличен за счет освоения самых различных результатов. Здесь и анализ многогранного смысла слов «игра», «играть» в словаре В. Даля, обнаруживающий в богатстве «живого языка» такие значения, как, например, развлечение, игра с огнем, игра судьбы, игра природы, исполнение роли в пьесе, играть руководящую роль, играть на нервах, играть с жизнью, играть с людьми, играет волна и так далее¹⁸⁴, которые в прямом, основном и переносном значении этих слов значительно расширяют контекст представлений о данной составляющей. Здесь и апелляция к историческим корням «дерева игр» - исследователи-педагоги подчеркивают естественность возникновения игрового метода из практических потребностей первобытного охотника в передаче последующим поколениям опыта своей деятельности, а научить способам деятельности легче всего было в игре¹⁸⁵.

Здесь и культурологическая концепция игровой деятельности как двуплановой, синтезирующей практическое и условное поведение. Как показал Ю. М. Лотман, «в сфере поведения практическая деятельность и работа с моделью резко разделены, хотя и взаимоотносятся. Однако существует моделирующая деятельность, которой подобное разграничение не свойственно. Это игра. Игра подразумевает особое игровое поведение, отличное и от практического, и от определяемого обращением к научным моделям. Игра подразумевает одновременно реализацию (а не последовательную смену во времени) практического и условного поведения. Играющий должен одновременно и помнить, что он участвует в условной (не подлинной) ситуации, и не помнить этого. Искусство игры заключается именно в овладении навыками двупланового поведения. Любое выпадение из него: в одноплановый «серьезный» или одноплановый «условный» тип поведения разрушает его специфику»¹⁸⁶.

В литературе развивают анализ игры через призму свободного времени¹⁸⁷, дают ей характеристику как виду человеческой деятельности через сравнение с трудовой деятельностью в истматовском ключе¹⁸⁸, выделяют подход к соревновательности в игре как способу соединения норм труда и норм игры¹⁸⁹ и т. д.¹⁹⁰.

Итак, *игра*, - потому, что речь идет о варианте чрезвычайно многогранного игрового феномена в жизнедеятельности общества, атрибутивной чертой которого является способность воспроизводить все другие виды человеческой деятельности, интегрируя при этом как самоценность процесса игры, самовыражения внутренних сил личности, так и результативность игровой деятельности, «условность» и «серьезность», импровизацию и организованное поведение и т. д. Как вид самой игровой деятельности этическая деловая игра характерна имитационным моделированием, проигрыванием моральных ситуаций в искусственных условиях, имитированием решений, оценок, поступков в обстоятельствах выполнения той или иной заложенной в игровом сценарии роли, исполнением роли как способе «представления себя «со стороны», действиями по набору игровых правил, воспроизведением и импровизацией имитируемой деятельности под влиянием соревновательных стимулов и т. п. Особо важна для игровой «составляющей» метода вариативность условий, решений, оценок, возможность и необходимость акта выбора, поиска творческого решения, действия. Здесь заложен значительный потенциал использования метода в формировании культуры морального выбора, в развитии морального творчества личности.

Игра деловая в том смысле, что - в отличие от игр спортивных, досуговых, карнавальных и т. п. этическая деловая игра прагматически ориентирована на «игру взрослых в свою работу», на приложение к определенному делу - делу управленческому. Сочетая моменты незаинтересованности мотива, самоценности процесса - с одной стороны и предметную ориентированность - с другой - такого рода игра может и не сводиться к ожиданию на «выходе» предметного продукта (проекта, программы, решения и т. п.), игра будет деловой в том случае, когда в ее итоге вырабатывается культура «ноу-хау», приложимая как для создания тех же проектов и программ, так и для "умения уметь" в сфере управленческих решений по вопросам морали и воспитания.

Участник деловой игры оказывается включенным в имитируемую ситуацию в той или иной роли, чаще всего совпадающей с его реальной ролью в профессиональной деятельности (или с той, к которой он готовится в процессе обучения) - в этом смысле происходит «игра в самих себя» с обязанностью принимать и исполнять решения. Участник игры в этом случае - не просто объект педагогического воздействия, не пассивный элемент информационного процесса, а субъект познания и действия со всеми атрибутами свободного выбора.

Учтем, что характеристика «деловая» весьма условна и в отношении к характеристике «этическая» и в отношении к характеристике «игра» - широко распространенное определение игры прямо противопоставляет ее как внеутилитарную деятельность. Однако, отвлекаясь здесь от различия в литературе деловых и имитационных игр, рассматривая соответствующие термины как синонимы¹⁹¹, отметим: и мораль, и воспитание являются атрибутами человеческой деятельности, а моральный субъект имеет статус ЛПР. И хотя не всякая этическая деловая игра есть собственно практика морали или воспитания, в разработанном цикле есть и такие игры, которые решают реальные ситуации, проектируют реальные феномены («Кодекс», «План»), и доля последних в цикле игр все возрастает. В результате игры достигается определенный результат, процесс получения которого позволяет участникам «прожить» в имитируемой ситуации определенное время, «наблюдая результат своих управленческих решений, получая обратную связь из внешней среды»¹⁹². Включенный в ситуацию, благодаря конкретной роли, обязанный принимать решения и действовать - от этого зависит исход ситуации, - человек является участником деловой игры. Поэтому, кстати, на встречающиеся в процессе обсуждения опыта этических деловых игр замечания о том, что не надо переоценивать роль данного метода - он вторичен по сравнению с первичностью реального морального творчества, он паллиатив по отношению к реальной нравственной жизни, - следует возразить: не надо и недооценивать возможностей освоения нравственного опыта, творчества новых норм и ценностей, реализации их в процессе деловой игры.

Одним из факторов, усиливающих указанный выше смысл второй «составляющей», является такое совпадение имитируемых ролей с реальными ролями участников игры, которое выражается в том, что в игре участвует действительная ячейка трудового коллектива, пусть временная, но решающая реальные задачи¹⁹³. Этические деловые игры в нашем опыте - это серия игр, адекватная каждому блоку проектируемой системы управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе. Их основной заказчик - субъект управления, ЛПР, организатор воспитательной деятельности. Однако, благодаря представительному участию в играх членов трудового коллектива, предигровому и

послеигровому плану работы исследователей и коллектива, воспитательный эффект этических деловых игр отражается на всем коллективе.

Называя игру деловой, мы также подчеркиваем, что условием применения данного метода является отношение к нему не просто как к «задачнику», но и как к «решешнику», как к «конструктору». В этом случае деловые игры дают возможность их участникам минимизировать метод проб и ошибок в реальной деятельности, избежать этого метода там, где это возможно, пробуя и ошибаясь в лабораторных условиях, совершенствуя тем самым свою нравственную культуру в союзе личного опыта, опыта других людей и специалистов по этике.

Особое значение имеет деловая игра для начинающих руководителей: она позволяет снять тот - увы! - момент справедливости в нигилистическом отношении практиков к науке, который отражен в монологе Аркадия Райкина - руководитель напутствует молодого специалиста, предлагая забыть все, чему его учили: «Здесь тебе не школа и не академия, здесь, братец, дело делается». ЛПР вырабатывает алгоритмы решений в личном опыте, значит, и готовить его к исканиям и находениям (во всех сферах жизни, в том числе и в сфере морали и воспитания) надо в том же духе, используя научно разработанные алгоритмы.

Этической деловая игра становится в том случае, когда она ориентирована на цели этики как «практической философии», стремясь способствовать нравственным исканиям личности, обретению ею нравственной позиции посредством проектирования таких процедур и акций нравственно-воспитательного профиля, которые осуществляются в совместной работе объекта и субъекта управления. Малейшее нарушение меры в сочетании таких составляющих, как «игра» и «деловая» приводит к смешению условного и серьезного, игры и труда, профанации труда и уничтожению игры как нравственно-эстетической ценности. Соблюдение меры, системообразующий элемент синкретизма обеих составляющих и обеспечивается этическим характером игры, ориентирующим игру и дело на развитие морального творчества личности с его социальной значимостью, инновационной культурой и потенциалом самореализации личности как конечными целями управления нравственным воспитанием средствами этики как «практической философии».

Строгую квалификацию общего и особенного между этическими и иными видами деловых игр (хозяйственных, организационных, дидактических и т. п.) еще только предстоит произвести, но уже сейчас можно отметить, что этическая составляющая характеризует роль описываемого здесь метода этико-прикладных исследований как для целей собственно нравственно-воспитательной деятельности, так и для нравственного обеспечения целей и средств иных видов деловой игры. Этические деловые игры берут на себя - должны взять - в этом случае роль ценностного контроля, экспертизы и профилактики возможной диверсификации метода деловых игр в различных сферах управления и обучения. Иначе широкий фронт деловых игр в сегодняшней управленческой практике, в подготовке кадров и т. п. может обернуться трансформацией «игры для пользы дела» в «бюрократические игры»; этическая составляющая в этом плане обеспечивает выявление скрытых целей такого рода «бюрократических игр», постановку и реализацию действительно гуманных целей обучения, проектирования, воспитания, выбор соответствующих им средств, критику буржуазной «технологии управления».

За характеристикой «составляющих» должно бы следовать определение общего понятия - ведь уже представление о каждой из них в отдельности пока-

зывает взаимосвязь между ними, обуславливающую для каждой статус целого. Однако сегодня целесообразнее не стремление к строгой дефиниции, а выявление оснований будущего определения и формулирование рабочей гипотезы перспектив метода. Основание это заключается, на наш взгляд, в способе связи всех трех составляющих - через процесс «встречного движения» прикладной этики и управленческой практики в сфере воспитания. В этом плане развитие метода этических деловых игр, инициируя постановку и поиск решений целого ряда проблем (морального творчества, культуры морального выбора, специфики общения в игровой деятельности, принятия коллективных оценок и групповых решений и т. п.), обеспечивает этот поиск своим потенциалом, являясь эффективным методом прикладных исследований и разработок, средством внедрения соответствующих результатов прикладной этики.

Что касается рабочей гипотезы по развитию потенциала метода, то в ней акцентируются две особенности метода этических деловых игр: внутриэтический ресурс его развития и многогранная комплексность метода. Первый акцент необходим потому, что инновационность данного метода нередко связывается с внеэтической сферой теории и практики - с теорией организации, системным методом и т. п. Связь же эту не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Основной резерв совершенствования метода содержится в этико-прикладном знании; еще предстоит раскрыть и использовать именно внутриэтический инновационный потенциал метода этических деловых игр.

Многогранность комплексного эффекта метода этических деловых игр является выражением таких граней комплекса, как, во-первых, комплекс его функций, соответствующих практически всем функциям прикладного знания: *исследовательской* (так, например, создавалась игра «Экспертная оценка»), проектной (такую роль выполняли, например, игры «Кодекс трудового коллектива», «Кодекс руководителя»), *экспертной* (игры соответствующего названия, когда они были «запущены» уже с управленческой целью), учебной (игра «Аттестация», игра «План» и воспитательной (в той или иной мере эту функцию выполняют все игры цикла). Характерна при этом "внутриигровая" комплексность - в каждой игре взаимодополняются и переплетаются практически все указанные выше функции (очевиден синкретизм функций игры «Кодекс»: проектная, учебная, экспертная, воспитательная).

Многогранная комплексность метода выражается, во-вторых, в том, что несводимый к активным методам обучения, как было только что показано, он обеспечивает все функции прикладной этики, а не только педагогическую, он вместе с тем интегрирует в себе большинство средств и приемов активного обучения. Являясь, в свою очередь, элементом системы активных методов обучения¹⁹⁴, представляя собой специализированный раздел этического практикума, этические деловые игры по мере их развития и совершенствования все более насыщаются другими формами данного практикума. Речь идет о том, что сегодня разработчики метода все активнее включают в сценарии игр и диалоги, и разборы ситуаций, и специальные задачи на выбор и оценку. При этом, разумеется, важно осознание специфики каждой формы, умение различать - и уж потом синтезировать - имитацию и игру, имитационную игру и анализ конкретной ситуации и т. п.¹⁹⁵. Необходимо, в-третьих, выделить в методе игры потенциал комплексирования различных знаний о морали и воспитании, смежных по отношению к прикладной этике отраслей науки. Метод этических деловых игр обеспечивается всем комплексом «прикладного человековедения», содействуя, в свою очередь, развитию этого комплекса.

В-четвертых, речь идет о комплексе «теория - практика», в отношении к которому метод этических деловых игр дает новый тип сотрудничества исследователей и ЛПР, реализуемый в процессе деятельности целевых научно-практических бригад и выражающийся в переходе от оказания эпизодических «услуг» к активному формированию научной политики в сфере воспитания, к формированию у организаторов воспитательной деятельности культуры научного управления. Этот последний эффект достигается благодаря развитию у участников деловых игр культуры «ноу-хау». И исследователи-педагоги, и культурологи выделяют в потенциале игрового метода данное обстоятельство: «Игра выделилась на определенном этапе развития культуры как деятельность по овладению «умением уметь»¹⁹⁶.

Как описать типовую этическую деловую игру? Тем более описать ее для тех, кто ни разу в ней не участвовал и не видел ее? Да и для тех, кто играл неоднократно, как представить инвариантную суть этого метода, зная, что практически каждая из внедренных игр отличается друг от друга не только темой, но и акцентами в универсальном алгоритме, и технологическими атрибутами? И сложность здесь - в отсутствии общепринятого языка у исследователей разных видов игр, представляющих различные теоретические подходы. Нет и языка символического. Не случайно специалисты обращают внимание на легкость описания спортивных игр, особенно шахматных партий, и отмечают, что трудности описания имитационных игр еще и в том, что «их правила большинству читателей неизвестны и поэтому на каждой странице все приходится объяснять сначала»¹⁹⁷.

В основу такого описания в следующей главе мы положили алгоритм игры и попытались продемонстрировать его, совмещая описание с элементами репортажа при характеристике панорамы системы управления с помощью основных игр цикла. Здесь же обратим внимание на роль алгоритма игры: ее участники выполняют задание в два этапа, первый из которых во многом интуитивная работа по оценке, проектированию и т. п. видам заданий, второй проводится по методике, разработанной авторами игры. Как показывает опыт внедрения, подключение на втором этапе игры научных консультантов, выступления экспертов, представляющих коллектив разработчиков по методике, позволяющей ввести интуитивные поиски решений в научно-организованное русло, дискуссии внутри бригад и между ними, в которых совмещаются позиции исследователей и практиков, - все это дает исследовательский, проектировочный и учебный эффект. Это проявляется и при сравнении двух этапов работы над «Кодексом», и при сравнительном анализе первого и второго варианта аттестационной характеристики в соответствующей игре, при конструировании плана воспитательной работы и т. д.¹⁹⁸.

Эффективность избранного алгоритма проявляется прежде всего в организации морального творчества. Сравнивая мотивы обращения к методу деловых игр в психологических, педагогических исследованиях и в прикладной этике, выше мы показали, что для этических деловых игр значимы, разумеется, и поиск исследовательских средств, и попытки минимизировать метод проб и ошибок в обучении. Но ведущим мотивом следует считать разработку путей и форм интеграции этики, морали и воспитания, средств организации этического, морального и воспитательного творчества. На творческую деятельность «обречены» все участники этических деловых игр; и авторы, и исполнители, и эксперты, и даже «зрители». Метод этических деловых игр содержит особый потенциал коллективного творчества нового и в этом его принципиальное инно-

важное значение. Оно обусловлено тем, что новое в морали «создать ныне отдельному человеку так же трудно, как в одиночку «открыть» и разработать целые отрасли науки... Каждая действительно новая норма и оценка есть народное творчество или, по крайней мере, коллективное творчество»¹⁹⁹.

Современное обществознание активно реагирует на «социальный заказ» - теоретическое и теоретико-прикладное обеспечение работы по развитию активного морального творчества субъекта. Этики достигли существенных результатов как в характеристике панорамы проблемы, так и в решении ее некоторых аспектов. Наиболее эффективные выводы сделаны, на наш взгляд, в исследованиях А. И. Титаренко. Автор подчеркивает в творчестве инновационные элементы и поэтому ставит акцент на обусловленности творчества, как всякий поисковой деятельности, риском и ответственностью. «Особенно велика эта ответственность в моральном творчестве, в кристаллизации новых социально-нравственных ценностей»²⁰⁰. При этом важно выделение автором в моральном творчестве не только инновационных элементов, но творческого освоения и творческого применения уже практикуемых моральных норм и ценностей. «Под моральным творчеством, - подчеркивает автор, - надо понимать не только выработку и выдвижение новых норм, идеалов, оценок. Моральное творчество состоит также в осуществлении, реализации уже существующих позитивных нравственных оценок, норм в своеобразных конкретных ситуациях, в наиболее эффективном и гуманном решении нравственных конфликтов, в выборе жизненного пути, своего «замысла жизни» и его воплощении, превращении из личного идеала в реальность и т. д.»²⁰¹. В книге еще раз акцентируется такая мысль: «Симптоматично, что в общем запасе нравственного быта современного человека все более важное место начинает занимать способность творчески применять нормы в конкретных ситуациях»²⁰².

Однако сам по себе накопленный современными исследователями «задел» в данной проблематике еще не означает ни исчерпанности проблемы, ни даже обнаружения всех возможных подходов и решений. Открытым остается прежде всего вопрос научного обеспечения развития морального творчества субъекта, актуален поиск путей взаимодействия, «встречного движения» этической теории, практики морали и воспитания как творческого процесса, организованного специальными методами.

Выделяя виды творчества как процесса созидательного, наряду с очевидными - научным, художественным, изобретательским, - современное знание выделяет творчество организационное. В этом плане этические деловые игры являют собой «двойное творчество», ибо организация морального творчества есть фактически «творчество творчества».

Разумеется, описанный в следующей главе способ создания профессионально-нравственного кодекса не следует считать единственным или универсальным, здесь важнее скорее факт именно организованного нормотворчества, причем творчества не просто в выработке норм-средств, но и в целеопределении.

Позиция авторов метода в этом вопросе совпадает и с отзывами других специалистов. Так, в экспертном заключении об опыте разработки и внедрения метода этических деловых игр, данном кафедрой этики МГУ, подчеркивается в качестве важного достоинства метода в целом и одной из игр - «Кодекс трудового коллектива» именно интеграция теории и практики, достигаемая благодаря научному обеспечению процесса развития моральной активности субъекта. "Здесь - отмечает А. И. Титаренко, - оказываются органически объединенны-

ми: а) непосредственный, живой «зондаж» морального состояния коллектива, то, что традиционно представлено в конкретных этических исследованиях, проводимых с помощью методик анкетирования; б) своеобразное «возбуждение» моральной активности членов коллектива, заинтересованно вырабатывающих от этапа к этапу все более точную нравственную оценку явления, соответственно согласующих и уточняющих общие моральные ориентиры и критерии совместной жизнедеятельности, устраняющих различные поверхностные, иллюзорные моральные предубеждения и разнобой в оценках, столь характерные для стихийного, обыденного сознания; г) выработка и принятие моральных кодексов жизни трудовых коллективов, выступающих в виде повседневных программ поведения.

Единство этих трех сторон невозможно недооценить. Если первый аспект представлен в нашей этике в виде конкретных этических исследований с традиционной методикой, то второй - почти не представлен, оттеснен скорее куда-то в область педагогики, а третий отдан полностью в руки тех, кто «по должности» обязан «воспитывать» людей в коллективе. А ведь эти три аспекта - это три звена связи этики с жизнью, только и составляющие единую цепь этой связи. И дело не в последовательности даже - можно, например, в теории начинать с реально сложившихся в нравах моральных кодексов коллективов, а в их единстве.

Исследование реального состояния нравственной жизни коллективов может остаться только описанием, если его результаты не станут ориентирами их деятельности (хотя бы в виде «кодексов»); однако предложение самых идеальных кодексов может выглядеть как умозрительное прожектерство, парящее над реальной нравственной практикой; эти две стороны (условно говоря, дескриптивная и нормативная) оказываются саморазорванными, если потеряна их связующая ось - сам процесс моральной активности субъекта деятельности коллектива. То, что эта ось не потеряна в опыте тюменских этиков и придает особую творческую перспективу их смелому начинанию»²⁰³.

Как уже было отмечено выше, эффект научной организации морального творчества в процессе этических деловых игр достигается за счет специального алгоритма и особой формы сотрудничества ученых и практиков - целевой научно-практической бригады. Однако алгоритм такой игры - это не позиция интеллектуальной элитарности авторов разработки - ученых. В этом методе заложен потенциал диалогичности: и общения, и мышления; позиция диалога, принцип майэвтики - существенная сторона алгоритма, связанная с этическими основами метода. Метод игр - это не мышление «за другого», которое бы «явным или неявным образом» предполагало «интеллектуальную несамостоятельность» участников игры, оставляя за ними в лучшем случае «функцию воспроизведения уже проделанных творческих актов»²⁰⁴. В противоположность такого рода «сострадательной активности» этические деловые игры учитывают и отражают отмоченное исследователями характерное для современной науки и культуры взаимоотношения с аудиторией, «изменение самого типа апелляции к широкой массовой аудитории», когда «получили призвание ее интеллектуальная самостоятельность и жизненная опытность, перестроилась общая стилистика мышления... Предполагаемый потребитель произведения принимается в значении соавтора, сотворца, многое строится в расчете на его встречную интуицию, сама смысловая композиция продукта духовного труда подчиняется требованиям «открытому диалога»²⁰⁵.

Однако диалог в методике этической деловой игры - это не только и

не столько средство обучения. Опираясь на достижения современной, в том числе моралистической литературы, развивающей и использующей этический диалог²⁰⁶, данный метод усматривает в диалоге богатый потенциал. Исследователь, специалист по прикладным разработкам, выступая в роли автора сценария, члена экспертной группы, научного консультанта, реализует принцип майэвтики, который и определяет эффект сотворчества. Практика внедрения метода, ее теоретическое осмысление осваивают достижения научной литературы, исследующей проблему диалогичности не только как форму мышления, но и с точки зрения «производства идей»²⁰⁷.

Диалогичность характерна для всего синергического эффекта метода этических деловых игр: эффекта общения, эффекта организации, эффекта ГПР, и, таким образом, для формы сотрудничества ученых и практиков - целевой бригады. В завершающем разделе еще предстоит характеристика целевой бригады как формы организации встречного движения теории и практики, а здесь же надо отметить, что целевая бригада обеспечивает реализацию алгоритма игры и, в свою очередь, является организационной основой, ибо само ее название отражает особенность связи этики и морали, теоретического и обыденного сознания в нравственном воспитании, специфику теоретизирования в этой сфере и принятии управленческих решений. Элемент комплексности в данном случае пронизывает все стороны действия бригады: это, во-первых, комплексный субъект, полномочный и персонифицированный субъект системы «этика - мораль - воспитание» в ее управленческом аспекте. При этом можно говорить о двух уровнях целевой бригады: включать в нее только разработчиков игры и тех, кто ее ведет; еще и самих участников игры. Всесторонняя комплексность целевой бригады проявляется, во-вторых, и в деятельности практиков - они представляют разные социальные роли, сферы деятельности, уровни, организационные функции и т. п., и в деятельность ученых - с точки зрения представляемых ими научных дисциплин (этика, педагогика, социальная психология, социология, советское и партийное строительство, теория идеологического процесса и т. п.), и уровней исследования (фундаментальный и прикладной), и в интеграции теоретической и практической деятельности.

Многokrатно подчеркивая этическую составляющую метода, мы должны в заключение выделить специально «техусловия», ограничения к методу, его разработке и внедрению, которые бы гарантировали свободное моральное творчество, являясь профилактикой против «заорганизованности», подмены морального нормотворчества административным рвением. Ограничения к методу в основе своей совпадают с общими принципами и нормами «Этоса приложения». Важно, однако, учесть и ограничения этико-педагогического и этико-психологического плана, от соблюдения которых зависит сохранение этической составляющей метода. Так, на применение этических деловых игр в подготовке организаторов в сфере воспитания, особенно тех игр, где доминируют технологические проблемы управленческой деятельности (игры «План», «Анализ»), распространяется вывод, полученный исследователем игрового метода, специалистом по педагогике Ю. Азаровым. «...Если игровое общение не захватывает самый главный пласт человеческой жизни, если не раскрывает детям самые главные ценности нормативного плана, то такая игра неизбежно обращается в развлекательство, в забаву. Игра без высокого духовного содержания всегда обречена на вырождение. Это правило, мне кажется, распространяется на все игры, в том числе и на деловые игры, которыми сейчас увлекаются многие ученые»²⁰⁸.

Ряд ограничений, которые необходимо учитывать при использовании игрового метода, отмечают психологи. Эти ограничения отражают тот объективный факт, что недостатки метода вырастают как продолжение его достоинств. Иногда участники игр, зная, что это игра, ставят (возможно, неосознанно) под сомнение реалистичность игровой ситуации, не могут совершить переноса знаний на реальный процесс деятельности; отсюда - опасность ложных выводов, отсутствие ответственности за игровое решение.

Разумеется, на «взрослые» игры следует перенести ограничение, выделенное педагогами для игр детских: «Но насколько она прекрасна, настолько и опасна. Игра рождает дух соперничества, стремление во что бы то ни стало достигнуть успеха: и это безудержное стремление способно подмять нравственную норму. Игра, как и многие другие динамические средства, хороша тогда, когда демократизирует общение, когда выводит слабого ученика из состояния незнания, когда вызывает в каждом неодолимую потребность учиться, увлеченно работать»²⁰⁹.

Мы не стремимся дать здесь полный набор «техусловий». Задача эта решается каждый раз с учетом особых - по теме и алгоритму игры - обстоятельств. Сейчас, на этапе становления метода, важно само осознание необходимости ограничений и выявление наиболее важных среди них, самых первоочередных.

От исходной идеи метода этических деловых игр до серьезно разработанной теории - дистанция большая. И разработчики сегодня не прошли еще всего необходимого пути, выстраивая и достраивая соответствующую теорию «на ходу». В последнее время появились уже диссертации об этом методе. В них, наряду с обобщением опыта и методическими поисками, содержатся и теоретические разработки²¹⁰. Но уже сегодня можно с уверенностью говорить о тесной связи метода деловых игр с судьбами этико-прикладного знания, взаимной обусловленности их успехов (и их неудач).

§ 4. Кодекс этико-прикладных исследований и разработок

Данная тема занимает особое место в книге, пребывая на стыке между конституируемой теорией и ее развертыванием в процессе обоснования и демонстрации конкретных объектов и результатов этико-прикладных исследований и разработок. Рассмотрев ее (и главу в целом), мы перейдем Рубикон, на другой стороне которого - реальность мира прикладной этики, ее проявленность в программах, системах, проектах, рекомендациях. Естественно предвзреть этот переход характеристикой «техусловий», норм-рамок, определяющих активность этико-прикладных исследований в процессе «встречного движения», ограничивающих цели и средства преобразующего воздействия этико-прикладного знания на практику нравственно-воспитательной деятельности по каналу управления. Именно ориентация внедрения результатов прикладных исследований и разработок по каналу *управления* требует осознания «этоса приложения», мобилизует внимание к специализированной концентрации данной проблематики. При этом, мы оставляем на периферии своего внимания и этос управленческой деятельности, и этос «встречного движения» теории и практики, акцентируя этос собственно исследовательской деятельности. Разумеется, такое разграничение возможно лишь в определенных пределах, но мы рассматриваем не Кодекс организатора воспитательной деятельности, а Кодекс исследователя в сфере этико-прикладного знания. Характеризуя данный

Кодекс - свод принципов, норм и правил, выражающих грани и меру ответственности перед наукой и практикой («заказчиков» в широком смысле слова) и определяющих комплекс «техусловий» к эффективности прикладных исследований, прикладной этики в целом - мы только *ставим задачу* конкретизации решения общего вопроса «Что может, должна и не может прикладная этика?» Подчеркнем: не претендуя здесь на «доразвитие» такого решения до проектного уровня результатов исследования того класса задач, которые входят в компетенцию прикладной этики²¹¹, мы рассматриваем соответствующий Кодекс не как набор запретов, а как «гуманистический фильтр», обладающий способностью не только «отклонять», но и катализировать необходимые направления прикладных исследований и разработок, стимулировать их, давать настрой на *преодоление* трудностей и препятствий.

Почему же возникает проблема именно «ограничений» к этико-прикладным исследованиям? Каким образом она разрешается в процессе создания и внедрения системы гуманистических запретов и позитивных стимулов? Что обеспечивает этико-прикладному знанию способность выступать эффективной альтернативой как сциентизму, так и антисциентизму в представлениях об интеграции теории и практики нравственно-воспитательной деятельности, противостоять антигуманистической направленности и содержанию немарксистских теорий социально-инженерного типа? Эта серия вопросов показывает логику наших рассуждений от формулировки проблемы до ее разрешения.

Хотя термины «ограничения» и «техусловия» обычно не используются в общественности, они применены здесь не случайно. Этап становления прикладной этики требует особой тщательности в создании и применении специальных ограничений на исследования и разработки. Их необходимость определяется, в первую очередь, фактом использования для развития прикладной этики общенаучного и общеуправленческого опыта, с одной стороны, спецификой объекта приложения, нравственным суверенитетом личности - с другой. Эта «антиномия» управления и самодеятельности объекта породила скептические взгляды на возможности прикладной этики, в ней - объяснение того обстоятельства, что первые «техусловия» осознавались авторами первых этико-прикладных исследований преимущественно в форме запрета.

Второй фактор, актуализирующий «ограничения», - кадровый состав подразделений, занимающихся этико-прикладными исследованиями. Как и в смежных отраслях знаний, в прикладной социологии, например²¹², в прикладную этику пришли как «чистые» философы, историки, филологи, так и специалисты весьма далеких от этики отраслей знаний: математики, инженеры и т. п. Естественно, что первым больше свойственна настороженность в отношении к социально-технологическим задачам и методам, тогда как инженерам больше присуще стремление «снести» все границы в выборе объектов и средств исследования и проектирования. Соответственно для вторых важно акцентировать именно «ограничения», тогда как для первых прежде всего *стимулы*. Именно акцент на стимулы позволяет сбалансировать тенденции в формировании Кодекса прикладной этики, ибо сегодня можно утверждать, что преодолеть психологического барьера против прикладной этики и практические успехи в непосредственном научном обеспечении управления нравственно-воспитательной деятельностью увеличили дозу позитивных «техусловий».

Условием, позволившим сочетать научный подход к управлению нравственно-воспитательной деятельностью со спецификой объекта управления, явилось соблюдение «соавторства» этики и морального сознания в процессе

морального творчества. В этом выводе содержится и основное «техусловие» к этико-прикладным разработкам; оно позволяет показать односторонность позиций в дискуссиях об «антиномии» управления и моральной суверенности. При этом важно подчеркнуть, что основное «ограничение» к этико-прикладным исследованиям и разработкам имеет не только запретительный смысл - против попыток разрешить сложные моральные проблемы с «инженерных» позиций, не специализированных к объекту управления, - но является именно позитивным стимулом. «Этос приложения» в данном случае опирается на зарекомендовавший себя многофункциональный метод этических деловых игр. Организация морального творчества личности и коллектива благодаря игровому методу оказывается тем процессом, который обеспечивает наиболее эффективное сотрудничество науки и практики нравственно-воспитательной деятельности, а демократизация этого процесса, разработка таких методик, которые обеспечивают вовлечение и реальную причастность трудового коллектива к научному управлению, - тем средством, которое позволяет максимально сблизить интересы объекта и субъекта управления нравственным воспитанием.

Современная ситуация нравственного воспитания, как это было показано в разделе первом, характеризуется перемещением центра тяжести в моральной регуляции от того сектора норм, который имеет ограничительное, сдерживающее, запрещающее значение, к той части, которая обладает побудительно-активным, стимулирующе-инициативным смыслом. Это имеет важное значение для развития этико-прикладных исследований и разработок. Так, например, специфической чертой этического проектирования в отношении к социальному проектированию иногда считаются нравственные ограничения, накладываемые на выбор организационных форм проведения исследований и разработок. В этом случае самой надежной гарантией против возможных нежелательных последствий прикладных разработок представляется развитие и закрепление в деятельности исследователей системы предохранительных запретов²¹³. Такая система действительно необходима, однако сегодня важно заострить внимание именно на позитивных стимулах и методах организации этических разработок, выросших из осознания специфики моральной регуляции, акцентировать возможность и необходимость расширения имеющего арсенала этих методов.

Кодекс этико-прикладных исследований складывается сегодня из оснований всей системы норм, с одной стороны, и набора конкретных «техусловий» - с другой. При этом основания являются стабилизирующим элементом, а нормы-запреты и нормы-цели Кодекса могут (и должны) меняться в зависимости от исследовательской ситуации, ситуации внедрения и т. д.

Что касается оснований, то мы фактически уже выделили их в процессе характеристики современного статуса этики как «практической философии». Они обусловлены, во-первых, таким осознанием ложности альтернативы сциентизма и антисциентизма, которое приводит к конструктивной критике, способной не только вскрыть классовые и теоретические корни «социальной инженерии» и т. п. «антиидей» буржуазной науки, но и продемонстрировать возможности марксистско-ленинской этики выступать гуманистической альтернативой метафизическим концепциям. Во-вторых, эти основания содержатся в осознании опасности подмены этикой своего предмета, - мораль «сама в себе цель», и в позитивном выводе из такого осознания, согласно которому этика в процессе воздействия на свой предмет стремится возвысить моральное сознание индивида, его мировоззренческий уровень до этико-философского, этико-социального взгляда на общество.

Выделим здесь еще одно основание, заключающееся в выводе об упрощенности и даже ошибке такого понимания приложения этики к практике, по которому этика «изобретает» нравственные нормы, а потом «напрямую», с помощью пропагандистских и организационных мероприятий, незамедлительно «внедряет» их в жизнь, исключая как моральное творчество личности, так и «изменение обстоятельств». Такая карикатура не имеет отношения к марксистской позиции. Задачи прикладной этики реализуются лишь в том случае, если они сопрягаются с задачами социального управления в целом. Так, например, этика, опираясь на результаты фундаментальных исследований и обобщение нравственной практики, должна стремиться, «во-первых, предложить нормативный идеал нравственного поведения на уровне субъект-субъектных отношений. В этом смысле формулировка нравственных требований в «моральных кодексах» - это, бесспорно, проект. Во-вторых, "проиграть" возможные варианты реализации максимальных этических требований в ситуациях различного типа. Этические упражнения, практикумы по этике непосредственно служат именно этой цели (на основе соответствующих теоретических разработок). В-третьих, спроектировать условия, оптимальные для реализации двух первых проектов (спланировать, насколько это от нас зависит, нравственную среду формирования личности). В-четвертых, дать рекомендации по нравственному воспитанию для личностей различного типа»²¹⁴.

Характеризуя основания конкретных норм Кодекса этико-прикладных исследований, мы не стремились показать каждое из них в равной пропорции с другими, взвесить их удельный вес, ибо такого рода основаниями является фактически все предшествующее содержание нашей работы. То же самое можно сказать и о демонстрируемом ниже наборе «техусловий», выведенных из указанных выше оснований. Так, например, специальный анализ показал возможность разбить этот набор на три группы. Первая связывается со спецификой объекта управления, вторая выражается в ограничениях гуманистического характера, адресованных субъекту управления, третья - с ограничениями, накладываемыми этапом становления этико-прикладного знания²¹⁵. Представляется, что эта классификация «постфактум» с достаточной мерой адекватности отражает ту классификацию, которая была заложена в процессе разработки «техусловий».

Итак, как из вышеуказанных оснований выводятся «техусловия» конкретного плана? Вот, например, «техусловие», вытекающее из специфики объекта управления: использование науковедческой формулы связи науки и практики для характеристики этики не должно приводить к забвению специфики той сферы, к которой прилагается общая структура познания и действия (цикл «наука-практика») - специфики морали и воспитания. В научном обеспечении процесса нравственного формирования личности содержатся поэтому требования «соавторства» этики с личностью, проблема сочетания процесса усвоения человеком нравственных требований общества и его личного морального творчества.

Далее. Характеристика цикла «этическая наука - моральная практика» включает традиционные для общенаучного процесса познания элементы. Речь идет о программах нравственного воспитания, экспериментальных учебных и методических разработках, их практическом испытании и т. п. Необходимо поэтому определить пределы этического эксперимента, как это делается, например, в педагогике. Причем и здесь задача заключается не только в установлении запретов, но и в позитивном решении вопроса о целях и методиках про-

ведения эксперимента по управлению нравственным воспитанием.

Специальное изучение проблемы внедрения итогов этико-прикладных разработок, осознание необходимых для этого организационных и методических поисков сопряжено с предупреждением опасности шаблонного отношения к внедрению, с соблюдением требований, условий, предупреждающих конвейеризацию применения научных результатов. Специфичность объекта приложения ставит определенные ограничения и на формализацию прикладных исследований в процессе применения достижений системного подхода, кибернетики, математики и т. п. Еще одно «техусловие»: становление прикладной этики порождает своеобразные «болезни роста», которые необходимо уметь диагностировать, проводить профилактику и «лечить». Среди них - неадекватные претензии на достоверность знания, кустарничество, ложные изобретательство и рационализация, целая цепочка компромиссов между крайностями «абстрактной методологизации» и «примитивной морализации». Для прикладной этики, как и социальной технологии в целом, весьма вредны «некомпетентный энтузиазм», «легкомысленный авантюризм» и псевдоноваторство.

Это последнее «техусловие» можно считать определением «пределов полезности» прикладной этики для практики управления нравственно-воспитательной деятельностью. Прикладная этика при всех ее реальных и возможных успехах не является панацеей, переоценка полезности ее рекомендаций столь же вредна, как вредно неверие в их значимость. Как и сама мораль, этико-прикладное знание - лишь элемент многостороннего процесса жизни общества и комплекса общественознания. Поэтому необходимы отчетливое представление о той сфере, в которой прикладная этика эффективна, ясное определение класса задач, «вписывающихся» в ее пределы как для постановки, так и для решения. В. Шубкин писал об опыте прикладной социологии: «Люди сплошь и рядом становятся жертвами собственной пропаганды. И ученым, работающим в социологии, которые столько сил потратили на то, чтобы пробить эту новую область знания, начинает казаться, что они всемогущи, что они методами своей науки способны изучить человека и общество вдоль и поперек. Увлекаясь, они вторгаются в соседние области знания, в искусство, в литературу, полагая, что им все ведомо и доступно.

Здесь, на этих рубежах, сплошь и рядом происходит превращение науки в то, что К. Маркс называл светскими формами религиозного сознания. Вот почему поистине актуально и сейчас, прежде чем объединиться - размежеваться, критически оценить используемые методы, уяснить себе, кто есть кто, где твои сферы влияния»²¹⁶.

Разумеется, не следует впадать и в противоположную крайность, лишать себя уверенности в необходимости прикладной этики. На начальном этапе ее развития важно осознать, что она не может и не должна быть слегка усовершенствованным здравым смыслом, поэтому ей следует стремиться к тому, чтобы скорее уйти от этого уровня (без которого не удалось обойтись), вырасти и дорасти до теории.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ II

¹ Содержание развивающейся этической мысли и содержание массовых нравственных представлений имеют один общий источник, коренящийся в общественном бытии людей, прежде всего в их производственных отношениях (хотя, естественно, механизмы детерминации в обоих случаях оказываются различными). Следует поэтому отвергнуть предположение, будто связь самой морали и моральных доктрин выступает как генетическое отношение типа «первичное - вторичное». Не предлагая здесь полного объяснения связи между ними, заметим лишь, что воздействие доктрин и моральной практики друг на друга неодинаково. Картина влияний неизбежно оказывается довольно пестрой, что зависит от свойств неоднородной моральной практики. Важно знать, что доктрины не механически воспроизводят исходные нравственные позиции, мотивы, регулятивные правила и оценочные шаблоны практического морального сознания. Теоретическое мышление никогда не может быть тождественным стихийно-эмпирическому мышлению рядовых участников общественной жизни. Когда один из источников теоретической рефлексии обнаруживается в состояниях и динамике нравов, то речь идет не просто о некоем общем фоне, на который лишь накладывается и с которым определенным образом сосуществует теоретическая мысль. Только вульгарная методология призывает свести без остатка содержание и формы теоретических построений к наличной моральной практике, замкнуть их на эмпирически воспринятых нравах. Дорога к «рассекречиванию» влияния практики на теорию лежит в русле изучения глубинных преобразований содержания и структур морали.

² См.: Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977; Кобляков В. П. Этическое сознание. Л., 1979; Иванов В. Г. История этики древнего мира; Он же. История этики средних веков; Гусейнов А. А. Введение в этику. М., 1985.

³ Исключение, пожалуй, составляют в этом плане книги исследователя из ГДР Франца Хофмана «Мудрость воспитания. Педагогика. Педагогика» (М., 1979); Харламова И. Ф. «Теория нравственного воспитания (историческая и современная проблематика и основные педагогические идеи) (Минск, 1972), а также работы: «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (М. 1983); «Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии» (М., 1983).

⁴ Бакштановский В. И., Ганжин В. Т., Согомонов Ю. В. Этика, мораль, воспитание: система управленческого взаимодействия - В сб.: Этика, мораль, воспитание. Новосибирск, 1982.

⁵ Толстых В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства. - Вопросы философии, 1982, № 4, с.53- 54. Характеризуя двоякость производства и воспроизводства непосредственной жизни, Ф. Энгельс писал о «производстве самого человека» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25-26). Известно, что это положение получило в ряде случаев «детопроизводственную оценку». Между тем «продолжение рода всегда принимает общественную форму социализации человека, а жизнедеятельность семьи, посредством которой оно осуществляется, есть не что иное, как персонификация последней. При этом собственные "индикаторы" семьи (кровно-родственные связи, имущественные отношения, специфические механизмы передачи социального опыта, отношения «отцов-детей» и т. д.) исторически меняются, как меняется их значимость в характеристике семьи и ее роли на различных этапах человеческой истории... Но как в начале человеческой истории, так и на более поздних ее этапах производство человеческой жизни, осуществляющееся внутри и посредством семьи никогда не было тождественным процессу простого деторождения, ибо каждый раз оно означало воспроизводство человека в качестве социального существа» (Сиземская И. Н. К вопросу о целостности общественного производства. - Философские науки, 1983, № 4, с. 40).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 35.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 393.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 89.

⁹ Крутова О. Н. Человек, индивид, личность в социально - философском исследовании. - Вопросы философии, 1982, № 2, с. 44; Сиземская И. Н. Указ. соч., с. 41. «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, - пишет К. Маркс, - то в качестве конечного результата общественного производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами - их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 222). Маркс подчеркивает, что изменяются не только объективные условия, «...но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык». (Там же. ч. 1. с. 483-484).

¹⁰ См.: Шенкман Б. И. Духовное производство и его своеобразие. - Вопросы философии, 1966, №12; Ахиезер А. С. НТР и некоторые социальные проблемы производства и управления. М., 1974; Толстых В. И. Духовное производство как проблема исторического материализма. - Вопросы философии, 1978, № 2; Уледов А. К. Духовная жизнь. Проблемы методологии исследования М., 1980; Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.

¹¹ В свое время Э. М. Чудинов предупреждал против изгнания из науки эвристических идей под предлогом соображений неумеренного логического пуризма на стадии становления теории: нельзя преждевременно разбирать СЛЕНТ - «строительные леса научной теории» (см.; Чудинов Э. М. Строительные леса научной теории и проблема рациональности. - В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981).

¹² См.; Бородин Е. Т. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества. - Философские науки. 1976, № 2; Он же. Проблема производства непосредственной жизни. - Философские науки, 1980, № 6; критику этих положений см.; Сиземская И. Н. Указ. соч., с. 40.

¹³ Плахов В. Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М., 1982, с. 70-72.

¹⁴ См.; Плетников Ю. К. Специфика законов развития социалистического общества. - Вопросы философии, 1980, № 2, с. 17.

¹⁵ Келле В. Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981, с. 164, См.; Келле В. Ж. История общества как процесс индивидуального развития. - В сб.: Теоретико-методологические проблемы общественного развития. М., 1982, с. 18-20. В этике схему типов социальности наиболее плодотворно разрабатывал А. И. Титаренко в книге «Структуры нравственного сознания».

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 40, ч. I, с. 100 - 101.

¹⁷ Ван Гог. Письма. Л., 1966, с. 552.

¹⁸ Вместе с тем надо помнить, что «каждый индивид, даже в самом примитивном обществе, должен решать сложнейшую проблему - осваивать свою особую специфическую функцию, творчески конкретизировать для себя общий смысл функции в соответствии со своими индивидуальными особенностями, со спецификой ситуации. Каждый человек, чтобы стать личностью, должен творчески управлять собственным развитием, направленным на включение своей личности в систему сложившихся общественных отношений, снимать противоречия между ними и своими потребностями, включаться в конкретную социальную общность» (Ахиезер А. С. Методологическое значение категории управления для науки и практики. - В кн.: Специфика научного знания об управлении. Калинин, 1980, с. 73).

¹⁹ Об отличиях древневосточного, древнегреческого, римского и средневекового воспитания, см.: Монро П. История педагогики. М., Пг., 1923, ч. I.

²⁰ Это уже не относится к Аристотелю, который «..четко сформулировал понимание теоретической мысли как знания ради знания, а не как средства решения нравственно-мировоззренческих проблем, «совершенствования души» и т. п. - взгляд, который в той или иной степени разделялся древнегреческими мыслителями. Только такое представление могло послужить, с одной стороны, исходной установкой, а с другой - идейным обоснованием эмпирической, описательной науки, которая могла развиваться при условии преодоления ценностной иерархии предметов исследования, ограничивающим сферу познавательных интересов науки «высокими материями». В этом отношении позиция Аристотеля, с точки зрения которого научное исследование может быть направлено на любые объекты реальности, аналогична позиции Галилея... Оба мыслителя стоят в оппозиции к ограничениям содержания научного исследования, накладывает извне, исходящий из представления о научном знании как лишь средстве совершенствования мировоззренческой ориентации (в традиции античности или средневековой христианской системы ценностей)». (Швырев В. С. Научное познание как деятельность М. 1984, с. 142-143).

²¹ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 37, с. 431.

²² См.: Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

²³ Подробнее о характере противоречий между знанием и ценностью, наукой и моралью см.: Наука и нравственность. М., 1971; Ганжин В. Т. Нравственность и наука. М., 1978; Коновалова Л. В. Мораль и познание. М., 1975; Фритцханд М. Марксизм, гуманизм, мораль. М., 1976; Шварцман К. А. Новые тенденции в развитии современной буржуазной этики. М., 1977; Шварцман К. А. Современная буржуазная этика: иллюзии и реальность. М., 1983; Этика и идеология. М., 1983.

²⁴ См. подробнее: Бим-Бад Б. М. Философия воспитания и ее место в буржуазной педагогике. - Советская педагогика, 1981, № 6; Шварцман К. А. Буржуазные концепции нравственного воспитания: цели и средства. М., 1982. Иногда указанные противоречия выступают в качестве конфликта сциентизма и антисциентизма (см.: Швырев В. С., Юдин Э. Г. Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1981; Федотова В. Г. Критика социокультурных ориентаций в современной буржуазной философии: сциентизм и антисциентизм. М., 1981).

²⁵ Редукционизм в данном случае означает сведение всего содержания личности к сумме поведенческих стереотипов, связанных с адаптацией к социальной среде (см.: Юлина Н. С. Проблемы метафизики в американской философии XX века. М., 1978).

²⁶ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Указ. соч., с. 176 - 177.

См. подробнее: Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1980; Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1977; Ковалев С. М. Формирование социалистической личности М., 1980; Красин А. Н. Развитие социализма и проблемы становления коммунистического типа личности. М., 1979.

²⁷ Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 294-295. В современной советской литературе иногда встречаются возражения по поводу использования выражения «господство над природой», объясняемые ссылками на экофобные последствия развития техносферы, индустриально-урбанистической экспансии. Здесь, надо полагать, смешивается «покорение» природы на утилитаристский манер, технологическое ее использование с управлением силами природы на подлинно научной основе. Человек может (и должен!) выступать не как расхититель, а как преобразователь, устроитель, распорядитель природы, согласовывая свой культурный идеал и интересы с состояниями и законами природы, «социализируя», «очеловечивая» и даже «конструируя» природу, делая ее всю миром человека.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 56.

²⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 33.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 638.

³¹ Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и управление развитием общества. - Вопросы философии, 1968, № 8. с 17.

³² Сулимов К. Ф. О производстве и воспроизводстве общественной жизни в условиях развитого социализма. - Вопросы философии, 1984, № 6, с. 44.

³³ О природе морального отчуждения см.: Титаренко А. И., Воронцов Б. Н. О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма. - Вопросы философии, 1978, № 11; Титаренко А. И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа М., 1984.

³⁴ Вичев В. Общение как предмет этико-прикладного исследования (теоретико-методологические аспекты проблемы).- В кн.: Этика, мораль, воспитание. Новосибирск, 1982, с. 99-100.

³⁵ Одной из первых работ по данной тематике была книга известного этика из ГДР Ганса Бёка *Ethische Problemt der sozialistischen Furungstatigkeit*. Berlin. 1968). См. также: Этика руководителя. Ростов-на-Дону, 1972; Смоловик В. В. Педагогический аспект управления производством. М., 1979; Власов Л. В., Сементовская В. К. Деловое общение Л., 1980; Журавлев Г. Т. Служебная этика. М., 1980; Селюков Ф. Т. Административная этика. М., 1980; Социально-этические проблемы управленческой деятельности. Киев, 1980; Симонян Р. Х. Начальник цеха: методы и практика руководства. М., 1981; Бакштановский В.И. Деловитость и предприимчивость, их нравственный потенциал - В кн. Нравственная жизнь человека; Курочкин Н. И., Максимов Н.А., Руководитель-воспитатель и педагог. М., 1982; Пригожин А. И. Организации: системы и люди М., 1983; Свенцицкий А. Л. Руководитель: слово и дело. М., 1983; Красовский Ю. Д. Управление: моральные основы делового поведения. М., 1983; Он же. Если я руководитель. М., 1983; Омаров А. М. Руководитель. Размышления о стиле управления. М., 1984.

³⁶ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 1, с. 134.

³⁷ Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974, с. 143-144.

³⁸ См.: Кон И. С. Позитивизм в социологии - Л., 1964. Осипов Г. В. Современная буржуазная социология. Критический очерк. М., 1964; Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977; Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. Критический анализ теоретико-методологической концепции. М., 1977; Социологическая мысль в России: очерки немарксистской социологии последней трети XIX- начала XX веков. Л., 1978; Ионин Л. Г. Понимающая социология. М., 1979; История буржуазной социологии XIX - начала XX веков. М., 1979; История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979.

³⁹ Парсонс Т. Общий обзор. — В кн.: Американская социология, М., 1972, с. 372.

⁴⁰ Bell D. *The Cultural contradictions of Capitalism*. N. Y., 1976, p. 22.

⁴¹ Такой подход к нормам не является бессодержательным. Он сравнительно точно отражает историческую ситуацию морального отчуждения, когда различные проявления нормативно-оценочной практики выступают как извне навязанные предписания и шаблоны оценки, лишённые духа творчества ограничители деятельности, «естественных» влечений. Объект регуляции не способен изнутри одобрить их (без помощи со стороны манипулятивно обработанной и потому фальсифицированной совести) и поступать добровольно на основе осознания исторической необходимости определенных поступков, линии поведения. Взаимосвязь общества и личности, группы и личности, даже часть межличностных связей предстают перед последней как деспотия социальной жизни над частной. В результате возникают глубокие расколы в морали (между официальными и неофициальными требованиями), дихотомия прав и обязанностей, объективного содержания предписаний и их субъективного восприятия, антагонизм счастья и долга, скрытых и декларируемых побуждений, целесообразности и моральности и т.п. Весь вопрос упирается в отношении к факту морального отчуждения: функционализм, по существу, возвеличивает его, окружает нимбом социальной оправданности.

⁴² К каким последствиям может привести функционализм, хорошо продемонстрировала нашумевшая книга Б. Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства». Автор пришел в ней к выводу о необходимости создания новой теории поведенческого контроля в «абсолютно управляемом обществе» путем радикального изменения самого

типа социального контроля. Последовательно отклоняя наказующий контроль и его возможные альтернативы (вседозволенность, «моральное акушерство», руководство с культивирующим контролем, изменение умов и контроль со стороны вещей), Скиннер называет все эти типы «слабыми средствами» поощряющего, самоуравновешивающего социального контроля. В своей теории «автоматически правильного поведения» Скиннер предложил вообще устранить моральное освоение действительности, нравственные чувства, совесть, идеи, мотивы, цели «автономного человека» из системы социального контроля, заменив их «сильными средствами» — конструированием такого социального окружения, которое принуждает человека поступать в соответствии с моральными обязательствами на основе манипуляционной технологии, применяемой истэблшментом. (См.: Шварцман К. А. Технология поведения П. Скиннера и вопросы морали. - Вопросы философии, 1975, №11; Араб-оглы Э. Отречение от социальных идеалов - В кн.: С чего начинается личность. М., 1979).

⁴³ Существование в техносфере постепенно приучает обыденно-гуманистическое сознание к миру, где различного свойства управляющие операции по подгонке, сборке, переформированию, контролю и т. п. протекают постоянно. В свою очередь это обстоятельство получило отражение и в языке, который, как известно, обладает свойством оказывать влияние на мышление и на ценностный слой мировоззрения человека. Язык же фиксирует не только фактуальность сторон, моментов или элементов техносферы и управленческих операций, но и обозначает известное нравственное отношение этих сторон, моментов и элементов, призывающих к определенному поведению.

⁴⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 704-705.

⁴⁵ См.: Абрамова Н. Ф. Процесс регуляции и его основные формы. - Вопросы философии, 1968, № 1. с. 44.

⁴⁶ См.: Ахизер А. С. Методологическое значение категории управления для науки и практики. - В кн.: Специфика научного знания об управлении, с. 70. Между регуляцией и «регуляцией регуляции» складываются неоднозначные отношения, так как «самоуправление» и «самоорганизация», которые порождают неформальные структуры, создают своего рода «встречную организацию» (см.: Пригожин А. И. Организация: система и люди. М., 1983, с. 87).

⁴⁷ Киселев В. П. Соотношение стихийного и организованного в нравственной жизни. - В сб.: Нравственная жизнь коллектива и планирование воспитательной работы. Тюмень, 1981. с. 37.

⁴⁸ Чекалин В. И. Противоречия управленческой деятельности в обществе развитого социализма и пути их разрешения. - В кн.: Специфика научного знания об управлении, с. 46-47.

⁴⁹ Там же, с. 48.

⁵⁰ Косолапов Р. И. Социализм и противоречия. - Правда, 1984. 20 июля.

⁵¹ Там же.

⁵² Сагатовский В. Н. Прикладная этика в системе этических знаний. — В кн.: Этика, мораль, воспитание: прикладные аспекты. Новосибирск, 1982. с. 73.

⁵³ См.: Ганжин В. Моральная уникальность на личности: преграда или условие за управление на социально-нравственные процессы. — Проблемы на пропагандата. 1982, № 3; Зеленов Л. А. Чувство независимости как нравственная проблема. — В кн.: Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969, с. 292-293.

⁵⁴ В известном смысле руководство и управление — тождественные явления. Однако, в отличие от руководства управление может совершаться и методом «конкурентных механизмов». В отличие от управления руководство не обязательно требует социального принуждения и опирается исключительно на сознательность, авторитет идей.

⁵⁵ См.: Манафов Г. Категорията социальное управление и научный коммунизм. - Философска мисъл. 1981, №12, с. 111 —115. Попутно автор статьи высказывает слабодоказуемую идею о том, что при коммунизме исчезнет не только прямое, но и латентное принуждение и соответственно, благодаря торжеству всеобщей соз-

нательности, либо вообще исчезнет категория "управление", либо она полностью изменится. Здесь просто отождествляется социальное управление с политическим характером управления.

⁵⁶ Харчев А. Г. Трудный путь к зрелости М., 1973, с. 28. Заметим по этому поводу, что философская этика выделяет обычно некоторую группу функций морали (познавательная, ориентационная, регулятивная, коммуникативная, прогностическая, формирующая и т. п.), в которой различают основную и вспомогательную подгруппу. Высказываются различные суждения об их природе, номенклатуре, систематике (см.: Лапина Т.С. Социальные функции морали - В кн.: Мораль и этическая теория. М., 1974. Марксистская этика, с. 101 -104). Но при этико-социологическом анализе морали независимо от его уровня обнаруживается необходимость о нетрадиционном построении ее функциональной схемы. Так, по мнению А. Г. Харчева, мораль выявляет социализирующую, регулятивную функции, функцию обеспечения исторической дееспособности класса, нации, общества и, наконец, функцию участия в социальном контроле. (См.: Харчев А. Г. НТР и проблема интернационализации моральных ценностей социализма. — В кн.: Философские проблемы общественного развития. М., 1975, с. 24-25). Трудно заранее сказать, отвечает ли предлагаемое членение функций по их составу, четкости выбора оснований для деления, терминологическому оформлению потребностям этико-социологического изучения нравственной жизни общества, но сама новизна именно такой постановки вопроса о функциях плодотворна и актуальна.

⁵⁷ Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история. В кн.: Истории и психология. М., 1971, с. 26.

⁵⁸ Следует отметить, что общественное мнение не только оказывает давление на поведение, не только «контролирует» его. Оно выполняет множество других функций, в том числе информирует и определенным образом ориентирует поведение.

⁵⁹ В западной социологии иногда отличают внутренний социальный контроль, основанный на интернализированных нормах и ценностях, от косвенного социального контроля, связанного с эффективной идентификацией с родителями, друзьями т. п.

⁶⁰ Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., 1974, с. 109. О нравственной форме социоконтроля см.: Социальный контроль и поведение на личности. София, 1981, с. 166-192; Петко Ганчев. Общество и контрол. София, 1978, с. 82-97; Яковлев А. М. Взаимодействие личности и общества в системе социального контроля. - В кн.: Социальная психология личности. М., 1979, с. 138-164.

⁶¹ Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 194.

⁶² Новый мир, 1981, № 9. См. также: Антонов М. Нравственность экономики. Публицистические заметки. М., 1984.

⁶³ См.: Проблема управления процессом формирования личности. М., 1972; Тонков Е. В. Теория управления процессом нравственного воспитания. Курск, 1974; Чернев С. Управление на воспитательный процесс. София, 1977; Проблемы управления процессом формирования личности, Курск, 1979; Косолапов С. М., Рувинский Л. И. Управление процессом нравственного развития личности. М., 1978; Управление процессом нравственного воспитания. М., 1979.

⁶⁴ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

⁶⁵ Заметим об этой оппозиции, что нетворческая деятельность неоднородна. Она, с одной стороны, обуславливается моральным отчуждением в антагонистическом обществе, вызывается авторитаризмом и другими превращенными формами сознания, блокирующими ответственное, новаторское усвоение и применение моральных предписаний. Однако с другой стороны, нетворческая деятельность вытекает из имманентных механизмов моральной регуляции, и в этом смысле ее ни в какой мере нельзя расценить как «недостаток» нравственной жизни. Без дедукции частного вывода из обобщенного правила, без извлечения ориентирующих указаний для конкретного случая из более или менее широкого предписания вообще немислима моральная регуляция. Более того, нетворческая моральная деятельность служит предпосылкой, условием, над которым надстраивается творческая деятельность. Выраженная в стойкой привычке соблюдать предписание в повторяющихся ситуациях, она высвобождает

энергию сознания для творчества. Данное явление хорошо отражается в группе оппозиционных личностных качеств, в которых одна сторона отрицает другую и вместе с тем зависит от нее. Смелость, лишенная опоры на трезвость, содержит в себе возможность не морального творчества, а порыва к аморализму. Без исчислительной рассудочной работы сознания интуиция и голос совести не столько открывают более возвышенные горизонты моральности, сколько прокладывают путь для скептицизма и релятивизма. Без ориентации на прошлый моральный опыт, закодированный в предписании, ориентация на будущий моральным опытом чревата оказаться «дорогой в никуда». Потребность в изменчивости, если за ней не стоит потребности в устойчивости, окажется не генератором, вырабатывающим новые моральные представления, а только вседозволенностью. Без дискурсивности и стереотипизации невозможно творчество. К тому же моральное предписание по своей целесообразности превосходит каждый раз возобновляющееся эвристическое приспособление к новым обстоятельствам.

Ключевой вопрос о моральном творчестве связан с единством «производства» и «потребления» морали. Именно в ходе усвоения и применения морали идут массовые процессы превращения и закрепления того нового в морали, что рождено индивидуальным поступком, ступенчатая трансформация этого нового в коллективное творчество и затем — в объективированные духовные структуры сознания социальных общностей, в их общественное мнение и массовое поведение. Только в абстракции функционирование моральной регуляции может быть отключено от саморазвития этой регуляции.

⁶⁶ В советской этической литературе сложились две точки зрения по вопросу о моральном значении предписаний, выраженных в форме обычаев. О. Г. Дробницкий считал обычай неморальным и доморальным способом регуляции. (См.: Дробницкий О. Г. Научная истина и моральное добро. — В кн.: Наука и нравственность. М. 1971. с. 291-297). Признавая, что часть этих способов пребывала и пребывает поныне вне сферы морали, А. И. Титаренко подчеркивает наличие в них морального аспекта. При неразвитых структурах морального сознания, отсутствии рационализированного выбора существовала оценочно-императивная функция регуляции, присущая обычаям. И это связывает неразвитые и развитые структуры морального сознания не только генетически, но и типологически. Причем ритуализированные шаблоны поведения, немотивируемые образцы с экстравертными механизмами самоконтроля сохраняют свое значение и теперь, но уже в качестве второстепенных регуляторов поведения (см.: Титаренко А. И. От обычая к норме: взаимоотношение некоторых исторических способов моральной регуляции. - В сб.: Моральная регуляция и личность М., 1972, с. 48 - 56).

⁶⁷ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М., 1979. с. 363.

⁶⁸ Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк М., 1980, с. 250.

⁶⁹ Кон И. С. Указ. соч., с. 252. В данной связи приведем предложенную болгарским этиком Л. Драмалиевым схему характерных особенностей трех сфер социального функционирования морали. Первая - сфера прямого действия, куда относятся самые разнообразные массовые отношения между индивидами преимущественно в сфере быта, когда нормы непосредственно обращены к самим исполнителям. К этой сфере относятся семья, родственные, товарищеские, соседские, коллегиальные и другие группировки. В ней мораль проявляется в большинстве случаев стихийно и воздействует на массовое индивидуальное сознание через каналы общественного мнения. Это - междуиндивидуальные отношения главным образом в непроизводственной сфере общественной жизни. Вторая сфера - область надстройки, отношения в экономике, политике, идеологии, сфера опосредованного действия. Здесь на передний план выходят организаторские, институционные факторы. Третья сфера - технологическая, область совместно-вспомогательного действия, включающая разнообразные нормативные комплексы, которые действуют внутри производственного процесса. Отношение нравственности к подобным комплексам проявляется: а) в нравственной оценке производственных результатов, б) в оценке трудотехнологической деятельности, в) в оценке раскрытия проявленных в труде качеств (см.: Драмалиев Л. Нравственность и

политика как способы социальной регуляции. — В кн.: Предмет и система этики. М., София, 1973. с. 256-259).

⁷⁰ Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977. с. 206.

⁷¹ Там же, с. 207-208, 212-214.

⁷² См.: Марков Марко. Субъект на социального управление. София, 1974; Атаманчук Г. В. К вопросу о взаимосвязи субъектов и объектов социального управления. — Вопросы философии. 1974, № 7; Лебедев П. Н. Очерки теории социального управления. Л., 1976; Тихомиров Ю. А. Управление делами общества: субъекты и объекты управления в социалистическом обществе. М., 1984; Суворов Л. Н., Аверин А. Н. Социальное управление. Опыт философского анализа. М., 1984.

⁷³ Политическая сфера жизни социалистического общества оказывается неразрывно связанной со всеми остальными сферами общественной жизни, «наложенной» на все виды социальных отношений, которые благодаря этому так или иначе включаются в процесс партийно-государственного регулирования, в том числе с помощью нормативно-ценностных средств. Не ограничиваясь взаимоотношениями между классами и нациями по вопросу власти, политика функционирует одновременно внутри экономической, социальной, духовно-идеологической, культурной деятельности (см.: Белых А. К. Управление и самоуправление. Л., 1972, с. 19; Каленский В. Г. Государство как объект социологического анализа. М., 1977, с. 159; Тихомиров Ю.А. Социализм и политическая деятельность. М., 1984. с. 11 - 13). Именно по этим соображениям мы выше использовали выражение «политика в сфере нравственного воспитания».

⁷⁴ Чтобы показать роль КПСС как руководящей силы нравственного прогресса общества, нужно было преодолеть имеющий хождение тезис о внесубъективной природе морали, избежать метафизического разграничения институциональных и внеинституциональных факторов в нравственном развитии (см.: Квасов Г. Г. Руководящая роль КПСС в управлении нравственными процессами. - В кн.: Методология этических исследований, с. 360).

⁷⁵ См. об этом подробнее: Рывкина Р. В., Винокур А. В. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968; Кэмпбелл Д. Модели эксперимента в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980; Куприян А. П. Проблема эксперимента в общественной практике. М., 1981; Яцкевич С. А. Социальный эксперимент и научное управление обществом. Минск, 1984.

⁷⁶ По вопросам антиципации в этическом знании см.: Назаров В. И. Моральное предвидение. - В кн.: Моральный выбор. М., 1980, с. 304-340.

⁷⁷ См.: Щербак Ф. Н. Нравственное воспитание личности в трудовом коллективе. Л., 1981; Трудовой коллектив - центральное звено нравственного воспитания. М., 1979; Коллектив как фактор нравственного воспитания. М., 1983.

⁷⁵ Апресян Р. Г. Своеобразие нравственно-воспитательной деятельности в трудовом коллективе. - В сб.: Опыт прикладных исследований..., с. 65.

⁷⁹ Там же, с. 66-67.

⁸⁰ Торкановский Е. Развитие демократических начал в управлении производством, - Коммунист, 1983, № 8, с. 43.

⁸¹ Там же, с. 45.

⁸² См.: Иванов В. Г., Рыбакова Н. В., Назарова Т. Ф. Теоретические и методологические предпосылки разработки программы исследования нравственной жизни трудового коллектива. - В сб.: Опыт прикладных исследований..., с. 60-62.

⁸³ Здесь использованы материалы двух совместных публикаций В.Т. Ганжина и Ю. В. Согомонова (Этика и управление нравственными процессами - В кн.: Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск, 1980; Социальное управление и мораль: исследовательские перспективы. Философские науки, 1980. № 5).

⁸⁴ См.: Философские аспекты управления процессом коммунистического воспитания. Материалы к Всесоюзной научно-теоретической конференции «Ленинские идеи коммунистического воспитания и современность». М., 1980.

⁸⁵ Дробницкий О. Г. К вопросу о специфике морали. - В кн.: Предмет и система

этики, с. 183. Эта позиция была развита в его книгах: «Понятие морали» (М., 1974) и «Проблемы нравственности» (М., 1977).

⁸⁶ См.: Момов В. Человек, мораль, воспитание (теоретико-методологические проблемы). М., 1975; Формирование профессиональной направленности студентов педагогических вузов (этико-педагогическое образование и нравственное воспитание). Владимир, 1976; Этика и воспитательная практика, София, 1978; Согомонов Ю. В. Методологические проблемы теории нравственного воспитания. Философские науки, 1978, №1; Неделея Л. И. Гуманизм и научное управление нравственным формированием личности. Минск. 1979.

⁸⁷ См.: Этика воспитания (методические разработки). Владимир, 1983; Ганжин В. Т. Этика и формирование нравственности М., 1978.

⁸⁸ Момов В. Приложная теория и идеологическое воспитание. София, 1977. с 95, См.: Он же. Проблемы управления идеологическим процессом на научной основе и нравственная социализация личности. - В кн.: Этика, мораль, воспитание. Прикладные аспекты. Новосибирск, 1982.

⁸⁹ См.: Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования. Здесь мораль определяется исходя из нее самой, а не так, как в первой модели, где она определяется через неморальные моменты.

⁹⁰ История морали и нравов показывает, что элементы предшествующих нормативно-ценностных систем обретают продленное бытие внутри новых либо в несистемно-реликтовых, атавистических формах, либо в качестве функционально преобразованных сторон «кристаллизационного ядра». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. с. 210) новой системы. Так, например, буржуазная мораль не способна достичь «формационной чистоты», совершенства однородности, будучи отягченной «генетическим бременем» пережитков общинно-традиционных и аристократических нравов.

⁹¹ Научная этика марксизма смогла показать результативность формационных исследований нравственной жизни вовсе не для того, чтобы проявить негативизм в отношении к общецивилизационным подходам. Последние не просто признаются актуально, но и получают подлинно научную трактовку в качестве продолжения, «расцветания» или дополнения формационных исследований. В фокусе внимания общецивилизационных подходов оказываются главным образом те моменты нравственной жизни, которые более всего связаны с общечеловеческими началами морали. Это актуализирует, с одной стороны, изучение диалектики классового и общечеловеческого в морали, а с другой - исследования этой диалектики под специфическим углом зрения соотношения в ней формационных и общецивилизационных подходов к нравственной жизни. См.: Новикова Л. И. Цивилизация и культура в историческом процессе; Макаревич М. А. К проблеме взаимосвязи культуры, морали и цивилизации; Кузнецова Г. В., Максимов Л. В. Мораль и нравы в истории цивилизации (анализ понятий); Целикова О. П. Цивилизация и нравственный опыт поколений. — В сб.: Современная цивилизация и моральные ценности. М., 1982.

⁹² См., напр.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.

⁹³ См., напр.: Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.

⁹⁴ См., напр.: Вопросы педагогики и психологии в партийной работе. М., 1982; Момов В. Совершенствование качества идеологического процесса на научной основе. София. 1982.

⁹⁵ Кроме работ, указанных в предшествующих ссылках, см.: Момов В. Идеологический процесс и воспитание личности. М, 1980. Рихтгаржик К. Социология на путях познания. М., 1981; Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981; Иконникова Г. И. О понятии социальной технологии. - Философские науки, 1984. № 5; Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977; Социальное управление в производственных коллективах. М., 1985 и др.

⁹⁶ См., напр.; Бовш В. И. «Социальная технология» о будущем: иллюзии и мифы. Минск. 1976; Социальное познание и социальное управление. Киев, 1979.

- ⁹⁷ См.: Стефанов Н. Указ. соч., с. 175
- ⁹⁸ Марков М. Указ соч., с. 36.
- ⁹⁹ Шевченко В. Н. О сущности НТР (обмен мнениями). - Философские науки, 1975, № 3, с. 101.
- ¹⁰⁰ Стефанов Н. Указ соч., с. 174; См.; Яновский Р. Г. Практическая отдача общественного введения (некоторые нерешенные вопросы). - Социологические исследования, 1984, № 2, с. 12.
- ¹⁰¹ Алексеев И. С. Наука. Структура науки. - БСЭ. М., 1974, т. 17, с. 963.
- ¹⁰² См.: Дубровский В. Я., Щедровицкий Л. П. Проблемы системного инженерно-психологического проектирования. М., 1972, с. 24, 25, 91, 240.
- ¹⁰³ См.: Мелешенко Ю. С., Шухардин С. В. Ленин и научно-технический прогресс. Л., 1969, с. 299-300; Уварова Л. И. Наука как производительная сила общества. М., 1982; Ротницкий В. И. Наука как непосредственная производительная сила (методологические исследования). Известия Том. политехнического ин-та. 1970, т. 20 и др.
- ¹⁰⁴ См.: Сагатовский В. Н. Природа системной деятельности. - В кн.: Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978, с. 69.
- ¹⁰⁵ См.: Кедров Б. М. Соотношение фундаментальных и прикладных наук. - Вопросы философии, 1972, № 10.
- ¹⁰⁶ Литературная газета, 1980, 16 янв., с. 10.
- ¹⁰⁷ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М., 1976, с. 184.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 179.
- ¹⁰⁹ Чешев В. В. Критерии различия фундаментальных и прикладных наук. - В кн.: Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР. Новосибирск, 1978, с. 216-218.
- ¹¹⁰ Сагатовский В. Н. Проектирование территориальных АСУ и некоторые фундаментальные проблемы общественных наук. - В кн.: Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР, с. 142.
- ¹¹¹ Лекторский В. А., Швырев В. С. Диалектика практики и теории. - Вопросы философии, 1981, № 11, с. 20.
- ¹¹² Стефанов Н. Мультипликационный подход и эффективность. М., 1980, с. 25.
- ¹¹³ Волков Г. Н. Указ. соч., с. 207-208.
- ¹¹⁴ См.: Розин В. М. Проектирование как объект философско-методологического исследования, - Вопросы философии, 1984, № 10, с. 100.
- ¹¹⁵ См.: Сидоренко В. Ф. Генезис проектной культуры. - Вопросы философии, 1984, № 10, с. 97-98.
- ¹¹⁶ См.: Сагатовский В. Н. Социальное проектирование (к основам теории). - В сб.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием, с. 88.
- ¹¹⁷ Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981; Взаимодействие естественных и общественных наук на современном этапе. Круглый стол «Вопросов философии». - Вопросы философии, 1973, № 10; Маркарян Э. С. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977 и др.
- ¹¹⁸ Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972, с. 26.
- ¹¹⁹ Ельмеев В. Я., Овсянников В. Г., Силантьев В. Г. Особенности методологии прикладного социологического исследования. - Вестник МГУ, 1979, вып. 2, № 1, с. 47.
- ¹²⁰ Антонюк Г. А. Социальное проектирование. Минск, 1978; Социальное проектирование. М., 1982.
- ¹²¹ Там же, с. 54, 55.
- ¹²² Там же, с. 55.
- ¹²³ См.: Сидоренко В. Ф. Указ, соч., с. 98.
- ¹²⁴ Лихачев Б. Т. Теория коммунистического воспитания (опыт методологического исследования). М., 1974; Внедрение достижений педагогики в практику школы. М., 1981.

- ¹²⁵ Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер Личность. М., 1984, с. 145.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ См.: Соловейчик С. Душа обязана трудиться... Над чем? - Литературная газета, 1982, 30 июня, № 26, с. 11,
- ¹²⁸ Ерохин В. Г. Деятельностный подход к теоретизации медицины. - Вопросы философии, 1984, № 1, с. 123.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1969, с. 6. Ср.: Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983.
- ¹³¹ См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания, с. 6.
- ¹³² См.: Харчев А., Момов В. Социальная среда и възпитание. София, 1977, с. 12.
- ¹³³ Ананьев Б. Г. Указ., соч., с. 30.
- ¹³⁴ Там же, с. 30-31.
- ¹³⁵ Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980, с. 38. Своеобразие этой точки зрения, как подчеркивает в предисловии к книге Г. М. Андреева, в том, что автор сам относит себя к сторонникам точных методов (с. 10).
- ¹³⁶ Келле В. Ж. Социальное знание и социальное управление. М., 1976, с. 49-50.
- ¹³⁷ Ерохин В. Г. О некоторых особенностях медицинского знания. - Философские науки, 1982, № 6, с. 148.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же, с. 149.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Там же, с. 150.
- ¹⁴² См.: Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982, с. 135.
- ¹⁴³ Там же, с. 130.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ См., напр.; Земляной С. Н. Герменевтика и проблема понимания. - В сб.: Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-70-х гг. М., 1983; Ионин Л. Г. Понимающая социология. М., 1979.
- ¹⁴⁶ Ивин А. А., Фурманова О. В. Философская герменевтика и проблемы научного знания. - Философские науки, 1984. № 5.
- ¹⁴⁷ См., напр.: Современные исследования по герменевтике. М., 1983.
- ¹⁴⁸ Кэмпбелл Д. Указ. соч., с. 245.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ См., напр.: Проблемы социалистической педагогики. М., 1973; Краевский В. В. Соотношение педагогической науки и педагогической практики. М., 1977.
- ¹⁵¹ Азаров Ю.П. Семейная педагогика. М., 1982, с. 3.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же, с. 27—28.
- ¹⁵⁵ Левшин Л. А. Логика педагогического процесса. - Вопросы философии, 1978, № 7, с. 99.
- ¹⁵⁶ Ракитов А. И. Указ. соч., с. 127.
- ¹⁵⁷ Формирование профессиональной направленности студентов педагогических вузов (этико-педагогическое образование и нравственное воспитание). Владимир, 1976, с. 89; См. также: Этика и възпитательна практика. София, 1978.
- ¹⁵⁸ См.: Момов В. Прикладная этика и идеологическая практика. — В кн.: Этика, социальное познание и нравственное поведение. София, 1979, с. 69.
- ¹⁵⁹ См.: Зеленов Л. А. К методологии построения прикладной этики. - В кн.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием, с. 92.
- ¹⁶⁰ Сагатовский В. Н. Значение фундаментальных исследований для этического проектирования. - В кн.: Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования, с. 110.
- ¹⁶¹ Ганжин В. Т. Управленческий этос и проблемы этоники. - В сб.: Роль профес-

- сиональной этики в управлении нравственным воспитанием. Владимир, 1980, с. 122.
- ¹⁶² См., напр.: Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология, с. 157; Формирование профессиональной направленности студентов..., с. 35 и др.
- ¹⁶³ Момов В. Прикладная теория идеологического процесса. - В кн.: Идеологический процесс и воспитание личности. М., 1980, с. 126.
- ¹⁶⁴ Сагатовский В. Н. Проектирование территориальных АСУ..., с. 142-143.
- ¹⁶⁵ Архангельский Л. М. Актуальные проблемы марксистско-ленинской этики. - Вопросы философии, 1981, № 1, с. 50; Ср.: Архангельский Л. М. Марксистская этика. М., 1985, гл. 5.
- ¹⁶⁶ Момов В. Прикладная теория идеологического процесса, с. 128—130.
- ¹⁶⁷ См.: Сагатовский В. Н. Нравственность и управление социальными процессами. - В сб.: Актуальные проблемы нравственного развития личности. Томск, 1975, с. 21.
- ¹⁶⁸ Сагатовский В. Н. Природа системной деятельности. - В кн.: Понятие деятельности в философии. Томск, 1978, с. 75; См.: Сидоренко В. Ф. Генезис проектной культуры. - Вопросы философии, 1984, № 10; Розин В. М. Проектирование как объект философско-методологического исследования. - Там же.
- ¹⁶⁹ Об эффективности системного подхода в этике см.: Архангельский Л. М., Сагатовский В. Н. Возможности применения системного подхода в этике. - В кн.: Методология этических исследований, с. 84-96.
- ¹⁷⁰ См., напр.: Федоров Ю. М. Проектирование структуры морально - психологического климата формирующегося коллектива. - В сб.: Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе; Ганопольский М. Г. Проектирование нормативной и оценочной подсистем в управлении нравственным воспитанием как фактор формирования самосознания коллектива. — Там же.
- ¹⁷¹ См.: Момов В. Совершенствование качества идеологического процесса, с. 11-12.
- ¹⁷² См.: Ананьев В. Г. Человек как предмет познания, с. 107; Момов В. Указ. соч., с. 12.
- ¹⁷³ См.: напр.: Бешелев С. Д., Гуревич Ф. Г. Экспертные оценки. М., 1973; Китаев Н. Н. Групповые экспертные оценки. М., 1975; Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979 и др.
- ¹⁷⁴ См.: Управление социалистическим производством: Словарь. М., 1983; ЭКО, 1983, № 5, с. 91-110 и др.
- ¹⁷⁵ См.: Воспитание воспитателей (формирование профессионально-нравственной культуры организаторов воспитательной деятельности). Тюмень, 1986; Пашинский А. П. Организация этико-психологической консультации в вузе: о проективных методиках. - В сб.: Методические разработки: профессиональная этика и вуз Владимир, 1984, с. 64-67.
- ¹⁷⁶ См.: напр.: Пригожин А. И. Социология организаций. М., 1980; Лейман Я. А. Руководитель и специалист; взаимодействие. Об управленческом консультировании. М., 1984.
- ¹⁷⁷ Соловьев Э. Ю. Указ. соч., с. 196-197.
- ¹⁷⁸ Айламазьян А. М., Лебедева М. М. Деловые игры и их использование в психологическом исследовании. - Вопросы психологии, 1983, № 2, с. 143.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² См.: напр.: Грем Р. Г., Грей К. Ф. Руководство по операционным играм. М., 1977; Гидрович С. Р., Сыроежкин И. М. Игровое моделирование экономических процессов. Деловые игры. М., 1976; Ефимов В. М., Комаров В. Ф. Введение в управленческие имитационные игры. М., 1980; Арстанов М. Ж., Пидкасистый П. И., Жаркын С. Х. Проблемно-модельное обучение: вопросы теории и практики, Алма-Ата, 1980; Балаев А. А., Кутырев Б. П. Школа управления. Омск, 1980 и др.
- ¹⁸³ См.: Управленческие имитационные игры. София, 1983, с. 3
- ¹⁸⁴ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981, т. 2, с. 6-

8. Ср.: Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978, с. 13.
- ¹⁸⁵ См.: Лернер И. Я. Качества знаний учащихся. М., 1978 с. 3.
- ¹⁸⁶ Лотман Ю. М. Структура художественного текста М., 1970, с. 245.
- ¹⁸⁷ См.: Добринская Е. И., Соколов Э. В. Свободное время и развитие личности. Л., 1983.
- ¹⁸⁸ Демин М. В. Труд и игра как виды и аспекты человеческой деятельности. - Вестник МГУ, 1983, сер. филос., №1.
- ¹⁸⁹ См.: Авраменко В. Н., Потапова Е. П., Согомонов Ю. В. Профессиональная мораль труда и игровой этос. - В сб.: Профессиональная этика: производственные и непроизводственные аспекты. Владимир, 1982, с. 114-117.
- ¹⁹⁰ См.: Левада Ю. А. Игровые структуры в системах социального действия. - В сб.: Системные исследования. М., 1984; Эпштейн М. Игра в жизни и в искусстве. - Театр, 1982, № 2,
- ¹⁹¹ См.: Айламазьян А. М., Лебедева М. М. Указ. соч., с. 143.
- ¹⁹² См.: Ефимов В. М., Комаров В. Ф. Указ. соч., с 27.
- ¹⁹³ Ср.: «Коллектив игроков нужно рассматривать не только как группу людей, копирующих поведение некоторых своих реальных прототипов, а как конкретный реальный организм, предназначенный для изучения функционирования организаций с целью обучения или проектирования, а также принятия решения и исследования». (Ефимов В. М., Комаров В. Ф. Указ. соч., с. 10). В то же время имитируемые действия и реальное дело связаны, разумеется, далеко не простыми отношениями.
- ¹⁹⁴ См.: напр.; Конкретные ситуации: М, 1976; Балаев А. А., Кутырев Б. П. Школа управления; Бражко А. Л. Собрание. Методика деловой игры. М., 1983; Шепель В. М. Руководитель и подчиненный. М., 1972; Смолкин А. М. Активные методы обучения при экономической подготовке руководителей производства. М., 1976 и др.
- ¹⁹⁵ См.: Элмингтон Г., Эддинал Э., Персивал Ф. Игры, имитации и социальная значимость науки.- Импакт, 1984, № 2 с. 78.
- ¹⁹⁶ Устиненко В. Место и роль игрового феномена в культуре. — Философские науки, 1980, № 2, с. 71.
- ¹⁹⁷ См.: Арстанов М. Ж., Пидкасистый П. И., Жаркын С. Х. Указ. соч., с. 68.
- ¹⁹⁸ Цикл игр, теоретическое обоснование и технологическое обеспечение см.: Деловые игры в научном управлении нравственно-воспитательной деятельностью. Под ред. В. И. Бакштановского. Тюмень, 1986.
- ¹⁹⁹ Титаренко А. И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. М., 1976, с. 143.
- ²⁰⁰ Титаренко А.И. Указ. соч., с. 139; См.: Алиев А. А., Бульц В., Согомонов Ю. В. Моральное творчество и развитие способов регуляции поведения. - Уч. зап. Азгосниверситета. сер. Истории и философии, 1974, № 2.
- ²⁰¹ Там же, с. 140-141.
- ²⁰² Там же, с. 141.
- ²⁰³ Титаренко А. И. Задачи развития тюменского опыта прикладных этических работ. - В сб.: Опыт прикладных исследований и разработок, с. 268-269.
- ²⁰⁴ Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972, с. 58-59.
- ²⁰⁵ Там же, с. 59.
- ²⁰⁶ См.: Сагатовский В. Н. Весы Фемиды и суд совести. М., 1982; Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М., 1982; Зотов Н. Д. Нравственная активность личности М., 1980; Кобляков В. П. Этическое сознание и др.
- ²⁰⁷ Толстых В. И. Сократ и мы. М., 1982, с. 24.
- ²⁰⁸ Азаров Ю. Игра. Размышления о нравственном воспитании. - Новый мир, 1983, № 6, с. 209.
- ²⁰⁹ Азаров Ю. Указ. соч., с. 205-206.
- ²¹⁰ Методу этических деловых игр посвящены разделы кандидатских диссертаций аспирантов кафедры этики ТюмИИ М. Г. Ганопольского, И. Ю. Фомичева, Ю. М. Беспаловой, И. А. Попковой, В.Н. Бородина, Л. В. Лебедевой и др.
- ²¹¹ Когда настанет время проектировать собственно "Кодекс" такого рода, прикладная этика может опереться не только на свой собственный опыт проектирования ко-

дексов методом этических деловых игр, но и на уже имеющиеся заделы общенаучного плана. См.: Этический кодекс ученого. Реферативный сборник. М., 1980; Этический аспект социальных и биогенетических исследований. Реферативный сборник. М., 1981 и др.

²¹² См.: Давидюк Г. П. Прикладная социология. Минск, 1979, с. 3.

²¹³ См., напр.: Ганопольский М. Г. Проектирование системы управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе. - В сб.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием; Караченцева Т. С. Теоретико-культурологический подход к исследованию процесса воспитания и анализ опыта разработки ограничений к этико-прикладным исследованиям. - В сб.: Опыт прикладных исследований и разработок... и др.

²¹⁴ Сагатовский В. Н. Значение фундаментальных исследований для этического проектирования. - В кн.: Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования, с. 112,

²¹⁵ См.: Караченцева Т. С. Указ. соч., с. 36-37.

²¹⁶ Шубкин В. Начало пути. М., 1979, с. 195-196.

Раздел III

Глава первая ПРОГРАММИРОВАНИЕ: ЦЕЛЕВОЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ СЕКТОРЫ

§ 1. Идеалы, цели, эталоны

Характеристика системы социального управления любого вида открывается с анализа ее целевого блока. Все предназначение управления нравственно-воспитательной деятельностью определяется коммунистическим идеалом всесторонне и гармонически развитого человека, нравственным идеалом целостной личности. Такой идеал не «простой идеалистический парафраз»¹ действительности или вымысел фантаста, не гадание или пророчество «ясновидцев» и не произвольная конструкция сентиментального мечтателя. Он является концентрированным выражением общеисторической потребности социального прогресса человечества.

Современный капитализм все в нарастающей степени становится враждебным дальнейшему развитию личности, ограничивает, кромсает, уродует ее. Он формирует не целостную личность, способную к разнообразной специфически-человеческой деятельности (хотя именно в такой личности все сильнее испытывает нужду современное производство и вся общественная жизнь), а личность «усередненную», «частичную» - исковерканный продукт общественного разделения труда и частной собственности. Прежде всего это относится к личности рабочего. Его производят не как универсального человека, а как «экземпляр» угнетенного класса, обладающего минимальным духовным развитием и максимальной способностью к исполнению специализированного труда. Трудовая производственная деятельность выступает как порабощающая рабочего, отрицающая его внутреннюю сущность сила. В этой деятельности, по словам К. Маркса, он «чувствует себя не счастливым, а несчастным»², хотя именно труд всегда был главным источником формирования предметного мира человека, фактором его самоизменения, способом производства его культуры. Человеком трудящийся (и не только он) становится, и то с существенными ограничениями, только за пределами дисциплины труда и уготованных ему социальных ролей, «вне общества» или же выступая против такого общества, вступая в организованную борьбу с ним. Однако развитие производства подошло к той черте, за которой мера богатства общества уже не может более определяться грабежом непосредственного рабочего времени, а мера полезности человека — количеством затраченного им физического труда. «Полезной» оказывается новая, неизмеримо более высокая форма богатства общества: сбережение рабочего времени, сведение необходимого труда к минимуму, развертывание созидательной инициативы человека, неограниченное развитие его творческих возможностей. НТР оказалась исключительно мощным ускорителем этих процессов: быстрое изменение производственных технологий, стандартов и форм потребления, информационные «бумы» и т. п. Для того, чтобы справиться со всем этим, обществу необходима целеустремленная личность, интеллектуально, морально, физически более развитая, способная самостоятельно организовывать и управлять всей своей жизнедеятельностью, готовая свободно подчинить эту деятельность возвышенным и содержательным целям, согласованным с общественными целями, обладающая необходимыми зна-

ниями, чтобы осознать свое место в быстро революционирующемся мире и активно действовать в нем.

Все эти обстоятельства получили отражение в нравственной жизни социалистического общества. В сложнейшем клубковом сплетении различных - от взаимодополняющих и вплоть до взаимоотрицающих (потому то и хитросплетений) - тенденций нравственной жизни нашего общества идеал «улавливает» скрытые от поверхностного созерцания возможности, фиксирует основные, несущие нити развития, наиболее полно воплощающие истину морали. Поэтому он способен быть прогностическим отражением потенциалов действительности. «Идеал для всякой эпохи - она сама, очищенная от случайности, преображенное созерцание настоящего, - писал А. И. Герцен. - Разумеется, чем всеобъемлемее и полнее настоящее, тем всемирнее и истиннее его идеал»³.

Коммунистический идеал неразрывно связан с коренными интересами ведущего класса нашего общества — рабочего класса, для которого стремление к идеалу является жизненно необходимым, продиктованным его объективным положением в данной системе общественных отношений, его всемирно-исторической миссией. Такой идеал нельзя напрямую соотносить с реальностью, устраивать с ней «очную ставку», ибо природа идеала такова, что он «...ограничивается самыми общими намеками насчет будущего»⁴, носит обобщающий, предельно широкий характер, не предвосхищая частности и детали, прогнозируя лишь общие контуры нравственного совершенствования человека⁵. Это его свойство было максимально учтено в новой редакции Программы КПСС.

Логика управления нравственно-воспитательной деятельностью обязывает не придавать идеалу слишком узких значений, не замыкать его на "представительство" какой-то одной стороны морали или какого-то одного, пусть и исключительно важного, морального качества личности: существует известная последовательность в постановке и решении воспитательных задач становления личности, формирования ее морального сознания. Идеал являет собой конденсат всех структурных элементов нормативно-ценностной системы. Для полноценного участия в нравственной жизни социалистического общества личности необходимо развивать все стороны своего морального сознания, отграничивать нравственную культуру чувств, мышления и действия. Все это и определяет целостность ее сознания и поведения, совершенство которых представлено в идеале⁶. В свою очередь, непременным условием обретения личностью такой целостности оказывается гармоничность развития, гибкая, высшая согласованность ее нравственной чистоты со всеми другими сторонами ее развития.

Человека нельзя воспитывать по частям. Конечно, такое утверждение не означает, будто идейно-политическое, трудовое, эстетическое, правовое, атеистическое и всякое иное воспитание утрачивает свою специфику. Каждое направление коммунистического воспитания имеет свое «лицо», собственные задачи, располагает только ему присущими организационными формами и способами использования воспитательных средств. Но совсем другой вопрос — обособленность и несогласованность этих направлений. Еще хуже — асимметрия между ними. Чрезмерная специализация, межвое деление воспитательного труда по направлениям способны лишь порождать диспропорции в развитии личности, плодить формалистические выкрутасы. Нет и не может быть независимого от содержания мировоззрения личности, ее идеологических пози-

ций, отношения к труду доброго и честного человека вообще. Вне использования идейно-политического воздействия на личность в качестве мощного фактора ее нравственного воспитания совершенно невозможно осуществить это последнее как воспитание в духе коммунистической морали. Иначе смещение в соотношении классовых и общечеловеческих, формационных и общецивилизационных моментов развития морального сознания личности окажется неизбежным. Лишь подкрепляя идейно-политическое и трудовое воспитание нравственным, можно преодолеть поверхностность усвоения научного мировоззрения, политическое начетничество или же трудолюбие, ориентированное на своекорыстие и делячество. С другой стороны, только по отношению к производственной дисциплине и труду в целом можно судить о политической сознательности и нравственной зрелости человека.

В процессе построения управленческой программы на основе идеала существуют две крайности, которые необходимо избежать во что бы то ни стало. Идеал, во-первых, может быть сформулирован и осознан в рамках управленческого подхода столь абстрактно, что практически его связь с целевым сектором программы становится едва осязаемой. Но и сама по себе нацеленность управленческой позиции на анализ конкретных ситуаций нравственной жизни воспитания — еще не панацея. Идеал может в этом случае потерять свое атрибутивное качество — служить высшей целью, целью-смыслом. Идеал должен преодолевать «гравитацию» практических сиюминутных потребностей и задач, но вместе с тем ему противопоказано нарушение законов социального «тяготения». В основе выбора позиции управленца лежит не поиск эквилибристики («...с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой — нельзя не признаться...»), некоей точки механического равновесия между этическим ригоризмом и скептицизмом, а диалектическое понимание меры. Теория и практика коммунистического воспитания выступают против облегченных представлений о путях и сроках перехода к коммунизму, тенденции волюнтаризма, отрыва от степени зрелости социалистического общества, от этапов онтогенетического развития личности.

Во-вторых, постановка вопроса об идеале, чистоте, совершенстве нередко ассоциируется в обыденном моральном сознании с понятием «святости». Подобное понимание либо открыто провозглашает, либо скрыто проводит эсхатологические устремления. Это решительно противоречит научной этике марксизма, которая рассматривает процесс морального совершенствования людей как «открытый», бесконечный. Идеалу как преднайденному финалу исторического развития человека, как чему-то, что пребывает «по ту сторону» этого развития, эта этика противопоставляет учение о «финальных целях», к которым стремится человек. Они не предопределены «сущностью» или «природой» его отношений, не содержатся заранее в субъекте (бездонные и непостижимые «глубины духа») или в объекте (социальный фатализм), точно так же, по словам К. Маркса, как огонь, добываемый трением, предварительно не заложен в камне или стали, не является их «элементом», «навязчивой идеей». Они возникают в процессе деятельности и являются отражением тенденций развития предшествующего состояния общественного бытия. После того, как они достигаются, выдвигаются новые «конечные цели», более высокие идеалы, предполагающие дальнейшее развитие общественного человека. Каждая «конечная цель» оказывается лишь перегоном на пути к более высокому идеалу. Отсюда, кстати, и постоянное возвращение к «вечным вопросам» человеческого бытия, к решению проблем нравственного идеала, их неуывадаемая

свежесть и вместе с тем их кажущаяся "вечная" неразрешимость. Не о «свято-сти» стоит вопрос в научной этике, а о всестороннем, целостном развитии человека, которое оказывается самоцелью, абсолютным выявлением всех человеческих сил безотносительно к какому-бы то ни было заранее установленному масштабу. В этой диалектике целей и средств, идеалов и действительности как раз и заключается «назначение» человека: он «не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»⁷.

Цель нравственного воспитания - не утопический замысел создать общество, сплошь заселенное одними только «святыми». «Перевод» идеала в практическую цель означает стремление к тому, чтобы принципы и нормы существующей социалистической морали стали доминирующими стандартами оценки собственных и чужих поступков, реальных социальных отношений на макро- и микроуровне. «Реалистическое объяснение нравственных процессов при социализме требует оценивать настоящее с помощью настоящего, т. е. использовать в качестве критерия самые разные, самые зрелые формы социалистической нравственности, имеющие глубокие корни в общественной жизни»⁸.

Идеал - понятие, почерпнутое не из управленческого словаря. «Конечная цель» должна приобрести более скромные значения, стать практически реализуемой целью, чтобы «возглавить» процесс программирования, открыть собственно управленческий цикл. Различие между идеалом и целью тем более важно осознать, что в нравственно-воспитательной деятельности они все еще нередко отождествляются. Так, например, на вопрос о целях воспитательных усилий довольно часто можно услышать предельно расплывчатый ответ, прямо сориентированный на идеал. Между тем такой ответ оказывается верным лишь тогда, когда ставится вопрос о воспитании как общественном процессе, а не при решении вполне конкретных воспитательных задач и проблем. Все это позволяет не просто поставить вопрос о целях, но и говорить о концепте целей, о теоретических подходах. Анализ целей нравственно-воспитательной деятельности до недавнего времени пребывал на периферии исследовательских интересов. В области педагогики это объяснялось господством теорий так называемой «бездетной педагогики», которая исходила из предположения о существовании однозначной связи между целями и средствами. В целом значительными - если не единственно важными - считались темы, связанные с инструментальным сектором управленческой программы. Ее целевая модель предполагалась заранее известной, во всяком случае, в сравнении с изучением форм, приемов и методов нравственного воспитания. Незаслуженное равнодушие к целевой модели наблюдалось и в практике воспитательной работы - она истолковывалась в качестве самоочевидной и общеизвестной, использовалась лишь как общий стимул действий субъекта и объекта воспитания.

Управленческие позиции, акцептируя внимание на различии идеала и цели, руководствуются стремлением «перевести» идеал в цели на уровне стратегии управления нравственно-воспитательной деятельностью. При этом важны не только полнота целевого сектора, но и решение проблемы соподчиненности всех целей. Успех практического воплощения стратегических целей обусловлен степенью их конкретизации в ближайших и промежуточных целях, в тактических воспитательных задачах⁹. Способности к такого рода конкретизации - в условиях неразработанности общей теории проектирования оптимальных систем - свидетельствуют о творческом подходе к управлению, о нравственной его культуре.

Представляется, что конкретизация может быть слабоорганизованной и потому лишь отчасти соответствующей требованиям управления, а может быть и собственно управленческой процедурой, частью технологии. При этом преобладание первого или второго типа конкретизации во многом определяется объектом управления и спецификой воспитательной ситуации. Одно дело, если таковым выступает трудовой коллектив, а совсем другое - социопрофессиональная общность или учебная группа как конвенциональное и временное объединение людей.

Второй тип конкретизации связан прежде всего с процессом моделирования целей - в самом этом термине отражена «сильная» организованность процедуры, когда орган управления, его субъект автономны относительно объекта. Задача субъекта в этом случае заключается в преодолении рядоположенности задач, целевого плюрализма, в ранжировании целей по их ценности, строгой их организации в иерархическую систему с жесткой декомпозицией¹⁰.

В социально-управленческой литературе при построении «дерева целей» довольно часто выделяют три яруса иерархии. Первый разрабатывается в виде подсистемы целей качественного порядка, определяющих деятельность на сравнительно значительный отрезок времени. Каждая из этих целей развертывается на втором ярусе в подсистему целей, меньших по объему и среднесрочных по «горизонту времени». Из них уже генерируются, выводятся как следствия краткосрочные цели третичного яруса. Генеральные цели, следовательно, конкретизируются в подцелях, а эти последние - в задачах воспитательной деятельности. При этом следует принять во внимание одно очень важное и эмпирически устанавливаемое соображение: сразу трудно построить эффективную иерархию целей не только для сферы воспитательной деятельности с ее большой зоной неопределенности, но и даже для четко налаженной производственной деятельности. Целевой блок лишь постепенно обретает необходимый уровень определенности, в модели целей устраняются размытость, факты неполной генерируемости целей разных ярусов, моменты противоречивости. Особенно трудно дать верную оценку ценностей целей по их значимости: лишь экспертный анализ позволяет с наименьшими потерями произвести подобную работу.

Поскольку управление имеет дело с организованным процессом, то надо иметь в виду то обстоятельство, что воспитательные цели с необходимостью лишь «вписываются» в многоцелевую определенность того или иного звена организации (политической, учебной, производственной, досуговой и т. п.), а это требует сначала умения отделить воспитательные цели и задачи коллектива, организации от всех иных целей и задач. Но кроме внешней целезаданности каждое звено в силу своей относительной самостоятельности может иметь и автономные цели. «Эти цели в отличие от внешних можно определить как такие, для которых субъект, устанавливающий цель и адресат цели (субъект и объект управления) совпадают»¹¹. И в этом смысле опять-таки есть основания для того, чтобы говорить о многоцелевой определенности системы.

Представления об идеальном объекте воспитания (проект личности и проект межличностных отношений) конкретизируются в эталонах с учетом возможностей и запросов современного этапа развития общества и отдельных звеньев воспитательного процесса. В педагогике цели воспитания в единстве социального содержания и психологической формы подвергаются конкретизации в три этапа: а) по возрастным ступеням; б) по условиям воспитательного учреждения, когда система целей оказывается предметом тактического анали-

за, чем занимается уже не теория, а методика; в) по ранее реализованным целям воспитания - осуществляется при планировании воспитательной деятельности, оптимальность зависит от степени мастерства воспитания¹².

Ряд исследователей предлагают свои схемы конкретизации. Чаще всего они базируются на той или иной типологии личности. Преобладают типологии в соответствии с социально-классовой структурой общества, так как именно классовая принадлежность преимущественно и определяет жизнедеятельность отдельных индивидов, их жизненное положение и личную судьбу, на основе которых можно прогнозировать те или иные эталоны. Социальные качества, формирующиеся под воздействием реальных жизненных отношений, клишируются в личность помимо ее воли и желаний. Они, надо признать, во многом и определяют основные параметры ее морального сознания и поведения. Объективное социальное положение, с одной стороны, совокупность знаний, ценностей и норм, существующих в обществе, - с другой, выступают как внешние детерминанты социализации личности и ее моральных ориентаций¹³.

Для моральной типологии личности все сказанное выше означает, что строиться она обязана на доминирующих ценностных ориентациях. Практически так и происходит. Изучению при этом подвергаются системы буржуазной, пролетарской, крестьянской и т. п. морали в персонифицированном плане (этюды по «моральным обликам»). Можно описывать и внутриклассовые и даже внутригрупповые типы морального сознания личности (мелкобуржуазная мораль, нравственное сознание интеллигента, колхозного крестьянства и т. п.). Нет необходимости в который раз напоминать о перспективности и важности такого рода «этологических» исследований.

Однако возможности, содержащиеся в данной перспективе, не безграничны. Прежде всего, потому, что: а) в современном социалистическом обществе в результате растущего сближения всех классов и социальных групп, интенсификации обмена моральными ценностями наций и народностей формируется общенародная мораль; б) принцип классовости морали в указанных выше типологиях раскрывается однолинейно, а моральные характеристики оказываются не более, чем обязательными составными частями социально-классовой типологии личности. Конечно, типология, адекватно воспроизводящая основания социально-классовой типологии, в наивысшей степени избавляет от опасности исследовательского субъективизма, но вместе с тем в своих дескрипциях она может обеднить процессы реальной нравственной жизни общества.

Между тем в рамках социально-классовой детерминации личностная структура автономна. Ни в коей мере не затрагивая общего принципа единства личности и общественных отношений, такая автономность обязывает вместе с тем считаться с известной самостоятельностью идеологических и психологических процессов, обратив внимание на сравнительно временные и переходные социальные типы личности, возникновение которых прямо не обуславливается экономическими формами разделения труда, классовой структурой и даже внутриклассовой и профессиональной структурой общества, а, следовательно, не вытекает непосредственно из связанных с этими структурами социальных ролей и функций. Видимо, типологии, построенные целиком на индексах объективного социального положения, можно называть типологиями первого ряда социальных (материальных и идеологических) отношений, а типологии, организованные на идейно-психологических качествах и эмоционально-волевой стороне сознания, можно было бы назвать типологиями второго ряда социальных

отношений или мировоззренчески ориентированными.

Представляет интерес схема, разработанная Л. М. Архангельским и Г. Г. Квасовым, которая может быть отражена в эталонах с точки зрения степени моральности личности¹⁴. Плодотворна схема по критерию нравственной оценки жизни. Эталоны могут конструироваться и на основе группировки моральных качеств¹⁵, «плеяды» таких качеств, скоррелированных с тем или иным эталоном¹⁶. Последние могут распадаться по трем комплексам: ценностно-мировоззренческому, профессионально-творческому и поведенческо-волевому. Попытку интегрировать разные направления анализа моральной системы, факторов нравственного развития личности предпринял В. Проданов¹⁷. О. П. Целикова концентрирует внимание на выделении уровней нравственной целостности людей в условиях социалистического развития¹⁸. К. Нешев различает эталоны, идущие от духовно-понятийной и персонифицированно-образной форм воздействия нравственного идеала¹⁹. В. Момов говорит об эталонизированном сознании личности, раскрывающем внутренний механизм выбора, определения меры и самооценки поведенческих актов²⁰. По мнению М. Фритцханда, «от этиков позволительно ожидать не только конкретизации общей модели социалистической личности применительно к условиям соответствующего этапа развития социалистического общества, но и разработки на основании этого учения о различных типах социалистической личности»²¹.

Процесс формирования эталонов может происходить как стихийно, так и организовано. Одним из способов управленческого воздействия на формирование эталонов является проектирование профессионально-нравственных кодексов (трудового коллектива, руководителя, организатора нравственно-воспитательной деятельности, наставника и т. п.) средствами этической деловой игры.

В практике нравственного воспитания положительно зарекомендовали себя «Кодексы трудовой чести», «Заповеди коллективов коммунистического труда» и некоторые другие формы профессионально-нравственных кодексов. Принимаемые трудовыми коллективами, они отражают специфику преломления норм трудовой (в ряде случаев и профессиональной) морали в конкретных условиях, являются следствием достаточно высокого уровня его социально-нравственного развития. В сложившихся коллективах, где имеются устойчивые традиции нравственной жизни, такого рода кодексы обобщают и закрепляют позитивный опыт нравственного воспитания трудящихся. В то же самое время надлежащим образом спроектированный кодекс сам является средством активного становления опыта, что особенно важно для массового процесса становления вновь организуемых трудовых коллективов.

Однако положительный эффект этой формы воспитательной деятельности вовсе не безусловен. Зачастую практикуемые в трудовых коллективах кодексы ограничиваются только сводами мероприятий, ставших в коллективах традиционными, сценариями проведения заводских праздников и памятных дат, церемониями чествования и награждения, перечнями стимулов и санкций. Да и в том случае, когда они включают в свой состав принципы и нормы нравственной жизни (не всегда надлежащим образом выделенные из административных регламентов, инструктивных предписаний), кодексы создаются без широкого и представительного участия самих членов коллектива и ориентированы преимущественно на специальные мероприятия, нежели на повседневную воспитательную практику. Действительный же воспитательный эффект кодекса в решающей степени обусловлен причастностью к его созданию самих трудя-

щихся, а выверенность его положений гарантируется опорой на передовое общественное мнение коллектива (групповое мнение), на результаты научных исследований, в том числе и собственно этико-прикладных разработок.

Поскольку реальное производство эталона не может быть подменено усилиями ученых и организаторов воспитательной работы, а сам кодекс не должен создаваться помимо коллектива («в тиши храма науки» или в кабинетах политического просвещения), то ключевой проблемой проектирования оказывается нахождение меры сотрудничества субъекта нормотворчества, исследователей и управленцев. Оптимальный учет этих аспектов как раз и достигается решением задач организации процесса проектирования кодекса в ходе этической деловой игры.

Во всех случаях проведения игры «Кодекс коллектива» ей предшествовала большая подготовительная работа, а после игры - деятельность по внедрению, проводимая по специальной программе, утвержденной парткомом предприятия. Ни создание Кодекса, ни сама игра не рассматривались как самоцель или как мероприятие, поскольку назначение «целевой бригады» исследователей и практиков состояло в том, чтобы при работе над проектом кодекса и в ходе его обсуждения помочь коллективу «познать самого себя», задать себе же выверенные ориентиры поведения и воспитательной работы. Этим такие кодексы отличаются от казенных регламентов, продукции бесплодной бюрократической приверженности к кодифицированию, оборачивающейся парадностью, декларативностью, формализмом, видимостью внимания к конкретизации, учету реальных социальных условий производственного процесса.

Представим зал заводского клуба, где проходит игра. На сцене или непосредственно перед ней стол, за которым работает «целевая бригада» авторов, «заказчиков» и организаторов игры. Каждый из них на определенном этапе игры становится ее ведущим. Рядом работает экспертная группа. В ее составе ученые, осуществляющие своеобразный авторский надзор за разработкой. В игре участвуют три или четыре команды. Это - представители основных цехов или служб предприятия. В состав команды, как правило, входят парторги, комсорги, профорги, другие работники, облеченные доверием коллектива. С ними сотрудничают заводские социологи или психологи, редактор многотиражной газеты, юрист и т. п. В каждую команду на правах консультанта включены ученые, партийные работники, журналисты.

Включены микрофоны. Выступает директор завода. Анализируя сложившуюся в коллективе ситуацию и формулируя программу решения комплекса производственных, социальных и воспитательных проблем, он определяет роль кодекса в совершенствовании морально-психологического климата коллектива. В зависимости от специфики конкретной ситуации акценты расставляются на повышении ответственности ИТР или воспитания самостоятельности мышления бригадиров, на подготовке молодой рабочей смены или экспериментальном характере продукции завода и т. д. Но в любом случае речь идет о настрое игры, об ориентирах предстоящей командам работы.

Каким образом организуется процесс конструирования норм кодекса? Во-первых, игровая соревновательность здесь нацелена не на «победу» над другим вариантом, созданным командой-соперником, а на лучший вариант кодекса по сравнению с уже имеющимися (особенно если они уже «заформализованы») и на более адекватное отражение в кодексе специфики нравственной жизни в данном коллективе. Поэтому первое игровое задание и ставится как критическое осмысливание текстов и фрагментов ряда практикуемых кодексов

с целью выявить то положительное, что можно и нужно заимствовать, попытаться предложить (не опасаясь движения мысли по аналогии!) свой вариант кодекса, стремясь избежать часто встречающегося на практике включения в кодексы чисто операциональных предписаний и лозунговых формулировок.

Команды приступают к выполнению этого задания, а эксперты приглашают к себе представителя каждой команды, чтобы решить цикл этических задач «Контр-кодекс». Они предлагаются тем участникам игры, которым поручена разработка преамбулы Кодекса. Выдавая задание, ведущий поясняет, что оно составлено по реальным материалам, отражает весьма распространенные взгляды, расхождения суждения. Вот примерный текст задания.

Проанализируйте изложенные позиции и сформулируйте Ваше отношение к ним:

1. На каждом предприятии есть правила внутреннего распорядка, должностные инструкции. Они регламентируют деятельность коллектива подробно и всесторонне, с учетом конкретных обстоятельств этой деятельности. Поэтому нет необходимости в новшествах типа «Кодекс». Надо просто добиваться выполнения существующих сводов требований и правил.

2. Профессионально-нравственный кодекс, возможно, и нужен, но только для некоторых профессий и отдельных должностей. Проектировать кодекс для коллектива в целом - дело бесполезное. Если он будет очень общим, то в нем нет смысла; если окажется достаточно конкретным, то станет дублировать социалистические обязательства, личные творческие планы и т. д.

3. Стремление каждого коллектива иметь свой кодекс понятно, но это не означает, что подобное явление следует приветствовать и поощрять. Наоборот, надо стремиться к тому, чтобы такие понятия, как совесть, долг, справедливость были универсальными: к ним не надо шить мундиры и устанавливать знаки различия.

4. В любом коллективе уже существует свой неписанный кодекс. Но это не значит, что его обязательно надо записать, как это делается, скажем, с фольклорным материалом. Его содержание меняется, учитывает потребности сегодняшнего дня. А пока мы его станем «записывать», он успеет безнадежно устареть. Если же приуготовить кодекс для будущего, мы заведомо совершим ошибку, ибо будем ориентировать людей на те качества, которые в скором времени, возможно, не будут актуальными.

Задание «Контркодекс» создает проблемную ситуацию, а собеседование по его итогам между участниками игры и экспертами помогает укрепить позицию авторов игры, рассматривающих кодекс коллектива как систему нравственных требований, являющихся его самообязательством, выступающим своеобразным итогом коллективного творчества, содержательно фиксирующим основные ценности нравственной жизни и воспитательной деятельности коллектива как целостного социального организма.

Проходит назначенное время (ведущий строго следит за соблюдением регламента - игра «деловая» и в этом смысле), и слово предоставляется капитанам команд, сообщающим о результатах работы над первым вариантом кодекса. Команды задают друг другу вопросы, по мере необходимости вопросы задает и экспертная бригада. Организуется дискуссия по эскизам кодекса, по отдельным его структурным элементам: преамбуле, нормативной части, рекомендациям к внедрению.

Теперь эксперты анализируют первую редакцию кодекса и проводят инструктаж, основная цель которого - показать специфику нравственных норм,

образцы их формулировок, условия, организации их в систему, отражающую основные моменты нравственной жизни коллектива. Обратим внимание на значение избранного алгоритма игры, когда ее участники выполняют задание в два этапа, первый из которых заключается в интуитивной по преимуществу работе над кодексом, а второй - в работе по методике, предложенной авторами игры. Данное значение обнаруживается при сравнении двух экспертных разборов вариантов кодекса - первого и окончательного. Как показывает опыт проведения игр, при работе над первой редакцией кодекса участники игры еще только вживаются в проблему. Им не всегда удается достичь необходимой цельности проекта. Формулировки принципов и норм чаще всего очень пространны, в них заметен «казенный стиль», редко сочетаются в предложенных положениях кодекса элементы должностования и нравственной оценки, нарушается мера конкретности предписаний. Большая часть подобного рода трудностей преодолевается при создании второй редакции кодекса.

Алгоритм этической деловой игры, его двуэтапность обеспечивают эффективное подключение научных подходов к процессу проектирования кодекса как через разборы экспертами предложенных командами проектов и специальный инструктаж по структуре кодекса, так и с помощью дискуссии консультантов команд. Созревание дискуссии начинается уже при обсуждении командами фрагментов практикуемых кодексов. Дополнительный импульс дает задание «Контркодекс», и, наконец, основное содержание дискуссии задается разбором первого варианта кодекса и аргументами проблемной лекции-инструктажа.

Дискуссия эта имеет и учебный, и в известном смысле воспитательный характер, нередко дает она и собственно научные результаты. Организуя ее, авторы игры отдают себе отчет в том, что на стадии становления теории управления нравственно-воспитательной деятельностью вес аргументов «за» и «против» кодекса может иногда уравниваться. Это дает серьезный стимул для исследований этиков как фундаментального, так и прикладного профиля. Практика, однако, не ждет. Но многом процесс создания кодексов уже идет в коллективах (одним из стимулов ускорения и расширения его явился Закон о трудовых коллективах), и долг ученых на данном этапе не ограничивается скептическими оценками и выдвиганием запретительных «техусловий» к управлению нравственно-воспитательной деятельностью. Он побуждает и искать позитивные решения, предлагать рабочие гипотезы, ставить социально-нравственные эксперименты. Разумеется, не за счет заорганизованности воспитательной деятельности, осознавая всю опасность инвентаризации практикуемых норм, разрыва тонкой ткани нравственных отношений.

Проектирование профессионально-нравственных кодексов средствами этической деловой игры как раз и является такого рода экспериментом, позволяющим предложить системе управления целевую модель, отладить «компас» этой системы, определяющий курс нравственного развития коллектива. Выступая целевой моделью системы управления, на которую сориентировано «дерево целей» плана воспитательной работы, и эталоном нравственной жизни коллектива, кодекс после его принятия дает возможность сверить по нему рабочий ритм и нравственный настрой всего коллектива, спланировать личные творческие обязательства, соревнование и т. д. Поэтому-то в разделе кодекса, характеризующем его внедрение, записано: «Нормы кодекса - в план социального развития, в показатели социалистического соревнования, в требования аттестации, в личные творческие планы».

Кодекс, понятно, выступает здесь не более, чем «точкой отсчета», от ко-

торой идет формирование сознания и самосознания коллектива и к которой ни жизнь коллектива, ни система управления не сводятся. Но он представляет исключительно важную возможность для воспитательной работы в коллективе «считать от цели».

§ 2. Проблема соотношения целей и средств

Итак, проблематика программирования управления нравственным воспитанием проанализирована с точки зрения разработки методов конкретизации коммунистического нравственного идеала в иерархизированную систему целей, перевода этой системы на уровень целевого сектора реальных управленческих программ в трудовом коллективе, построения соответствующих эталонов. Ключевой проблемой реализации целевого блока является обеспечение его адекватными средствами (инструментализация). На эту проблему распространяется общая забота как социального управления, так и непосредственно самой воспитательной деятельности о диалектике целей и средств.

Уже говорилось выше, что в живой воспитательной практике нередко исходят из того, что вопрос о целях, эталонах и образцах нравственного воспитания (представлены ли они в системном виде или не представлены так, кодифицированы определенным образом или же взяты в неразвернутом виде) является якобы малосущественным ввиду его самоочевидности и общеизвестности. На этом основании к нему проявляют неправомерное равнодушие или же «парламентский» интерес, обращая все усилия на приемы, методы и формы воспитания. Между тем без четкого понимания целей и задач просто невозможно сколько-нибудь последовательно планировать и проводить воспитательную работу, определить значимость соответствующих воздействий, обеспечить их преемственность, выверить эффективность воспитательных усилий. Вне такого понимания работа по нравственному воспитанию сводится неизбежно к наборам апробированных мероприятий, которые планируются и осуществляются независимо от их нравственного смысла и подлинной действительности.

Педагогика такого рода, иронически именуемая «мероприятельной», конечно, не может не преследовать каких-то целей. Но каких именно? Она, во-первых, предоставляет до поры до времени возможность ответственным за воспитание лицам создавать видимость благополучия в воспитательных делах в коллективе. Нежелание или - что случается чаще - неумение организовать такую работу (а это дело, безусловно, кропотливое, хлопотное, требующее большой выдержки, смекалки, обширных познаний и гражданского мужества, к тому же не всегда дающее скорый и осязаемый эффект) прикрывают в таком случае «красотой отчетности», воспитательной конъюнктурщиной, завораживающей шумихой пустого формотворчества. Они сопровождаются, как правило, стремлением побыстрее отрапортовать о достижениях, щегольнув звонкой актуальностью воспитательных мероприятий и особенно их числом («воспитательный вал»).

Во-вторых, «мероприятельная педагогика» располагает и скрытыми целями, отнюдь не совпадающими с целями общественного воспитания. Такие неафишируемые цели - обеспечение «дисциплины и порядка» в коллективе воспитанием «удобной» для руководства личности. Если подлинное воспитание формирует нравственные потребности у личности, способности преобразовывать социальную среду и самое себя, то воспитание «удобной» личности

означает лишь натаскивание ее на выполнение каких-то дисциплинарных, службистских правил. Разумеется, работник любого предприятия и учреждения, какой бы пост он ни занимал, обязан подчиняться требованиям производственной и государственной дисциплины, и в данном случае речь не об этом, а о том, что названная педагогика ориентирует только на соблюдение «усеченных» норм такого рода. Они-то и формируют в конце концов «удобную» личность. Если же брать данные нормы в их полном объеме, то будет формироваться нормальная, полнокровная социалистическая личность, как и бывает обычно, поскольку в них требования централизма органически сочетаются с требованиями самой широкой демократии, с правом критики любого лица и учреждения, деятельность которых не соответствует возложенным на них социальным обязанностям.

Опыт свидетельствует, что в тех коллективах, где своевременно не дается отпор духу и стилю «мероприятельной педагогики», складывается неблагоприятный морально-психологический климат, не обеспечивается комплексный подход к воспитанию, в работе укореняется опасная практика разрыва слова и дела, у части коллектива формируется пассивная позиция выжидания или равнодушия. Все это сказывается довольно скоро и на производственных показателях.

Нужно подчеркнуть, что вопрос о целях ни в коей мере не умаляет значимости вопроса о правильном выборе средств их достижения, о соотношении целей со средствами воспитания. Каждое отдельное воспитательное средство само по себе еще не является таковым: полезным или вредным, слабым или действенным оно может быть в зависимости, с одной стороны, от целей, дающих критерий такой оценки, а с другой - от конкретных условий, ситуаций и способов соединения с другими используемыми методами и приемами.

Теория управления нравственным воспитанием опирается на диалектическую концепцию отношений нравственной цели и средств ее достижения. Ее можно представить в следующих основных положениях. Во-первых, ценность средства обусловлена нравственным характером цели, для достижения которой это средство выбирается. Цель определяет ценность средства, однако не оправдывает его. Рассуждения относительно оправдания того или иного средства оказываются лишь прикрытием безнравственных действий декларативными ссылками на возвышенность мотивов, которые якобы по независимым от субъекта действия причинам не смогли отразиться на результатах поступка или же отразились в них лишь частично. Словом, это то, что обычно именуется лицемерием. Ведь средства, которые мы выбираем, являются таковыми не вообще, а лишь применительно к вполне определенной цели. В отношении иной цели то свойство предмета (вещи, действия, слова), которое служило ранее средством, оказывается уже нецелесообразным. Целесообразность выбора любого средства оказывается лишь видимостью. Выбрав не соответствующее цели средство, человек достигает просто не ту цель, которую перед собой ставил.

Во-вторых, результат, в котором, так или иначе, воплощается цель, достигается благодаря средству, обусловлен его функциональной ролью. И потому выбор несоответствующих цели средств ведет к нежелательному результату, искажает природу цели. Причем это проявляется как в том случае, когда цель выражает позитивные моральные ценности, так и тогда, когда цель является аморальной. В-третьих, обусловленность ценности средства характером цели предполагает такие качества ценности средства, как объективность и аб-

солютность. Только «кажется» человеку, будто не стеснен он в выборе средств: чем сильнее вера в безграничность свободы, чем больше произвола в выборе средств, тем дальше оказывается результат морального выбора от запланированной цели. В. И. Ленин отмечал, что, игнорируя объективные свойства вещи, которые позволяют «быть средством», человек препятствует достижению своей цели²². Именно поэтому в марксистской этике тезис «цель определяет средства» дополняется тезисом «средства определяют цель».

Нравственная цель и средство, в-четвертых, не только взаимно определяют друг друга, но и соотносительны: любая цель в иной ситуации может выступать в роли средства, и, наоборот, то, что было средством, в изменившейся ситуации может оказаться целью. Иначе говоря, складывается система «цель—средство» и выявляется несостоятельность попыток определения необходимости какого-то средства путем его соотнесения лишь с ближайшей целью, так как, лишь только будет достигнута последняя, ей самой придется выступить в роли средства для более высокой цели. В-пятых, из этого «правила согласования целей» вытекает требование строгой последовательности в выборе средств. И если ближайшая цель может быть достигнута лишь ценой, уничтожающей нравственный характер более высокой цели, то такое средство достижения должно быть отвергнуто, как лишенное целесообразности. Более того, для обеспечения нравственного характера выбора необходимо не только выведение конкретной текущей цели из цели более отдаленной и высокой, но и из предыдущих, уже реализованных целей. А так как эти уже достигнутые ранее цели выводились из соответствующих средств, то необходимо пристальное внимание к каждому средству на всех этапах движения к высшей цели.

Из всего сказанного можно сделать такой вывод: нравственно и целесообразно то средство, которое необходимо и достаточно для достижения позитивно-нравственной цели, которое не противоречит более высокой и высшей цели, не трансформирует их характера. Целесообразность средств приобретает, таким образом, нравственный смысл. Такое понимание дает возможность принципиальной критики замены этики «технологией морали», «организационно-техническими нормами»²³.

В воспитательной практике существует довольно распространенный порочный метод подмены целей средствами, когда прибегают к так называемым «бездействующим средствам» (иногда они действуют «наоборот», дают обратный эффект), подменяют конкретное воспитание нудным «чтением морали», расширенным изложением самих воспитательных целей, повторением прописных истин без их соотнесения с условиями воспитательного воздействия. Здесь мы имеем едва ли не классический пример удручающего облегчения и упрощения воспитательной задачи (вследствие некомпетентности, безграмотности субъекта воспитания или по каким-то другим причинам), «Удобная» личность в этом случае должна сформироваться согласно догматическим представлениям субъекта воспитания, не имеющего понятия о мере и условиях воспитательного воздействия, только непосредственным волепринуждением. Отсюда фейерверки словесной софистики, все формы психического давления от уговоров и псевдоидентификации позиций до угроз и шантажа.

Делу воспитания вообще вредит всякая фетишизация, но особенно вредна фетишизация средств, возведение в ранг целей отдельных воспитательных приемов и форм. Совершенно очевидно, например, что участие в трудовой деятельности является важнейшим средством воспитания личности, источником ее формирования, закалки, решающим показателем ее социально-

нравственной активности. Но ставка на всемогущество труда как такового - ошибочный расчет. Труд только тогда является воспитательным средством, когда определенным образом инструментируется, связывается с другими факторами и средствами воспитания. В отрыве от целей нравственного воспитания и других его средств воспитательный потенциал труда в лучшем случае будет использован не полностью, а в худшем - будет приводить к неожиданным, отрицательным результатам.

Когда каждое отдельное воспитательное средство рассматривается не изолированно, а лишь в широком контексте всей системы нравственного воспитания, только тогда и возможно удержаться от необдуманного оправдания любых средств под тем предлогом, что именно они и приведут к желаемым результатам. Гегель в "Философии права", обсуждая вопрос о средствах и результатах поступка, напоминал старую поговорку: «Камень, выпущенный из руки, принадлежит дьяволу». К каждому человеку имеет отношение современный эквивалент этой старой поговорки: «упущенный из виду фактор подстерегает воспитателя», ибо он "асимметричен" с точки зрения воспитания.

Существует бесконечное множество воспитательных средств. Искусство оперировать ими исключает применение жестких шаблонов, рецептурности, поскольку каждая конкретная воспитательная задача - касается ли она всего коллектива или направлена на выработку каких-то моральных качеств отдельной личности - требует применения специальных приемов, а повторяться воспитательные ситуации могут лишь до каких-то пределов. Но все же не следует уклоняться от попытки классифицировать и охарактеризовать в самом общем виде эти средства как часть целостной системы нравственного воспитания.

Основным его средством является просвещение, пропаганда, убеждение²⁴, идейно-психологическое воздействие на личность, группу, массу, определенная организация их деятельности, в ходе чего происходит усвоение норм, ценностей, принципов социалистической морали. Убеждение - это извне воспринятая информация, оправданная и проверенная на собственном жизненном опыте. Огромную роль в процессе убеждения играет этическая пропаганда. Она осуществляется через сеть партийного и комсомольского просвещения, каналы средств массовой информации, введением преподавания основ марксистско-ленинской этики в учебных заведениях различного типа²⁵. Во многих крупных коллективах страны по примеру Оршанского льнокомбината и по линии общества «Знание» создаются народные университеты нравственного образования и воспитания.

Этическая пропаганда - составная часть формирования научного мировоззрения. Она способствует приобщению к коммунистическому идеалу, воспитанию непримиримости к антиобщественным проявлениям, враждебной идеологии и морали. Главное в этической пропаганде - идейное содержание и действенность, обеспечение высокого научного уровня, убедительности аргументации и доверительности тона, преодоление штампов «казенного» стиля, усиление деловитости и конкретности, связь с решением политических и хозяйственных задач, чтобы «слово превращалось в дело» (В. И. Ленин). Она должна отвечать известному ленинскому требованию: максимум научности и максимум популярности. Она призвана охватить все стороны общественной жизни, все социальные группы и регионы, доходить до каждого человека.

Важное значение имеет и нормативная пропаганда нравственных ценностей, которая охватывает множество жанров традиционной (восходящей к Сенеке и Плутарху, Монтеню и Честерфилду, Толстому и Брехту), а также совре-

менной моралистики. Выдающимся мастером нормативной пропаганды был В. Л. Сухомлинский. Свидетельский рассказ, страстный призыв, поразительный случай из обыденной, хорошо знакомой практики, яркий афоризм, душевный совет, резкое осуждение, гневная отповедь и многие другие приемы использовались им настойчиво, гибко и исключительно успешно. Всякий раз он взывал к человеческой доброте и личной ответственности, к слиянию гражданственности и гуманизма, показывая, сколь светла и радостна трудоемкая, никогда не кончающаяся работа по самовоспитанию - эта огромная битва за самого себя.

Партийный и комсомольский организатор, руководитель-хозяйственник и наставник, активист-общественник, каждый, кто работает с людьми, по долгу своей службы обязан систематически овладевать мастерством нормативной пропаганды, ибо только овладение этим труднейшим из воспитательных искусств и делает человека воспитателем. Он обязан полностью использовать то, что в партийных документах очень точно было названо «моральным перевесом», который всегда был и есть на стороне социализма и коммунизма. Ему надо научиться ярче раскрывать подлинный гуманизм нашей коллективной морали, нести борьбу против бездуховности, эгоизма, мещанства, попыток проталкивать в нашу среду чуждые взгляды и нравы²⁶.

Но сообщенные пропагандой этические знания, моральные идеи и представления воплощаются в убеждения личности, выводят ее на активную жизненную позицию лишь тогда, когда подкрепляются доказывающей и вовлекающей силой примера. Если слова учат, то примеры влекут. Справедливо гласит поговорка: «хороший пример - лучшая проповедь!». Известно категорическое суждение Л. Н. Толстого: «0,999 воспитания сводится к примеру. Ничто так не убеждает, как собственное поведение, личный пример отца, наставника, учителя». Пример в самом деле отличает очевидность и осязаемая конкретность. В нем пульсирует непосредственное единство мотива и действий, слова и дела, мысли и чувства. На протяжении долгой истории человеческих нравов действия какой-то отдельной личности (или группы) обязательно становились положительным образцом для других, как ближних, так и дальних. Они побуждали к раздумьям, ставили тревожные вопросы перед собственной совестью («смог ли бы и я поступить также?», «должен ли и я сделать то же?» и т. п.). Но очень часто в прошлом следование образцу обнаруживало лишь имитацию, почти бессознательное копирование «записанного» в этом образце морального установления. В наше время такие непосредственные образцы скорее влияют на этикет, ритуалы и манеры поведения, чем на собственно нравственное воспитание²⁷.

В. И. Ленин подчеркивал, что сила положительного примера получает громадное значение в обществе, отменившем частную собственность²⁸. Оно избавляется от сектантского представления, согласно которому настоящим примером может служить только кучка «моральных героев» - «святых», праведников, мучеников, модных «гуру». По выражению Г. В. Плеханова, в нравственном смысле велик каждый, кто «полагает душу свою за други своя». При социализме «сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие»²⁹. Следует сказать о Всесоюзном социологическом исследовании, проведенном АОН при ЦК КПСС совместно с ИСИ АН СССР, ВКШ при ЦК ВЛКСМ и Высшей школой профдвижения в 1978 году и охватившем свыше 11 тысяч человек; это было исследование на тему «Нравственное воспитание в трудовом коллективе», которое, в частности, показало, что более двух третей опрошенных, точнее 68%, считают, что находят пример для подражания в сво-

ем коллективе. Причем, было выяснено, что примером выступает только тот, кто имеет непосредственный контакт с данным работником, - сотрудник, мастер, наставник; отсюда следует, что на роль примера могут претендовать только те партийные, профсоюзные и хозяйственные руководители, которые на деле выполняют ленинское требование «жить в гуще масс, знать настроения, знать все» и потому-то и являются, по существу, вожаками, за которыми идут люди. Это, естественно, имеет первостепенное социально-нравственное и воспитательное значение. Силой притягательного примера в нашем обществе, как свидетельствуют многочисленные социологические опросы, обладают жизнедеятельность пролетарских революционеров, стойких защитников Родины, видных общественных деятелей, борцов за мир, прославленные организаторы производства, ученые и деятели культуры, космонавты и известные спортсмены. Вся богатейшая практика коммунистического воспитания показывает, какие безграничные возможности облагораживающего воздействия на умы и сердца людей имеют жизнь и творческая деятельность В. И. Ленина. В нашем языке по праву утвердилось исключительно емкое и многогранное выражение - ленинский стиль жизни и работы, представляющий сплав высокой идейности, деловитости и нравственной принципиальности.

Число положительных примеров при социализме резко расширяется и за счет героев труда, творцов производственных починов и инициатив, передовиков социалистического соревнования, участников движения изобретателей и рационализаторов, движения за коммунистический труд, дающих массовые и наглядные примеры новаторского дерзания, трудовой доблести, заинтересованности в управлении производством, эталоны профессионального мастерства, соблюдения норм социалистической морали, зримого воплощения в социалистическом образе жизни ростков коммунистического будущего. Эти примеры произрастают не на почве какого-то модифицированного для наших условий вечного духа конкурентности, а питаются высокой сознательностью, убеждением в превосходстве социалистического строя и образа жизни над буржуазным строем и образом жизни, способностью на практике доказать такое превосходство, умением продемонстрировать образцы трудового героизма, с одной стороны, а с другой - образцы позитивной критики делом наших хозяйственных, организационных и воспитательных недостатков. О возрастании роли положительного примера в нравственном воспитании явственно свидетельствует также упрочение и развитие института индивидуального и коллективного наставничества. Сейчас в стране около 3 млн. наставников. Опыт показал, что одной из самых эффективных форм наставничества оказалась работа одного опытного производственника с группой молодых рабочих, трудящихся на единый наряд. Современные масштабы наставничества требуют гибкого управления, чтобы повысить его собственно воспитательный потенциал. Возможно, в этом плане будет полезным проведение этической деловой игры «Кодексу наставничества» как свода требований к тем лицам, которые сочетают производственный труд и воспитательную работу.

Действие положительного примера можно рассмотреть как частный случай действия морального авторитета воспитателя. В прошлом такой авторитет часто служил орудием духовного подавления, способом подмены сознательного выбора моральной позиции, идущих «снизу» инициатив простым воспроизведением шаблона действий, навязываемых воспитателем. Осуждая подобное догматическое, «авторитарное» воздействие, научная концепция нравственного воспитания, тем не менее, ни в какой степени не умаляет роли морального

авторитета воспитателей. На множестве конкретных примеров наша центральная и местная печать раскрывает большие возможности для воспитания, которые несет моральный авторитет руководящих кадров.

Вместе с тем в практике воспитания встречаются осколки «авторитарной» методики воспитания с ее чванливой непререкаемостью в суждениях, отсутствием самокритичности, пренебрежением к жизненному и нравственному опыту других людей, со стремлением «подмять» их - верными признаками того, что самому воспитательному воздействию не хватает нравственной культуры. Но есть и такие руководители, которые довольствуются соблюдением лишь внешних - этикетных - сторон в отношениях с подчиненными, призывают их быть честными и скромными, крепить дисциплину труда, беречь каждую минуту рабочего времени и каждую копейку народного достояния, а на деле проявляют нравственную беспринципность в подборе кадров, решении хозяйственных и административных проблем, в отношении к критике в свой адрес, в бытовом плане. Между тем каждый руководитель, каждый наставник, каждый, кто использует в «качестве рабочего инструмента» моральный авторитет, должен знать простую и ясную педагогическую аксиому: личный пример, который руководитель и воспитатель дает своим поведением, является его главным и незаменимым «наглядным пособием».

Перейдем теперь к санкциям как способам воздействия на поведение людей и на их воспитание. Санкциями именуют стихийные или же известным образом организованные реакции социальной среды на поступки и поведение личности, действия групп и акции институций.

Санкции - это апробации и осуждения, это способ воздаяния, поощрения и наказания, которому предшествует оценочный акт, т. е. признание поступка и поведения благом или злом. В этико-социологических исследованиях принято делить санкции на положительные и отрицательные. Первые предназначены для поддержки одобряемых, ожидаемых субъектом управления поступков и действий. Вторые являются репрессивными, призванными пресекать нежелательные поступки, отклоняющееся поведение, антинормативные действия³⁰.

Для выявления собственно морального аспекта санкций следует произвести еще одну классификационную операцию, которая рассекает санкции на формальные и неформальные. Реакции официальных институтов, т. е. политико-правового комплекса государственных и общественных организаций и учреждений, называют формальными санкциями. Они производятся с учетом строгой процессуальности (закон, регламент, дисциплинарная инструкция, организационный устав и т. п.), на основе однозначно определенных, «расписанных» норм, с четко обозначенным хранителем и предъявителем требований, а также исполнителем санкций; с заранее объявленным объектом контроля, будь то лицо, коллектив, организация или общество; на основе кодифицированного набора санкции, в котором заметно преобладание репрессивных - осуждающих и наказующих - санкций. Типичным примером могут послужить дисциплинарные взыскания (замечание, выговор, строгий выговор, перевод в установленном порядке на нижеоплачиваемую работу или смещение на определенный срок на низшую должность, увольнение за нарушение трудовой дисциплины. Существуют также общественные взыскания предусмотренные Законом о трудовых коллективах, Уставами и Положениями об общественных организациях. Конечно, в корпусе формальных санкций есть и положительные реакции, но они являются скорее административными, чем правовыми (отсюда берет начало шуточная фраза - «подвергнуть поощрению»). Среди них - материальные и по-

четные вознаграждения, квалификационное и служебное продвижение, публично высказываемое руководством одобрение поступков подчиненных, их поведения, действия и т. п. Только в хозяйственной сфере насчитывается сейчас свыше трех тысяч различных санкций³¹.

Неформальными санкциями называют безинституциональные стихийные (реже - организованные) реакции членов коллектива, семьи, неофициальных (дружеских, коллегиальных, соседских и т. п.) объединений, публики, а шире - общественности. В значительной мере эти санкции совпадают по объему с моральными, хотя абсолютное их наложение невозможно, ибо санкционироваться могут действия, поддерживающие или нарушающие и те обычаи, обряды, традиции, привычки, которые не имеют морального содержания. Возможна и несколько иная ситуация, когда динамически контролируются с помощью неформальных санкции действия, располагающие лишь косвенным моральным значением (большинство социальных церемоний и этикетов, манеры, моды, такт и т. п.).

Выше уже говорилось о том, что мораль нередко именуют безинституциональным способом социальной регуляции. Отчасти такое определение справедливо. Но, во-первых, различия между этими двумя способами регуляции довольно расплывчаты. Сфера безинституциональной регуляции на протяжении всей истории непрерывно «пульсировала», то сжимаясь, то расширяясь. В социалистическом обществе ряд отношений, бывших в прошлом под «опекой» главным образом институциональной регуляции, перешел сейчас в «ведомство» моральной регуляции. Во-вторых, в ряде случаев моральные нормы подкреплялись (отчасти и сейчас еще подкрепляются) силой формальных санкций институтов или же, как иногда говорят, полуинститутов (соответственно полуформальных или квазиформальных санкций). Скажем, речь здесь может пойти о товарищеских судах (которых в настоящее время в СССР насчитывается около 300 тыс.), судах чести, домовых комитетах и т. и.³². В-третьих, должно быть принято во внимание взаимодействие, переплетение и даже слияние формальных и неформальных санкций в реальной практике социального управления. Так, например, происходит в санкционирующей стороне деятельности органов народного контроля, которые, согласно статье 92 Конституции СССР, сочетают государственный контроль с общественным.

Неформальные санкции подкрепляются силой авторитета общественного мнения - группового и массового. Поэтому они не имеют строго определенного объекта контроля, не исходят из «разделения труда» при хранении, полномочном предъявлении требований и исполнении санкций, не руководствуются «расписанными» нормами и эталонами одобряемого поведения, не являются кодифицированным набором реакций, располагая, по образному выражению С. Ф. Анисимова, «вселенской адресацией». В их наборе сравнительно высок удельный вес положительных реакций.

Все неформальные санкции можно, используя уже предложенные в литературе схемы, подразделить на положительные и отрицательные. Первые несут различные виды выражения морального признания обществом или группой тех или иных поступков, действий, акций, регистрируя наличие в них фактов усвоения объектом нравственных требований, способности к самостоятельному и творческому «прочтению» их социального смысла. Моральное признание проявляется в следующих санкциях: молчаливое, словесное или печатное одобрение, поощрение, доброжелательные слухи, выражение уважения, почета, славы, готовность считать авторитетом в сфере моральных суждений

группы (так называемый «лидер мнений»), создание «позитивной легенды», «нимбическое» отношение и др. Они несколько меняются, когда объектом санкционирования оказываются не отдельные лица, а первичные коллективы или акции администрации.

Отрицательные санкции следуют за нарушением нравственного требования или критерия целесообразности в выборе, за покушением на моральную ценность, за нетворческим применением предписания и оценочного шаблона в нестереотипной ситуации. Порицающие и осуждающие санкции могут быть распределены по степени нарастания осуждения. За исходный пункт в этом случае надо взять некий контрольный минимум, когда санкции пребывают на грани исчезновения. Затем выстраивается следующая цепь негативных санкций: выражение удивления, добродушная насмешка, вышучивание, выражение огорчения, неодобрения, недовольства, замечание, внушение, предостережение, издевка, недоброжелательная молва, отказ в коммуникации, бойкот, остракизм, требование признания вины и покаяния. Реальное действие всех этих санкций порознь или в совокупности еще необходимо подвергнуть серьезному этико-социологическому и этико-психологическому исследованию. Прежде всего под углом зрения применения санкций внутри действующей системы морального стимулирования труда (повышение ее эффективности, воспитательного потенциала, обеспечение техническими средствами, устранение практики поспешных импровизаций, непродуманности, конъюнктурщины в процессе функционирования этой системы и т. п.).

Сейчас же важно указать на главную характерную черту положительных и отрицательных неформальных санкций - они делают ставку на моральную самооценку, возбуждение нравственного чувства, т. е. на внутренние контрольные механизмы поведения, и их поэтому нельзя истолковывать в духе «подкреплений», как что делают необихевиористы. Выражение морального признания или лишение такового исключительно сильно воздействует на протекание внутриличностной нравственной жизни. Выражение признания дает личности ощущение уверенности в моральной защищенности ее позиций, укрепляет чувство собственной порядочности, гордости и достоинства, усиливает целеустремленность и оптимизм. Оно оказывается одним из элементов специфической моральной удовлетворенности³³ и через нее включается в личное счастье, которое, как высшая удовлетворенность от продвижения к поставленным целям и их достижения, обязательно содержит и положительную моральную самооценку. В современных условиях эти санкции дают все возрастающий стимуляционный эффект как средство регуляции действий личности и целых коллективов.

Напротив, отрицательные санкции лишают личность психического равновесия, создают угнетающее, нервное состояние, усиливают внутренний разлад, приводят в движение механизмы совести, страха перед возмездием, вины, стыда, раскаяния, искупления. Хотя твердые нравственные убеждения помогают личности защищать и оправдывать свои поступки и линию поведения подчас вопреки давлению санкций, тем по менее «человек, систематически лишенный признания в течение длительного времени, теряет равновесие и его личность подвергается дезинтеграции»³⁴. В известных случаях отрицательные неформальные санкции как критическая реакция на поступок, а тем более на всю линию поведения приводят к критической самооценке (самовозложение вины, ситуация осуждения себя от имени общества, самонаказание)³⁵, что служит импульсом к воспитательному очищению (катарсис), к изменению убежде-

ний, коррекции либо цели, либо средств их достижения, побуждает к нравственному самосовершенствованию. Во всех случаях неформальные санкции так или иначе влияют на соотношение моральных оценок и самооценок, либо ослабляя, либо усиливая их несовпадение. Тем самым они могут стимулировать процесс формирования нравственных убеждений, эвристических и волевых качеств, если, конечно, при их применении обеспечивается индивидуализирующая корректировка, сохраняется мера и справедливость.

Неформальные санкции оказывают духовное воздействие на объект управления, имеют воспитательно-педагогическое значение. Однако нередко за ними следуют и определенные социальные последствия, затрагивающие реальное положение, интересы и статус как отдельных лиц, так и отдельных групп. Такие последствия могут быть стихийными, как это происходит в случае самосуда толпы или группы. Независимо от характера принятого и осуществляемого решения, они осуждаются нашим обществом как реакции, направленные против нравственных норм и права. Но указанные последствия могут принять вид формальных отрицательных санкций - лишение определенных материальных или престижных преимуществ (например, экономические санкции, штрафы, лишение премий и др.), отказ в продвижении и награждении, лишение знаков почета и доверия (например, отказ в праве на личное клеймо, на работу без контроля ОТК) и т. п., в том числе могут принимать вид собственно правовых санкций (снятие с работы, конфискация имущества и др.).

Признания и осуждения, отрицательные и положительные санкции общественного (группового) мнения во многом являются стихийными реакциями. Управление нравственным воспитанием в трудовом коллективе как раз и предполагает не вытеснение спонтанности, а целенаправленное использование этих реакций, руководство ими, превращение их в собственно воспитательные, т. е. педагогически контролируемые средства воздействия. Для этого стихийные реакции должны подкрепляться (и дополняться) организованными реакциями, продуманными и проверенными методами воздействия на общественное мнение. Самый сильный фактор организации соответствующих реакций - критика «сверху» и «снизу», непрерывная критика (а не от случая к случаю, не тем более запоздалая, «хирургическая», аварийная), критика как норма нравственной жизни коллектива, критика конструктивная, честная, товарищеская и компетентная. Причем при управлении должны быть учтены удивительная гибкость неформальных санкций³⁶, различия их действия в основном и первичном коллективах. В последнем существует повышенная взаимообозримость поступков, непосредственность положительных и отрицательных реакций³⁷, большая их предсказуемость и непреложность. Управлять нравственным воспитанием в данном случае означает налаживать контроль за формированием сознательной дисциплины (которую нельзя интерпретировать как ослабленную середину между «кнутом» и «пряником»), организуя контроль за стилем самого воспитательного воздействия.

Исключительно важно, чтобы общественное (групповое) мнение коллектива занимало передовые идейно-нравственные позиции, преодолеvalo узкогруппистские настроения типа «честь мундира дороже истины», было относительно устойчивым и единым. Иначе требования и оценки социалистической морали не совпадут по своей направленности и содержанию с реакциями коллектива на те или иные явления и события внутриколлективной жизни.

В литературе часто не проводят различий между санкциями и моральными стимулами. Между тем если санкции суть меры морального признания и

отказа в нем, моральные стимулы представляют собой только меры поощрительного характера. Этим, однако, фиксируется лишь внешнее различие между ними. Стимулирование представляет собой действие, направленное не прямо на личное сознание, а через изменение условий деятельности личности (служебное продвижение, комфорт общения, улучшение трудовых и бытовых условий, награждение по достоинству и т. п.), ситуаций удовлетворения ее потребностей и интересов³⁸. В организации системы управления нравственным воспитанием как раз и нужно суметь произвести правильный выбор санкций и стимулов, отыскать оптимальные их сочетания, обеспечить их своевременность. Необходимо познать «вес» тех или иных стимулов и санкций. Как показали социологические исследования, важнейшим моральным стимулом сейчас служит запись благодарности и других форм поощрения в трудовую книжку, то есть у работников развита ориентация на публичные формы выражения поощрения и осуждения, освещение этих факторов на собраниях, в многотиражной газете, поскольку такого рода записи и освещение исполняют роль своеобразной визитной карточки работника³⁹. Очевидно, что в различных коллективах одни и те же санкции в зависимости от уровня и характера нравственных отношений могут иметь различную престижную ценность. По ряду причин произошла сильная «девальвация» почетных грамот, уменьшилась влиятельная сила выговоров (многие хозяйственники чуть ли не гордятся числом «выговорешников»), некоторые наказания приобрели чисто символический характер. Нельзя обойти вниманием и собственно психологические факторы изменения в «толстокожести» и уязвимости того или иного типа личности.

Вместе с тем, как свидетельствуют обзоры читательских писем во многих газетах, общественное мнение страны сейчас озабоченно необходимостью принятия различных мер по укреплению производственной дисциплины. Среди них называются меры, которые давно институализированы законодательством, а также и новые: уменьшение очередных отпусков за прогулы, рвачество, халтуру, шабашничество, снижение трудового стажа, более суровые меры в отношении тех, кто злоупотребляет спиртными напитками, увеличение материальной ответственности тех, по чьему упущению был нанесен ущерб производству, частичное или полное депремирование, перенос очереди на получение новой жилой площади и т. д. «Если люди знают, - читаем мы в редакционной статье «Ленинская этика большевизма» опубликованной журналом «Коммунист», - что за массу загубленного человеческого труда и фактически выброшенных на ветер народных денег, прикрытых термином «незавершенное капитальное строительство», за ржавеющее на складах и стройплощадках и морально стареющее неустановленное оборудование можно отделаться взысканием по партийной и административной линии, но не потерять руководящей должности, трудно ожидать от них решительного пресечения более мелких безнравственных деяний, совершаемых в их непосредственном окружении. Не наказуемые по заслугам лица, разбазаривающие народное добро, бездумно губящие природу, извращающие сущность социалистической демократии бюрократы, хотя бы они того или нет, подрывают устои коммунистической морали в нашем обществе, заражая неустойчивых неверием в нее. Да, мораль имеет земные корни, и очень плохо, когда из гущи общественной жизни они вбирают в себя не только живительные соки подлинно коллективистского поведения людей, но и кислоты, отравляющие нравственное сознание советских людей»⁴⁰.

Эти настроения передают изменения и в массовой шкале собственно моральных санкций. Они нашли отражение в новых «Типовых правилах внут-

ренного распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций», утвержденных Госкомтрудом СССР по согласованию с ВЦСПС. В некоторых отраслях и объединениях вырабатываются усилиями лабораторий НОТ, социологических групп особого рода санкции (например, коэффициенты бездефектного труда, системы вычетов из премий и т. п.), которые коллектив частично включает в свои правила внутреннего трудового распорядка.

Ранее отмечалось, что современному состоянию нравственной жизни присуща тенденция к сужению реди принуждения в целом, внутри же его — тенденция к Vin- ходу на передний план более мягких форм принуждения к социально необходимому поведению. Однако это не дает оснований для отказа от всех видов принуждения как воспитательного средства. Разумная система взысканий «помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их»⁴¹. В обстановке взаимного восхваления, списывания прегрешений, утаивания ошибок и просчетов фактически свертывается воспитательный процесс, зато берет начало противоположный процесс деморализации. Дифирамбы и фимиами вредны нравственному здоровью коллектива и личности. Совсем не случайно в коммуне, которой руководил А. С. Макаренко, дело с наказаниями за проступки коммунаров было поставлено так, что отказ в вынесении наказания (ведь наказание снимает вину и прекращает суд!) воспринимался ими чуть ли не как самое тяжелое испытание, провозвестник отлучения от коллектива.

Принуждение лишь тогда достигает воспитательных целей, когда при этом обеспечивается так называемая воздающая справедливость, достигается соразмерность проступка и оценки. Это требует последовательного проведения в жизнь коллектива единого подхода в оценках. Применение «двойственных критериев», метод «сглаживания углов», «называние черного белым», разлагающе действует на обе стороны.

Наряду с единым подходом в оценках необходим также и индивидуальный подход, ибо воздающая справедливость в вынесении оценки проступку требует не абсолютной истины, а справедливости в отношении к субъекту проступка, т. е. необходимо учитывать прошлое и настоящее провинившегося, необходимо уравновешивать поощрение усилением требовательности. Важно, впрочем, чтобы требовательность не подменялась окриками, голым администрированием, ужесточением санкций, перекосами в сторону «педагогики принуждения». Лишь тот руководитель добивается успехов в воспитании, кто высокую требовательность сочетает с глубоким (и искренним) уважением к подчиненным, конкретной деловой помощью, обучением их эффективным приемам работы, постоянной проверкой исполнения как своих приказов, так и данных обещаний, заверений.

Диалектика единого и индивидуального подхода остро ставит проблему меры воспитательного воздействия. Она является органической частью воспитательного мастерства, «прикладного гуманизма» руководящей деятельности. Мера, по суждению В. Момова, сочетает в себе опыт прошлого, информацию по реальной ситуации и своеобразную модель будущего. Поэтому она может рассматриваться как информационный оптимум, необходимый для управления воспитательным процессом. Она не сводится к механическому применению воспитателем каких-то предписаний, а является внутренне выработанным способом действия. Мера определяет границы, масштабы и качественную особенность воспитательного воздействия, придает ему стабильность и в то же время

гибкость, динамизм. Единые цели и задачи, единые требования и критерии оценки - не унификация, не тяжкое бремя чего-то антииндивидуального, а стимулы подлинного творчества. Мера не есть и воплощение «золотой середины» воспитания, в которой скорее умещается не мудрость, а безразличие к объекту воспитания и к коллективу воспитателей. Определяя дозировку воздействия, правильное соотношение воспитательных средств в конкретной ситуации, мера позволяет избежать воспитательного экстремизма, будь то стихийность или заорганизованность, создает основы научного стиля воспитательной работы, устойчивый способ организации воспитания в противовес беспорядочным усилиям, волонтаризму или же кампанейщине. Единая программа, требования, формы и методы воспитания преодолевают опасность стандартизации там, где та особенно вредна, стимулируют воспитательное новаторство, сочетание гибкости индивидуальных подходов с развитием передовых традиций. Именно в мере происходит соединение высокой взыскательности с уважением, доверием к самостоятельности нравственной суверенности личности. Она выражает соотношение между целями, средствами и результатами воспитательной деятельности, дает ей качественно-количественную характеристику⁴².

Мера - область взаимодействия положительных и отрицательных санкций, убеждения и принуждения, сочетания требовательности и уважения к объекту воспитания, справедливость в оценке, награждении и наказании, оценки и самооценки, мнения руководителя и руководимых. Персонификация воспитательных воздействий раскрывает через меру «интимный» механизм управления поведенческими актами, т. е. механизм превращения личности из объекта регулятивного воздействия в субъект управления собственным поведением.

Что касается такта в воспитательной деятельности, то его можно определить как особенности поведения воспитателя, связанные с необходимостью маневренно действовать, сообразуясь с конкретной ситуацией и индивидуальными качествами объекта воспитания, связанные далее с проблемой выбора и комбинацией целесообразных приемов воздействия на личность. Такт, стало быть, представляет собой важнейшую часть амуниции воспитателя, является обязательным условием эффективности воспитательной работы.

Процесс продвижения исследовательского проекта в практику научного управления нравственно воспитательной деятельностью применительно к рассмотренному выше инструментальному сектору соответствующей программы продемонстрируем на материале этической деловой игры «Кодекс руководителя». Отметим сразу, что данная игра вполне могла бы рассматриваться и при характеристике целевого сектора, наряду с игрой «Кодекс коллектива» (или же несколько дальше - при характеристике воспитательного корпуса). Однако представляется возможным увидеть ее с точки зрения опыта этико-прикладных разработок применительно к задаче управления санкциями: в замысле игры проектируемый «Кодекс руководителя» акцентирует необходимость увеличения потенциала стимулирующих, побуждающих нравственных норм, «норм-целей» по их отношению к силе норм ограничительных, «норм-рамок». При этом создаваемый кодекс выступает для авторов и отчасти для самих участников игры, прежде всего, с точки зрения средств управления воспитательной работой с руководителем, хотя, разумеется, может быть рассмотрен и с точки зрения воспитательной функции деятельности самих руководителей.

Исходная идея игры заключается в стимулировании морального творчества группы руководителей трудовых коллективов, в развитии культуры нрав-

ственного выбора, долга и ответственности за цели и средства их деятельности. Основное внимание в кодексе было сориентировано на такие морально-деловые качества руководителей, как социалистическая предприимчивость и деловитость. Именно посредством взращивания этих качеств, как представляется, может и должно осуществляться управление воспитательными санкциями, прежде всего самыми филигранными инструментами — неформальными способами признания и порицания.

Во вступительном слове ведущего (точнее говоря, бригады ведущих, включающих председателя Совета директоров при горкоме партии, исследователя и партийного организатора) отмечается, что в настоящий момент не испытывается недостатка в так называемых «памятках» для руководителя - их фрагменты составляют часть оформления зала, в котором протекает игра. Отечественная и зарубежная управленческая литература предлагает руководителю широкий спектр советов и рекомендаций, но зачастую они хорошо показывают, как действовать, раскрывают операциональную сторону деятельности и не всегда отвечают на мучительные вопросы «зачем?», «ради чего?», характеризующие ценностную сторону принимаемых руководителем решений. Тем самым, вольно или невольно, разрываются требования нравственной ценности и целесообразности, критерии профессиональные и моральные. Предназначение же игры - разработать проект «Кодекса», который представлял бы собой нормативное выражение «нравственной философии» руководителя в единстве ценностного и целереализующего аспектов его деятельности, обеспечиваемом качествами деловитости и предприимчивости.

Актуализация этой задачи связана с тем, что экспериментальная игра проводилась с руководителями, живущими и работающими в районе нового освоения. Специфику деятельности руководителей в этих условиях определяет исключительно сложная, во многом нестандартная социально-экономическая ситуация, формирующая острую потребность в повышенной моральной надежности личности (особенно в весьма здесь распространенной ситуации риска), в глубоком и чутком понимании диалектики целей и средств, инициативы и ответственности.

Поставленные в игре цели наилучшим образом реализуются при ориентации ее алгоритма главным образом на аккумуляцию нравственного опыта участников игры и коллективное нормотворчество. Поэтому для алгоритма данной игры характерно усиление этапа №1 (критика существующих «памяток») и этапа № 3 (конструирование «Кодекса») при минимизации усилий на этапе № 2 (интуитивного проектирования). Особенностью методики, «технологического обеспечения» алгоритма является широкое использование таких приемов организации творческого процесса, как анализ конкретных ситуаций, «мозговой штурм», методика неоконченных предложений, разбор сюжета, разыгранного актерами и т. п.

Перед выдачей первого задания ведущий знакомит участников игры с некоторыми опытами кодификации нравственных норм из числа встречающихся в истории различных организаций, в художественной литературе, в реальной практике самих руководителей, сидящих в зале. При этом отмечается яркий смысло-ценностный характер названных документов, их афористичность, способность служить одним из возможных образцов формы кодекса. Затем командам предлагается проанализировать (используя созданную разработчиками матрицу) две «Памятки для руководителя» с точки зрения возможности рассматривать их в качестве кодекса. Эксперты оценивают выполнение задания,

обращая - с учетом того, что сказано представителями команд «за» и «против» анализируемых памяток - в своем комментарии внимание на моменты сведения памяток к этикетным предписаниям или же прагматическим рекомендациям.

Следующее задание позволяет взвесить плюсы и минусы проекта, более соответствующего конечным целям игры: команды смотрят инсценировку отрывка из романа В. Попова «И это называется будни», в которой показан процесс рождения «Кодекса руководителя», организованный директором завода Збандутом методом «мозгового штурма». Пользуясь предложенным набором вопросов, участники игры дают сравнительную характеристику этого кодекса с памятками, которые были проанализированы раньше. Очевидно, что в «Кодексе Збандута» мы встречаемся уже не с простыми рекомендациями, а скорее с принципами хорошего руководства, в нем значителен гуманистический пафос, есть попытки проинтегрировать нравственные требования в систему норм поведения руководителя.

В числе слабостей разбираемого участниками игры проекта - а они выявляются наглядно благодаря инсценировке артистов - авторитарная манера поведения директора в самом процессе «мозгового штурма», подмена организации творчества «болевыми приемами» в адрес конкретных участников заседания у директора и т. д. Но особенно важно то, что в процессе разбора результатов этого задания эксперты получают возможность акцентировать основную слабость описанного в романе процесса проектирования кодекса и полученного проекта: директор мотивировал работу над кодексом в целом и стимулировал создание его норм прежде всего необходимостью преодоления недостатков тех или иных руководящих кадров предприятия и, таким образом, придавал всему кодексу компенсационную роль, явно игнорируя при этом побудительно-позитивный потенциал кодекса.

Как раз для специальной ориентировки на это обстоятельство, обеспечивающее нравственно-воспитательную направленность кодекса, рассчитано следующее игровое задание: разбор конкретной ситуации по проблеме морального выбора. Здесь обеспечивается возможность обозреть руководителя в роли личности, принимающей решения в сфере воспитания, управления нравственной жизнью, выявить мотивы риска, на которым сознательно идет деловой человек, и в то же время, показать, что зачастую в ситуации выбора руководитель остается «наедине с собой» в негативном смысле этого выражения, не ощущает достаточных побудительных стимулов как в «диалоге с собой», так и в «диалоге с общественным мнением».

Пик игры, средоточие конфликтующих позиций, генерация позитивных решений и продуцирования фрагментов будущего кодекса - дискуссия. Представление о ней можно получить по предварительно разработанному плану - «Логика дискуссии».

- Предполагается, что задание «Контркодекс» послужит для инициирования «защитных реакций» руководителей - участников игры, и этим задастся один из стержней дискуссии: действительно ли профессия руководителя подвержена риску «нравственного заболевания» как в сфере проявления властных решений, так и при реализации таких качеств, как предприимчивость и деловитость, или же деятельность руководителя нейтральна в этом плане?

- Другое возможное русло дискуссии - формирование и проявление морально-деловых качеств руководителя, морального и воспитательного потенциала социалистической предприимчивости. Для конкретизации разговор на-

чинается с особенностей деятельности руководителя в условиях района нового освоения: необходимость предприимчивости в ситуации «пионерного освоения», способность ради решения нестандартной ситуации пойти на риск и, в то же время, «истории» ряда хозяйственных руководителей, показывающие случаи поражения на данном пути. В связи с этим напряженный спор о приоритете побудительных или сдерживающих норм, о многообразных способах их сочетания.

- Третье русло дискуссии: связь проектируемого кодекса с другими кодексами, в том числе с кодексом трудового коллектива, воспитательное значение кодекса в кадровой политике, кодекс и самовоспитание руководителя, вопросы внедрения «Кодекса руководителя».

После дискуссии проводится заключительная часть игры. Особенностью ее алгоритма, как было уже отмечено выше, является перевод дискуссии в экспертизу-инструктаж, в процессе которого авторы игры еще раз обращают внимание ее участников на «манифестационную» особенность создаваемого свода профессионально-нравственных норм руководителя, на то, что можно назвать формированием «Кредо руководителя».

Глава вторая
**ОРГАНИЗАЦИОННО ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЦИКЛА**

§ 1. Планирование, информатика, контроль

Целевой и инструментальные секторы программы управления нравственно-воспитательной деятельностью только тогда приходят в движение, когда обретают соответствующее обеспечение. Мы выделим здесь три группы тесно связанных между собой проблем такого обеспечения, «технологии» идеологической работы⁴³: планирование, информация и контрольно-оценочная деятельность.

«Тонкая материя» планирования воспитательной работы является составной частью социального планирования в целом, видом управленческой деятельностью, уже - управленческого решения⁴⁴. Но очень специфическим видом - это следует подчеркнуть для того, чтобы избежать нереалистических подходов к роли такого планирования, не плодить малообоснованных ожиданий, не вводить в «плановые искусы».

Прежде всего, надо сказать, что планирование нравственно-воспитательной деятельности имеет определенные границы, контуры, оно не является тотальным и не может быть таковым. Планирование меняет свой смысл в зависимости от того, обслуживает оно прямое или косвенное управление, планируется ли непосредственно воспитательная деятельность или деятельность по повышению воспитательного влияния социальной среды (возможно еще и планирование самовоспитания). Оно, наконец, должно предусмотреть значительную «зону неопределенности», иметь альтернативные варианты и существенный маневр решений, учитывать дериваты (т. е. производные) плановой деятельности, различать планирование мероприятия и планирование оперативных воздействий. Иначе говоря, обязано учитывать негативные ситуации, при которых организация средств может превалировать над целевыми установками, инфраструктурные усилия - над содержательными или, как иногда пишут, превосходство прецедента над принципом. Причем, когда мы говорим о больших социальных системах, то в нем роль планирования резко повышается, поскольку приходится реализовывать координационные функции по отношению к действиям вовлеченных в управление воспитательной работой организаций. По мере уменьшения масштабов этой работы, числа участвующих в ней организационных звеньев значение планирования снижается, поскольку на передний план выходит «живая работа», т. е. обыденная, оперативная организационная деятельность воспитателей.

Эти соображения обуславливаются тем, что управление нравственно-воспитательной деятельностью, в отличие от управления производственной деятельностью, неизбежно имеет больше случайных отклонений результатов деятельности от запланированных, в нем связь между плановыми задачами носит вероятностный характер, а потому возможны лишь приблизительные представления о достигнутом продвижении к этим задачам.

Заметим в связи со сказанным, что в ходе управления нравственным воспитанием одновременно осуществляются разнокачественные результаты. Планирование, следовательно, наталкивается на трудности в предсказании его качественных результатов (проблема «сбоев»), к тому же сам процесс оперативного планирования протекает почти всегда в условиях хронического дефицита времени. Все это формирует особую «логику» планирования воспита-

тельной деятельности.

Рассмотрим эту «логику» на одном частном примере. Современный передовой опыт воспитательного сектора социального планирования все больше опирается в своих исходных позициях на социальный паспорт и идеологические характеристики трудового коллектива (объединения, района, города и т. п.), ибо "чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать"⁴⁵. Эти документы предназначены дать обширную информацию об объекте долгосрочного и оперативного планирования. Опыт свидетельствует, что пренебрежение такого рода информацией обременено тенденцией к формальному планированию по заимствованным у других коллективов шаблонам (по формуле «так принято сейчас», ибо велик соблазн отчитаться наличием планов воспитательных мероприятий, так как обычно проверка со стороны высших инстанций начинается с ознакомления с планами и нередко на этом и кончается). Такое планирование приводит к деформации целей, нескоординированности разделов социальных планов, к параллелизму, хотя в целом у нас нет сомнений в необходимости заимствования опыта.

Формализм может проявить себя и в тех случаях, когда коллектив располагает социальным паспортом и собственной идеологической характеристикой, но увязывает их с планированием воспитательной работы чисто механически. Одним из курьезов такого типа увязки оказывается стремление постоянно повышать с помощью запланированных мероприятий позитивные показатели указанной характеристики. Между тем по многим из этих показателей необходимо добиваться не простого приращения, а оптимальности (например, числа членов товарищеских судов, народных контролеров, прочитанных лекций и т. п.).

Чтобы избежать подобной увязки, необходимым оказывается качественный анализ положения дел в области нравственных отношений именно в данном коллективе, который должен предшествовать как составлению паспорта и идеологической характеристики, так и планированию на их основе. Возможно, в одном коллективе наиболее актуальными будут проблемы борьбы со стилем мещанской, потребительской психологии, в другом - с националистическими пережитками, в третьем - с влиянием буржуазной «массовой культуры», в четвертом - с низким уровнем сплоченности отдельных звеньев коллектива, в пятом - группистскими или же религиозно-экстремистскими настроениями и т. п. Совершенствование планирования предполагает «закладку» этих специфических моментов в идеологическую характеристику, обуславливает потребность в более основательном изучении нравственно-психологических процессов, происходящих в коллективе, определение доминантных воспитательных задач⁴⁶.

Идеологическая характеристика - не совокупность одних только цифровых показателей, бесстрастно регистрирующих лишь некоторые внешние стороны нравственной жизни коллектива. Она требует анализа специфических черт этой жизни для того, чтобы планирование исходило не только из общих задач коммунистического воспитания, но из учета именно тех проблем, в разрешении которых нуждается данный коллектив. Необходимо, если так можно сказать, целевое распределение «педагогической энергии», определение основного звена в системе, установление четких приоритетов с учетом конкретной социально-воспитательной ситуации.

Планирование воспитательной работы или же воспитательной стороны в социальном планировании - на это надо обратить особое внимание - очень часто страдает тем, что ограничивается только группировкой и расстановкой во

времени мероприятий управленческой деятельности: вся «сверхмероприятельная» деятельность почти не планируется. Действительно, очень трудно найти способы отражения в плане качества мероприятий, их эффективности, меры взвешенности воспитательного воздействия, педагогической инструментальности, индивидуальной работы, воздействие на малые группы, первичные коллективы. Между тем все это нужно, прежде всего, для нравственного воспитания, вплетенного во все остальные направления коммунистического воспитания, представляющего их своеобразный горизонтальный срез. Здесь необычайно важно не только то, «что запланировано», но и то, «как оно проведено». Столь же важна оперативная коррекция мероприятия, определение его воздействующей силы. Поэтому не только более четким должен быть метод перехода от характеристики к плану, но и обратная связь между ними - совершенствование способов создания паспорта и характеристики, их структурирования и даже рубрикации. Без такого двустороннего взаимодействия между паспортом, характеристикой и планом они порознь не представляют собой достаточно полного идеологического комплекса.

Аналитическое отношение к «логике» планирования нравственно-воспитательной деятельности предполагает определение целевого предназначения данного набора мероприятий, форм и методов (общая концепция и стиль воспитания, когда, скажем, важно установить, почему планируется больше лекций, чем «дней открытого письма» и т. п.), указания не только на то, кто их проводит, но и для кого они проводятся, определение уровня охвата всех, в том числе и трудно фиксируемых, культурных этико-эстетических групп⁴⁷, выявление его интенсивности («норма мероприятельных воздействий»), установление методов их первичной и дистанцированной оценки, форм контроля над реализацией плана в целом и отдельных его блоков, согласование мероприятий по различным эшелонам планирования (от личных планов к планам малых групп и коллектива в целом), разработку процедур такого согласования планов, идущих «сверху» и «снизу», агрегацию показателей производственного планирования, изучение тенденций развития инфраструктуры, оценку воспитательных кадров, расчеты времени на разные виды работ и многие другие стороны плановой деятельности.

Все это требует применения в планировании воспитательной деятельности программно-целевого метода, Он оптимизирует пути достижения целей по критерию «время - затраты - эффективность», когда повышается конкретность и количественная определенность воспитательных задач. На этом уровне происходит «состыковка» целезадающей системы с целереализующей системой - разработана технология планирования организационно-исполнительного механизма нравственного воспитания в рамках существующих управленческих структур. Используя матричный метод анализа пехотной ситуации, выбора оптимальных форм и методов воспитания, оценки готового плана, можно учесть и дополнительные критерии планирования: непрерывность воспитательного воздействия, степень охвата различных категорий трудящихся, соотношение индивидуальных и массовых форм воспитания и некоторые другие. Результаты анализа должны сочетаться с данными аттестации, идеологической характеристики, материалами социологических исследований. Сюда же и подключаются методы деловой этической игры в качестве основного способа обучения кадров и проектирования реального плана⁴⁸.

Все эти методы планирования только тогда окажутся эффективными, когда максимально отразят не просто особенности того или иного трудового кол-

лектива, но и стадию развития этого коллектива. В литературе предложен ряд схем стадильности (Л. И. Уманский, В. Г. Иванов и др.). Рассмотрим схему Ю. М. Федорова, который по критерию взаимодействия деловых и межличностных отношений выделяет 4 фазы развития коллектива: номинальная, референтная, гомоморфная и гомфотерная. На первой фазе преобладают деловые (ролевые) отношения, так как межличностные связи находятся лишь в становлении, а ролевые заданы формальной структурой деятельности и содержание их известно по прошлому опыту. Центром эмоционального притяжения выступает формальный лидер - руководитель. Его стиль не может быть ничем иным, как только авторитарным. Отсутствие «общей модели мира» данного коллектива восполняется общекультурными нормами и ценностями. Нравственные регулятивы существенно дополняются жестко фиксированными предписаниями и нормативами. Доминируют внутриличностные и межролевые конфликты, вызванные начальным этапом адаптации индивидов к новым для них условиям деятельности. Управление в этом случае требует программы нравственного просвещения, которая стимулировала бы социальную активность, а кроме того - продуманности стройной системы общекультурных мероприятий, способствующих индивидам вступить в эмоциональные контакты друг с другом.

На второй фазе стабилизируются деловые отношения и складываются межличностные. Укрепляются позиции неформальных лидеров. Руководитель все чаще прибегает к помощи актива, и его стиль становится авторитарно-демократичным. Формирующаяся «модель мира» коллектива еще довольно противоречива и включает в себя как общеморальные нормы и ценности, так и их социально-психологические модификации, носителями которых являются лидеры обоих типов. Возникают и «микромодели мира», так как складываются микрогруппы по интересам - это теперь должно быть принято во внимание управлением. Однако сами эти интересы оказываются разнозначными. Возникает необходимость исследования системы ценностных ориентаций неформальных лидеров. Социально-позитивно ориентируемые лидеры входят в актив, в самоуправленческое ядро. На этой фазе может быть выработан в процессе деловой игры моральный кодекс данного коллектива как определенная генерализация из положительных ценностей и норм, значимых для данного вида деятельности.

На третьей фазе развития деловые и межличностные отношения обретают межсистемное единство, когда деятельность и общение не только обусловливают, но и дополняют друг друга. Требования осуществляет коллектив в целом, стиль руководства смещается в сторону демократически-авторитарного. «Модель мира» становится общей для всех членов коллектива. Иерархические взаимоотношения строятся на принципах профессиональной этики. Методом экспертизы необходимо из огромного числа нравственных регуляторов отобрать наиболее значимые, придать им системный характер на базе уже созданного кодекса, чтобы у последнего устранить черты локализованной нормативной системы. На четвертой фазе происходит полное слияние деловых и межличностных отношений, когда взаимодополнение переходит во взаимопроникновение. Индивиды сами предъявляют себе требования от имени коллектива, что является следствием полной интериоризации коллективных ценностей и норм в личностных структурах. Стиль руководства становится демократическим, конфликтное взаимодействие и конформизм исчезают. Управление здесь стремится стабилизировать «модель мира», не позволяющую коллективу регрессировать или стагнировать в своем дальнейшем существовании.

Далее автор развивает идею о проектировании морально-психологического климата коллектива (проект исходного состояния, проект устойчивых фаз, проект маргинальных фаз). Планирование в этом случае оказывается способом осуществления проектов⁴⁹.

Наконец, планирование может приобретать резко индивидуализированный характер, когда встает вопрос о планировании биографии как особого вида социального проектирования. Речь, стало быть, идет не о принципе индивидуального подхода к воспитанию в управлении им, а о проектировании индивидуального назначения. Как воспитательный прием, отмечает Н. Д. Зотов, такое планирование основывается на представлении члену коллектива (молодому в первую очередь) самостоятельности, что не снимает вопроса о целенаправленном воздействии на данный процесс. Скажем, через создание личных планов, через планирование развития института наставничества и развитие управления процессом самовоспитания⁵⁰.

Переходя к проблемам информационного обеспечения управления, отметим, что мы не располагаем общей теорией социальной информации, хотя о необходимости создания такой теории говорят уже давно⁵¹. Но в соответствующей литературе, тем не менее, достаточно полно описана связь как социального управления и информации вообще, так и в приложении к ряду конкретных областей. Разработаны критерии классификации управленческой информации по ее роли в системе управления (входная и выходная, свободная и связанная, внешняя и внутренняя), по типу носителя (устная и печатная, зрительная и слуховая, документальная), по значению для аудитории, по функциям (директивная, административно-правовая, организационная, контрольная, нормативная, справочная, отчетная и т. п.). Она может классифицироваться по признаку актуальности, новизны, значимости, оперативности, контуру управления и др.⁵². В. Г. Афанасьев создает иную классификационную схему: исходная информация, необходимая для принятия решения, сами решения, регулирующая информация, оперативная, межсистемная, контрольно-учетная информация. Потребность в информации различных субъектов управления неодинакова, зависит от конкретных задач, масштаба и важности принимаемых решений, количества и характера управляемых, регулируемых параметров, продолжительности и частоты управленческого цикла, частоты шага регулирования, количества вариантов возможного состояния и поведения системы, величины и разнообразия возмущающих систему внутренних и внешних воздействий, количества и качества показателей, характеризующих результаты работы системы, от структуры самой системы управления, от соотношения централизации и децентрализации⁵³. По его мнению, движение информационных потоков осуществляется соответственно организационной структуре управления. В организациях линейного типа информация движется по одному каналу связи от инстанции к инстанции. Но данная система неэффективна при управлении сложными объектами. Ее недостатки преодолеваются функциональной системой, когда осуществляется специализация подразделений субъекта управления. Информационные потоки тотчас специализируются, расщепляются, и движение идет по нескольким каналам связи. Наиболее распространенными являются смешанные и комбинированные структуры управления. Одна из них - линейно-штабная. Синтетический характер носит организация матричного типа, когда на функциональную структуру накладывается система горизонтальных информационных связей, посредством которых осуществляется координация объектов, участвующих в осуществлении программы. Появляются и новые типы

структур: временные, структуры управления по проекту, структуры программно-целевого управления, межведомственные структуры⁵⁴.

Не все разработки по кругу проблем социальной информатики могут быть применены к моральной информатике⁵⁵. Важно помнить, что вся нормативно-ценностная система общества является зоной социальной информации, так как служит средством регуляции управления поведением людей (мораль как способ, инструмент социального управления). И в этом плане обращают на себя внимание проблемы информационной «заряженности» норм, форм существования информации в нормах, в нормативном «языке», способы доставки информации «адресату», анализ самого потребителя этой информации. Ставя вопрос об управлении моралью, нравственно-воспитательной деятельностью, целесообразно выделить два аспекта: а) анализ информационных потоков, идущих в направлении от субъекта управления к его объекту, б) анализ потоков, движущихся в обратном направлении (с учетом относительности разграничения объекта и субъекта управления нравственно-воспитательной деятельностью, всех моментов их сближений и взаимопереходов).

Первый аспект предполагает исследование нормативно-ценностной информированности объекта, знание о требованиях к поведению, которое предъявляет ему не только совокупный, но и локальный субъект управления. Центральным пунктом такого исследования выступает процесс социализации, повторной социализации и последующей деятельности личности в управляемых системах, прежде всего в трудовом коллективе.

Моральная сторона процесса социализации и повторной социализации заключается в наделении личности (группы) желательными субъекту управления моральными качествами (выше говорилось, что такое «наделение» связано с трансформацией личностных структур), в принятии ею исходных в социалистической морали нравственных позиций, усвоении норм, трафаретов оценки, процедур их использования, в выработке у личности способности к самоконтролю, участию в организованных группах, в решении нравственных конфликтов любых типов. Необходимая для всего этого информация образует особый тип социальных потребностей, которые все чаще называют нравственными, распределяют их по иерархическому принципу, определяют приоритеты в системе этих потребностей⁵⁶. Эта информация обучает личность оценивать свои ближайшие и отдаленные возможности, определять цели деятельности, выявлять соответствие между ними и средствами их реализации (проблемы дозволенности, институциональной одобренности, оптимизации целесредственной системы). Эта информация формирует сферу мотивов, установок, ценностных ориентаций, готовит личность к расшифровке «языка» морали, прочтению ее символики⁵⁷, опознанию своих прямых и референтных («посторонних», «незафиксированных», «невидимых») групп и групповых норм, помогает впитать групповое самосознание, принять ролевой репертуар⁵⁸. Эта информация подключает ее к нравственной стороне общественно-политической деятельности, трудовых отношений, профессиональным обязанностям, общению и досугу.

Существует неспециализированный набор средств трансляции моральной информации объекту управления. В эту «кровеносную систему» нравственной жизни включаются в терминологии социальной психологии следующие механизмы: сравнение, подражание, заражение, внушение, уподобление (идентификация), адаптация (сокращение шаблона поведения), руководство (инструктирование и лидерство), мода и убеждение.

Второй аспект данной подсистемы связан с информированностью субъекта управления о состоянии нравов, умонастроениях, показателях индивидуального, группового и массового поведения. Иногда такого рода информированность именуют «социальным надзором», хотя, надо думать, в обыденном языке данное обозначение имеет несколько одиозное звучание (напрашивается ассоциация с так называемой «полицией нравов», которой нет и не может быть в социалистическом обществе).

Для того, чтобы управление могло бы успешно функционировать, субъект должен, прежде всего, обнаружить поведенческие факты и оценочно зарегистрировать их в качестве либо согласных с нормами и эталонами, желательных или допустимых, либо как нежелательных, отклоняющихся (негативно) от норм и эталонов. При этом необходимо обеспечить оперативность оценок, их адекватность, максимальную полноту и, что еще очень существенно, сделать все это с учетом допустимой вариантности индивидуального и группового поведения.

Очевидно, при этом неизбежны существенные различия, вытекающие из особенностей объектно-субъективных отношений. Одно дело - моральная оценка поведения в рамках семьи, а совсем другое - оценка общественно-политической деятельности в крупном трудовом коллективе или же поведение в местах общественного пользования. Оценки по-разному распределяются и внутри самого субъекта управления. Они определенным образом отличаются в зависимости от сферы общественной жизни, от того, проводятся ли они в секторе массово-непрофессионального поведения или в секторе профессионально-немассового поведения⁵⁹. Необходимо также учитывать, что «у каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности»⁶⁰. Существенно отличаются формальный и неформальный методы сбора моральной информации и соответствующие им способы ее оценочной обработки.

Принятие управленческих решений немислимо без соответствующего информационного обеспечения, в том числе без информации об итогах управленческой деятельности (по принципу обратной связи). Информационное обслуживание субъекта управления требует особых процедур сбора, обработки, систематизации, хранения, достижения комплексности, достоверности, оперативности доставки информации. Здесь открывается широкий веер возможностей для использования кибернетических и математических методов⁶¹.

Сравнительно просто обстоит дело с объективной информацией, почерпнутой из так называемой «моральной статистики» - о разных видах (уголовных, административных, дисциплинарных) правонарушений на уровне макро- и микросреды. Заметим сразу же, что специалисты единодушны в признании сильного отставания этой статистики от требований, которые предъявляет ей управление социальными процессами⁶². Имеется, однако, моральная информация, в которой трудно (а иногда даже невозможно) выделить косвенные индикаторы, способные отражать существенные стороны процессов нравственной жизни. Вместе с тем именно такая информация исключительно важна для понимания реального состояния объекта управления и изменений, происшедших в нем под влиянием целенаправленных воздействий.

Всю моральную (этическую) информацию - по ее источникам - Л. М. Архангельский классифицирует по четырем линиям: конкретно-социологическая, статистическая, социографическая, литературно-художественная. Первая в зависимости от целевых акцентов приобретает этико-правовой, этико-психологический или этико-педагогический характер. Но создание специальных

методик наталкивается на ряд трудностей, так как моральное сознание не поддается точному операциональному моделированию. Наиболее часто применяемый метод массового опроса оказывается продуктивным лишь тогда, когда исключает лобовую постановку вопросов. Трудно получить не только сведения о мотивах поведения, которые не лежат на поверхности, но и типизировать их, поскольку они отличаются большим индивидуальным своеобразием. Социологи в этом случае идут по пути постановки косвенных вопросов, использования тестов, проигрывания типичных ситуаций, выяснения отношения к литературным и реальным героям или смоделированным личностным типам («характер судьбы»). Эффективными, полагает автор, оказываются вопросы, направленные на выявление мотивации определенных видов деятельности: работы, развлечения, общественной деятельности, мотивации брака, разводов и т. д. Путем решения семантических задач выявляются уровни моральных знаний опрашиваемых. В качестве других каналов получения этической информации могут быть использованы личностные документы (специально подготовленные автобиографии, дневники, письма), а так же метод включенного наблюдения. «Перечисленные методы используются для получения информации о состоянии морального сознания, моральных ориентаций определенных контингентов людей, то есть информации о субъективной стороне поведения. Ценность этой информации возрастает, когда она сопоставляется с объективными данными, описывающими реальное поведение исследуемых групп. Источником таких данных является, прежде всего, моральная статистика... К сожалению, до сих пор не выработаны и не установлены единые показатели моральной статистики, нет органа, который бы занимался сбором статистических данных о состоянии нравов в масштабах общества»⁶³.

Л. М. Архангельский справедливо считает, что не следует преувеличивать возможности этико-социологической информации, но то, что неподвластно социологии, берет на себя художественная литература. Между ними есть и промежуточное звено - публицистика, социография, которая близка к очеркам нравов⁶⁴. Важнейшим условием наиболее полного и эффективного использования литературно-художественной информации является вторичная ее обработка, которая может иметь либо социологический, либо этический характер, либо быть смешанной⁵³.

По мнению Р. В. Петропавловского, начинать надо с реальных объектов этико-эмпирических исследований. В первом приближении им выделяются пять групп таких объектов: 1) выражения нравственной идеологии, представленной в заповедях, кодексах, поучительных притчах; 2) понятия-термины, моральные категории; 3) поступки и поведение; 4) отзвуки па поступки и поведение, оценки; 5) прямые свидетельства отдельных лиц об их нравственной жизни, нравственных перипетиях знакомых им людей, о нравственных порядках в их среде. Резервуары информации об этих объектах автор предлагает искать в свидетельствах людей, в литературе, в фольклоре и искусстве, а также в эмпирических данных, накопленных другими науками, но специальных программ выявления и проверки эмпирических данных этика еще не отработала, как, впрочем, не выработала собственные методы получения информации⁶⁶.

В рамках этико-прикладных исследований формируется позиция, согласно которой анализируются документально закрепленные проявления нравственной жизни коллектива и управленческие акции субъекта управления. На основании анализа протоколов собраний, товарищеских судов, идеологических планерок, дней открытого письма, приказов, обязательств в соревновании, ито-

гов аттестации и т. п., предлагается составить тезаурус терминов, репрезентирующих нравственную жизнь коллектива, построить модель управления нравственным воспитанием с выделением и субординацией позиций управления и каналов их связи и тем самым обеспечить составление шаблонов информационного отражения состояний и аспектов нравственных процессов⁹⁷.

Проблема контроля - не просто завершающий этап управления, его цикла, она пронизывает все элементы системы управления по каналу «цель-средство-результат». При характеристике этой проблематики нельзя забывать, что мораль в целом соучаствует в социальном контроле, является одной из его форм. Как же проявляется контрольно-оценочная функция морали и этики в процессе управленческого контроля? Ответ в общем виде ясен: посредством соотнесения результатов с целью. Но берется оно не в качестве некоего дистиллята, а как сторона, момент процесса управления нравственно-воспитательной деятельностью. Поэтому неизбежно встают детализирующие вопросы о стадиях, фазах, интервалах цикла, об уловимости границ каждого этапа (сравнительно зримых, когда речь идет о мероприятельной стороне дела, но ускользающих во всем, что в воспитании пребывает «по ту сторону» мероприятий). Избежать релятивизма можно в этом случае путем использования метода соотнесения промежуточных и «конечных» результатов.

Сложность выявления результатов, возникших как сплав влияний прямого и косвенного управления, планомерно-организованных и стихийных факторов очень велика. В самом деле, промежуточный результат возникает по истечении каждого управленческого цикла, он может сравнительно однозначно прогнозироваться и в значительной степени даже исчисляться. Предположим, в управленческой программе предусмотрено решение задачи повышения показателей трудовой дисциплины в коллективе (показатели невыхода на работу без уважительных причин, опозданий, преждевременного ухода с работы, использование рабочего времени не по назначению, простоев, затяжных «перекуров», употребления спиртных напитков в смене и т. п.). Ясно, что данная задача может быть расчленена, представлена определенной моделью, к ее разрешению привлечен известный набор организационных и воспитательных мер. Заводская статистика и данные полевых наблюдений социологической службы дадут на «выходе» материалы, по которым окажется возможным определить степень полноты достижения программной цели или задачи.

Однако дальнейшая работа по определению результатов сразу же наталкивается на трудности различного порядка. Прежде всего, всякая управленческая деятельность обременена артефактами, которые - об этом уже говорилось выше - в сфере воспитания особенно внушительны и расплывчаты. Далее, кроме состояния собственно трудовой дисциплины деятельность предприятия в огромной степени зависит и от состояний снабженческо-сбытовой дисциплины, финансовой дисциплины и других ее видов, лишь в представлении отличных от того, что принято называть трудовой дисциплиной. В содержательном плане эта последняя может быть, в свою очередь, принудительной, конформистской или сознательной, т. е. она неотделима от формирования у трудящихся чувства социальности, политической и моральной ответственности.

Разумеется, не следует преувеличивать затруднения в ходе обнаружения, фиксации и аналитического описания результатов воспитательной работы и, тем самым, результатов управления этой работой. Но было бы легкомысленно третировать объективные сложности определения и измерения этих ре-

зультатов, не считаться с их относительной непроницаемостью. Хотя воспитание обнаруживает свои плоды преимущественно через различные последующие виды человеческой деятельности и многие из количественных показателей этих видов сравнительно прилично разработаны, тем не менее, вовсе не просто вычленишь в них результаты собственно воспитательной деятельности на предмет выявления ее эффективности. Если же данные результаты считать «заложенными» в продукции предприятия, то это вновь подводит к проблеме соотношения промежуточных и конечных результатов воспитательной работы, от которой выше мы попытались как-то абстрагироваться.

Выход к указанной проблеме дает, в свою очередь, импульс к исследованию вопросов об этапах или фазах управления воспитанием в трудовом коллективе, о диалектике конечного и бесконечного, не имеющей рационального решения в границах одного только здравого смысла. Действительно, если процесс воспитания обязательно предполагает трансформацию воспитания в самовоспитание, а это последнее - в самосовершенствование (которому, как известно, нет предела), если демократизм управления воспитанием ведет к трансформации (напомним, не прямо и не сразу, а через ряд промежуточных стадий и форм) в самоуправление, если постоянно текучими оказываются условия воспитания и непрерывно изменяются его задачи (нормативные образцы, эталоны, программные установки), то вопрос о завершении и продлении воспитательных воздействий перестает быть чисто академическим, тем более, что удовлетворенность постоянными компромиссами и логикой познавательно-практического дуализма имеет свои пределы.

Под таким углом зрения обретает остроту вопрос о характере соответствия или совпадения намеченных целей нравственно-воспитательной деятельности и привлеченных для их достижения средств с обретенными результатами. Достаточно широко признано, что все виды такого соответствия служат основными показателями эффективности процесса управления⁶⁸. Но так как цель-идеал с неизбежностью конкретизируется в исключительно сложную, разветвленную и иерархизированную систему целей и задач, то возникает также потребность превращения и результатов в определенную систему, которую можно было бы назвать «концепт-результат». Проблемы средств (их эффективности, допустимости, комплексности и т. п.) также оказываются исключительно актуальными, так как и совокупному и отдельному субъекту управления воспитанием важна минимизация издержек при достижении определенных результатов. Причем вопрос относительно издержек сам распадается на ряд подпроблем: материальные ресурсы субъекта (финансовые, организационно-кадровые возможности, инфраструктура) и определение социальной цены, на которую субъект готов пойти ради достижения тех или иных результатов (вопросы соотношения стимуляции и мотивации, убеждения и принуждения, признания и осуждения, поощрения и наказания). Все они обретают разное значение в контексте промежуточных и «конечных» результатов воспитательной деятельности, которое еще предстоит выявить в полном объеме. Управленческие реакции на обнаружение в процессе контроля моментов несоответствия запланированных целей и достигнутых результатов реализуется через коррекцию всех элементов системы управления - от планирования до подготовки кадров.

Особую остроту приобретает проблема объективности определения результатов, что требует борьбы за развитие самокритичности у субъекта управления как постоянно воспроизводимого качества, борьбы со всем, что искажает

подлинную картину результатов, независимо от намерений (пусть самых прекрасных!), побуждающих прибегнуть к деформациям (так называемые «бюрократические добродетели» как раз и сфокусированы на то, чтобы любой ценой уклониться от саморазоблачения серьезной самокритики). Она требует не только самокритичности, но и готовности, воли, умения в действительности осуществить корректирующее воздействие по всем звеньям управленческой деятельности. В развитом социалистическом обществе анализ результатов управления оказывается средоточием научной экспертизы с политическими и моральными оценками этих результатов. Скальпель научного анализа должен быть дополнен незаменимыми ценностными подходами, что ставит вопрос о специфике их соотношения в том случае, когда речь идет об управлении социальными процессами, в том числе и воспитательной деятельностью.

Из блока игр организационно-технологического профиля («Планирование», «Анализ», «Экспертиза») рассмотрим здесь только последнюю, сделав при этом акцент на методику диагноза, будь то диагноз предплановый или выполняющий контрольно-оценочную функцию. Не упустим в то же время и тот смысл слова «экспертиза», в котором отражается компетентность самого субъекта оценки состояния, качества, эффективности управления нравственно-воспитательной деятельностью.

В разработке игры «Экспертная оценка культуры управления нравственно-воспитательной деятельностью» характеристика метода формируется через сравнение с аналитическими средствами поиска этической информации к управлению. Замысел разработки метода экспертной оценки в процессе специальной игры развивался в итоге осознания ситуаций, возникающих на играх «План» и «Анализ». Так, в ходе проведения игр «Планирование» (особенно когда они шли в рамках научно-практических конференций и в них были вовлечены многие исследователи) важнейшим недостатком сложившейся практики планирования, проверок состояния и эффективности идейно-воспитательной работы отмечалась слабость информационного обеспечения. Попытка приблизиться к решению этого вопроса в игре «Анализ» лишь еще более определенно заострила всю проблематику методов сбора и обработки такой информации, которая соответствует природе управления нравственно-воспитательной деятельностью и специфике теоретизирования в этой сфере. Так, в комплексе средств, практикуемых при проверках, всего более наработаны и широко внедряются методы, ориентированные на анализ документов, статистических материалов, результатов конкретно-социологических исследований и т. д.⁶⁹ Очевидное достоинство этих методов - в их объективности, возможности формализации, использовании количественных показателей. Самое сложное в этом случае - определение границ, меры эффективности данных методов. И здесь мало сказать о простом дополнении их качественными методами, поскольку дополнение подобного рода может обернуться просто эклектикой. В отношении такого объекта диагноза, как управление воспитанием, приоритет остается за методом экспертной оценки.

Исследовательская «драма» описываемой игры заключалась в поиске особого алгоритма, так как игра выполняла не учебную, а прежде всего поисковую функцию. Первый, казалось бы, очевидный вариант алгоритма - «забросить» участников игры в имитируемую ситуацию проверки комиссией райкома партии уровня культуры воспитательной работы в трудовом коллективе и предложить ученым (исполняющим роль членов этой комиссии, ее экспертов) методом «мозгового штурма» и консультацией с опытными практиками спро-

ектировать методику экспертной оценки. Однако кроме самой по себе сложности такой задачи (она не имела прецедента в практике этико-прикладных разработок) надо было еще быть уверенным в том, что все участники игры: а) убеждены в разрешимости проблем моральной информатики в принципе, б) делают ставку именно на экспертную оценку, в) умеют интегрировать ее в комплекс методов диагноза и контроля. У создателей игры такой уверенности не было.

Второй - методически самый эффективный и самый поэтому заманчивой - вариант заключался в конструировании алгоритма игры на контрастах, показывающих различия аналитических методов и метода экспертной оценки в решении контрольно-оценочных задач. Однако в случае выбора этого варианта надо было бы владеть методом экспертной оценки хотя бы на том же уровне, который достигнут в итоге игры «Анализ», между тем авторы данной игры еще только на проектируемой игре планировали «пионерное освоение» метода экспертной оценки, фактически только еще должны бы ли «открыть» и технологически отработать этот метод.

Избран был поэтому компромиссный вариант алгоритма. Он позволял как бы «выращивать» метод экспертной оценки из игры «Анализ», создав предпосылки для «чистой» этической деловой игры «Экспертная оценка». Этот вариант позволил бы ее участникам, прежде всего исследователям, на первом же этапе определить для себя предмет этической оценки, статус эксперта, кодекс его деятельности, ролевую специфику работы членов целевой бригады, схемы оценочной процедуры, значимость полученных в игре методик для управленческих решений этической оценки, форму экспертных заключений.

Мотивируя участникам игры ее тему, ведущий объясняет, что и в научном познании, и в практике нарастает потребность в этом методе. Во-первых, возникает потребность в самом эксперте как специалисте. Она обнаруживается тогда, когда прямое обращение к житейскому опыту и к науке не дает должного эффекта, ибо не находится соответствующих средств и решений. В таком положении необходимо посоветоваться с авторитетным человеком, мнение которого уважаем, опыту чьему доверяем. Экспертом в этом случае становится человек, который, по выражению Нильса Бора, «знает, какие в его области могут быть совершены грубые ошибки и как их избежать». Авторы работ по системному анализу обычно характеризуют качества эксперта через его сравнение с «новичком» в каком-либо деле и показывают, что новичку для принятия ответственного решения требуется больше информации, чем эксперту. «Советуюсь» с ученым или практиком как с экспертом, обращаясь к его мнению, мы рассчитываем, прежде всего, на его интуицию - вспомним, речь идет о таких ситуациях, когда аналитические методы малоэффективны - профессиональная база которой позволяет дать искомую рекомендацию. За кажущимся парадоксом - в эпоху НТР оживает старомодное «посоветоваться» - надо увидеть силу и достоинства компетентной интуиции, коллективного опыта (в тех случаях, когда проводится консилиум), группового решения.

Во-вторых, потребность в экспертной оценке обусловлена ее способностью комплексного, нерасчлененного, в этом смысле «антианалитического» освоения ситуации. Экспертная оценка культуры управления нравственно-воспитательной деятельностью, полученная в результате работы целевой научно-практической бригады, - это еще одна особенность данной этической деловой игры, которая позволяет критически отнестись к итогам полученной аналитическими методами информации, соотнести данные анализа практикуе-

мых форм и стилей управления воспитательной деятельностью с научно-обоснованными целями воспитания, оценить эффективность этих форм с точки зрения современной ситуации нравственной жизни и воспитания в трудовом коллективе.

В поисковой по характеру игре результат не может быть жестко запланированным. В этой игре необходимо заложить в сценарий больше степеней свободы и для ведущих, и для команд, чтобы избежать заорганизованности. Важно иметь в виду, что оценке подвергались, прежде всего, стиль, методы, такт, мера воспитательных воздействий и управленческих решений в сфере воспитания - именно через эти средства инструментального сектора программы управления воспитательной деятельностью можно было выявить и настоящее качество целевого блока программы. Оценке подвергались как документальные источники информации (планы, отчеты, протоколы, справки), так и личные впечатления, результаты встреч с людьми, их опросов, анализ проблемных ситуаций. Поэтому, во-первых, «технологическое обеспечение» алгоритма игры включало значительную долю методик, завершающая работа над которыми совершалась на самой игре. Во-вторых, на этой игре одно из ведущих мест принадлежало разбору конкретных ситуаций («Авария», «Бригадное собрание», «Семейный конфликт»), методика которого была апробирована в «Практикуме по профессиональной этике». При этом самостоятельный эффект разборов ситуаций дополнялся эффектом, получаемым от подключения каждой из этих ситуаций к процессу выполнения заданий в духе аналитических методов, например, составления матриц, наборов показателей. Так создавалась проблемная ситуация сопоставляющего столкновения информации полученной при работе с системой показателей, с собственно экспертной оценкой.

В заключение подчеркнем ближайшую по времени и важнейшую по значению перспективную задачу разработчиков - доразвить описываемую игру до уровня, позволяющего выполнять комплексную экспертно-консультативную функцию, и перевести, таким образом, эту игру из статуса информационно-диагностических в статус игр, обслуживающих решение проблемы «воспитание воспитателей».

§ 2. Кадры. Проблема «воспитания воспитателей»

Кадровая проблематика, естественно, открывается с попыток выяснить, кого собственно считать воспитателем, субъектом нравственно-воспитательной деятельности. Обсуждение этой темы началось еще при характеристике нравственного воспитания в целом. Там упор был сделан на всеобщности этого субъекта, но сейчас важнее подчеркнуть ее многослойность. Допустимо применение самых различных признаков деления при попытках сконструировать классификационную таблицу субъекта (предположим, воспитатель «своих» и «чужих» детей, воспитатель по должности и без оной, действующий в рамках какой-либо организации или же вне ее, получивший специальную подготовку, или «любитель»). Но в плане нашей работы наиболее существенным является классификация, которая воздвигается на основе управленческого подхода. В этом случае объектом управления оказывается сам субъект воспитания, а субъектом выступают те лица, которых обычно называют «воспитателями воспитателей», организаторами воспитательной работы.

Мы сталкиваемся в данном случае с феноменом сближения двух тенденций: педагогизации общества и повышения уровня организованности общественной жизни. Так, рядом с традиционной ролью воспитателя вырастает но-

вая фигура - «организатор воспитательной работы». Именно взаимодействие указанных тенденций и даже их пересечение порождает ситуация «воспитания воспитателей». Сама эта формула кадровой политики возникает в качестве своеобразного эффекта управленческого подхода к воспитанию, в контексте которого кристаллизуется новый объект управленческих воздействий. Им становится, как мы уже отмечали, любой субъект воспитательной деятельности. В свою очередь, при этом формируется новый (или же видоизмененный) субъект - «корпус» организаторов нравственно-воспитательной деятельности. Представляется, что в связи с этим событием появилась возможность говорить о становящейся потребности в синтезе между «этикой воспитателя» и «этикой организации», который можно представить как «этику организатора воспитательной деятельности».

При таком подходе решается, во-первых, задача иерархизации комплексного субъекта воспитания не только по горизонтали, но и по вертикали; во-вторых, на особое место в научной политике в сфере воспитания выдвигается проблема кадров, в которой «от века» поставленные вопросы воспитательной деятельности рассматриваются под специфическим углом зрения, обусловленным взаимодействием тенденций «педагогизации» и все возрастающей организованности жизни общества. Еще только предстоит поставить и разрешить задачи обеспечения аксиологических аспектов деятельности «воспитания воспитателей», выявить специфику организационной деятельности в этой сфере, особую ответственность организатора, развернуть исследования по линии профессионально-этического просвещения.

Прежде чем рассмотреть проблему «воспитания воспитателей» и малоизученную проблему взаимоотношений «воспитатель» - «воспитатель воспитателя», отметим исключительную важную и ничем не заменимую роль в воспитании личности самого воспитателя. Сделав обязательные поправки на возраст, нельзя не принять в целом следующей характеристики К. Д. Ушинского: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный механизм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания... Без личного непосредственного влияния воспитателя на воспитанника истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно. Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовывать характер»⁷⁰. Классификационные отличия воспитателей, разумеется, вносят изменения в нормативные модели воспитателя. Так, в приведенной цитате обращается внимание на воспитание как общение, т. е. непосредственную деятельность с прямыми контактами, хотя огромную роль играет воспитательный процесс и в коммуникационных сетях, где тоже незаменима личность воспитателя, но к ней предъявляется несколько иной круг требований.

Здесь важно избежать различных вульгаризаций. Советский сатирик Л. Лиходеев писал: «Есть такая сладостная область бытия, где каждый доброхот может считать себя законченным специалистом. Это область воспитания человека человеком. Некоторым решительным парням кажется, что там не обязательно быть грамотным или знать что-нибудь сверх таблицы умножения. Но там обязательно, всенепременно нужно быть полностью удовлетворенным своими знаниями, своими вкусами и своей непогрешимостью... Мещанство - это мелкое, низкое представление о людях и, прежде всего, - это ужасающая

уверенность в своем постоянном нравственном превосходстве»⁷¹. Очевидно, это один полюс вульгаризации. Но есть и прямо противоположный полюс, когда воспитатель рассматривается в роли «святого». Критикуя такой императив, В. А. Сухомлинский специально отмечал: «Идеал, которым надо изумить, очаровать ребенка, подростка, юношу, не должен быть чем-то ангелоподобным. Пусть это будет живой человек с ярко выраженными мыслями, чувствами, побуждениями. Ребенка, подростка, юношу в человеке больше всего увлекает, изумляет та грань красоты, за которой стоит верность принципам, убеждениям, нравственная стойкость, несгибаемость и особенно непримиримость, нетерпимость к злу. Одухотворяет, изумляет, восхищает подростков и юношей, прежде всего, страстный борец. Это большое счастье для становления человека, если на жизненном пути в годы детства ребенок встречает несгибаемость, непримиримость, идейную яркость, выразительность»⁷².

Нормы и ценности этики воспитания⁷³ в основном нацелены на личность самого воспитателя, поскольку идейная и нравственная зрелость воспитателя, его духовный облик и поведение являются главным инструментом воспитательного воздействия. Благодарная память человечества не случайно хранит истории (биографии) деятельности воспитателей наряду с историями деятельности, скажем, полководцев, ученых, художников, изобретателей. В прошлом непременно складывались целые системы таких, чаще всего полуполюгендарных и мистифицированных жизнеописаний, которые активнейшим образом использовались в «пайдейе» в качестве бездонного резервуара поучительных иллюстраций и наставлений, чуть ли ни в роли своеобразных учебных пособий по воспитанию. Видное место в этих системах занимали так называемые «моральные герои» (в античной философии - это «мудрецы», в бескрайней средневековой агиографической и патрологической литературе - «святые»), герои эпосов и сказаний, многие персонажи народной культуры. В число наиболее обаятельных историй такого рода следует включить жизнеописание Сократа, осужденного за нравственное «разложение» молодежи, воспитательный потенциал которой оказался буквально неиссякаемым. В данных системах изыскивались различные способы повышения авторитета тех лиц и организаций (родители, учителя, священнослужители и т. п.), которые занимались воспитанием непосредственно. Миропонимание революционных сил современности породило собственную систему историй воспитателей, не испытывающую ни малейшей нужды в ходульной идеализации или мифологизации.

Если главным в подготовке воспитателя оказывается формирование его самого как личности (напомним, что данное утверждение не влечет за собой какого-либо умаления роли обучения в овладении мастерством воспитания), то резко возрастает и значение усвоения нравственной культуры воспитания, идеалов, норм и ценностей этики воспитания. Существует немало оснований для предположения, согласно которому процесс «воспитания воспитателей» можно представить в качестве специфической формы повторной социализации человека в роли воспитателя. Прежде всего, это относится к молодому специалисту, самоопределению его как руководителя трудового коллектива (или какого-либо его звена). Изучению данных процессов должна предшествовать характеристика ролевой (и сверхролевой) подготовленности специалиста к исполнению функций воспитателя в ходе получения им специального образования. Здесь сразу дают о себе знать глубокие различия в подготовленности к профессионально-воспитательной деятельности (скажем, учителя) и в подготовленности к непрофессионально-воспитательной деятельности (например,

инженера). В целом такие различия неизбежны⁷⁴. Однако сейчас они слишком велики, чтобы признать положение дел нормальным, адекватным ситуации нравственного воспитания, запросам управления им.

Система подготовки специалиста в настоящее время поставлена таким образом, что настоящая роль воспитателя лишь прокламируется в целевом секторе программы подготовки специалиста, тогда как фактически в этом направлении предпринимается очень мало усилий. И по мере того, как с необходимостью возрастает общественное значение профессионально-воспитательного сектора деятельности будущего специалиста, запущенность этого участка всей системы подготовки обращает на себя все больше внимания общественности и тех лиц, которые непосредственно отвечают за ход такой подготовки. В нашей прессе все чаще ставится эта проблема, яснее высвечиваются те или иные ее грани как «производителем», т. е. системой высшего и среднего специального образования, преподавательским корпусом, так и «потребителем», т. е. всеми отраслями управления народным хозяйством и различными сторонами общественной жизни в целом. Данное обстоятельство, кстати, все лучше и глубже осознается самими специалистами в ходе их подготовки, тем более в процессе их учебной практики, отчасти и в различных формах их ранней профессиональной переподготовки. Многочисленные опросы студентов-практикантов, выпускников наглядно подтверждают это.

Означает ли сказанное, будто молодой специалист приходит на работу, не располагая никакими представлениями, навыками, ценностными ориентациями относительно своей предстоящей функции воспитателя, что у него нет никакого опыта в организации такой подготовки, и что вся эта проблематика являет собой неизведанное поле для науки? Не будем категоричны в ответах. Достаточно хорошо известно, что в управлении воспитанием в трудовом коллективе дают о себе знать несколько «этосов», иначе говоря, совокупностей ценностей, императивов, принципов и оценок, которыми руководствуются в таком управлении. Это - идеализированный, реальный, формализованный и оптимальный этосы. В ходе учебы и всей практики у будущего специалиста стихийно или в значительной степени стихийно формируется идеализированный этос. Обретение его происходит в результате наблюдений, косвенной информации, т. е. почерпнутой из средств массовой коммуникации, из разговоров со старшими - родителями, преподавателями, знакомыми из предшествующих выпусков, специалистами и т. п. У тех, кто закончил вечерние и заочные формы обучения, за спиной есть опыт собственной работы, в том числе, возможно, и руководящей, управленческой. Нельзя сбрасывать со счета опыт общественной работы в школе, техникуме, вузе.

Огромную роль играет и процесс формирования научного мировоззрения, идейной убежденности, нравственной зрелости и чуткости, который определяется различными факторами, в том числе и уровнем, эффективностью преподавания общественных наук, мировоззренческой направленностью преподавания специальных дисциплин, правильностью ориентации всего учебно-воспитательного процесса на предстоящую деятельность специалиста в качестве воспитателя. Зависит этос также и от принадлежности к тем или иным культурным группам, этико-эстетическим общностям, сложившимся в ходе получения образования или же вне образовательных систем. Так или иначе, но идеализированный этос складывается, а вместе с тем приходит в столкновение с этосами других типов. Преодоление указанных противоречий, несоответствий, конфликтов, ожиданий, норм, ролевых предназначений происходит, в ча-

стности, в процессе совершенствования профориентационной работы. Некоторые авторы выделяют сквозные магистрали процесса профсоциализации, каждая из которых имеет определенную группу собственных этапов и параметров. Условность такого выделения очевидна, но столь же очевидно, что достижение эффективности воспитания в трудовом коллективе немислимо без познания и регуляции социализации тех лиц, которые наиболее активно вовлекаются в деятельность управленческого блока воспитания, являются субъектами воспитания по своему должностному положению.

Первая линия обретения оптимальности этосом управления воспитанием — это линия развития индивидуального стиля воспитательного воздействия, линия обретения меры такого воздействия. Вдоль этой линии как раз и происходит корректирование идеализированного этоса, преодоление или же «доразвитие» не только доопытных представлений о собственной деятельности в роли воспитателя, но и некоторых укорененных в практике воспитания представлений, норм и ценностей руководства воспитательным процессом. Развитие данной линии можно представить как постепенное восхождение от простой меры ситуационного совпадения слова и дела, репродукции императивов и ценностей этики воспитателя к осознанию их недостаточности, незавершенности. Критическое восприятие собственной воспитательной деятельности - через ряд промежуточных ступеней - ведет к выработке системной меры воздействия на основе научно-мировоззренческого осмысливания социальной реальности, усвоения диалектики воспитательной деятельности. Выработка индивидуального стиля и меры воспитательного воздействия у молодого специалиста означает одновременно и завоевание им стратегического простора в педагогической деятельности, выход из всевозможных воспитательных «ловушек» (типа латентной подмены общественных целей воспитания группистскими, применения бездействующих воспитательных средств, соблазнов педагогического авторитаризма и т. д.).

С этими этапами и ступенями неразрывно связаны и этапы в совершенствовании (или проявлении) профессионально-этических качеств воспитателя. На основании изучения опыта аттестации морально-деловых качеств, накопленного лабораторией прикладной этики Тюменского индустриального института, можно - опять-таки со значительной долей условности - выделить следующие качества:

- развитие способности к моральной самооценке деятельности в целом, отдельных ее актов и сторон:
  - готовность к критической оценке действенности практикуемой целевой и инструментальной частей программы воспитательной деятельности;
  - выявление в них этически неоправданных решений и установок авторитарного и нигилистического типа;
  - способность продуктивно разрешать сложные противоречия нравственно-воспитательной деятельности:
    - готовность критически накапливать и перерабатывать собственный моральный и управленческо-воспитательный опыт;
    - умение интегрировать данный опыт с опытом всего коллектива или же отдельных его групп, добиваться слаженности, коллективности действий всех субъектов воспитания;
    - умение выдерживать и проводить целенаправленность в управлении воспитанием, формировать, закреплять и развивать лучшие традиции воспитания в данном коллективе;

- способность взвешенного, самоконтролируемого отношения к рутинному и обыденному в практике воспитания, с одной стороны, и к передовому в этой практике - с другой, к тиражированию проверенных в опыте нововведений.

Вторая линия обретения оптимальности этосом управления воспитанием связана с прохождением молодого специалиста по этапам интернализации ценностей, норм, принципов, идеалов и систем оценок этики воспитателя. Эта линия неотрывна от первой, может идти параллельно с ней, но может и не совпадать, выбиваться вперед или плестись в хвосте. При определении этапов развития по данной линии мы исходим из предположения, что этапы возрастной первичной социализации (противосоциализация, социализация в первичных, маргинальных и конвенциональных группах) и ступени нравственного становления личности⁷⁵ дают исследователю общее представление, канву или схему этапов профессионально-нравственного развития молодого специалиста. Данная аналогия требует, конечно, особого рассмотрения, но здесь мы можем в самом общем виде выделить следующие этапы:

- трансформация внешних требований во внутренние;
- «затверждение» последних до состояния нравственных потребностей;
- формирование мировоззренческого обоснования и оправдания указанных потребностей, всей совокупности предписаний и оценок этики воспитателя, что укрепляет призвание, обеспечивает последовательность поведения, снабжает его побудительной и оправдывающей мотивацией, лейтмотивами приверженности в моральном выборе, налаживает механизмы самоконтроля;
- складывание сложных нравственно-профессиональных привычек.

Интернализация, разумеется, связана с творчеством в ходе усвоения и применения норм, эталонов поведения. Здесь происходит развитие и преобразование, обогащение норм и эталонов, совершается переход от допрактического усвоения норм и оценок этики воспитания в процессе подготовки специалиста, когда оно в том или иной степени носит абстрактный характер, имеет игровое значение, выступает лишь в качестве «ролевой примерки». Для форсирования процесса интернализации и создания готовности к творческому применению этих норм и оценок некоторые исследователи предлагают шире использовать различные методы кооперации возможностей отраслевых профессиональных этик, скажем, театральной этики К. С. Станиславского и педагогической этики А. С. Макаренко.

Третья линия достижения оптимальности этоса управления нравственным воспитанием носит эмпирический характер. Методами социальной психологии и педагогической социологии можно выделить типологические группы молодых специалистов в зависимости от степени развития у них нравственно-воспитательного мастерства, скоррелированного с развитием морально-деловых качеств воспитателя. Такая типология производится на практике интуитивно, но она может служить исходной гипотезой для научного исследования. Обычно молодых специалистов делят на четыре группы:

а) быстро и эффективно усвоившие нормы и оценки этики воспитателя в трудовом коллективе, проявившие способность органически соединять управленческую и воспитательную деятельность, готовность и умение, упорство в борьбе с формализмом, определенный уровень культуры, коммуникабельности, критицизма в отношении к себе и другим;

б) способные выполнять управленческо-воспитательные функции, но не умеющие органически слить их; у которых названные способности формируются несинхронно и, следовательно, проявляется некоторая односторонность в

профессионализме, обнаруживается известная недостаточность в предшествующей подготовке;

в) становление воспитательного мастерства приобретает затяжной характер, противоречия и недостатки подготовки сказываются наиболее рельефно (воспитательные срывы, преобладание методов простого копирования норм этики воспитателя, неспособность противостоять инерциальному давлению формализма и устаревших воспитательных приемов, соглашательство по отношению к ним, общая культурная и нравственная недостаточность);

г) группа «неудачников», объединяющая тех, кто испытывает мытарства в роли руководителей или же тех, кто, не выдержав этих испытаний, сходит с дистанции, меняет профиль деятельности (скажем, переход на исполнительскую работу в конструкторское бюро), а в ряде случаев вообще отказывается от полученной специальности, что оказывает, видимо, существенное влияние на общий рост по стране числа специалистов, работающих не по специальности.

Одна только панорама проблем повторной социализации молодого специалиста в качестве организатора нравственного воспитания в трудовом коллективе показывает, сколь велики возможности прикладной этики в улучшении процесса «воспитания воспитателей». Управленческие аспекты этики, морали и воспитания здесь тесно переплетаются в рамках целостной системы.

Функцию контура обратной связи в системе управления воспитанием, задачу контроля за выполнением требований целевого блока воспитательной программы и одновременно подготовки кадров воспитательной деятельности осуществляет на данном этапе разработки процедура аттестации морально-деловых качеств личности.

Важность оценки морально-деловых качеств личности в общей системе аттестации - принципиальная позиция кадровой политики партии и государства. Так, В. И. Ленин требовал подходить к работнику: а) с точки зрения добросовестности, б) с политических позиций, в) знания дела, г) административных способностей⁷⁶. В документах КПСС постоянно подчеркивается необходимость для советского руководителя органического соединения партийности и компетентности, предприимчивости и ответственности, чувства нового и умения учитывать нравственные последствия принимаемых решений.

Эти требования лежат в фундаменте законодательных положений об аттестации руководящих кадров, специалистов предприятий и организаций. Возрастание роли морального фактора в нашем обществе позволяет говорить о возможности и необходимости повышенных требований к профессионально-нравственной культуре кадров и соответственно о введении в практикуемую должностную аттестацию дополнительных, более высоких нравственных требований, выраженных в профессионально-нравственных кодексах коллектива. Эта установка по своему духу находится в русле и требований партии (Постановление ЦК КПСС 1984 года «Об участии руководящих кадров Эстонской ССР в политико-воспитательной работе среди трудящихся»). Если основанием для сложившейся процедуры должностной аттестации служат известные законодательные положения, то развертывание комплекса мероприятий по оценке морально-деловых качеств личности - результат добровольно принятых на себя обязательств, закрепленных профессионально-нравственным кодексом трудового коллектива, профессиональной группы и другими формами эталона.

Комплексную тему аттестации кадров нравственно-воспитательной деятельности с точки зрения опыта этико-прикладных разработок рассмотрим на

материале игры, представляющей проблематику аттестации руководителя как воспитателя, оценки его деятельности по ее воспитательным последствиям. Объект аттестации здесь сам оказывается субъектом воспитания, предметом аттестации выступает воспитательный потенциал морально-деловых качеств руководителя. Конечная цель разработки и внедрения методики аттестации средствами игры - решение кадровой проблемы в ключе «воспитания воспитателей».

Целый ряд игр «Аттестация», проведенных в различных аудиториях (со студентами - будущими инженерами, со слушателями университетов марксизма-ленинизма, руководителями, идеологическим активом, с заводскими коллективами, со специалистами этих коллективов, в школах партхозактива при райкомах и горкомах партии и т.п.) и, соответственно, с разными уровнями объекта и субъекта воспитательной деятельности, выявил необходимость ориентирования оценки морально-деловых качеств руководителя как таковых (и в этом аспекте соотнесенных с проблематикой деловой игры «Кодекс делового человека») на проблему прямого и косвенного воспитательного смысла управленческих решений и самой личности руководителя. Об этом специально говорили и участники советско-болгарской конференции «Управление нравственно-воспитательной деятельностью: союз теории и практики» (Тюмень, 1982), в рамках которой также проводилась одна из аттестационных игр.

Игра «Аттестация морально-деловых качеств личности» в наиболее «чистом» виде демонстрирует алгоритм этических деловых игр, специфику каждого из основных Этапов — «интуитивного» и «научного», возможности активного освоения участниками игры результатов этико-прикладных разработок и, наряду с этим учебным эффектом, эффект морального творчества, соавторства ученых и ЛПР в процессе разработки как методики аттестации, так и собственно оценки персонажа ситуаций. Нельзя пренебречь и проблемой нравственно-воспитательных последствий аттестационного решения для самих участников игры.

В основе ситуации, которая разбирается в процессе игры, лежит конфликт предприимчивости и порядочности, целесообразности момента и нормы, обнаружившийся в деятельности ведущего персонажа - главного инженера Петухова (очерк А. Борина «Пробивной человек»). Участники игры выступают в роли членов аттестационной комиссии, призванных оценить морально-деловые качества главного инженера с точки зрения пригодности или непригодности его для выдвижения на более высокую должность.

Первый этап игры - попытка каждой из команд написать характеристику Петухова - оканчивается либо неудачей, либо резкими расхождениями внутри команд. Оценочные ситуации сильно расходятся. И дело, в первую очередь, не только в объективной сложности самой ситуации, ее напряженности и противоречивости, но и в том, что участники игры не подготовлены специально на «опознание» моральных качеств, они не сформулировали еще четкие критерии оценки поступка на всех его этапах, не овладели умением перевода знаний в принципах моральной оценки в конкретное решение.

Но так можно оценить этическую квалификацию большинства участников игры только на первом ее этапе (интуитивном). Далее наступал этап освоения результатов разработки методики составления аттестационной характеристики, активного обучения применению этих разработок на практике.

Чтобы стать действенным средством воспитания, аттестация морально-деловых качеств личности должна быть надлежащим образом спроектирована

и освоена. Разработка системы аттестации морально-деловых качеств личности требует построения матрицы оценки качеств личности и методики подготовки данных для характеристики - исходного момента аттестации. Причем эта чисто прикладная задача обусловлена решением ряда фундаментальных вопросов этики - как и в случае с играми типа «Кодекс».

Каково конкретное место морально-деловых качеств личности в системе качеств личности вообще? Каков их удельный вес? Как определить число этих качеств, необходимое и достаточное для целостного представления о моральном облике личности? Перечень вопросов еще не окончен, но в имеющейся управленческой литературе, посвященной должностной аттестации кадров, ответы на них найти очень трудно. В то же время в специальной этической литературе они если и ставятся, то без «выхода» на действительно прикладной уровень, даже если это максимально подробный тезаурус. В свою очередь, работа над методикой характеристики как основного документа для аттестации столкнула исследователей с целым рядом «технологических» вопросов: как писать характеристику? из чего при этом исходить? какие выводы надлежит сделать в итоге, о каких сторонах деятельности можно и не говорить? Так ли уж просты эти вопросы, чтобы в решении их обойтись без научной рекомендации, просто положиться только на личный опыт авторов характеристики, на сложившийся стереотип?

В специальной литературе по аттестации имеются различные точки зрения на систему качеств личности, подлежащих оценке. В этих позициях и сделанных на их основе разработках обнаружилась достаточно тесная связь между фундаментальными и прикладными знаниями, обусловленность вторых первыми. Причем, эта связь проявилась как в достоинствах, так и в недостатках предложенных в литературе методик, и особенно - в представлениях о морально-деловых качествах личности, в том, как они вписаны в общую структуру человеческой деятельности и личности⁷⁷. Составители игры "доразвили" исходную этико-праксиологическую концепцию морально-деловых качеств личности до такой системы качеств, которая вписывалась бы в общую структуру нравственной культуры личности и воплощалась бы в модели ее характеристики.

Структура характеристики была построена на основе сопоставления структуры нравственной деятельности личности и различных сфер ее конкретного проявления. Для целей аттестации таковыми являются: профессиональная, общественно-политическая, сфера межличностных отношений. В структуре нравственной деятельности были выделены потенциальная сторона, готовность (ценностные ориентации, мотивы, знания, умение их применять, навыки) и собственно реализация деятельности (конкретные действия и результаты). Характеристика как основной информативный документ для подготовки и принятия аттестационного решения, с одной стороны, согласовываться со всей процедурой аттестации, а с другой - в оценке личности аттестация морально-деловых качеств личности предусматривает соответствующий механизм ее внедрения в управление воспитательной работой.

Прежде всего, это касается не столько информационного и материального обеспечения проведения аттестации, сколько качественной подготовки тех работников, которые на всех уровнях управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе отвечают и за составление характеристики, и за регламент аттестации, и за само аттестационное решение. Сама игра «Аттестация» является одним из средств такой подготовки.

Глава третья
ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННО - ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

§ 1. «Встречное движение»: проблемная ситуация

Проблемность ситуации в системе «наука-практика» нельзя толковать упрощенно, сводить к трактовке: «практика требует - наука не справляется». Каждая из сторон этой системы внутренне неоднородна, несет в себе различные тенденции. Поэтому проблемность ситуации - это переплетение тенденций как внутри каждой из сторон, так и между этими сторонами. «Заказ» этике от воспитательной практики во многом определяется уровнем культуры нравственно-воспитательной деятельности, желанием и способностью практиков к освоению результатов этико-прикладного знания. В этом отношении актуальна критика настроений и позиций, односторонне либо преувеличивающих, либо преуменьшающих сложности современной воспитательной ситуации и, соответственно, односторонне относящихся к союзу с наукой.

У работников, непосредственно или косвенно занятых нравственно-воспитательной деятельностью, иногда создается впечатление, будто в сфере воздействий на нравственное развитие личности, которой им предстоит управлять, выявляется непостижимо сложное сплетение разнообразных каналов влияний, царит необъяснимый хаос "силовых линий". На этой почве произрастает опасность безмерного преувеличения сложности управления нравственными процессами и приложения к ним результатов этических исследований. Гиперболизация трудностей порождает у части практических работников сомнения в результативности соединения теории и практики нравственного воспитания, которые отнюдь не способствуют умению ставить перед исследователем новые задачи и эффективно использовать специально адресованную им теоретико-прикладную информацию, вплоть до ее практического внедрения. В таких случаях возникает «косная практика», не способная к самоизменению и не тяготеющая к самосовершенствованию.

Параллельно дает себя знать другая опасность, противоположная описанной выше, - возникновение упрощенных версий решения сложных, многослойных задач нравственного воспитания. Но такая легковесность в отношении к теории оборачивается той же недостаточностью (частичностью, малосистемностью, неполной комплектностью и конкретностью) использования управленческого и прикладного потенциала этической науки, как и в первом случае.

Иначе говоря, в запросах практиков к теории, в их психологических ожиданиях нередко формируются то «управленческая вялость», то «управленческий экстремизм», и этике в обоих случаях фактически то представляется незаслуженный карт-бланш, то отбирается даже и совещательный голос при выработке управленческих решений.

«Заказ» «заказу» рознь. И практика управления нравственным воспитанием зачастую демонстрирует односторонность запросов практиков ученым. Здесь то упование на всемогущество науки, фетишизация ее возможностей, настроения нетерпеливости, ожидание немедленного эффекта от внедрения - такая позиция ставит ученого перед альтернативой незрелых рекомендаций и некомпетентных решений с неясным балансом пользы и вреда от выбора между ними; то квалификация роли этики либо как абсолютно прикладной науки (роль ЛПР в этом случае сводится соответственно к сугубо исполнительской деятельности по внедрению рекомендаций в практику), либо как сугубо фунда-

ментальной - в надежде на прикладную инициативу и самостоятельность практиков. Эти характерные для ряда практиков-воспитателей позиции, естественно, затрудняют «встречное движение»⁷⁸.

Одно из объяснений возможного неадекватного представления практиков о роли науки, феномена неадекватности отношений «заказчиков» и «работчиков» зафиксировано в науковедческой литературе. Если воспринимать науку только с точки зрения ее итогов, готовых результатов и отвлекаться от процесса их получения, то можно занять по отношению к науке позицию, трактующую ее как «хранилище пригодных на все случаи рецептов», как «универсальное средство для решения любых предлагаемых ей извне проблем». Обращаясь к науке «за помощью», надеются, что она «быстро разрешит любые затруднения и предложит на выбор своим клиентам надежные и по возможности безболезненные способы достижения их целей, оставляя сами цели и вытекающие из них конкретные требования вполне неизменными и не покушаясь на их переосмысливание и переоценку. Подобное «инструментально-утилитарное» отношение к науке настолько типично, что вряд ли его нужно иллюстрировать примерами»⁷⁹.

Избирательно относясь к предъявляемым заказам, выделяя среди них адекватные ее предмету и задачам, прикладная этика не должна забывать, что качество такого выбора и активности зависит и от состояния ее собственной теории. Речь, таким образом, должна пойти о том, что недопустимо представление о некоей «презумпции» превосходства теории перед практикой с точки зрения готовности этического знания к «встречному движению». Как уже было отмечено, этическое знание еще только выходит на позиции проектирования - отсюда и «болезни роста».

Справедливо суждение Г. Д. Лутошкина, который отмечает, что научное управление нравственным воспитанием - процесс двусторонний, ставящий проблемы как перед учеными, так и перед практиками. «Ученый и практик, занимающиеся проблемами нравственности, идут в одном направлении. Они ставят перед собой общие цели. Но подчас идут они параллельными курсами. Ученый иногда слабо знает реальную ситуацию и мало участвует в практике нравственного воспитания. Практик, в свою очередь, не умеет или не испытывает потребности обратиться и применить в реальных делах выводы, рекомендации ученого. Порой действует интуитивно: ведь жизнь требует, чтобы он действовал. Значит, нужна «стыковка»⁸⁰.

Регулирование связей науки и практики управления моралью и воспитанием в условиях социалистического общества - процесс программируемый. Выразителем позитивных тенденций науки и практики и организатором их союза является научная политика, курс действия, стратегическая программа по отношению к определенной сфере общественной жизни (социальная политика, экономическая политика, культурная политика, демографическая политика и т. п.). Научная политика - своеобразный сплав теории и практики, научно обоснованных проектов, программ и управленческих решений в данной сфере жизнедеятельности. Такая характеристика относится и к сфере нравственной жизни общества.

Научная политика в этой сфере должна учитывать ряд особых обстоятельств объективного и психологического плана. Во-первых, союз теории и практики управления нравственным воспитанием - вопрос, не терпящий промедления. Дело в том, что пока идут дискуссии о возможности и необходимости прикладной этики, практики уже так или иначе организуют воспитательную

работу, принимают управленческие решения: правильные и неправильные, оптимальные и неэффективные. Процесс воспитания непрерывен, его нельзя «притормозить» до тех пор, пока наука предложит свои рекомендации. Во-вторых, необходимо формирование установки исследователей на активность научно-исследовательского поиска в сфере союза теории и практики. В-третьих, важно учесть факт существования «конфликта ожиданий» в отношении теории и практики управления нравственным воспитанием, различия и неадекватности представлений исследователей и практиков о роли каждой из сторон, о целях и средствах их союза.

Характеристика научной политики как сплава теории и практики управленческих решений раскрывается через фактическую интеграцию двух феноменов: а) политики в сфере научной деятельности; б) политики в сфере воспитания; «встречное движение» в этом смысле появляется в состыковке процесса программирования исследований и процесса внедрения их результатов.

§ 2. Цикл «заказ-разработка-внедрение»

Интеграция прикладной этики и практики управления нравственным воспитанием происходит по названному циклу. Прежде чем охарактеризовать отдельные его этапы, необходимо отметить, что период становления прикладной этики отличается нерасчлененностью всего цикла как в теоретическом, так и организационном плане. Речь идет о феномене «субъекта в трех лицах», эмпирически выявленном в практике сотрудничества тюменских исследователей и практиков.

В науковедческой литературе при обсуждении вопроса о содержании процесса, увязывающего в единое целое исследовательскую и производственную деятельность и называемого цикл «исследование-производство», дискуссионным является представление о начальном этапе этого цикла. Предмет дискуссии - включать ли в этот этап фундаментальные исследования или ограничить его прикладными. Считая, что точнее будет ограничиться прикладными исследованиями, обратим внимание на то, что принятая нами характеристика исследователя в сфере этико-прикладного знания как «генератора программ», подчеркивает в мотиве его научной деятельности в качестве доминанты не любопытство, не внутринаучную рефлекссию, а реакцию на потребность практики воспитательной работы, на запрос конкретных ЛПР. Поэтому более строгое описание цикла должно все же начинаться с этапа «заказа». «В чистых» науках явление, подлежащее анализу, зачастую определяется самим исследователем в соответствии с его научными интересами. В прикладных науках объект исследования определяется целями организации»⁸¹.

Прикладная этика получает три вида заказов: от практики, от эмпирической науки и от фундаментальной теории. На каждом из этих «фронтов» прикладная этика функционирует специфическим образом. Но основной заказ - от организации и ЛПР. К прикладной этике относится черта, общая для всей социальной технологии. «Успех работы в области проектирования, разработки и внедрения новых видов социальной технологии во многом зависит от того, налажено ли безупречное функционирование механизма социальных заказов обществоведению. Система социальных заказов позволяет установить целесообразное соотношение между фундаментальными исследованиями, прикладными исследованиями и разработками, дает возможность так планировать научно-исследовательскую деятельность, чтобы она была непосредственно связана с актуальными потребностями общества»⁸².

Виды заказов могут различаться и по другому основанию - по ориентированности на ту или другую функцию прикладной этики (экспертную, педагогическую, проектную и т. п.). Однако есть и связь между этими основаниями: чем выше уровень субъекта управления и масштаб организации, представляемой тем или иным ЛПР, тем шире заказ, тем универсальнее его потребность в функциях этико-прикладного знания.

Как формируется «портфель заказов» на этико-прикладное знание? Этот вопрос еще ждет своего исследования, но эмпирические результаты позволяют обнаружить элементы стихийности и бессистемности в контактах управленцев и ученых, сиюминутность интересов заказчиков. В то же время квалифицированный организатор воспитательной работы, хорошо знающий ситуацию нравственного воспитания и возможности конкретных исследователей, формирует и «портфель заказов», и коллектив «целевой бригады», уже самым своим стремлением организовать работу под определенную цель программирует успех реализации заказа.

Характеристика видов заказов на исследования фактически уже дала представление о первом этапе цикла. Продолжая разговор, следует отметить, что наиболее узким местом в системе «этическая теория - моральная практика» являются в настоящее время звенья разработки и внедрения. Задача, разумеется, не просто в том, чтобы доказать возможность и необходимость стадии разработок в прикладной этике. Важнее и сложнее вписать эту стадию в процесс движения от науки к практике, определить ее конкретное место и роль. Для этого следует учесть, что характеристика цикла, выражающего связь теории и практики управления нравственным воспитанием через триаду «заказ - разработка - внедрение» может и должна подразумевать более развернутую, чем эта триада, систему научно-исследовательского процесса. Выделяя в качестве опосредующего между заказом и внедрением звена разработку, необходимо ответить на вопрос: являясь наиболее наглядным выражением прикладного этического знания, выступает ли она в то же время и итоговым этапом движения этого знания к практике?

В первую очередь, возникает вопрос об отношении проектирования и разработки. И в этической, и в науковедческой литературе по этому вопросу нет единой позиции. Проектирование как заключительное звено всего процесса научного обеспечения практики управления является, по мнению М. Г. Ганопольского, «конечным продуктом» прикладной науки и в то же время основанием для определения ее статуса. М. Мончев полагает, что «разработки охватывают более широкий круг работ, чем конструкторская и проектная деятельность. Последние два вида рассматриваются лишь как отдельные этапы стадии разработок»⁸³. Характеризуя опытно-конструкторские разработки как звено процесса перехода от науки к производству, Г. Волков говорит, что «на этой стадии начинается внедрение научных достижений в производство». И затем задает важный вопрос: «Кончается ли на этом научно-исследовательский процесс? Оказывается, нет. Даже после того, как новое изделие вступило в стадию массового производства (или новая технологии уже внедрена и т. д.), она нуждается в заботе исследовательской, так сказать, «материнской» организации. Последняя принимает определенное участие в проведении дополнительных, производственных исследований. Но и тогда, когда научное достижение окончательно внедрено в производство, новый вид продукции, новая технология и т. д. нередко продолжают быть объектом дальнейшего совершенствования со стороны заводских рационализаторов и изобретателей. Цель исследователь-

ской деятельности, следовательно, должна включать также изобретательскую и рационализаторскую деятельность...»⁸⁴.

Мы уже говорили о том, каковы пределы, границы притязаний этико-прикладных исследований и разработок, определяющие их принадлежность к прикладной этике. В данной ситуации этот вопрос должен быть воспроизведен в новом варианте: каковы критерии готовности разработки к внедрению?

Здесь можно увидеть общность забот прикладной этики и прикладной социальной психологии: «Поскольку сфера прикладного исследования есть сфера общения профессиональной науки с непрофессиональной (относительно данной науки) средой, постольку встает проблема языка прикладного исследования... Результаты должны быть изложены в форме не только доступной заказчику, но и делающей их «готовыми к употреблению»⁸⁵. В практике лаборатории прикладной этики ТИИ вопрос о форме, делающей разработку «готовой к употреблению», возникал не в каждом случае и не по каждому элементу системы, но все же «имел место». Так, например, язык проекта Кодекса вообрал в себя язык консультантов на деловой игре и язык ученых - членов редколлегии Кодекса. Можно ли было оставлять эти «следы» в варианте, предложенном для обсуждения в коллективе? В принятом коллективном тексте Кодекса? Опираясь на анализ литературы и опыта, можно сказать, что разработка - процесс преобразования этического знания в форму, обеспечивающую его применение в практике управления нравственно-воспитательной деятельностью. Перевод, трансформации этического знания на язык эталона, проекта, плана, программы - основная цель разработки.

Внедрение - цель и конечный пункт на пути движения науки к практике. Именно на этом этапе этическая теория включается в реальный процесс управления нравственно-воспитательной деятельностью. Причем внедрение - этап, обеспечивающий не только влияние, но и возможное конструктивное воздействие на моральную практику. В доказательство этого тезиса можно опереться на опыт педагогической науки, описанный в специальных изданиях⁸⁶. Так, например, В. Краевский отмечает, что «под внедрением нередко понимают вообще любой путь от педагогической теории до педагогической практики - длинный или короткий, в том числе популяризацию, распространение педагогических идей, наконец, использование учителем научных знаний в практике. Между тем все эти вещи разные, которые можно объединить одним широким понятием: влияние науки на практику. Внедрение же - не просто влияние, а специально организованная система переработки результатов фундаментальных и прикладных исследований и их воплощение, в конечном счете, в системе норм педагогической деятельности...»⁸⁷.

Опыт педагогики тем более интересен и поучителен для прикладной этики, что внедрение этических разработок - это во многом процесс педагогического воздействия на объект управления нравственным воспитанием, да и на сам субъект этого управления. В процессе внедрения этических проектов, моделей, методик встает общая для приложения любой сферы науки задача создания комплекса знаний, необходимых для использования результатов этико-прикладных исследований и разработок на практике, технологии перевода этих знаний и действия ЛПР. Для прикладной этики в этом плане чрезвычайно важна позиция «ноу-хау» («знаю как») и соответствующая подготовка кадров, внедряющих результаты этико-прикладных исследований и разработок.

В этом убеждают результаты науковедческих исследований⁸⁸, социологическая практика, опыт лаборатории прикладной этики ТюмИИ. В качестве

аналогичных забот смежной науки можно привести рассуждения социолога В. Коробейникова. Автор считает, что «научно-прикладные разработки, осуществляемые по «заданию практики», призваны не только выявить пути и способы решения той или иной задачи, но и вскрывать, так сказать, «технологии» этого решения». По его мнению, и в социальной сфере, существует своего рода «ноу-хау». «Возьмем, — пишет автор, — внедрение бригадной формы организации труда. Преимущества бригадного подряда очевидны. Как показывают социологические исследования, сокращаются внутрисменные простои, растет производительность труда. Советы бригад, советы бригадиров цехов и предприятий стали действенными органами рабочей самоуправления... Однако такого положения добиваются еще далеко не везде. Одной из причин является, на наш взгляд, отсутствие своеобразной «технологии» внедрения бригадной формы, которая предполагает и четкую организацию труда, и согласованное использование моральных и материальных стимулов, и психологическую совместимость членов бригады, и соблюдение ряда других параметров. Поэтому на многих предприятиях, несмотря на существование многочисленных ведомственных инструкций, не удается воспроизвести ту хорошую практику, которая стала уже привычной в других местах. И здесь долг ученых-обществоведов оказать оперативную помощь отраслям промышленности в выработке, так сказать, «технологии» внедрения бригадной формы организации труда»⁸⁹.

Разумеется, предложенная наукой технология типа «ноу-хау» не может избавить личность, внедряющую результаты этико-прикладного исследования и разработки, от самостоятельности и творческого подхода. Поэтому, во-первых, рекомендации к внедрению должны быть разных видов от «делай так» до предложения нескольких вариантов для решения; во-вторых, сочетать технологические аспекты с аксиологическими комментариями, объясняющими смысл и цель даваемых рекомендаций и тем самым дополнять «знаю как» — «знаю зачем» и «знаю почему».

Опыт прикладной социологии показывает, что внедрение будущего результата в практику обеспечивается прежде всего установлением точного институционального адреса создаваемого проекта. Для этого определяется учреждение, берущее на себя обязательство по его реализации. Предпринимается специальная попытка «ясно и детализированно распознать возможную проблематику будущего «входа» социологического результата в практику. В этом отношении очень полезно построенное на точном знании конкретной ситуации мысленное «проигрывание» самого процесса внедрения». Здесь важна именно социально-психологическая характеристика проблем внедрения, ибо оно обеспечивается деятельностью конкретных людей. Поэтому «для эффективной стыковки» прикладного исследования с практикой мало подвести под дело юридическую основу и сориентироваться на институциональные потребности в их формальном выражении. Нередко самой сложной и решающей задачей является социально-психологическая сторона сотрудничества. Следовательно, социальный адрес будущего результата нужно определить не только на институциональном уровне, но и на персональном»⁹⁰.

Опираясь на опыт лаборатории прикладной этики, можно сказать, что в практике целевой бригады тюменских ученых и управленцев проблема кадров внедрения оказалась самой сложной. Здесь обнаружили и психологический барьер против новых методов и форм работы, и некомпетентность части практических работников, и организационная разобщенность между целевой бригадой и конкретными людьми, осуществляющими воспитание.

Характерная для любой прикладной науки проблема внедрения оборачивается в прикладной этике, благодаря показанной выше специфике ее объекта, своеобразием этапа связи теории и практики нравственной жизни. Это своеобразие проявляется уже в том, что собственно «внедрение» — в прямом смысле этого термина, подразумевающим включение чужеродных инноваций, — здесь очень ограничено. Преимущественно же речь может и должна идти о «самонастраивании», о «прорастании», «впитывании», «привитии» и т. п. формах сотрудничества теории и практики. Здесь, таким образом, встает вопрос о том, как происходит процесс включения нового в сложившуюся практику. Это не только психологическая проблема, но еще и организационная: вся практика и кусочек нового. Поэтому, если внедряется отдельный элемент будущей системы, то необходимо учесть, что решающий момент: а) включение данного элемента в сложившуюся систему (независимо от эффекта — радикального изменения системы или ее усовершенствования); б) обнаружение «белых пятен», несостыковок, узких мест и, как следствие, формирование нового заказа.

§ 3. Исследователь и ЛПР: специфика научного консультирования

Сама по себе позиция «встречного движения» не отменяет практических проблем, зафиксированных в реальных процессах сотрудничества ЛПР и исследователя. Представляется иногда, что главным в работе руководителя является поиск решения проблемы, а в деятельности, например, социолога — сбор информации. Однако не ясен вопрос: кто должен «переводить» социологическую информацию в процесс управленческих решений? «Вопрос этот не праздный, он часто возникает при завершении исследования. Заказчику, например, иной раз кажется, что этим должен заниматься социолог, а тот, в свою очередь, надеется на заказчика»⁹¹.

Рассматривая эту проблему в теоретическом ключе, автор отмечает, что «по своим полномочиям работник управления ответственен за состояние управляемой системы, за то, какие средства и методы используются для достижения намеченной цели; в той или иной форме он обязательно участвует в разработке управленческого решения, принимает его и контролирует исполнение. Со своей стороны, социолог ответственен за информационное обеспечение управленческого решения — используемая социологическая информация, в частности, должна быть достаточно полной и точной. Итак, при первом приближении к вопросу главное в деятельности руководителя — поиск решения проблемы, а в деятельности социолога — сбор информации. Но в то же время, принимая решение, руководитель также изучает, а социолог, изучая, обязан по возможности искать эффективное решение проблемы»⁹².

Следует критически оценить такое решение. Разделение функций, описанное выше, вполне естественно и правомерно. Однако оно исходит из того обстоятельства, что заказчик и исполнитель сотрудничают лишь формально. К каким последствиям приводит такой формальный подход, мы уже отмечали. Вспомним о «конфликте ожиданий» на первом этапе цикла, возникающем в том случае, если «заказчик» и «исполнитель» разобщены. Во встречном движении позиций ученого и ЛПР есть обстоятельство, которое мы условно назвали «время не ждет». Формируясь в условиях, весьма нетрадиционных для этапа становления других отраслей науки прикладного статуса (когда многие проблемы не решены, а ряд вопросов поставлен в прикладных исследованиях «в обгон» развития фундаментальной этики), этико-прикладное знание сталкивается с проблемой «время не ждет», т. е. с антиномией немедленного вмеша-

тельства в практику или осознанного воздержания до того времени, когда этика в целом «созреет» до готовности быть этико-прикладным знанием.

В смежной прикладной науке - социальной психологии - ситуация настоящего запроса практики и неготовности теории к безотлагательным действиям решается следующим образом. «В этой ситуации мыслимы две стратегии поведения исследователя перед заказчиком; можно прямо очертить круг собственных возможностей и отвести вопросы, на которые дать ответ нельзя в связи с наличным уровнем развития науки; можно согласиться со всеми предложенными проблемами, «принять» их как заказ, зная, что ответ заведомо не будет базироваться на должном уровне знаний. Первую позицию занять труднее: многие, полагают, что такого рода «признания» в неспособности социальной психологии решить определенные вопросы компрометируют науку. На поверхности вторая позиция выглядит не только как более привлекательная, но и как более «смелая». Однако полученный в исследовании результат при условии выбора второй стратегии может нанести социальной психологии несоизмеримо больший урон, чем первая модель поведения... На современном этапе гораздо более корректной позицией является позиция точного указания на то, что «может» и чего «не может» сегодня социальная психология»⁹³.

Свою позицию в ситуации «время не ждет» применительно к проблеме этического проектирования предлагает В. Н. Сагатовский: «Мы отдаем себе отчет в сложности поставленных проблем. Каждая из них дает повод для бесконечной «проблематизации ситуации» и ухода в такое хитросплетение теоретических тонкостей, из которого трудно вырваться навстречу потребностям практики. Но практика не ждет. И потому пусть грубое, приблизительное, но целостное решение для нас предпочтительнее констатации очередного парадокса»⁹⁴.

Дело, по-видимому, в том, чтобы увидеть разумность мотивов и решений в каждом из этих подходов. Определенным дополнением к ним может явиться позиция рабочей гипотезы и эксперимента. Если создать условия, объединяющие деятельность заказчика и исполнителя в единый коллектив на всех стадиях цикла «заказ-разработка-внедрение», то такая позиция позволит «раздвинуть» возможности прикладной этики за счет того, что часть функций, которые должен выполнять ученый, передается организатору нравственно-воспитательной деятельности, компенсируя тем самым на время (которое как раз и «не ждет») отсутствие теории, благодаря тому, что это будет не знание, выводимое из фундаментального, а знание, создаваемое эмпирически заново; так может быть заполнен вакуум, который иначе все равно заполнится, но уже без участия науки вообще. При этом при оценке ситуации взаимодействия позиций ученого и ЛПР акцентируется необходимость и возможность их сближения и сотрудничества и не драматизируются их расхождения, обеспечивается поиск путей «стыковки» и взаимопонимания.

И еще один «конфликт ожиданий», который не под силу формальному решению. Скептические представления ряда практиков о КПД этико-прикладных исследований и разработок, об эффективности развития прикладной этики с точки зрения степени изменений в реальной нравственной жизни трудового коллектива требуют различения задач внедрения для ученых и практиков. Эти задачи - в рамках единой системы, но они весьма специфичны. На наш взгляд, проблема внедрения результатов этико-прикладных исследований и разработок не должна рассматриваться с позиций традиционных представлений «ученый создал, практик применил», но и не должна ограничи-

ваться даже позицией, их совместного сотрудничества по созданию и внедрению проектов. Эффективен подход с точки зрения организационного единства теории и практики, когда внедрением занимаются практики, подготовленные для этой цели и в процессе совместного проектирования, и в специальном «ИПК»; обеспечить внедрение для ученого - это в первую очередь означает подготовить кадры практиков, развить их культуру как ЛПР. Здесь предел «входа» теории в практику и граница ее ответственности.

В этой связи и необходимо определить актуальные задачи внедрения результатов этико-прикладных исследований: среди целого ряда вопросов, еще ждущих своего исследователя, очевидным приоритетом должна пользоваться проблема внедрения в виде процесса этико-педагогического воздействия как на объект управления нравственным воспитанием, так и в первую очередь на *субъект управления*, этико-педагогическая подготовка ЛПР, стержнем которой и является формирование современного этического мышления как умения «видеть» мораль и воспитание в их управленческом аспекте.

В нашей реакции на рассмотренные выше ситуации уже обнаруживается предлагаемая концептуальная позиция. Мы исходим из того, что проблема интеграции может быть разрешена в том случае, если конкретный союз теории и практики управления нравственно-воспитательной деятельностью, встречное движение их воплощается в целевой бригаде, объединяющей ученых и управленцев. В такой бригаде, разумеется, тоже существует определенное разграничение функций теоретика и ЛПР на каждом из этапов цикла «заказ-разработка-внедрение», вызванное, в первую очередь тем, что ученый и практик играют разные роли в процессе управленческого решения, выполняя соответственно задачу научного обеспечения управленческой деятельности и собственно научного управления. Но разграничение здесь идет в процессе технологически обеспеченного сотрудничества, протекает в рамках общей деятельности.

В чем суть метода целевой бригады, его замысла и попыток реализации замысла? Для характеристики метода необходимо, во-первых, сформулировать идею этого метода как основного научно-практического оргзвена, обеспечивающего интеграцию этапов «заказ-разработка-внедрение» в единую систему научного управления нравственным воспитанием. Метод позволяет интегрировать научный поиск и воспитательный эксперимент, познавательные модели и практические управленческие решения, исключить антинормию научного исследования и ненаучного проектирования. В отличие от простого контакта «заказчик-исполнитель», итогом которого являются рекомендации для ЛПР, полученные «со стороны», метод целевой бригады дает продукцию этико-прикладных исследований и разработок как итог совместного творчества и, таким образом, до определенной степени стирает грань, которая разделяет интересы ученого и ЛПР, стимулирует интересы каждого за пределами этапов их традиционной деятельности в рамках цикла «заказ-разработка-внедрение».

Второй аспект характеристики метода целевой бригады - спецификация ролей участников. Как показал В. А. Чурилов, движение к общей цели достигается разделением и обменом между собой функциями исполнителя и заказчика, консультанта и управленца. Представляется продуктивным, когда автор, сам реально выполняющий и роль разработчика, и роль управленца, конкретно описывает союз теории и практики на каждом этапе цикла⁹⁵. Если ученый и ЛПР являются членами бригады, то осуществление постановки задачи происходит совместно, научное обеспечение и управленческое решение сопрягаются здесь таким образом, что заказ конкретизируется применительно к обеим

сторонам бригады, в его исполнение включается и сам заказчик, становясь тем самым соавтором каждого этапа цикла уже на первой стадии. Характерно, что в этом сотрудничестве и залог эффективности внедрения, эффективности с точки зрения «авторского надзора», и с точки зрения воплощения научного результата в практику.

Эффективность метода оценивается при таком подходе по двум критериям: интеграции знаний и умений ученых и практиков: оптимизации пути прохождения научной идеи в практику. «Эта нацеленность на решение определенной задачи, четкая технология действий бригады позволяет обеспечить объединение знаний и умений ученых и практиков, выбор адекватных средств достижения цели, наикратчайший путь от разработки до внедрения задуманного»⁹⁶. Так, например, по первому критерию эффективность деятельности бригады на этапе разработки обнаруживается в том, что целевое сотрудничество «может привести и в ряде случаев приводит к появлению людей, способных в одинаковой степени (или почти в одинаковой) компетентно выступать и от имени ученых, и от имени практиков. Однако появление таких специалистов-разработчиков этико-прикладного знания мы считаем сопутствующим, но отнюдь не первостепенным результатом деятельности инициативных групп из числа ученых и практиков. В самом деле, кто же в основном делает прикладную науку? Кто должен ее делать и кто может делать наиболее эффективно? Мы считаем, что это должны быть люди с вышеописанными синтетическими качествами, или органическое и организационное сочетание теоретиков и практиков в одной бригаде, независимо от того, кому будет принадлежать роль ведущего»⁹⁷.

Следует учесть, что данная схема характеризует эффективность сотрудничества ученого и ЛПР прежде всего с точки зрения науковедческих параметров, отвечает критериям системотехники. В то же время для «встречного движения» теории и практики управления принципиально важно учитывать и иные критерии. Так, например, очень важны задачи ученого в обеспечении максимума мировоззренческой, гуманистической ценности принимаемых решений, определение «цены» и воспитательных последствий управленческого решения. Предстоит поэтому определить: на каких этапах принятия управленческого решения, чем и в чем особенно важны экспертно-консультативные функции ученого в его сотрудничестве с ЛПР с точки зрения указанных ограничений.

Идеальный вариант - когда консультант сотрудничал и с исследователями и с ЛПР в рамках бригады, когда он сам был, например, проектировщиком или экспертом. Интеграция научной позиции и практического мышления будет обеспечена в такой ситуации оптимально. Однако идеальность этого варианта не только в оптимальности, но и в редком фактическом обнаружении. Поэтому здесь эффективным представляется различие консультативных функций ученого в рамках цикла «заказ-разработка-внедрение» и вне этих рамок. Целесообразно в этом плане конкретизировать и дополнить схему В. А. Чурилова прежде всего за счет выявления специфики экспертно-консультативной деятельности ученого, которая может и не включаться непосредственно в этап внедрения, а выступать самостоятельным этапом стыковки результатов цикла «заказ-разработка-внедрение» с практикой управленческих решений в сфере воспитания, а консультант - исполнять роль уже не члена бригады, а посредника между ней, ее результатами и практикой управления.

Не ограничивается ли таким образом эффективность метода целевой бригады? Напротив, речь идет о расширении возможностей за счет конкретизации его смысла как для цикла «заказ-разработка-внедрение», где внедрение

экспериментальное, за пределами которого исследователь фактически ограничивается «авторским надзором», так и для продолжения сотрудничества ученого и ЛПР после того, как такое внедрение закончилось, в процессе консультаций дальнейшей деятельности ЛПР. И здесь возникает реальная сложность разграничения и кооперации ролей ученого и ЛПР, сложность иного плана, чем в рамках бригады. Специалисты по теории управления отмечают, что «в трудовых ситуациях выбора на помощь руководителю все чаще приходят консультанты, владеющие специальными методами. Их задача состоит не в подмене руководителя, а в усилении его возможностей. Они призваны подкрепить анализом опыт и интуицию руководителя, столь ценные в реальных практических ситуациях. Консультанты помогают руководителям получить информацию, необходимую для принятия решений, и тщательно ее проанализировать. Они помогают руководителям принимать более обоснованные решения»⁹⁸. В то же время констатируют, что «при обилии сложных альтернативных вариантов возникает проблема реального соотношения влияния между лицом, обладающим правом решений и несущим ответственность за них, и экспертами, без оценок которых нельзя фактически оценить альтернативы»⁹⁹.

Сам статус посредника между наукой и практикой своей пограничностью порождает противоречивые суждения о связи консультанта именно с наукой. Здесь и прямое исключение его из этой сферы деятельности, и компромиссные квалификации. В литературе по теории и практике управленческой деятельности в целом, в отличие от этической литературы, установлен целый ряд факторов, характеризующих статус консультанта относительно управленческих решений и их научного обеспечения, определяющих достоинства научно - консультативной деятельности, пути применения этих достоинств в управленческой деятельности. Рассмотрим их с точки зрения возможных заимствований, учета уроков как позитивного, так и негативного плана.

«Используя аналогию с медициной, - пишет О. Н. Ларичев, - отметим, что самолечение обычно приносит вред, хотя наблюдательный больной намного лучше знает свой организм, чем врач. Несомненно также, что опытный врач многое извлекает из своих предыдущих удач и неудач в лечении определенных болезней. Как и врачи, консультанты ничем не застрахованы от ошибок, кроме своего опыта и интуиции, а опыт и интуиция, как известно, развиваются с практикой. Талантливый аналитик, попавший в консультативную организацию, может стать со временем ценным «источником» полезных советов»¹⁰⁰. Да, аналогия с медициной эвристична, она была бы очень актуальна с точки зрения сравнений типов теоретизирования в медицине и воспитания, но, как видим, консультант здесь, прежде всего, тоже практик, как и сам ЛПР, соответственно, его достоинства - не из научной позиции, а из этого же здравого смысла, обогащенного многообразным опытом. Не случайно на вопрос об основных профессиональных знаниях консультанта или, пользуясь аналогией с врачом, о лекарствах, которые применяются для лечения: что тут действует - волшебная палочка или просто систематическое использование здравого смысла? - упомянутый автор отвечает: «...основной методологический арсенал консультантов можно условно разделить на две части - рациональные процедуры решения проблем, получившие название обобщенного здравого смысла, и специальные методы оценки и сравнения альтернатив»¹⁰¹.

Это весьма устойчивая тенденция управленческой литературы - ориентировать консультанта на практический опыт, на отстранение от позиции науки. «Управленческое консультирование - одна из форм распространения передо-

этого опыта в нашем народном хозяйстве, - пишет А. И. Пригожин. Отмечая, что консультант, являясь посредником между ученым и управляющим, порывает с научной деятельностью, он продолжает: «Но передачей знаний консультанты заниматься не могут (хотя и пробовали иногда), такое популярно сделает и сам академический исследователь»¹⁰². Но в другой его работе предлагается, на наш взгляд, более гибкое представление о функциях посредника: «Управленческое консультирование - эффективный канал распространения современных научных достижений и передового опыта в области организации управления»¹⁰³. Благодаря этому решению, более адекватно определяется функция консультанта в отношении к науке, ибо одна из особенностей посредничества заключается в обеспечении обратной связи: от практики к теории.

Рассмотрим еще один аспект темы. «Психологически понятно, - пишет О. Н. Ларичев, - почему многие люди без особого энтузиазма встречают предложения и советы, касающиеся работы, которую они выполняют. Тем более это справедливо для сотрудников административного аппарата, вынужденных работать рядом с консультантом, которого пригласил их руководитель. В то же время консультанту крайне важен для быстрого анализа проблемы деловой контакт с сотрудниками аппарата. Обычным путем решения многих проблем является организация групп из консультантов и сотрудников административного аппарата. Результаты анализа принадлежат группе в целом»¹⁰⁴. А. Пригожин и С. Хайниш подчеркивают, что «консультант по управлению не некий наставник руководителей, ведущий их за руку от заблуждения к истине. Опытный консультант всегда избежит навязывать свое мнение, не стремится настаивать на готовых решениях. С помощью анализа он вырабатывает и предлагает специфическую информацию, которая служит как бы экраном, демонстрирующим руководителю его же собственные действия в непривычном для него ракурсе»¹⁰⁵.

Этот этический аспект обеспечивается самой технологией консультирования, наборами приемов и методик консультационной деятельности и общения. Однако особую роль следует отвести аксиологическим ориентирам, профессионально-нравственным целям консультирования. И дело даже не просто в том, что по стереотипу сравнения управленческого консультирования с деятельностью врача пропагандируется древний лозунг эскулапов «Не повреди». Более значимо подчеркивание недопустимости для консультанта утилитаристских интерпретаций эффективности, манипуляторских решений и т. п.¹⁰⁶.

Для нашей позиции адекватным является - во всяком случае, на этапе становления этико-прикладных знаний и на том этапе научности, которая достигнута практикой управления - исполнение роли консультант ученым. В то же время необходимо учесть, что особенность консультативной деятельности вообще и прежде всего в сфере воспитания - внимание к уникальности ситуации нравственной жизни трудового коллектива. Характерная для типа теоретизирования в этой сфере особенность проявляется здесь в виде специфической задачи объединения усилий консультанта и ЛПР: ориентация на уникальность, которая позволяет консультанту остаться на уровне научной позиции лишь за счет сотрудничества с практиком. Фактически практика управления воспитанием широко использует метод научного консультирования - достаточно напомнить здесь такие структуры, как идеологические комиссии при парткомах, социологические группы и т. п. Значит, встает проблема освоения опыта теории и практики управления в иных сферах общественной жизни, его модификации на практику нравственного воспитания именно с точки зрения развития консультирования ЛПР.

Глава четвертая

ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННО- ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

§ 1. Исследователь и Л П Р: культура управленческого решения

Сотрудничество исследователя и ЛПР может рассматриваться в разных аспектах. Один из них - ролевое распределение участия обоих по этапам цикла «заказ-разработка-внедрение» был рассмотрен в предыдущей главе. Здесь же остановимся на взаимодействии научной позиции и практического опыта, которое тоже уже начали обсуждать выше.

Необходимо выделить две тенденции в отношении научного знания и здравого смысла: 1) отдаленно научных представлений от представлений здравого смысла, 2) в связи с возрастанием прагматичности науки ее непосредственный контакт со здравым смыслом в процессе внедрения разработок.

Однако, прежде чем рассмотреть обе тенденции, целесообразно очертить характерные особенности здравого смысла в морали с точки зрения той специфики нормативно-ценностной регуляции, о которой говорилось в главе об этике как «практической философии» - взаимодействии морального сознания и теории морали.

В качестве эффективного способа характеристики здравого смысла используем анализ противоречивых последствий тезиса «каждый человек сам себе этик». В этой особенности моральной регуляции - реальная трудность формирования нравственной культуры личности, культуры морального решения - в особенности. Дело в том, что каждый человек является «этиком» лишь на уровне здравого смысла, и в этом заложена возможность существования односторонних - иллюзорных представлений о том, что нравственная мудрость не является ни особым знанием, ни особым умением, а гарантируется одним лишь повседневным опытом и обыденным сознанием. Подобные представления преувеличивают роль здравого смысла, отождествляя его с культурой морального решения. Есть ли основания для такого отождествления и достаточны ли они?

В специальной литературе вопрос о роли здравого смысла в человеческой деятельности в целом, в нравственной - особенно, исследованы, пока недостаточно. Наиболее распространено представление о здравом смысле как о стихийном отражении в сознании человека, в его взглядах повседневной житейской практики, позволяющем противостоять предрассудкам, трезво относиться к различным догмам и мифам, решать конфликтные ситуации с позиции практичности, «сметки» и т. п. Однако при конкретизации эти представления выражаются в подходах, во многом противоречащих друг другу и своей односторонностью затрудняющих решение поставленной задачи.

Одна из распространенных точек зрения на здравый смысл - отношение к нему как научному знанию, отличающемуся лишь количественной степенью и потому схожему с эмпирическим уровнем науки. Так, например, рассматривая здравый смысл как «рабочую концепцию реальности», необходимую для при-

нения разумных решений в повседневной жизни, американский ученый Т. Шибутани сравнивает различие между помощью, оказанной при несчастном случае врачом и прохожим-непрофессионалом, и утверждает, что это «различие между здравым смыслом и научным знанием только в степени»¹⁰⁷. На наш взгляд, можно согласиться с Т. Шибутани в оценке здравого смысла как «рабочей концепции» в повседневной ситуации, однако различие между здравым смыслом и научным знанием не просто количественное, но и качественное. В то же время здравый смысл - это не атрибут живого созерцания, здравый смысл - это, скорее, донаучное создание.

Положение здравого смысла как промежуточного состояния между разумом и предрассудком приводит нередко к противоречивому мнению по поводу его возможностей - он рассматривается то как союзник культуры морального решения, то как ее основной антагонист. Как удачно и точно отметил Ю. Кагранов, у здравого смысла есть свой «кондуитный список»¹⁰⁸.

Целесообразно начать с положительных сторон. В «банк достоинств» здравого смысла в морали можно отнести его первооснову - аккумулированный нравственный опыт. Формируясь под воздействием повседневной деятельности, житейского опыта людей, он призван обслуживать потребности обыденной моральной практики. Отражая реальный опыт моральной деятельности, здравый смысл именно благодаря этому может противостоять заблуждениям и предрассудкам. В этом смысле он является альтернативой моральной наивности и непрактичности и может, говоря словами И. Канта, «достигнуть высокой степени правильности и обстоятельности».

На перепутьях морального выбора, в сложных, зачастую альтернативных требованиях и прогнозах «направо пойдешь..., налево пойдешь...», нередко возникает ощущение безнадежности антиномии, запутанности связей добра и зла и настроение опереться на старый добрый здравый смысл - уж он-то «не подведет», «выведет». Благодаря своей «фильтрующей», «корректирующей», «иммунизирующей» способности, в ситуации столкновения с новой информацией здравый смысл отвергает информацию избыточную или вредную, обеспечивает поддержание своеобразного «морального гомеостаза», равновесия личности с ее моральным опытом и сложившимися обстоятельствами¹⁰⁹. Но здесь-то и заложено основное противоречие.

Важно попытаться увидеть и понять, что в «банке пороков» здравого смысла оказываются как раз те его качества, которые выше оценивались как «достоинства»; оказываются там в роли «продолжения достоинств» из-за нарушения границ своей эффективности. Являясь «производной накопленного опыта», здравый смысл несет в себе и весь отрицательный груз такого опыта, условий его формирования и ситуации его реализации. Здравый смысл эффективен в стандартных моральных ситуациях. Сложившиеся в результате опыта многих поколений представления здравого смысла прошли проверку временем и оказались полезными в моральной деятельности. Однако в проблемных ситуациях, выходящих за рамки обыденного опыта, здравый смысл дает противоречивые рекомендации, сам становится предрассудком. Причина этого - противоречивость тех условий, которые делали здравый смысл полезным.

Существенной особенностью здравого смысла является его стихийное формирование в противоречивом процессе борьбы традиций и моральных привычек, с одной стороны, и динамики эмпирических обстоятельств - с другой. Противоречивость этих источников стала особенно наглядной в ситуации научно-технической революции: она влияет на моральные решения в первую оче-

редь резким возрастанием доли проблемных ситуаций.

Анализ роли здравого смысла в морали в условиях НТР требует еще раз подчеркнуть, что вместе с достоинствами он обременен и «продолжениями достоинств» - недостатками, отражающими узость житейского опыта личности, ограниченность обыденного анализа ситуации. Такое качество здравого смысла требует принципиально отличать его от культуры морального решения и критиковать «самоуверенность» здравого смысла в морали, разрушать его претензии на «всезнание».

Сферу компетентности моральных решений здравого смысла можно определить по аналогии с его общей оценкой, данной Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге»: «Здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования»¹¹⁰.

Здесь, однако, необходимо специально подчеркнуть, что констатация противоречивости здравого смысла не должна привести к его исключению из сферы культуры воспитательной деятельности. Характеристика здравого смысла как «донаучного» не должна отождествляться с характеристикой «антинаучная». Более того, связь науки и здравого смысла в современной ситуации не может быть исчерпана и оценкой «до».

Особая роль принадлежит здоровому смыслу в контактах прикладной этики с ее «заказчиком» и «адресатом»: именно через здравый смысл происходит ассимиляция разработок в практике, постижение научной позиции, причем, не пассивно, а в процессе обогащения здравого смысла достижениями науки. Аргументами в пользу этого положения могут служить результаты гносеологического исследования «языка здравого смысла» в сравнении его с «языком науки» и представления о связи морального сознания с этикой. Как показано в специальных исследованиях, превращение науки в непосредственную производственную силу вносит изменения в статус здравого смысла: он опирается не только на повседневный опыт человека, но и на ту сторону социальной практики, где наука проявляет себя как прикладное знание. Перевод разума на язык здравого смысла - усвоение здравым смыслом содержания науки - в первую очередь касается результатов прикладных разработок. Причем характеристика «усвоение» имеет строгое значение: здравый смысл познает уже познанное, через него открытия осваиваются, а новое значение должна искать наука; когда эту задачу решает здравый смысл, это свидетельствует о неразвитости науки¹¹¹.

Представляется, что этот диагноз общенаучного плана должен быть скорректирован относительно специфики теоретизирования в сфере воспитания. Поэтому, что касается собственно этического аспекта, то здесь дело не только в том, что научная позиция, если она ориентирована на практическое использование в деятельности ЛПР, должна быть «приемлема» для последнего, должна быть сформулирована так, чтобы ее можно было усвоить на языке здравого смысла; еще более важно, чтобы эта научная позиция формировалась и развивалась во имя повышения уровня этого самого практического мышления, ориентируясь на его научное обеспечение не помимо развития здравого смысла, а в соавторстве с ним.

Конкретизация сформулированных выше положений о связи теории и здравого смысла может быть достигнута в процессе поиска ответов на вопрос о способе стыковки позиций ученого и ЛПР, когда первый выступает в роли

консультанта управленческого процесса в сфере нравственно-воспитательной деятельности. Основная задача здесь заключается, однако, не только в том, чтобы, как это было сделано в предшествующей главе, выделить моменты управленческого процесса, требующие научной консультации, и найти, выработать механизмы перевода консультации в решение, осуществляемое ЛПР, но и в том, чтобы выявить те пути и те средства, которые позволяют консультанту стать соавтором управленческих решений, соблюдая при этом и «авторский надзор» от имени науки, и суверенность морального творчества самого ЛПР.

Соответственно и проблема культуры управленческих решений обретает в этой связи особый статус: именно она, на наш взгляд, - то «звено в цепи», потянув за которое, можно и нужно вытянуть всю цепь, весь комплекс проблем этико-прикладного знания. Поэтому-то среди проблем, наиболее актуальных для современного этапа развития этико-прикладного знания и современной стадии встречного движения, интеграции теории и практики, находится тема культуры управленческих решений в сфере нравственно-воспитательной деятельности.

Каковы же признаки культуры управленческих решений в сфере нравственно-воспитательной деятельности? Определим их, исходя из характеристики ее составляющих. Нравственная культура личности - это показатель того, насколько глубоко и органично требования нравственности воплотились в поступках человека благодаря формирующему влиянию на него общества. Под воздействием разнообразных факторов: жизненного опыта и воспитания, этического просвещения и искусства личность с той или иной степенью полноты аккумулирует в своем сознании и поведении достижения нравственной культуры общества. Нравственная культура личности выступает как сложная программа, включающая освоенный опыт человека. Задача формирования этой культуры заключается в том, чтобы достигнуть оптимального сочетания традиционного и творческого элементов, соединить конкретный опыт личности с богатством общественной морали. Нравственная культура личности - целостная система элементов, охватывающая культуру этического мышления («способность морального суждения», умение пользоваться этическим знанием, различать добро и зло, в каком бы обличии они ни выступали, применять нравственные нормы к особенностям сложившейся ситуации и т. д.); культуру чувств, способности человека к "моральному резонансу", сочувствию, сопереживанию; культуру поведения, характеризующую конкретный образ осуществления в моральной практике помыслов и чувств, степень их превращения в повседневную норму поступка; этикет как уровень приверженности к правилам, регламентирующим форму; манеры поведения личности в общении. Говоря кратко, нравственная культура личности - это знание общих моральных принципов, способность «переплавить» их в глубоко прочувствованные убеждения, умение применять нормы поведения, находить адекватную им форму поступка. Усвоение всех ее элементов способствует формированию моральной надежности, личности. Высший уровень нравственной культуры личности можно характеризовать как «нравственную мудрость», способность обеспечить оптимальность и гармонию нравственной деятельности, готовность к достойным поступкам в любых ситуациях.

Культура управленческих решений в сфере нравственно-воспитательной деятельности характеризуется указанными выше признаками, модифицированными в той мере, в какой профессиональная управленческая деятельность

ЛПР в сфере морали отличается от нравственной деятельности любого человека; соответственно доминирующим признаком выступает компетентность решения, необходимая как и в ситуациях традиционного характера - в ситуациях, где решения доступны здравому смыслу ЛПР, - так и в ситуациях, требующих от него творческого подхода, нравственной мудрости.

Принципиально важно видеть в характеристике культуры управленческих решений два аспекта - мировоззренческий и «технологический», а в последнем - аксиологический и праксиологический уровень. Мы уже подчеркивали, что недопустимо сведение технологичности прикладной этики только к инструментальному аспекту. Прикладная этика исследует и разрабатывает не просто операции по управлению нравственным воспитанием, но и цели и средства такого управления, аксиологические и праксиологические его стороны.

Правомерность выделения «технологического» аспекта управленческих решений в сфере нравственно-воспитательной деятельности еще предстоит доказать в специальных исследованиях. Не ставя себе здесь задачи сравнительного анализа различных подходов к этой проблеме, отметим, что, говоря о научном обеспечении культуры управленческих решений, определяя задачи этико-прикладного знания в этом процессе, важно подчеркнуть, что культура управленческих решений - это, в первую очередь технологическая культура. Разумеется, любая технология не может избавить ЛПР от самостоятельности и творческого подхода.

§ 2. Рабочая книга-практикум «Воспитание воспитателей»

Мало доказать необходимость формирования культуры ЛПР в процессе профессионально-этического просвещения и воспитания, следует обеспечить возможность такого формирования. С этой целью создаются программы этико-педагогического обеспечения: планы подготовки ЛПР и кадров, занятых непосредственно воспитательной работой; серии учебных и учебно-методических пособий; педагогическая технология внедрения разработок. Из этих разработок выделим сейчас **метод этического практикума (МЭП)** и серию соответствующих учебных пособий¹¹².

Практикум по этике как элемент системы управления нравственно-воспитательной деятельностью и как конкретное учебное пособие был первым по времени шагом в опыте этико-прикладных разработок. Возникнув как сборник этических упражнений (Тюмень, 1971, 1973) с целью устранения формализма в этическом обучении, он постепенно был развит до более сложной формы - Рабочей книги-практикума «Воспитание воспитателей».

Но сначала рассмотрим позицию разработчиков первого поколения этических практикумов - ориентированных прежде всего на общие задачи этического просвещения личности как субъекта морали.

Методы активного обучения - один из наиболее эффективных каналов воздействия этического знания на сознание и поведение личности. Прием «проигрывания» реальной ситуации в учебной аудитории - одна из оптимальных форм обеспечения реального союза научной теории и практики нравственно-воспитательной деятельности. Естественно, что и в разработке метода этического практикума, и в создании конкретного учебного пособия проявилась необходимость решения взаимосвязанных с заданием фундаментальных проблем этики: о закономерностях процесса формирования нравст-

венной культуры личности, о взаимодействии элементов этого процесса, о месте среди них, отводимом тем или иным исследователем этическому просвещению, о принципах этического просвещения и т. д. Особая проблема - приложимость общепедагогической теории приемов познавательной деятельности к воспитательным ситуациям.

Определяя место практикума и его роль, подчеркнем, что этическое образование - обязательный (необходимый, хотя и не достаточный) способ сознательного, целенаправленного и организованного совершенствования нравственной культуры личности. В процессе преподавания этики формируется сплав нравственного и идейно-политического воспитания, ибо этические знания лежат в основе убеждений личности. Благодаря этическому образованию увеличивается убеждающий потенциал теории морали, наглядно демонстрируется ее мощь, способность решать практические задачи.

Отмеченная выше особенность роли этики как учебного предмета наиболее наглядно проявляется в сравнении с эмпирическими источниками знаний личности о законах нравственной деятельности, с индивидуальным моральным опытом личности. Неадекватным является мнение о том, что «нравственная мудрость» - следствие только индивидуального неповторимого опыта личности, который выступает для каждого лишь как «сын ошибок трудных». Такая цена мудрости оказалась бы слишком дорогой, ибо метод проб и ошибок обрекает личность на произвол и неуверенность эмпирика, означает игнорирование нравственного опыта, накопленного другими людьми, обществом, человечеством. Этическое образование опирается на встречное движение теории и передового практического опыта нравственной деятельности, способствует их взаимному обогащению.

Разумеется, знание этической теории не гарантирует от моральных ошибок, но специальное этическое образование предотвращает моральные «открытия» поневоле. Задача преподавания этики в том и заключается, чтобы самостоятельные открытия личности были бы стимулированы и организованы самими методами обучения, которые выполняют функцию «перехватчика ошибок в уме», не доводя их «до дела». Метод этического практикума способствует сведению к минимуму необходимости морального выбора методом проб и ошибок, учит на обобщенном человеческом опыте, который и призвана синтезировать научная этика.

Очевидно, что этическое просвещение не является единственным каналом соответствующих знаний личности, достаточно выделить два типа источников: стихийные - прежде всего эмпирические - и целенаправленные - прежде всего этическое просвещение. Именно в сравнении этих источников, их воздействия на нравственную культуру личности и обнаруживается абсолютность и относительность педагогической функции этико-прикладного знания.

Не будем здесь специально рассматривать те аспекты дискуссии о «задачнике по этике», которые связаны со спорами о связи науки и нравственности (в такой форме прежде обсуждалась проблематика прикладной этики). Ограничимся более конкретными аспектами.

Встречаются утверждения, что для формирования «нравственной мудрости» достаточно косвенного влияния всей системы формирования личности в обществе. Сторонники этой точки зрения считают достаточным освоение моральной культуры общества чисто эмпирическим путем, в итоге приходят к противопоставлению этих факторов и специальной системы этического просвещения.

Одной из основных предпосылок для такого противопоставления служит убеждение в необходимости и достаточности для формирования «нравственной мудрости» того косвенного, попутного эффекта, который следует из всех сфер воспитания, образования и обучения личности в обществе. В качестве классического примера - аргумента в этом случае приводится исторический опыт древних греков, так как у них не было преподавателей этики, а когда они задавались вопросом, почему есть учителя математики, музыки и гимнастики, но нет учителей добродетели, то сами же отвечали, что учителя математики, музыки и гимнастики и должны быть одновременно учителями добродетели.

Если бы речь шла только о том, что «косвенный эффект» - один из ряда факторов формирования моральной культуры личности, то этот аргумент нельзя было бы не принять. Когда же он используется для отрицания этического просвещения, то заслуживает критики. Оценивая опыт Древней Греции, следует учесть отсутствие там различий между «научной нравственностью», приобретенной путем обучения, и «нравственностью непосредственного чувства». Иначе говоря, отрицание специального этического просвещения было у них следствием эмпирического подхода к «нравственной мудрости».

Другим основанием для указанного противопоставления является утверждение, что знание этической теории не является гарантией предотвращения моральных ошибок на практике, поскольку уникальность моральных ситуаций требует индивидуального морального опыта в формировании «нравственной мудрости». Как и в первом случае, ошибочным здесь является убеждение в том, будто «нравственная мудрость» является следствием только индивидуального неповторимого опыта личности.

Итак, характерной особенностью обоих случаев противопоставления является умаление роли специального этического образования и обучения, абсолютизация эмпирически-самостоятельных «открытий» личности, совершаемых ею методом проб и ошибок. При этом подчеркнем, что этическое просвещение готовит личность к оптимальным поступкам в конкретных жизненных ситуациях, а не уводит «от жизни», как это кажется с точки зрения метода «проб и ошибок». Этическое просвещение способно давать личности принципы и правила оптимальных поступков, ибо факты, которыми оперирует теория морали, постигнуты ею не на уровне явления, а в сущности. Этическое просвещение показывает обыденному моральному сознанию, оперирующему безусловными императивами, их рациональное обоснование, практическую обусловленность и целесообразное назначение. Этическое просвещение корректирует моральное сознание в направлении постижения глубинных уровней сущности моральной деятельности.

Этическое просвещение - единство образования и обучения личности в сфере знаний о морали. Оно должно исходить из того, что к результатам, которые получает марксистско-ленинская этика - в первую очередь - к этическим понятиям вполне приложимо общефилософское положение Ф. Энгельса: «Искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления»¹¹³. Это - один из ключевых методологических принципов этического просвещения. Едва ли кто из серьезных исследователей в наше время задумывается над решением такой «проблемы» педагогики: «Что есть ученик - сосуд, который надо наполнять знаниями, или факел, который надо зажечь?» Не задумывается потому, что это - псевдопроблема: всякий скажет, что конечная цель образования - «зажечь факел», но он будет гореть лишь тогда, когда будет на-

полнен «сосуд».

Обратим внимание на то, что аксиома просвещения «изучения теории должно служить практике» - выдвигалась Лениным в противоположность не только мнению сторонников «кабинетного изучения марксизма», но и механическому, одностороннему пониманию связи теории и практики, отождествлению ее с простым иллюстрированием. Задача просвещения, по Ленину, - сформировать умение вырабатывать самим коммунистические взгляды»¹¹⁴. Знания должны усваиваться активно, путем самостоятельного обдумывания, творческих поисков знаний и их практического применения, в решении новых задач. «...Всякая новая задача, - писал В. И. Ленин, - ...кажется труднее других, ибо она требует от людей не простого повторения заученных лозунгов..., а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей. Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только не умеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям...»¹¹⁵. Именно поэтому Ленин говорил о вреде зубрежки.

Практика «проигрывания» принципов и правил, сформулированных этикой, на познавательных задачах является опосредствующим этапом в этико-педагогическом обеспечении моральной культуры личности. Развивая культуру морального сознания в целом и культуру этического мышления, в частности, практикум по этике создает необходимые предпосылки и для формирования культуры практической нравственно-воспитательной деятельности.

Практикум по этике не может и не должен быть ни хрестоматией «В мире мудрых мыслей», ни рецептурным справочником «В мире мудрых поступков». Но важна его роль в формировании нравственной мудрости, в подготовке человека к вступлению в мир мудрых поступков.

Значение метода практикума - в проверке, закреплении и развитии этических знаний, в углублении понимания и выработке культуры принятия решений. Но его значение не может заменить собой других средств и приемов этического просвещения и нравственного воспитания. Он эффективен лишь в комплексе с другими методами.

Превращение этических знаний в убеждения специалисты обычно обусловливают эмоциональной переработкой этих знаний моральным субъектом. Это правильно, но лишь в том случае, если эмоционально перерабатываются такие знания, которые уже «открыты» им рационально. Разумеется, при этом они не должны превратиться в бесконечный ряд сентенций на все случаи жизни; их задача - дать каждому человеку способность выводить конкретный моральный выбор из общего принципа. Именно в развитии такой способности и заключается значение метода практикума по этике и его первых модификаций. А в чем же суть новаций последующих форм этического практикума? Каковы особенности третьего поколения?

В обстановке широкого фронта и все возрастающей массовости поиска и внедрения активных методов обучения (АМО) сегодня обнаруживается тенденция «разумного сочетания» всех видов АМО - и между собой, и с традиционными средствами обучения. Не ставя здесь задачи говорить о системе обучения в целом, предположим, что в отношении к этическому просвещению такое «сочетание» реально приводит скорее к эклектике, даже если и мотивируется стремлением к комплексной методике. И дело здесь, прежде всего, в попытках «привить» АМО не меняя представлений о целях и каналах практической этики. Поэтому надо, избегая крайностей, попытаться выработать систему

активных методов этического просвещения, организующим элементом которой могут и должны быть этические деловые игры (ЭДИ). Введенный в третье поколение МЭП цикл ЭДИ существенным образом трансформировал всю его организацию и, тем самым, весь его потенциал.

Именно в этом - существенная особенность Рабочей книги-практикума (РКП) «Воспитание воспитателей». Более того, благодаря тому, что ЭДИ перерастают рамки АМО, выявляя значительный потенциал за пределами самого процесса этического просвещения, а тем самым, и за пределами метода практикума, РКП оказывается за этими пределами, а точнее говоря, за прежними пределами МЭП. Как нам представляется, сегодня можно и нужно - прежде всего благодаря методу ЭДИ - говорить, что МЭП выходит за рамки функций и задач этического просвещения и содержит в себе целый комплекс функции (не только обучающей, но и проектировочной, экспертной и т. д.), необходимых для научного обеспечения управления воспитательной деятельностью.

Отвечая на запрос практики в создании средств научного управления воспитательной деятельностью, МЭП в целом и его модификация - Рабочая книга-практикум «Воспитание воспитателей» являются средством формирования современного этического мышления, умения «видеть» управленческий аспект в морали и воспитании. В основу РКП заложена концепция «трех технологий» - РКП является средством, с помощью которого обеспечивается функционирование единого цикла «теория-практика управления воспитательной деятельностью» благодаря переводу обретшей технологическую форму теории управления воспитательной деятельностью (этико-прикладного знания) в технологию управленческих решений.

Этот теоретический вывод относительно задач и роли РКП подкреплен и технологически, - разработаны те непосредственные технологические приемы, с помощью которых обеспечивается функция РКП как средства научного обеспечения управления воспитательной деятельностью. Эти приемы построения РКП в требуемом качестве наиболее рельефно обнажаются при его сопоставлении с предшественниками - иными модификациями МЭП, что и понятно: новое становится ясным лишь в свете традиции.

С этой целью мы осознанно противопоставляем здесь фактически взаимосвязанные методы: этического практикума и ЭДИ, прежде всего как, соответственно, традиционный (еще десять лет назад сам МЭП воспринимался как инновация) канал связи этики и практики и новый - управленческий, обеспеченный средствами этико-прикладных исследований и разработок.

Общность МЭП и ЭДИ определяется пределом, которым является предел возможностей этического просвещения (даже и оснащенного всеми активными методами обучения), - быть каналом связи этической теории, морали и воспитания. В условиях развития управленческой практики в сфере нравственной жизни и воспитательной деятельности потребовались еще и другие каналы и формы практичности этики, которые бы обеспечивали новые формы морального творчества, этического творчества и их взаимодействия, их интеграции в системе «этика - мораль - воспитание». В этой ситуации этические деловые игры и выросли из своих прежних рамок, заявив и завоевав себе новый статус благодаря реализации нового потенциала - организации морального творчества.

Практике этического просвещения достаточно старых форм метода этического практикума; практике управления воспитательной деятельностью необходимы этические деловые игры: сегодня мы видим, что они являются сред-

ством экспертизы и консультирования, проектирования и внедрения моральных процедур и акций; эти процессы осуществляются в совместной работе объекта и субъекта управления воспитательной деятельностью, и, тем самым, обеспечивают адекватность метода этических деловых игр специфике морали, соответствуют потребности современной нравственной жизни в моральном творчестве, самоуправлении.

В то же время есть и предел, за которым противопоставление традиционных форм этического практикума и этических деловых игр теряет свою целесообразность, и, наоборот, встает вопрос об их взаимообеспечении. Так, выступая одним из средств и форм в методе этического практикума, этические деловые игры, в свою очередь, интегрируют в себя многие другие формы этого метода (диалоги, разборы ситуаций, решение задач и т. д.). «Взрывая» саму структуру средств обучения, ЭДИ трансформируют и место, и возможности традиционных элементов МЭП. Так, например, качественным нововведением - кроме собственно цикла ЭДИ как доминирующего в Рабочей книге-практикуме - является новация, созданная на базе традиционного в рамках МЭП метода анализа (или разбора) конкретных ситуаций (АКС). Сами по себе конкретные ситуации - с т. з. их оценки - применялись и в предшествующих поколениях практикума, но здесь они, во-первых, даны в совсем иной пропорции, и, во-вторых, некоторые виды конкретных ситуаций (их четыре) возможны лишь при обеспечении их разбора результатами этико-прикладных исследований. При этом речь идет как об использовании ситуаций, набранных в реальной жизни, в практике НВД или в произведениях искусства, так и о специальном конструировании ситуаций для целей того или иного раздела РКП.

И все же - подчеркнем особо - новизна РКП не ради новизны самой по себе. Новизна его обусловлена новизной цели, ради которой он создается; цели, сформированной самой практикой управления воспитательной деятельностью и предъявленной теории в форме «социального заказа» - «воспитание воспитателей».

При обосновании структуры данного практикума авторы в первую очередь акцентируют внимание на том, что РКП выполняет функцию связи теории и практики управления воспитательной деятельностью своеобразно: он ориентирован не просто на обучение этике или даже профессиональной этике (хотя, разумеется, он также несет в себе соответствующую обучающую функцию), но отвечает потребностям практики в знании организатором воспитательной работы и философии воспитания и природы управления этим видом деятельности, в развитии способности ориентироваться в современной ситуации нравственной жизни и воспитания, умении компетентно принимать управленческие решения и т. д. РКП, следовательно, является средством научного обеспечения управления воспитательной деятельностью, и его структурная организация, формы и методы соответствуют именно этой его функции.

Данную функцию РКП может выполнить в силу особой организации его материалов, которая - по замыслу авторов - соответствует структуре прикладной этики как теории управления воспитательной деятельностью. Разумеется, пионерный этап, этап становления теории позволил представить ее программную разработку лишь в виде эскиза панорамы проблем (она дана в оглавлении РКП и соответствует во многом оглавлению нашей монографии). Адресованный вполне определенному субъекту - организатору воспитательной деятельности, ориентированный на формирование у него культуры современного этического мышления, включающей в качестве центрального компонента умение

«видеть» управленческий подход к морали и воспитанию, РКП потребовал такой инновации, как программирование не просто структуры пособия, но и программирования содержания текстов задач, диалогов, разборов и ЭДИ. Эта целенаправленная работа велась не только путем подбора «готовых» текстов под соответствующую специально разработанную авторами структуру учебного курса, но и в значительной мере - за счет создания новых, самостоятельных текстов, что придает, кстати, более строгую специализированность этому пособию.

Отметим и тот факт, что, в отличие от предшествующих практикумов, обеспеченных соответствующими развитыми теоретическими системами, отраженными в учебниках, монографической литературе и т. п., РКП сам должен пока заместить отсутствующие в теории решения. Отсюда возник дополнительный стимул к еще одному инновационному элементу РКП.

Такой инновационной особенностью РКП в организации его структуры и содержания - по отношению к предшествующим модификациям МЭП как традиционной форме передачи знаний - является ориентированность не столько на передачу готового знания об определенном содержании предмета, сколько на выработку нового знания самим организатором воспитательной работы. Задачи РКП в том, чтобы, опираясь на имеющиеся у его авторов результаты разработки теории управления воспитательной деятельностью, послужить средством развития культуры и накоплению каждый раз индивидуального управленческого опыта организатора воспитательной работы.

Принцип организации содержательной структуры РКП в его ориентации на выработку нового знания трансформирует способ подачи материала посредством введения принципиальной диалогичности в саму структуру его организации. Дело, однако, не только в значительном по сравнению с предшествующими практикумами увеличении доли диалогов, но во введении диалогичности по всему фронту форм РКП - в разборе ситуаций, ориентированных на самостоятельную позицию слушателя, в столкновении позиций (как научных, так и мировоззренческих) в рамках одной задачи, подаче информационного материала в расчете на ответное решение или мнение. Тем более сказанное относится к текстам, прямо апеллирующим к опыту управленческой деятельности. Разумеется, специфика структуры содержания определяет и особенности структуры его форм, выражающиеся, прежде всего, в характере предписаний к тем или иным заданиям.

Характеристика теории управления воспитательной деятельностью как прикладной этики имеет в виду, что сфера ее «приложения» - все стороны нравственной жизни общества. Уже поэтому и роль РКП не сводится к только просветительской, и сама эта теория - не единственный канал формирования соответствующих знаний и умений. Тем не менее, уточняя место РКП и его роль, подчеркнем, что он является средством целенаправленного и организованного процесса «воспитания воспитателей», совершенствования профессионально-нравственной культуры организатора нравственно-воспитательной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ III

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 420.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 90.

³ Герцен А. И. Собр., соч. М., 1954, с. 3, с. 87.

⁴ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 1, с. 187.

⁵ Подробнее см.: Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М, 1968; Целикова О. П. Коммунистический идеал и нравственное развитие личности. М., 1970; Крутова С. Н. Человек и мораль (методологические проблемы ленинского анализа нравственности). М., 1970; Марксистская этика. М., 1980; Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов-на-Дону, 1983; Печенев В. А. Социалистический идеал и реальный социализм. Некоторые методологические аспекты проблемы. М., 1984.

⁶ См. подробнее: Целикова О. П. Нравственная целостность личности. М., 1983; По другому поводу уже ранее высказывалась мысль о необходимости различать в морали нормативное и сверхнормативное. (См.: Ландесман П. А., Согомонов Ю. В. Мировоззренческие основания морального сознания. - Вопросы философии, 1979, № 11, с. 114). Нельзя поэтому не согласиться с тем, что «идеал всегда отстоит от действительности дальше, чем отдельно взятая норма, и уже поэтому существенно отличается от нормы» (Брожек В. Марксистская теория оценки. М., 1982, с. 143). Но трудно полностью принять последующие выводы из данного тезиса: «Идеал позитивно рефлектирует то, что в реальной действительности негативно, он является мысленным, идеальным отрицанием существующего зла и направлен, прежде всего, на его преодоление... Его совершенство есть совершенство лишь в отношении несовершенства современности «Идеальная несправедливость» столь же абсурдна, как и «идеальное зло» или «идеальное уродство». Поэтому идеал «не способен выполнять функцию мерила ценностей». Как инструмент оценки, он неизбежно обесценивает действительность, которая, преломляясь сквозь призму идеала, выявляет прежде всего свои отрицательные ценности, тогда как все, что есть в действительности положительного, выступает в отношении к идеалу в лучшем случае как недостаточное» (там же, с. 143-145). По нашему мнению, идеал способен быть регулятивом в том смысле, что не предписывает как поступать, а указывает на пути совершенствования личности и притом дает ей ориентиры для этого. В плане нашей работы важно сказать, что эти ориентиры «закладываются» в программу управления нравственным воспитанием.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 46, ч. 1, с. 476.

⁸ Вичев В. Указ, соч., с. 98.

⁹ Об отличиях цели от задач см.: Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. М., 1972.

¹⁰ Возможны и не иерархические, а динамические схемы связи в целевом блоке программы (см.: Мароши М. Организация - стимулирование - эффективность. М., 1981, с. 120).

¹¹ Мароши М. Указ. соч., с. 117.

¹² Битинас Б. П. Структура процесса воспитания (методологический аспект). Каунас, 1984, с. 45-46.

¹³ «Советские исследователи правильно предостерегают от понимания предписаний и их применения на практике как причин поведения. Однако некоторые авторы, рассматривая нормы, правила, юридические законы как решающую основу правомерного и нравственного положительного поведения,

фактически видят в них причины поведения субъектов. В такой позиции сказывается недооценка роли их потребностей и интересов, а также сложности субъектов как таковых... Зависимость активности субъектов от программ и моделей носит иной характер, нежели связь причин и следствий. Регулятивы представляют собой эталоны и в определенном смысле стимулы человеческой активности, один из видов «идеальных побудительных сил», о которых Ф. Энгельс писал, что они не могут быть последней причиной событий. Предписания - путеводная нить, духовное орудие налаживания людьми общественного производства. Норма удачно охарактеризована в одной из публикаций как «конституирующая основа нормативного поведения». Между регулятивными образованиями и процессами, с одной стороны, и активностью субъектов - с другой, - связь условия и обусловленного основания (не путать с причиной!) и следствия. Предписания не формируют общественные отношения, а задают определенные формы и способы их функционирования, и поэтому с их помощью субъект направляет и организует деятельность людей.

Абсолютно ли, однако, регулятивы отделены от причин деятельности людей? В предписательном моделировании активности, образа жизни, социального облика субъектов в конечном счете в идеальной форме представлены экономические, социальные идейные причины деятельности людей. Регулятивные образования и процессы возникают в ответ на потребность общности в овладении массами, предписаниями как выражением ее потребностей и интересов». (Лапина Т. С. Регулирование социалистических общественных отношений: методологические аспекты. Философские науки, 1984, № 4, с. 20-21).

¹⁴ Архангельский Л. М., Квасов Г. Г. Указ. соч., с. 10-11; Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974, с. 39-55.

¹⁵ См.: Блюмкин В. А. Моральные качества личности. Воронеж, 1974.

¹⁶ См.: Битинас Б. П. Некоторые проблемы измерения результатов воспитания. - В кн.: Измерение в исследовании проблем воспитания. Тарту, 1973; Конникова Т.Е. О нравственном образце и особенностях его усвоения в школьном возрасте. - В кн.: Проблема управления процессом формирования личности. М., 1972; Хмелько В. Е. Номинальная шкала личностных качеств. - Социологические исследования, 1981, № 2 и др.

¹⁷ Проданов В. Нормативная модель моральных качеств социалистической личности и нравственное воспитание. - В кн.: Человек, образ жизни, нравственное поведение София, 1977, с. 197- 198

¹⁸ Целикова О. П. Нравственная целостность личности, с. 146-148.

¹⁹ Нешев К. Социальный контроль и нравственный идеал. - В кн.: Нравственные проблемы развития личности. М., 1982, с. 60-63.

²⁰ См.: Момов В. Человек, мораль, воспитание, с. 153.

²¹ Фриттцханд М. Задачи марксистской этики в исследовании личности. - В кн.: Нравственные проблемы развития личности, с. 142-143.

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169-173.

²³ Подробнее о дополнительных «императивах умения» в связи с оценкой «меньшего зла», отношения к риску, компромиссу в выборе см.: Бакштановский В. И. Указ. соч., с. 182-197; Вильке У. Объективные источники морального риска. - В кн.: Моральный выбор, с. 69-82; Дубко Е. Л. Риск морального выбора. - Там же, с. 82-96.

²⁴ См.: Станка Христова. Идеологически процесс и нравственни убеждения. - В кн.: Идеологическият процес и нравственото развитие на личността. София, 1979, с. 103-117. Существуют и барьеры предубежденности, которые блокиру-

ют процесс морального убеждения с помощью защитных эмоции, информационных «диафрагм», избирательного общения (см.: Писманик М. Г. Комплексный подход в индивидуальной работе с верующими. М., 1981, с. 18-19).

²⁵ См.: Актуальные вопросы методики преподавания марксистско-ленинской этики. Минск, 1980. Заметим, что и внушение, суггестивное воздействие могут выполнять позитивную роль, делая более доступным и привлекательным пропагандное сообщение; не изменяя его содержание по существу. (См.: Леслав Войтасик. Психология политической пропаганды. М., 1981, с. 260-262).

²⁶ См.: Материалы июньского (1983 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС, с. 58. Не следует преувеличивать роль этической мировоззренческой или нормативной пропаганды, тем более в ущерб нравственным чувствам. Однако и рациональную сторону нравственной жизни не стоит как-то умахлять. Между тем при констатации противоречия «ума» и «сердца» нередко допускаются оценки, объективно возвышающие позицию одной из «сторон», выкладки рассудка противопоставляются совести. Но чтобы не противопоставлять одной крайности другую, мало стремиться к «деловому соглашению» между «рационалистами» и «антирационалистами», когда просто отмечается значимость и того, и другого регулятора морального выбора и поведения. Необходимо понимать всю сложность дилеммы «подлый ум-святое чувство» и ее варианта «подлый ум - глупая совесть», так как совесть, будучи целостным феноменом, говорит разными голосами - сердца и разума. В этическом мышлении человека участвуют интуиция, рассудок и разум. Аккумулируя нравственный опыт человечества, моральное сознание создает рассудочные шаблоны для стереотипного поведения, а для решения проблемных ситуаций вырабатывает творческие элементы - разум и интеллектуальную интуицию. Но культура мышления сочетается с культурой чувств, со способностью к «моральному резонансу» (Титаренко А. И.), сопереживанию, сочувствию. (См. подробнее: Крутов Н. Н. Мораль в действии. М., 1977; Бакштановский В. И. Указ. соч.; Рациональное и эмоциональное в морали. М., 1983). Педагоги справедливо считают, что навешивая ярлык «словесное воспитание», «забывают подчас, что без слова невозможно воспитание, невозможна организация общественно ценной деятельности людей» (Рувинский Л. И. Нравственное воспитание личности. М., 1981, с. 11), Выступая против противопоставления слова и деятельности, В. А. Сухомлинский писал: «Слово бессильно без среды (в это понятие включается и деятельность), а необходимая для воспитания среда невозможна без слов. Если хотите добиться потной гармонии нравственного развития личности, создавайте гармонию среды и слова» (Сухомлинский В. А. Разговор с молодым директором школы М., 1982, с. 138). Необходимо при этом учитывать что подтекст «в воспитании моральных убеждений иногда означает несравненно больше, чем текст» (там же, с. 130).

²⁷ См.: Шарманова Т. В. О структуре и функциях нравственного примера, - Вестник МГУ, серия 7, 1980, № 4. Вполне возможно говорить о законе и механизмах уподобления, частным случаем которого является пример. Поэтому уподобляющее действие оказывает вся система материальных и идеологических отношений, вся совокупность традиций, обычаев, нравов, характеров, вся среда. (См.: Гумницкий Г. П. Указ. соч., с. 38).

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36. с. 150.

²⁹ Там же, с. 191.

³⁰ См.: Козн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и от-

клоняющегося поведения. - В кн.: Социология сегодня, М., 1965; Он же. Отклоняющееся поведение и контроль над ним - В кн.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972; Афанасьев В. С., Маточкин И. В. К вопросу о понятии антисоциального поведения. - Вестник ЛГУ, 1979, №7, вып. 3; Словарь по этике. М., 1983, с. 239-240; Кудрявцев В. Н. Исследовательская проблема - социальные отклонения - Социологические исследования, 1983, № 2; Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984.

³¹ См.: Правда, 1983, 6 ноября.

³² См.: Даниленко И. М. К вопросу о нравственных учреждениях. — Философские науки, 1974, № 3.

³³ Об оценочных формах морального удовлетворения см.: Азимова Р. Д. Нравственное сознание личности, Баку, 1977, с. 57-66; Кон И. С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры. В кн.: Социальная психологическая личность, с. 85 -92.

³⁴ Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 104 Справедливо и другое наблюдение: «Состояния морального одиночества человек страшится больше всего на свете» (Э. Фромм). Не случайно плотный бойкот называют формой общественной смерти. См. подробнее: Мизов Б. Размысли з асамотата. - Философска мисъл. София, 1982, кн. 9.

³⁵ См.: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. т. 2, с. 497.

³⁶ Сравнительно проще разработать некоторые правила для повышения управленческого эффекта применения формальных санкций. А. Р. Ратинов, например, пишет о следующих правилах: а) мотивирующее значение наказания тем интенсивнее, чем ближе момент его применения; б) предупредительная роль наказания тем выше, чем неизбежнее оно представляется объекту; в) стимулирующая сила наказания тем выше, чем большего блага лишается преступник в результате его применения; г) успех превентивной мотивации наказания находится в обратной зависимости от степени распространения и устойчивости запретных форм поведения; д) успех превентивной мотивации зависит от соразмерности карательной санкции и запретного поведения; е) степень мотивационного влияния наказания зависит от того, насколько запрещенное действие субъект считает для себя приемлемым, желаемым и должным (см: Социальные отклонения. Введение в общую теорию с. 276).

³⁷ Нравственные санкции отличаются от институциональных своей непосредственностью и диффузностью. Это - общение людей внутри локально замкнутой группы, «родного» коллектива или в более широком масштабе. В этом - источник силы нравственных санкций, но в этом же лежит и главная причина их слабости. Здесь нет тщательного изучения обстоятельств совершения поступка, утверждение очевидца может значить меньше, чем предположение посторонних и т. п. (Василенко В. А. Указ. соч., М., 1983, с. 126).

³⁸ См.: Щербак Ф. Н. Факторы управления трудовой моралью. - В кн.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск. 1980. О стимулирования как функции управления см.: Мароши М. Организация - стимулирование - эффективность. М., 1981.

³⁹ См.: Вопросы партийного руководства нравственным воспитанием. М., 1979, с. 187.

⁴⁰ Коммунист, 1983, № 6, с. 64.

⁴¹ Макаренко А. С. Соч., т. 5, М., 1958, с. 399.

⁴² См.: Момов В. Человек, мораль, воспитание, с. 110.

⁴³ См.: Материалы июльского (1983 г.) Пленума Центрального Комитета

КПСС, с. 61.

⁴⁴ См.: Троценко И. Д. Воспитание и управление. Координация идеологической работы. М., 1978. Тоценко Ж. Т. Социальное планирование. М., 1982.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16. с 195.

⁴⁶ См.: Морозов Б. М., Фадеев В. Е., Шинкаренко В. В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984.

⁴⁷ См.: Леонтович К. Ф. Стадии морального развития личности, стиль поведения и художественный вкус. - В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения М., 1979, с. 214-216.

⁴⁸ Подробнее см.: Чурилов В. А. Технология планирования воспитания. — В сб.: Нравственная жизнь коллектива и планирование воспитательной работы, с. 108-112.

⁴⁹ См.: Федоров Ю. М. Проектирование морально психологического климата в трудовом коллективе. - В сб.: Нравственная жизнь коллектива и планирование воспитательной работы, с. 88-92; Он же. Проектирование структуры морально-психологического климата формирующегося коллектива. - В кн.: Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе. Новосибирск, 1982, с. 68-84.

⁵⁰ См.: Зотов Н. Д. Планирование биографии как средство формирования мировоззренческих моральных ориентации личности; Чемакин А. М. Наставничество - действенная форма управления формированием личности; Лебедева Л. В. Наставничество как индивидуальная форма воспитания; Барбакова К. Г. Личный творческий план в системе планирования воспитательной работы. - В сб.: Нравственная жизнь коллектива и планирование воспитательной работы.

⁵¹ См.: Федякин И. А. К вопросу об общей теории социальной информации. - Современные буржуазные теории журналистики. М., 1967, с. 45.

⁵² См.: Журавлев Г. Т. Социальная информация и управление идеологическим процессом. М., 1973, с. 46-47.

⁵³ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 247-248.

⁵⁴ См.: Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 249-252. См. также: Цыдря Ф. Н. Социальная информация. Кишинев, 1978; Кочергин А. Н., Коган В. З. Проблемы информационного взаимодействия в обществе, философско-социологический анализ. М., 1980.

⁵⁵ Иногда полагают, что правильнее говорить не о моральной, а об этической информации. (См.: Архангельский Л. М. Информационное обеспечение процессов управления нравственным воспитанием. - В сб.: Этика, мораль, воспитание. Новосибирск, 1982, с. 120.

⁵⁶ См.: Плаксина Н. Нравственные отношения и нравственная потребность. Философские науки, 1972, № 5; Титова Т. А. Нравственное регулирование и нравственные потребности. - В кн.: Моральное сознание: элементы, формы, особенности. М., 1974; Рыбакова Н. В. Природа нравственной потребности. - В кн.: Социальная структура и функции морали. М., 1977.

⁵⁷ Проблемы формирования и овладения межличностным и внутриличностным моральным «языком», а также моральной символикой пока не нашли должного отражения в советской литературе по этике. Между тем, поскольку нормативно ориентируемое поведение можно описать как знаковое, в регуляции поведения возникает возможность известного отрыва норм от их значений, так как нормы подвергаются скрытой или внешней символизации. Символ имеет как чувственно воспринимаемые качества, так и значения, т. е. сверхчувственные качества. В значениях сконденсирован общественный опыт групп и ас-

социаций. Незнакомый с этими значениями человек не сможет «прочитать» нормы (или оценки) в символике (вещи, звуке, цвете, мимике и пантомимике), не сможет и действовать в определенных, разнообразных, подвижных и живых контекстах культуры. Изучение символики связано с познанием стереотипов, методика изучения которых интересно и продуктивно представлена в исследовании серии неоконченных предложений, проведенном под руководством В. Б. Ольшанского (см.: Опыт прикладных исследований и разработок..., с. 226-250).

⁵⁸ Ошибочно полагать, будто групповые нормы имеют содержание, принципиально отличное от содержания общих нравственных норм, и в духе Э. Дюркгейма различать универсальные моральные правила и частные кодексы морали. Групповые нормы в нравственном плане, по нашему мнению, лишь детализируют общие и даже конкретизированные (скажем, профессиональные) нормы, хотя в известных случаях может выявиться картина существенного отклонения групповых норм от предписаний «больших» моральных систем и «малых» подсистем, которая обычно возникает в ситуациях группового корпоративизма или при патосоциализации.

⁵⁹ К профессионально-немассовому поведению следует отнести акты технологически упорядоченных действия, продиктованных самим процессом деятельности, строго за данных операциями, составляющими данную производственную, управленческую, обслуживающую деятельность, или же акты действий, жестко и извне нормированных организациями. Напротив, примером поведения непрофессионально-массового могут служить действия потребителя на рынке товаров, услуг и информации (см.: Грушин Б. А., Логические принципы исследования массового сознания. - Вопросы философии, 1970, № 8; Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания. - Вопросы философии, 1983, №11).

⁶⁰ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 25, с. 342.

⁶¹ См.: Социологическая информация в ЭВМ: сбор, хранение, контроль, редактирование. Л., 1983.

⁶² О показателях советской «моральной статистики», значении и необходимости ее развития см.: Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976; Ефимов В. Т. Социальный детерминизм и мораль. М., 1974; Остроумов С. С. О некоторых актуальных проблемах судебной статистики на современном этапе. - Вести. Моск. ун-та, 1974, № 3; Остроумов С. С., Шляпочников А. С. Некоторые проблемы социального сознания антиобщественного поведения. - Социологические исследования, 1977, № 3.

⁶³ Архангельский Л. М. Указ. соч., с. 124-125.

⁶⁴ См.: Канторович Владимир. Глазами литератора. Социологические очерки. М., 1970.

⁶⁵ Возможна и иная методика. См.: Согомонов Ю. В. О методе критического анализа этических рационализаций. В кн.: Насущные проблемы этики. Тамбов, 1975.

⁶⁶ Петропавловский Р. В. Указ. соч., с. 77-83.

⁶⁷ См.: Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе, с. 66-67.

⁶⁸ См.: Яковлев А. И. Эффективность идеологической работы, М., 1984.

⁶⁹ См.: Анализ в партийной работе: вопросы теории и практики. М., 1981; Проверка: цели и методы проведения, Киев, 1984.

⁷⁰ Ушинский К. Д. Собр. соч., М., 1948, т. 2, с. 62-64.

⁷¹ Лиходеев Леонид. Цена умиления. М., 1967, с. 98. 101.

- ⁷² Сухомлинский В. А. Разговор с молодым директором школы М., 1982, с. 141.
- ⁷³ О природе этого феномена см.: Этика воспитания. Методические разработки. Владимир, 1983.
- ⁷⁴ См. подробнее: Гришин Э. А. Теория и практика профессионально-этической подготовки учителя. М., 1979. Здесь и далее использованы материалы тезисов: Согомонов Ю. В., Потапова Е. П. «Воспитание воспитателей» и прикладная этика. - В сб.: Социалистический образ жизни; проблема Сибири. Тюмень, 1982, с. 131- 134.
- ⁷⁵ См. подробнее: Зотов Н. Д. Этапы нравственного становления личности и роль этического знания.- В кн.: Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск, 1980; Кордон С. И. Методика прогнозирования уровня нравственного развития личности. - В сб.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск, 1980.
- ⁷⁶ См.: Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 53, с. 97.
- ⁷⁷ См.: Социальный портрет инженера. М., 1977; Оценка работников управления. М., 1976; Блюмкин В. Д. Моральные качества личности. Воронеж, 1974.
- ⁷⁸ См.: Краевский В. В. Соотношение педагогической науки и педагогической практики. М., 1977, с 5-7.
- ⁷⁹ Левин А. Истина «вопреки» фактам. - Литературная газета, 1981, № 5.
- ⁸⁰ Лутошкин Г. Д. Нравственное воспитание: союз теории и практики. - В кн.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием, с. 8.
- ⁸¹ Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология, с. 86; См.: Янг С. Системное управление организациями. М., 1972. с. 68-70.
- ⁸² Там же, с. 221.
- ⁸³ Мончев Н. Разработки и нововведения. М., 1978, с. 32.
- ⁸⁴ Волков Г. Н. Указ. соч., с. 180.
- ⁸⁵ Андреева Г. М. Социальная психология, М., 1980, с. 376.
- ⁸⁶ Внедрение достижений педагогики в практику школы. М., 1981.
- ⁸⁷ Краевский В. В. Указ. соч., с. 38.
- ⁸⁸ Рябов В. А. Международный обмен технологическими знаниями. М., 1981.
- ⁸⁹ Требуется социолог. — Правда, 1982, 9 марта.
- ⁹⁰ Методология прикладного социологического исследования. М., 1976, с. 88-92.
- ⁹¹ Там же, с. 21.
- ⁹² Там же, с. 21-22.
- ⁹³ Андреева Г. М. Указ. соч., с. 377-378.
- ⁹⁴ Сагатовский В. Н. Нравственность и управление социальными процессами. - В кн.: Актуальные проблемы нравственного развития личности, с. 13.
- ⁹⁵ См.: Чурилов В. А. Практика научного управления нравственным воспитанием: от заказа до внедрения. - В сб.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Он же. Задачи и формы совместной деятельности ученых и практиков по научному управлению нравственным воспитанием. - В кн.: Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовых коллективах.
- ⁹⁶ Чурилов В. А. Организационно-управленческие аспекты сотрудничества ученых и практиков в повышении качества воспитательной работы. - В сб.: Опыт..., с. 82.
- ⁹⁷ Чурилов В. А. Практика научного управления нравственным воспитанием: от заказа до внедрения. - В сб.; Прикладная этика и управление нравственным

воспитанием, с. 168.

⁹⁸ Ларичев О. И. Наука и искусство принятия решения. М., 1979. с. 3.

⁹⁹ Там же., с. 8-9; Методология прикладного социологического исследования, с. 7-8.

¹⁰⁰ Ларичев О. Н. Указ. соч., с. 21.

¹⁰¹ Там же, с. 27.

¹⁰² Пригожин А. И., Указ. соч., с. 136, 141.

¹⁰³ Пригожин А. И., Хайниш С. Нужен консультант. - Правда, 1982, 19 июля.

¹⁰⁴ Ларичев О. Н. Указ. соч., с. 24.

¹⁰⁵ Пригожин А. И., Хайниш С. Указ. соч.

¹⁰⁶ Пригожин А. И. Указ. соч.. с. 145-146.

¹⁰⁷ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1960, с. 11-12.

¹⁰⁸ Каграмонов Ю. Без знамени. Взаимоотношение искусства и науки в современном буржуазном обществе. М., 1979, с. 121.

¹⁰⁹ Каграмонов Ю. Указ. соч., с., 120-121.

¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 21.

¹¹¹ Шакарян Г. Г. Язык здравого смысла и язык науки. - В кн.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976, с. 37.

¹¹² См.: Практикум по этике. Тюмень, 1979; Практикум: Профессиональная этика и нравственная культура организационно-управленческой деятельности. Тюмень, 1981 и др.

¹¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 14.

¹¹⁴ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

¹¹⁵ Ленин В. И. - Полн. собр. соч., т. 19, с. 82.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всей книги не раз приходилось прибегать к фактуальной и оценочной характеристике различных аспектов глубинных зависимостей, существующих между программными целями, узловыми вопросами генеральной линии партии на современном исключительно сложном и переломном - а потому и необычайно ответственном - отрезке исторического развития социализма и эффективностью, качеством идейно-воспитательной работы партии, всего нашего народа.

В теоретическом и практическом плане зависимости эти в их структурном и тем более содержательном понимании являются закономерным проявлением в современных условиях начатых еще несколько десятилетий назад процессов. Не удивительно, что вся идейно-воспитательная деятельность социалистического общества в целом, нравственно-воспитательная деятельность (а именно о ней преимущественно говорится в настоящей работе) в особенности базируются на последовательности и преемственности ее основных принципов и ценностных установок, а также на интерпретации этих принципов, установок, исторических достижении в марксистско-ленинском общественном сознании. Вместе с тем, подчеркивается в партийных документах, в нашей стране произошли серьезные экономические и социальные сдвиги объективного характера, которые потребовали всестороннего анализа, уточнения текущих и отдаленных целей, определения путей их достижения, соответственно и новых подходов к организаторской, социально-экономической и идеологической деятельности партии.

Этими мотивами мы руководствовались, когда предприняли попытку понять и описать (отдавая себе отчет в неполноте, ограниченности сделанного) изменения в нравственной жизни общества, новый исторический опыт страны и как органичную его часть - новый воспитательный опыт, соотнести этот опыт с выдвинутой партией развернутой концепцией существенного ускорения социально-экономического развития и достижения на этой основе нового качественного состояния советского общества.

Указанное понимание и описание строятся на неразрывных связях идейно-воспитательной работы - в каком бы ракурсе ее и не рассматривать - с расширяющимся участием трудящихся в решении стратегических задач экономической политики партии, в реализации задач сильной социальной политики, охватывающей все пространство жизни человека, служащей средством ускорения хозяйственного развития страны, подъема трудовой и общественно-политической активности масс, вовлечения их в управление государством, производственными и общественными делами.

Такой подход в рамках углубления социалистической демократии позволил наметить общий контур и отдельные элементы теории управления и самой нравственно-воспитательной деятельностью, которая оказывается, с одной стороны, целеустремленной работой, а с другой - инструментом активизации «человеческого фактора», формирования нового человека, утверждения норм и ценностей социалистического образа жизни.

Не легко сейчас судить о результатах реального продвижения к такой теории, столь необычной и одновременно столь необходимой для подлинно научного и гуманистического по своим целям и методам управления нравственно-воспитательной деятельностью. Не менее трудно сейчас построить и хорошо продуманную, в материально-организационном отношении обеспеченную программу дальнейших исследований в направлении развития данной

теории. Когда-то И. Кант утверждал, что «два человеческих изобретения можно считать самыми трудными, а именно: искусство управлять и искусство воспитывать». Этому суждению не откажешь в проницательности. Наша эпоха отнюдь не упростила оба эти изобретения, прибавив к ним еще одно - *науку управления воспитанием*, двигать которую нельзя, не форсируя в этике специально организованные фундаментальные и прикладные исследования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Раздел I	
Вводная глава. Этика как практическая философия: проблемная ситуация	5
Глава первая. Диалектика нравственной жизни современного социалистического общества	23
§ 1. Методологические проблемы исследования	23
§ 2. Исторические итоги нравственного развития социализма: становление новой нормативно-ценностной системы.....	35
§ 3. Новые тенденции в нравственной жизни общества. Специфика противоборства добра и зла.....	42
§ 4. Социально-преобразующая и конструктивно- критическая роль социалистической морали.....	48
Глава вторая. Нравственные проблемы совершенствования социалистического общества	51
§ 1. Нравственные последствия урбанизации.....	51
§ 2. Актуальные нравственные проблемы в сфере материального производства.....	60
§ 3. Распределение и проблемы потребительства.....	68
Глава третья. Современная ситуация нравственно- воспитательной деятельности	79
§ 1. Нравственное воспитание: специфика и динамика	79
§ 2. Система нравственного воспитания: ситуационный обзор.....	88
§ 3. Проблемы семейно-нравственного воспитания.....	91
Примечания к разделу I.....	98
Раздел II	
Глава первая. Общая характеристика социально управленческого взаимодействия этики, морали и воспитания	107
§ 1. Концептуальная позиция	107
§ 2. Исторические модели взаимодействия этики, морали и воспитания	111
Глава вторая. Управление нравственно-воспитательной деятельностью: специфическая природа	120
§ 1. Коммунистическая формация: формирование коллективистской личности, свободной индивидуальности	120
§ 2. Превратные облики управления в сфере воспитания.....	123
§ 3. Природа и специфические черты управления нравственно-воспитательной деятельностью	129

§ 4. Диалектика объекта и субъекта управления.....	141
§ 5. Теоретические модели управления нравственными процессами: краткий обзор	151
Глава третья. Предпосылки теории управления нравственно-воспитательной деятельностью в современной науке	157
§. 1. Социально-технологическое знание	157
§ 2. Воспитательная деятельность: специфика теоретизирования	164
Глава четвертая. Прикладная этика как теория управления нравственно-воспитательной деятельностью.....	174
§ 1. Предметное поле этико-прикладного знания	174
§ 2. Функциональные роли	179
§ 3. Методы этико-прикладных исследований. Творческий потенциал этических деловых игр.....	187
§ 4. Кодекс этико-прикладных исследований и разработок	197
Примечания к разделу II	202
Раздел III	
Глава первая. Программирование: целевой и инструментальный сектор	216
§ 1. Идеалы, цели, эталоны	216
§ 2. Проблема соотношения целей и средств	226
Глава вторая. Организационно-технологические аспекты управленческого цикла	242
§ 1. Планирование, информатика, контроль.....	242
§ 2. Кадры. Проблема «воспитания воспитателей».....	254
Глава третья. Организационно-технологические аспекты интеграции теории и практики управления нравственно-воспитательной деятельностью.....	263
§ 1. «Встречное движение»: проблемная ситуация.....	263
§ 2. Цикл «заказ-разработка-внедрение».....	265
§ 3. Исследователь и ЛПР: специфика научного консультирования	269
Глава четвертая. Этико-педагогические аспекты интеграции теории и практики управления нравственно-воспитательной деятельностью.....	275
§ 1. Исследователь и ЛПР: культура управленческого решения.....	275
§ 2. Рабочая книга-практикум "Воспитание воспитателей".....	279
Примечания к разделу III	286
Заключение.....	294

**Владимир Иосифович Бакштановский,
Юрий Ваганович Согомонов**

**ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ УПРАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННО-
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

ИБ 1623

Редактор Л.П.Цыганкова
Технический редактор Р.М. Подгорбунская
Корректоры Л.В.Федощук, Г.В.Астапенко

Сдано в набор 17.05.85г. Подписано к печати 6.02.86г.
КЗ 01044. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага типогр. № 3.
Литературная гарнитура. Высокая печать.
П.Л. 14,5; уч.-изд. л. 23,4; усл. п. л. 24,36
Тираж 500 экз. Заказ 3472. Цена 3 р. 70 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства "Тюменская правда".
625000, г.Тюмень, ул. Первомайская, 11.